А. М. Ледовский

Китайская политика США и советская дипломатия 1942–1954

Академия наук СССР
Институт Дальнего Востока

А. М. Ледовский

Китайская политика США и советская дипломатия 1942–1954

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1985

Л39

Ответственный редактор
В. С. МЯСНИКОВ

Автор рассказывает о борьбе советской дипломатии против империалистической политики США в отношении Китая в 1942—1954 гг., разоблачает попытки фальсификаторов истории обелить политику США, принизить роль СССР и значение других международных факторов в победе китайской революции и становлении народного Китая.

В книге использованы воспоминания автора как непосредственного свидетеля и участника многих из названных событий.

Л $\frac{0801000000\text{-}230}{013(02)\text{-}85}$ 126-85

Введение

1 января 1979 г. между Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами Америки были официально установлены дипломатические отношения. Начало их оформлению было положено визитом в КНР президента США Р. Никсона в феврале 1972 г.

Установление дипломатических связей между суверенными государствами — дело обычное и закономерное в международной практике. Однако Соединенным Штатам потребовалось почти 30 лет, чтобы предпринять этот шаг. Уже сам факт того, что так долго Белый дом принимал решение о признании КНР, одного из крупнейших государств мира, свидетельствовал о многом, и прежде всего о глубине противоречий между США и народным Китаем, сложившихся к моменту победы китайской революции.

Визит президента США в непризнанное ими государство, против которого они на протяжении трех десятилетий вели упорную борьбу, доходившую до военных столкновений, был беспрецедентным в истории международной дипломатии и практики. Это вызвало у мировой общественности особый интерес прежде всего к вопросу о том, на какой основе происходит сближение Вашингтона с Пекином. Обращал на себя внимание необычный выбор момента для «размораживания» американо-китайских отношений с точки зрения международной обстановки и внутреннего положения в самом Китае. Это было время разгара агрессивной войны США против вьетнамского и других народов Индокитая, а внутри Китая — трагических событий «культурной революции». На международной арене шла упорная борьба миролюбивых сил против американской агрессии в Индокитае, за ликвидацию очагов войны в других регионах, за разрядку международной напряженности. В авангарде этой борьбы шел Советский Союз, опирающийся на поддержку социалистических стран, всех прогрессивных и миролюбивых сил.

Правящие круги США и руководство Китая во главе с Мао Цзэдуном делали все возможное, чтобы отвлечь мировую общественность и народы своих стран от понимания подлинных причин, вызвавших столь резкий поворот в политике их стран. Мотивы, двигавшие Вашингтон и Пекин навстречу друг

другу, стратегические и тактические цели, которые этим сближением преследовались,— все это тщательно камуфлировалось. Чтобы политически и идеологически обеспечить «наведение мостов» над разделявшей Вашингтон и Пекин глубокой пропастью, США пустили в ход все средства пропаганды, стремясь представить в выгодном для себя свете так называемую «новую политику» США в отношении Китая, обелить всю историю американо-китайских отношений. Соединенные Штаты приступили к пересмотру прошлого, к ревизии оценок, которые давались прежде отдельным внешнеполитическим акциям США и событиям в Китае, с явной тенденцией подогнать их к стратегическим и тактическим задачам американской дипломатии на современном этапе. Резко возросла публикация материалов, приукрашивающих навязанную в свое время Китаю «политику открытых дверей» и пропагандирующих фальшивый тезис о так называемой «традиционной дружбе» Америки с Китаем. Были предприняты также попытки преувеличить вклад США в разгром японского милитаризма, «облагородить» их интервенционистскую политику в послевоенный период, оправдать враждебный курс Вашингтона с самого момента образования КНР. Широкое распространение получил пропагандистский миф о том, будто в правящих кругах США в конце второй мировой войны и особенно в первые годы после ее окончания вынашивались планы отказаться от опоры на гоминьдановский режим, переключиться на связи с Коммунистической партией Китая, а после победы революции Вашингтон якобы готовился признать народный Китай. Для этого госдепартаментом были извлечены из архивов документы и материалы (по признанию самих издателей — далеко не полные), касающиеся событий в Китае и американо-китайских отношений конца 40-х — начала 50-х годов, не включенные в изданную в свое время «Белую книгу по Китаю». В многотомных сборниках «Форин релэйшинс оф Юнайтэд Стэйтс», вышедших в 70-х годах, были впервые преданы гласности донесения американских представителей в Китае об их контактах с некоторыми руководителями КПК и деятелями компартии в Пекине и Нанкине вскоре после освобождения этих городов от гоминьдановцев войсками Народно-освободительной армии Китая. Была начата шумная пропаганда и вокруг опубликованных донесений участников так называемой «миссии Дикси» — поездки группы американских дипломатов-разведчиков в Яньань в 1944 г., а также по поводу записей бесед второго секретаря посольства США в Китае Дж. Сервиса с Мао Цзэдуном и некоторыми другими китайскими руководителями.

Из простых информаторов эти скромные по должности сотрудники с легкой руки американских органов пропаганды были возведены чуть ли не в ранг великих стратегов, которые якобы требовали порвать с гоминьдановским режимом, установить отношения с КПК, не чинить препятствий ее приходу к

власти. При этом затушевывался тот факт, что под установлением отношений с КПК подразумевались навязывание условий, фактически означавших согласие следовать в фарватере империалистического курса США, отказ от марксизма-ленинизма, переход на враждебные позиции по отношению к Советскому Союзу. Как следует из опубликованных документов госдепартамента, именно этого добивался посол США в Китае Дж. Стюарт от Хуан Хуа в мае — июне 1949 г. и для этого он собирался ехать в Пекин для переговоров с Мао Цзэдуном [1]. Однако в Вашингтоне вскоре вынуждены были убедиться, что если даже кто-то в революционном Китае и вынашивал идею сближения с Соединенными Штатами на выдвигаемых ими условиях, то не смел и подумать, чтобы высказать это открыто или даже намекнуть на это широким массам Китая, которые расценили бы подобные мысли не иначе как предательство. Именно об этом писал в 1948 г. в одной из своих работ Лю Шаоци, который подчеркивал, что выступать против Советского Союза — значит изменить делу коммунизма [2].

Однако многие американские историки, в том числе именующие себя «либералами» гарвардской и прочих «школ», рассуждают так: поскольку США пошли на установление дипломатических отношений с Китаем в 1979 г., то они могли поступить так и 30 лет назад, если бы «послушались» советов «специалистов по Китаю». Некоторые уверяют, будто в Вашингтоне готовились принять такое решение. При этом ссылаются на «миссии» П. Хэрли и Дж. Маршалла, которые якобы стремились к установлению прямого диалога Вашингтон — КПК [3], «забывая», что Хэрли и Маршалл имели секретнейшие инструкции от Белого дома при любом исходе переговоров между гоминьданом и КПК твердо стоять на стороне Чан Кайши [4]. Что касается целей этих «миссий», то и в документах КПК указывалось, что они должны были добиться подчинения компартии гоминьдану, т. е. подавления революции в Китае [5].

Установление США дипломатических отношений с КНР в 1979 г. ныне изображается многими буржуазными историками и публицистами, в том числе американцами, как свидетельство принципиального изменения политики Белого дома. «Упускается» из виду то обстоятельство, что нормализация американо-китайских отношений состоялась после того, как через Китай прошел ураган «культурной революции» с тяжелейшими последствиями для его народа [6]. Произошли резкие изменения во внутренней жизни КНР и в ее внешней политике. Но в стратегических планах США в отношении Китая ничего принципиально нового не произошло, да и не могло произойти. Это понимал и Мао Цзэдун. Критикуя тех, кто грешил подобными иллюзиями в отношении США, и называя таких людей «близорукими китайскими либералами», «демократическими индивидуалистами с путаными взглядами» [7], он писал в 1949 г., что правящие круги США никогда не согласятся строить «свои отношения с

Китаем на началах равенства и взаимной выгоды»[8], никогда не откажутся от своих коварных замыслов; принять всерьез «медоточивые речи американских империалистов» — равносильно поверить, что, «отбрасывая ножи, мясник становится буддой» или «каясь, грабитель становится добродетельным»[9]. Об этом и свидетельствует вся история американо-китайских отношений, которую ряд американских исследователей, прикрываясь фразами о «поисках» исторических «истин», стремится, по существу, фальсифицировать.

Досадуя по поводу «потери Китая» в послевоенные годы, такого рода историки и публицисты главные причины видели в «тактических просчетах» отдельных лиц, а не в сути проводимой правящими кругами США империалистической и неоколониалистской политики. Это признавали руководители КПК[10].

В ряде работ при этом утверждается, что признанию Вашингтоном народного Китая мешали «китайское лобби» и поднявший в США голову маккартизм. В действительности же правительство Соединенных Штатов было настолько враждебно настроено по отношению к народной власти Китая, что на него не нужно было давить. Одной из главных причин отказа признания КНР называется корейская война и участие в ней китайских народных добровольцев. Но при этом умалчивается, что войну развязали сами американцы и их южнокорейские марионетки, что китайские добровольцы встали на защиту границ своей страны от нависшей над ней угрозы вторжения, в то время как американцы воевали за 10 тыс. км от своей территории.

Одновременно делается упор на то, чтобы представить в ложном свете политику Советского Союза в отношении Китая, приписать СССР чуждые ему экспансионистские цели. Американская пропаганда пустила в оборот мифы о «советской угрозе Китаю», об «извечной враждебности» нашей страны к восточному соседу. При этом США выставляют себя в качестве «защитника» Китая. В США подхвачены также необоснованные утверждения о том, что китайская революция победила, опираясь исключительно «на собственные силы», принижается помощь Советского Союза в национально-освободительной борьбе китайского народа, роль СССР в разгроме японских милитаристов, в победе над гоминьданом и американскими интервентами, в становлении нового Китая.

И в китайской историографии произошел резкий поворот от объективной оценки роли СССР в судьбе китайской революции, от добрых слов признания его интернационалистской помощи к необоснованным нападкам. Лишь начиная с 1983 г. можно отметить тенденцию возврата к отдельным позитивным оценкам, хотя все еще нередки негативные высказывания. В то же время при освещении истории американо-китайских отношений многие китайские историки часто или воздерживаются от критических оценок, или сопровождают их «всепрощающими» вы-

водами о том, что все «плохое», причиненное Соединенными Штатами Китаю, якобы «отошло в прошлое». По-видимому, учитываются советы, высказываемые американскими специалистами по Китаю: «не ворошить прошлого» [11]; вновь муссируются мифы о том, что США якобы всегда «искали диалога» с народным Китаем, хотели установить отношения с ним [12].

Вопросы международного положения на Дальнем Востоке, события в Китае, история американо-китайских связей, политика СССР в отношении Китая нашли глубокое освещение в исследованиях советских ученых. Их перу принадлежат работы, получившие широкую известность: «История внешней политики СССР, 1917—1980» (под редакцией А. А. Громыко и Б. Н. Пономарева), «История дипломатии», «Внешняя политика Советского Союза», «Дипломатия стран социализма» (под общей редакцией А. А. Громыко); «История Китая и современность» С. Л. Тихвинского, «История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945—1977»; «Советско-китайские отношения» О. Борисова и Б. Колоскова, «Советский Союз и Маньчжурская революционная база» О. Борисова; «Советско-китайские отношения. 1917—1958» и «КНР: три десятилетия — три политики» М. С. Капицы; коллективная монография «История международных отношений на Дальнем Востоке. 1945—1958», исследования, подготовленные под руководством М. И. Сладковского в Институте Дальнего Востока АН СССР, в частности книги «Ленинская политика СССР в отношении Китая», «Новейшая история Китая», «Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. 1945—1957»; работы, подготовленные Институтом востоковедения, другими крупными научными центрами и отдельными учеными (среди них можно было бы упомянуть такие монографии, как «Китайский фронт во второй мировой войне» Б. Г. Сапожникова, «От Пёрл-Харбора до Потсдама» Ю. М. Кузнеца, «Амерэйша» В. Б. Воронцова, «США и Китай: политика США в отношении Китая» С. Сергейчука, «Особый район Китая» П. П. Владимирова и ряд других).

Советские ученые глубоко раскрыли роль СССР в судьбах китайского народа, в его борьбе за национальную независимость; правдиво показали помощь Советского Союза Китаю в годы антияпонской войны, в борьбе за освобождение от американских колонизаторов и диктатуры гоминьдана, значение действий СССР и международных факторов в победе китайской революции, в становлении нового Китая, в противодействии агрессии США и их союзников против КНР, Кореи, Вьетнама и других стран региона, в ликвидации очагов войны и обеспечении мира и безопасности на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Основываясь на обширных документальных источниках, советские исследователи показали полную несостоятельность реакционной пропаганды Запада и попыток китайских историков исказить прошлое.

Автор данной работы ставил своей главной задачей, учитывая новые материалы, появившиеся в последние годы, проанализировать в сопоставлении политику США и СССР на одном из важнейших отрезков новейшей истории Китая — в период второй мировой войны, особенно на ее завершающем этапе, и первого послевоенного десятилетия,— ибо со стороны американской историографии этот период подвергается наиболее серьезной фальсификации. Тяжелая война с японскими оккупантами, гражданская война, борьба против попыток закабаления Китая американским империализмом, первые, самые трудные годы становления нового Китая, отражение американской агрессии — обо всем этом сохранился глубокий след в памяти нынешних поколений китайского народа. И правящим кругам США очень хотелось бы предать забвению прошлое в их отношениях с Китаем, чтобы оно, по выражению некоторых американских историков, «не мешало» проведению «новой политики» США, преследующей все те же цели. Поэтому мы и посчитали особенно важным исследовать этот период, сосредоточив внимание на деятельности дипломатии Советского Союза, КНР, США и гоминьдана.

В данном исследовании эти проблемы рассматриваются не в контексте двусторонних отношений, как это характерно в основном для работ других авторов — советских и зарубежных, а в рамках «треугольника» СССР — США — Китай. В этом ключе анализируются материалы важнейших международных внешнеполитических мероприятий, включая Тегеранскую, Каирскую, Потсдамскую, Московские (1945 и 1947 гг.) совещания, а также документы советско-китайских переговоров о заключении договоров и соглашений (1945—1950), Женевского совещания по Корее и Индокитаю (1954 г.), других международных — многосторонних и двусторонних — встреч и переговоров, а также деятельность СССР, США и Китая в Организации Объединенных Наций. Основное внимание автор сконцентрировал на возможно более глубоком раскрытии тех аспектов китайской проблематики, которые не были освещены или нуждаются, по нашему мнению, в дополнительном рассмотрении.

Нам казалось также необходимым напомнить читателю факты, характеризующие сложность обстановки, в которой приходилось действовать дипломатии Советского Союза, осуществляющего интернационалистскую миссию, раскрыть изощренные маневры гоминьдановской дипломатии и тех сил в Китае, которые, играя на советско-американских противоречиях, рассчитывали столкнуть между собой эти две державы.

Некоторые вопросы, изложенные в работе, были частично затронуты в нашей книге «СССР, США и народная революция в Китае» (М., 1979), а также в отдельных статьях.

При подготовке настоящего исследования автор опирался на документы КПСС и Советского правительства по вопросам внешней политики и отношений СССР с Китаем и США. Важ-

ное значение отведено материалам Архива внешней политики СССР, часть которых впервые введена в научный оборот.

Были проанализированы многочисленные материалы, опубликованные в США, Китае, в других странах. Особый интерес представляли документы госдепартамента и конгресса США. Весьма полезными оказались личные наблюдения автора, вынесенные из его участия в работе многих международных конференций и в переговорах, а также дневниковые записи, которые он вел во время пребывания в рассматриваемый им период на дипломатической работе в Китае и США.

ГЛАВА 1

Агрессия Японии в Китае: политика СССР и США. Каирская и Тегеранская конференции

Стратегия и тактика американской дипломатии до и после Пёрл-Харбора

18 сентября 1931 г. милитаристская Япония без объявления войны предприняла оккупацию Северо-Восточных провинций Китая (Маньчжурии), превратив этот район в свою колонию под вывеской марионеточного «Маньчжурского государства» (Маньчжоу-го). 7 июля 1937 г., опираясь на Маньчжурский плацдарм, японские армии двинулись за Великую китайскую стену с целью захватить всю страну.

В период подготовки и осуществления японской агрессии Вашингтон выступил в роли инициатора «политики невмешательства», которая на деле оказалась политикой не только поощрения японских милитаристов, но и соучастия в осуществлении их планов на Дальнем Востоке и в Азии. Правящие круги США, разумеется, понимали, что планы Японии в отношении Китая таят в себе опасность и для империалистических интересов Соединенных Штатов. Но они рассчитывали на то, что в войне с такой огромной страной, как Китай, Япония истощит свои силы и в этих условиях США с их экономическим могуществом и мощным военным потенциалом удастся договориться с ней на условиях обоюдной выгоды за счет других стран, и в первую очередь за счет Китая. Американский империализм стремился использовать Японию в качестве жандарма для подавления набиравших силу национально-освободительных и революционно-демократических движений в Азии и как главную ударную силу империализма на Дальнем Востоке, направленную против Советского Союза. США и другие западные державы стремились, как отмечал в своих мемуарах известный американский специалист по Дальнему Востоку генерал Дж. Стилуэлл, создать руками японцев «мощный вал против России» [1].

Вместе с другими западными державами США блокировали и срывали все предложения СССР в Лиге наций, направленные на обуздание японских агрессоров и обеспечение безопасности мира на Дальнем Востоке. Правда, представители американской администрации, конгресса, печать время от времени выступали с критикой и порицаниями в адрес Токио. Но слова словами, а на деле Соединенные Штаты, крупнейшие американские компании — Моргана, Форда, Дюпона — развернули широкую торговлю с Японией, поставляя ей оружие, военную технику, самолеты, горючее и другие стратегические материалы. 56% из общего объема военных поставок, необходимых для ведения войны, Япония получала из Соединенных Штатов Америки.

В 1938 г. Вашингтон поставил Японии свыше 65% общего количества ввезенных ею из-за рубежа нефти и нефтепродуктов, 90% стали и железного лома, 90% меди, 77% самолетов и запчастей к ним, 53% стального проката, 65% автомобилей и запчастей к ним и т. д. Из 40 млн. т бензина, израсходованного Японией за первые три года войны, 70% было получено из США. В 1940 г. американские поставки оружия и военных материалов, включая стратегическое сырье, оценивались в 200 638 тыс. долл.[2].

Столь откровенная своекорыстная позиция США по отношению к Китаю приводила в замешательство даже искушенных в политических хитросплетениях американских деятелей, в том числе видных конгрессменов. В частности, сенатор Швеленбах, ссылаясь на данные о поставках военно-стратегических материалов Японии, заявил в одном из выступлений, что США, по существу, являются в отношении Китая таким же агрессором, как и Япония, «и даже еще хуже... Разница состоит лишь в том, что Япония посылает в Китай своих солдат, а США вкладывают в их руки оружие, чтобы убивать китайцев, не неся никаких потерь. Руки американцев так же обагрены кровью китайского народа, как и руки японских милитаристов. Мы являемся гнусными нарушителями международных договоров»[3].

Американский империализм использовал агрессию Японии не только в своекорыстных политических целях, но и в интересах обогащения. Жажда наживы была столь велика, что некоторые американские компании продолжали вести торговлю с Японией даже после вступления Соединенных Штатов в войну с ней.

В то же время США отказывали в какой-либо помощи Китаю. Вашингтон отклонял все просьбы его правительства о предоставлении займов и кредитов для закупки оружия и материалов, в которых страна испытывала острейшую потребность. Даже тогда, когда Китаю в 1939 г. удалось склонить Белый дом выделить незначительный заем, американцы, прикрываясь фразами о «нейтралитете» и «невмешательстве», отказались предоставить Китаю оружие в счет этого займа, т. е. фактиче-

ски наложили эмбарго, поставив Китай в явно дискриминационное положение по сравнению с агрессором.

Тем более несбыточными оказались надежды руководителей Китая на то, что США придут на помощь своими вооруженными силами. Когда в связи с угрозой полного разгрома Китая Чан Кайши обратился к Вашингтону с отчаянными призывами оказать срочную военную помощь, чтобы задержать наступление японских войск, генерал Дж. Маршалл и адмирал Г. Кларк — руководители Объединенного комитета начальников штабов — посоветовали Белому дому в записке от 5 ноября 1941 г., представленной президенту Рузвельту, не предпринимать никаких действий и отклонить просьбу Чан Кайши.

Лишь после того как Япония довольно основательно «завязла» в Китае, США решили «примирить» обе стороны, не забыв при этом о себе. Они подключились к так называемому «мирному наступлению», которое японская дипломатия и разведка развернули в отношении гоминьдановского правительства.

Военные поставки Японии и поддержка ее политики «мирного наступления» вовсе не означали, что Вашингтон желал капитуляции Китая. Дипломатическая игра Белого дома была значительно тоньше. Американцы стремились использовать одновременно две козырные карты: китайскую и японскую. Китайскую — в отношении Японии, используя трудности, с которыми она столкнулась в Китае, и ее желание скорее закончить войну на выгодных для себя условиях. Продажей Японии оружия и стратегических материалов Вашингтон стремился держать Токио на привязи, показать японским милитаристам, что им следует учитывать интересы американского империализма. Японской картой Вашингтон манипулировал в отношении Китая. Учитывая опасность порабощения страны, заинтересованность Китая в поддержке со стороны Соединенных Штатов, Белый дом надеялся сделать гоминьдановское правительство более уступчивым.

В роли посредника по ведению переговоров Китая с Японией выступил ректор Яньцзинского (американского) университета в Пекине — впоследствии посол США в Китае — Дж. Стюарт. В марте 1940 г. он прилетел из Пекина в Чунцин, чтобы передать китайскому правительству условия мира, врученные ему японским генералом Кита. Они включали требования признать Маньчжоу-го, установить экономическое сотрудничество с Японией и Маньчжоу-го, согласиться на пребывание японских войск в Северном Китае — иными словами, узаконить полное подчинение этого района Японии в дополнение к отторгнутой у Китая Маньчжурии. Японские, точнее японо-американские, «мирные предложения» предусматривали также предоставление «особых прав» на о-в Хайнань, на создание там военно-морской базы, что фактически означало отторжение острова от Китая. Чунцинскому правительству предлагалось также дать согласие на присоединение Китая к антикоминтер-

новскому пакту. Со своей стороны, Япония обещала вывести войска из Южного и Центрального Китая.

Под давлением национально-патриотических сил, благодаря военной, экономической и политической поддержке Советского Союза правительство Чан Кайши не пошло на заключение «мира» с Японией, и миссия вашингтонского эмиссара закончилась провалом.

Однако «мирное наступление» продолжалось. Особенно заметно деятельность японской дипломатии активизировалась после поражения гитлеровских армий под Сталинградом, когда вместе с крахом планов фашистской Германии стала очевидной бесперспективность захватнических планов Японии на Дальнем Востоке. В соответствии с решением, принятым на императорской конференции в Токио, об «урегулировании китайского вопроса» и «завершении войны в Великой Восточной Азии» в апреле 1943 г. в Чунцин прибыл новый японский эмиссар — У Кайсян. Он привез новое предложение о заключении мира на условиях, которые в основном повторяли прежние требования. Их содержание сводилось к следующему:

1) Япония выводит войска из Уханя и Кантона, а находящиеся здесь войска центрального правительства передислоцируются в Северный Китай для «борьбы с коммунистами»;

2) Нанкин и морское побережье «временно» остаются в руках Японии;

3) Северный Китай превращается в совместно используемую «зону борьбы против коммунистов».

Но и на этот раз попытки принудить Китай к капитуляции не имели успеха. Под воздействием побед Советской Армии, наносившей сокрушительные удары по гитлеровским армиям, укреплялась вера китайского народа в победу над Японией, и в этих условиях гоминьдановское руководство не решалось пойти на опасные для независимости страны шаги.

Вплоть до событий в Пёрл-Харборе Вашингтон вел интенсивные двусторонние переговоры с Токио о разделе Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии на сферы влияния. В правящих кругах Японии существовала группировка, связанная с командованием сухопутных сил страны и влиятельным концерном Мицуи, которая выступала за сговор с Вашингтоном и провоцировала нападение на Советский Союз. Как уже отмечалось выше, Вашингтон также исходил из возможности такой сделки за счет Китая и других стран Азии, используя их как разменную монету. Военный министр США Г. Стимсон писал впоследствии, что ради сделки с Японией Соединенные Штаты готовы были согласиться с захватом Японией Маньчжурии; что же касается ранее сделанных американским правительством заявлений, что оно не признает Маньчжоу-го, то со временем эти заявления могли бы превратиться в «мертвую букву» [4].

После нападения Японии на Пёрл-Харбор и объявления войны Соединенным Штатам в американо-китайских отношениях

наступил новый этап: страны стали военными союзниками. Как своему партнеру в войне с Японией США вынуждены были оказывать Китаю некоторую помощь. Однако это не изменило империалистического характера и главных стратегических целей китайской политики США. Согласившись выделить Китаю кредиты и поставить некоторое количество военных материалов и техники по ленд-лизу, Вашингтон руководствовался вовсе не желанием скорейшего освобождения страны от японских оккупантов, а стремлением использовать материальные и людские ресурсы самого Китая, чтобы выиграть войну и разбить Японию с меньшими для себя потерями и одновременно укрепить позиции в Китае.

Поэтому усилия американской дипломатии были направлены на то, чтобы заставить китайское правительство и командование китайской армии развернуть активные боевые действия против Японии. Большую активность проявил специально направленный Вашингтоном в Чунцин и прикомандированный к Чан Кайши генерал Дж. Стилуэлл, а также посол США в Китае К. Гаусс. Однако цели Чан Кайши были прямо противоположны: переложить основную тяжесть борьбы с Японией на плечи других государств, в том числе и США, от которых он требовал послать на китайский театр военных действий вооруженные силы, а также предоставить как можно большее количество самолетов, оружия и других стратегических материалов.

Вашингтон выразил готовность увеличить поставки кое-каких материалов, но оговаривал это требованием помощи Китая в освобождении от японцев Северной Бирмы, что открыло бы путь для доставки в Китай оружия.

По этим вопросам между американскими представителями и китайским правительством происходили постоянные стычки. Стилуэлл и Гаусс одну за другой посылали телеграммы в Вашингтон с жалобами на Чан Кайши и с настойчивыми просьбами оказать на него давление «сверху». При этом указывалось, что китайские войска уже давно не ведут военных операций «даже местного значения» [5].

Со своей стороны Чан Кайши также предъявил Вашингтону и Лондону претензии. Он доказывал, что не Китай виновен в создавшемся положении на фронте, а его англо-американские союзники, которых он обвинял в пассивных действиях на Тихом океане. В одном из посланий Ф. Рузвельту Чан Кайши писал, что китайский народ «в высшей степени подавлен неудачами союзных держав на Тихом океане и на Азиатском материке» [6].

Претензии Китая к Вашингтону по ленд-лизу были связаны и с тем, что подавляющее большинство грузов, направлявшихся в Китай по воздушному мосту через Гималаи, в руки китайцев не попадало, а шло для снабжения самих американцев, находившихся в Китае.

Немало трений возникало и по другим вопросам. В част-

ности, китайское правительство безуспешно добивалось того, чтобы его представители также осуществляли контроль над военными поставками по ленд-лизу. Чан Кайши писал находившемуся в тот момент в Вашингтоне министру иностранных дел Сун Цзывэню, что если не удастся получить от американцев такого согласия, то «Китай будет просто пешкой в игре» [7].

Китайское правительство прибегало к самым различным средствам давления на США, вплоть до угрозы капитуляции, заявляя, что оно может пойти на сделку с Японией, или, по словам председателя Законодательного юаня Суньфо, «сидеть спокойно... по крайней мере до тех пор, пока Гитлер не будет разбит» [8].

Противоречия между Вашингтоном и Чунцином внешне нашли проявление и во взаимоотношениях между Чан Кайши и Дж. Стилуэллом, его главным военным советником, официально занимавшим пост заместителя начальника генерального штаба китайской армии. Обострились также разногласия между Чан Кайши и американским послом К. Гауссом, который также твердо проводил линию Белого дома. Все это в целом сказалось на отношениях между американцами, работавшими в Китае по разным ведомствам, и китайскими правительственными и неправительственными учреждениями. Со стороны американцев усилилась подхваченная прессой США критика в адрес гоминьдановского правительства и лично Чан Кайши. Китай пытался отвечать тем же.

В июле 1942 г. Ф. Рузвельт направил в Чунцин своего личного представителя Л. Каррие, поручив ему в числе одной из главных задач отрегулировать сложившиеся взаимоотношения. Каррие пытался убедить Чан Кайши в том, что Дж. Стилуэлл — не просто военный советник, а представитель правительства США и посему должен приниматься гоминьдановским правительством именно в таком качестве. Чан Кайши дал понять Каррие, что ему в первую очередь нужен советник, который бы выполнял его указания и что он будет поддерживать связь со Стилуэллом только как с советником по военным вопросам и не более. Таким образом, Чан Кайши отвергал контроль американцев.

Со своей стороны руководство Коммунистической партии Китая стремилось использовать разногласия между США и центральным правительством для того, чтобы оказать на него давление, заставить активизировать боевые действия против японцев. Одновременно руководители КПК добивались, чтобы США не поддерживали гоминьдан в его борьбе с компартией.

Представители КПК в Чунцине вели в этом направлении активную работу в среде дипломатического корпуса, особенно среди американцев. В беседах с дипломатами в Чунцине представители КПК и лично Чжоу Эньлай, который подолгу находился в гоминьдановской столице, стремились внушить своим собеседникам мысль, чтобы они не доверяли Чан Кайши, что

он не желает воевать против японцев, но не потому, что хочет капитулировать. Они утверждали, что слухи и заявления о возможности капитуляции не имеют под собой никаких оснований и распространяются умышленно, в целях давления на Вашингтон[9]. Такая информация находилась в противоречии с заявлениями яньаньской печати, в которой Чан Кайши постоянно объявлялся капитулянтом.

Гаусс в донесении от 7 июля 1942 г. сообщал государственному секретарю США, что в беседах с сотрудниками посольства Чжоу Эньлай и представители КПК утверждали, что Чан Кайши твердо стоит за продолжение войны с Японией и что японцы не смогут одолеть Китай. «Чжоу Эньлай заявил, и я считаю, что это вполне обоснованно,— писал Гаусс,— что, если бы даже генералиссимус был принужден отступить в Северо-Западный Китай, он и тогда бы не капитулировал перед японцами»[10].

Несколькими днями раньше, 29 июня, в донесении госсекретарю Гаусс, сообщая о беседе советника посольства Дэвиса с Чжоу Эньлаем, докладывал, что последний «не ожидает, будто японцы предпримут наступление и захватят гоминьдановские районы Китая. Он заявил, что, если будет захвачена столица провинции Юньнань г. Кунмин, куда имело в виду эвакуироваться китайское правительство в случае захвата японцами Чунцина, Чан Кайши отступит в г. Ланьчжоу. Чжоу Эньлай заявил также, что другие, может быть, и будут искать мира с японцами, но генералиссимус — никогда. С многозначительной улыбкой он заметил, что слухи о том, будто китайцы готовятся принять мирные предложения Японии, распускаются преднамеренно, дабы произвести соответствующий эффект. Высказывая замечания относительно гоминьдановского военного министра генерала Хэ Инцина, Чжоу Эньлай заявил, что его цель — сохранить военные силы центрального правительства, предоставив нанести поражение Японии Соединенным Штатам и Великобритании»[11]. Далее Чжоу Эньлай заявил Дэвису, что, если бы генералиссимус ему позволил, он принял бы участие во главе войск КПК в военной кампании в Бирме. «Я готов был бы подчиняться приказам генерала Стилуэлла»,— сказал он[12].

Совершенно иную направленность имели беседы Чжоу Эньлая и некоторых работников КПК в Чунцине с советскими представителями. В них давались прямо противоположные оценки политики Чан Кайши, его позиции в отношении Японии, утверждалось даже, что, по имеющимся данным, Чан Кайши вот-вот капитулирует. При встречах с советским послом А. С. Панюшкиным Чжоу Эньлай называл даже примерную дату, когда это должно произойти. Однако работники КПК оказывались не в состоянии ответить логично на естественно возникавший вопрос: а для чего Чан Кайши нужно капитулировать, если у него есть превосходящие противника по численности силы, обширные пространства для маневрирования, достаточ-

ные ресурсы, внешняя поддержка, тем более что в ходе мировой войны произошел благоприятный для всех союзных держав поворот? Этот вопрос ставил в тупик, но тем не менее представители КПК продолжали вести ту же линию, хотя время и факты не подтверждали их информацию и прогнозы.

Яньаньская пропаганда, стремясь дискредитировать Чан Кайши как главного противника Мао Цзэдуна, игнорировала наличие в руководящих кругах гоминьдана националистов — сторонников продолжения войны с Японией, умышленно старалась не делать различий между Чан Кайши с его великодержавными претензиями на лидерство во всей Азии и такими прояпонски настроенными людьми, как Хэ Инцин и другие военачальники, которые действительно могли согласиться служить кому угодно и играть какую угодно роль, лишь бы им хорошо платили.

В условиях заметно обострившихся отношений между Чан Кайши и американцами Мао Цзэдун предпринял попытку сыграть на противоречиях и установить непосредственную связь с Вашингтоном, воспользовавшись приездом в Чунцин личного представителя президента США Л. Каррие. Чжоу Эньлай передал через работников американского посольства «несколько посланий», адресованных Каррие. В одном из них выражалась просьба к правительству США установить строгий контроль за тем, чтобы поставки грузов по ленд-лизу использовались Чунцином только «по прямому назначению». Выражались опасения по поводу того, что если со стороны Вашингтона не будет установлено такого контроля после окончания войны, то эти стратегически важные грузы будут использованы «для удержания позиций правящей группировки».

В другом послании содержалось предложение установить прямые контакты между Вашингтоном и Особым районом Китая, заявлялось, что руководство компартии «приветствовало бы визит в районы, контролируемые КПК, одного или нескольких представителей американского правительства» [13]. Чжоу Эньлай обратился к Л. Каррие с просьбой о личной встрече. Через сотрудников посольства США в Чунцине Каррие ответил, что считает неразумной такую встречу «в данное время». Этот ответ был воспринят Чжоу Эньлаем «с пониманием» [14].

Таким образом, попытки Мао Цзэдуна установить прямые контакты с Вашингтоном успеха не имели. При всей обостренности отношений с Чунцином американская дипломатия продолжала курс на поддержку режима Чан Кайши видя в нем наиболее приемлемого союзника, посредством которого Вашингтон стремился укрепить позиции в Китае и подчинить его своим стратегическим целям на Дальнем Востоке.

Как только обозначился благоприятный для союзных держав перелом в ходе второй мировой войны деятельность американцев в Китае резко активизировалась. Готовясь к развертыванию наступления на Японию и рассчитывая разгромить ее

с помощью Советского Союза, Белый дом приступил к разработке политической стратегии на послевоенный период, «планов устройства мира» на Дальнем Востоке и в Азии в целом. Важную роль в проведении этой стратегии в жизнь, по его замыслу, должен был сыграть Китай. Характер и цели сотрудничества с ним были изложены в переписке между Вашингтоном и Чунцином, в частности в письме О. Латтимора, политического советника Чан Кайши, направленном по указанию Ф. Рузвельта в конце декабря 1942 г. на имя главы гоминьдановского правительства. Излагая соображения Рузвельта о послевоенной стратегии США на Дальнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии, Латтимор писал, что, по мнению президента, в западной части Тихого океана «главными заинтересованными государствами будут США и Китай». Письмо свидетельствовало о том, что между Вашингтоном и Чунцином уже велось обсуждение этих проблем, в частности вопроса о создании на Тихом океане при участии Китая сети американских военных баз и использовании в этих целях Ляодунского полуострова (в Маньчжурии) и Тайваня (Формозы) в качестве «ключевых районов»[15].

Чтобы еще больше заинтересовать правящие круги Китая, руководители американской администрации внушали им заманчивую мысль, что США хотят видеть Китай единым и демократическим государством, чтобы после окончания войны он стал играть роль «великой державы», а США готовы со своей стороны помочь ему в этом.

Руководители Великобритании и лично премьер-министр У. Черчилль высказывались против демагогических заявлений Белого дома, прекрасно понимая, что таким путем США стремятся использовать Китай для осуществления своих экспансионистских планов. Что же касается китайского правительства, то оно, в свою очередь, потребовало от Вашингтона включить представителей Китая на равных началах с США и Англией в состав Объединенного комитета начальников штабов, учредить в Чунцине Объединенный генеральный штаб во главе с Чан Кайши, распространив его функции на Дальний Восток, Тихий и Индийский океаны. Были выдвинуты и другие амбициозные требования.

Разумеется, Вашингтон поддержал далеко не все просьбы Чунцина, а многие из тех условий, которые Соединенными Штатами формально были приняты, довольно скоро стали игнорироваться ими. И хотя в марте 1942 г. представитель Китая был введен в Общесоюзный военный совет — военный орган союзных держав, фактически все вопросы в нем решались без участия Китая. В марте 1942 г. Чан Кайши был назначен главнокомандующим союзными войсками на китайско-бирмано-индокитайском фронте, но, кроме гоминьдановских войск, никто ему не подчинялся. 11 января 1943 г. США были вынуждены заявить о том, что они удовлетворяют законные

требования Китая об отказе от права экстерриториальности. По свидетельству американского ученого-востоковеда Дж. Фэйрбэнка, работавшего в тот период пресс-атташе посольства США в Чунцине, после «отказа» американские авиабазы, авиалинии и т. п. «стали расти на китайской земле в большем числе и с еще большим использованием права экстерриториальности, чем это имело место во время действия неравноправных договоров»[16]. К тому же с заявлениями об аннулировании неравноправных договоров США, как и другие западные державы, выступили лишь после того, как это сделала Япония, заключив соглашение с марионеточным правительством Ван Цзинвэя.

Агрессия Японии в Китае и политика Советского Союза

Советский Союз был первым из всех государств мира, кто пришел на помощь китайскому народу в его борьбе с японским агрессором. СССР показал себя подлинным защитником независимости Китая, несмотря на то что между обеими странами не было дипломатических отношений: они были разорваны в 1929 г. китайскими милитаристами, действовавшими по подстрекательству Японии и западных держав. Советское правительство оказало Китаю всестороннюю поддержку, используя все средства, которыми располагала тогда Страна Советов: ее международный авторитет, дипломатию, средства массовой информации. СССР решительно осудил Японию, разоблачил «мюнхенскую» политику западных держав, призвал мировую общественность оказать поддержку справедливой борьбе китайского народа. Советское правительство обратилось к руководителям западных держав, предлагая совместными усилиями остановить японских милитаристов на Востоке и фашистских агрессоров на Западе. СССР высказался за заключение регионального тихоокеанского пакта, считая это эффективной мерой для обуздания Японии. Советская дипломатия добивалась через Лигу наций международного осуждения агрессора, принятия коллективных санкций против Японии, вплоть до военных. Однако западные державы сделали все возможное, чтобы блокировать предложения Советского Союза. Газета «Нью-Йорк таймс», характеризуя обструкционистскую политику США, писала 30 ноября 1937 г., что на глазах всего мира «Соединенные Штаты стоят в стороне, спасая свою собственную шкуру... группа американцев, руководящая политикой США, готова лицезреть переделку мира на фашистский лад, не оказывая ни малейшего сопротивления и, очевидно, не понимая, что такая политика представляет опасность для нас самих»[17].

Оказавшись в полной изоляции, Советский Союз не свернул с избранного им курса интернациональной поддержки Китая. Руководство Коминтерна помогло КПК объединить национально-патриотические силы страны и создать единый анти-

японский фронт борьбы. 21 августа 1937 г. СССР заключил с Китаем договор о ненападении, обеспечивавший полную безопасность его тыла и позволивший сосредоточить все средства для борьбы с японской агрессией, предоставил Китаю на льготных условиях крупные займы и кредиты [18]. Были направлены оружие и боевая техника для 20 дивизий и обеспечена их доставка в Китай, причем не дожидаясь официального подписания соглашений и контрактов. Военные грузы переправлялись советским автотранспортом через Синьцзян и советскими кораблями морским путем. После захвата японцами китайского побережья, а также ввиду того что Франция и Англия препятствовали доставке грузов через порты и территории Индокитая и Бирмы, единственным путем стала автомобильная дорога, проложенная от Алма-Аты до Ланьчжоу (провинция Ганьсу). В декабре 1939 г. была введена в эксплуатацию авиалиния Москва — Чунцин. В тот тяжелейший для Китая период эти транспортные артерии стали поистине дорогами жизни. По ним переправлялись в Китай также горючее, медикаменты, другие необходимые материалы. Автомобильный тракт использовался не только гоминьдановцами, но и коммунистами: по нему осуществлялась связь между районами, контролируемыми вооруженными силами КПК, перевозились грузы и личный состав, в том числе раненные бойцы и командиры, переправлявшиеся на лечение в Синьцзян или в Советский Союз [19].

Только за период октябрь 1937 — середина февраля 1939 г. под перевозку грузов для Китая было занято более 5640 товарных вагонов, а на автомобильном тракте через Синьцзян— более 5260 автомашин. Доставку грузов по синьцзянскому тракту осуществляли свыше 4 тыс. советских специалистов.

Советские специалисты занимались также сборкой доставляемой техники, в том числе самолетов-истребителей, которые перевозились в разобранном виде по железной дороге до Алма-Аты, а оттуда автотранспортом перебрасывались до г. Хами. В первый, самый тяжелый период антияпонской войны Китай получил от Советского Союза 885 боевых самолетов [20].

СССР направил в Китай большое количество танков, автомашин, орудий, пулеметов и других видов оружия, а также боеприпасы, включая артиллерийские снаряды и авиабомбы.

Свыше 3600 советских военных специалистов (включая летчиков-добровольцев), причем из числа лучших, было послано в Китай. Среди военных советников были такие талантливые и впоследствии ставшие известными военачальники, как В. И. Чуйков, П. С. Рыбалко, П. Ф. Батицкий, А. И. Черепанов. За мужество и отвагу, проявленные при исполнении интернационального долга, значительная часть советников и воинов-добровольцев была удостоена высоких государственных китайских и советских наград. 11 из них было присвоено звание Героя Советского Союза. Многие воины погибли в боях с японскими захватчиками, среди них — свыше 200 летчиков [21].

В послании советским руководителям в 1939 г. Чан Кайши писал: «Благодаря глубоким симпатиям и сочувствию народов Советского Союза Китаю оказана материальная помощь, дающая возможность вести длительную освободительную войну»[22].

С самого начала антияпонской войны Советский Союз выразил готовность расширить помощь Китаю путем строительства таких предприятий, как авиасборочный и нефтеперегонный заводы, других объектов. В результате Китай смог бы получить собственную военную авиацию, превосходящую по техническому уровню японскую, а также обеспечить армию бензином и другими необходимыми материалами. Такие предприятия предполагалось построить в Синьцзяне — ближайшем к СССР районе Китая, наиболее удобном с точки зрения коммуникаций. Однако по вине китайской стороны переговоры были сорваны, хотя часть оборудования уже была завезена. Гоминьдановское правительство решило воздержаться от расширения сотрудничества с Советским Союзом. Его опасения (это признавал впоследствии Чан Кайши в своих мемуарах, в частности в книге «Советская Россия в Китае») сводились к одному: улучшение отношений с СССР содействовало бы укреплению позиций КПК и революционно-демократических сил[23].

Оказание Советским Союзом помощи китайскому народу осложнялось усиливающейся конфронтацией между КПК и гоминьданом. Систематически возникали столкновения между войсками обеих сторон, угрожавшие в любой момент перерасти в кровопролитную войну. Мао Цзэдун вел себя в столь опасных ситуациях рискованно, почти ничего не предпринимая для предотвращения опасности. Более того, резкими нападками на гоминьдановское правительство и лично на Чан Кайши он подливал масло в огонь. И вновь Советский Союз употреблял свой высокий международный авторитет и связи с гоминьданом и другими влиятельными официальными и общественно-политическими кругами Китая, чтобы предотвратить капитуляцию страны и спасти КПК от разгрома.

Такие «спасательные операции» советской дипломатии приходилось осуществлять много раз. В частности, одна из них была связана с серьезным инцидентом, происшедшим в конце 1940 — начале 1941 г. между гоминьдановскими войсками и войсками Новой 4-й армии, в котором оказались виновными и правые гоминьдановцы, и Мао Цзэдун[24]. Советскому правительству через посла А. С. Панюшкина пришлось обращаться к китайскому руководству и лично к Чан Кайши, убеждая их в необходимости воздержаться от эскалации конфликта. В связи с приведенными в ответе Чан Кайши фактами, свидетельствовавшими, что виновата якобы другая сторона и что поэтому ему трудно убедить членов своего кабинета отказаться от ответных мер, А. С. Панюшкин постарался внушить Чан Кайши, что в условиях, когда японские захватчики угрожают самому существованию государства, совсем не время сводить счеты, вы-

яснять, кто прав, кто виноват, и что необходимо проявить хладнокровие и сдержанность. В конечном счете Чан Кайши согласился с этим доводом и обещал именно так и поступить, о чем просил уведомить Советское правительство.

Средства информации СССР призвали патриотические силы Китая и прогрессивную мировую общественность оказать влияние на реакционные круги гоминьдана, пытавшиеся, пользуясь этим инцидентом, спровоцировать гражданскую войну и таким образом навлечь репрессии на членов КПК и все левые силы. По свидетельству Чан Кайши, эти выступления советской печати оказали воздействие на руководство гоминьдана [25], благодаря чему инцидент удалось уладить.

Так бывало и во многих других случаях.

По признанию лидеров гоминьдана, послания, направляемые в их адрес руководителями Советского государства, в которых выражалась морально-политическая поддержка справедливой борьбы Китая и готовность к расширению дружеских связей, вселяли уверенность в китайский народ и помогали предотвратить гражданскую войну. Дружба между народами СССР и Китая, прошедшая испытания во время тяжелых трудностей, подчеркивал И. В. Сталин в своем письме руководителям китайского правительства от 11 декабря 1942 г., несомненно, послужит после победоносного завершения войны основой для сотрудничества между народами обеих стран в деле создания прочного мира во всем мире [26]. Из письма было ясно, отмечал впоследствии в своих мемуарах Чан Кайши, что оно ориентировало китайских руководителей на путь урегулирования отношений между гоминьданом и КПК посредством переговоров. Чан Кайши называл это «мирным сосуществованием» [27].

Советские дипломаты, военные советники, работники других учреждений в интересах победы китайского народа стремились воздействовать на руководство Китая, на военных, убеждая их в необходимости решительной борьбы с японскими захватчиками. В критические моменты, грозившие Китаю капитуляцией в связи с серьезными неудачами на фронтах, Советское правительство через своих представителей принимало все меры, чтобы удержать руководство Китая от шагов, которые могли бы привести к катастрофе. Большую роль играли контакты советских работников с общественно-политическими кругами Китая. Эти контакты активно использовались, особенно в моменты кризисных ситуаций, для мобилизации широкой общественности гоминьдановских районов на отпор сторонникам гражданской войны и сговора с японцами.

В отличие от западной пропаганды, которая превозносила успехи японской армии и драматизировала неудачи китайских войск, советские средства информации свою задачу видели в том, чтобы морально поддержать боевой дух китайских патриотов на фронте и в тылу. В выступлениях печати и по радио давалась высокая оценка каждому успеху китайских войск, вы-

ражалось сочувствие по поводу неудач, подчеркивался их временный характер. Военные специалисты глубоко анализировали причины неудач той или иной операции и этим старались помочь китайскому командованию извлекать полезные уроки. Посланцы Страны Советов рассказывали об опыте борьбы советского народа за свою независимость, тем самым содействуя укреплению патриотического духа китайского народа.

Чтобы предотвратить опасные внутренние конфликты, угрожавшие КПК и силам сопротивления, советская дипломатия активно использовала союзнические связи с США и их заинтересованность в активизации или хотя бы в сохранении китайского фронта военных действий. Посольство СССР в Китае вступало по этим вопросам в контакты с американскими представителями. Когда после инцидента с Новой 4-й армией вновь, в середине 1943 г., наступило резкое обострение отношений между гоминьданом и КПК и создалась угроза нападения гоминьдановской армии на Особый район, советник посольства СССР 14 июля посетил поверенного в делах США в Китае Д. Ачесона (впоследствии госсекретарь США) и обратил его внимание на опасность возникновения гражданской войны, подчеркнув, что ответственность за это несет гоминьдановское правительство, которое стремится принудить КПК принять его условия. Американскому посольству было указано также, что нападение на КПК может отразиться на международных отношениях [28].

11 августа посольство США посетил советский военный атташе в Чунцине и выразил беспокойство по поводу развития событий в Китае. Докладывая об этой встрече в Вашингтон, посольство подчеркнуло, что советский представитель «настойчиво стремился выяснить, какую позицию займут США, в особенности в вопросе оказания помощи гоминьдановскому правительству, если начнутся военные действия между гоминьданом и КПК» [29].

Получив упомянутое донесение, госдепартамент передал его содержание посольству США в Москве с поручением информировать, как реагируют в Советском Союзе на назревающие в Китае события. 18 августа американский посол У. Стэндли доложил в Вашингтон, что правительство СССР открыто выступает в поддержку КПК, подчеркивает ее важную роль в борьбе китайского народа за независимость страны. Советская печать, не называя конкретно имени Чан Кайши, отмечалось в телеграмме посла, резко критикует те элементы из его окружения, кто провоцирует на конфликт с КПК и предостерегает против опасности развязывания гражданской войны.

Через дипломатические каналы, посредством выступлений советской печати американцам дали понять, что в случае начала военных действий гоминьдана против КПК ответственность за это будут нести и США, а в Советском Союзе сделают из этого соответствующие выводы.

Вашингтон решил попридержать своих гоминьдановских друзей. 19 августа 1943 г. по поручению Ф. Рузвельта, находившегося в Квебеке на англо-американской встрече в верхах, помощник госсекретаря С. Хорнбэк встретился с министром иностранных дел Китая Сун Цзывэнем, который прибыл в Квебек, чтобы быть в курсе происходящих переговоров. Излагая позицию президента, Хорнбэк заявил Суну, что по сообщениям, полученным из Чунцина, «одно официальное лицо другого государства» сказало американскому «официальному лицу», что Соединенные Штаты и Великобритания требуют от китайского правительства предпринять акции против коммунистов. Поэтому он имеет поручение заверить Сун Цзывэня, что это не так. «И мы надеемся,— подчеркнул Хорнбэк,— что такая опасность будет предотвращена... Мы скрупулезно воздерживаемся от того, чтобы требовать от китайского правительства каких бы то ни было действий по вопросам, касающимся внутреннего положения в Китае» [30].

Сун Цзывэню как тонкому дипломату была знакома такая тактика, при которой изложению острых вопросов принято придавать более мягкие формы, что чаще лишь подчеркивает остроту затрагиваемого вопроса. Выслушав витиеватые высказывания Хорнбэка, он сразу же ответил, что «все понял», заметив при этом, что у него возникает вопрос, не исходит ли информация о планах его правительства из «русских источников». Назвав эту информацию необоснованной, хотя весь Китай жил в напряжении, а местная печать била тревогу по поводу опасности гражданской войны, Сун Цзывэнь заверил госдепартамент, что гоминьдановское правительство не имеет в настоящее время намерений добиваться решения проблем отношений с коммунистами с помощью силы. И, по его мнению, нет оснований для выраженного беспокойства, и он «ценит спокойную и правильную позицию», занятую Белым домом [31].

Советскому Союзу, выступавшему в поддержку КПК, одновременно приходилось вести борьбу с дипломатическими маневрами западных держав и гоминьдановского правительства, направленными на то, чтобы втянуть СССР в войну против Японии до окончания войны с «третьим рейхом». При этом наибольшую активность проявляли США. Сразу же после нападения Японии на Пёрл-Харбор госсекретарь К. Хэлл пригласил к себе советского посла в Вашингтоне М. М. Литвинова и прямо поставил вопрос о вступлении СССР в войну на Тихом океане. Литвинов ответил, что правительство СССР считает необходимым сосредоточить все силы для борьбы с основным и самым сильным врагом — нацистской Германией [32].

После встречи с госсекретарем М. М. Литвинов провел пресс-конференцию для иностранных журналистов, где выступил с разъяснением позиции СССР по поднятому американским правительством вопросу, дабы не давать повода для провокационных измышлений. Однако, несмотря на сделанные совет-

ской стороной предельно ясные разъяснения, Белый дом не удовлетворился ими и продолжал свою политику.

16 декабря 1941 г. Ф. Рузвельт обратился с посланием к И. В. Сталину и предложил «немедленно созвать в Чунцине конференцию в составе китайского, советского, британского, голландского и американского представителей», которая дала бы «предварительное представление об общей проблеме под углом зрения Чунцина». Он предложил также созвать в Сингапуре военно-морскую конференцию для составления доклада «под углом зрения операций в южной зоне», а также провести встречу главы Советского государства с послами США, Великобритании и Китая в Москве [33].

17 декабря в послании американскому президенту И. В. Сталин просил его разъяснить цели предлагаемых мероприятий. Вашингтон уклонился раскрыть свои истинные намерения, хотя о них нетрудно было догадаться. Советское правительство сочло нецелесообразным вступать в переговоры с послами западных держав в Москве и не приняло участия в конференции в Сингапуре, как и в совещании в Чунцине [34].

Правительство США обращалось к СССР с рядом других просьб, удовлетворение которых позволило бы спровоцировать нападение Японии на Советский Союз. В частности, США добивались разрешения разместить на территории Сибири и Советского Дальнего Востока военно-воздушные силы для нанесения ударов по Японии, направить в эти районы военную миссию во главе с генералом О. Брэдли для инспектирования советских военных объектов и составления планов на случай «возникновения военных действий» [35]. США просили также предоставить в их распоряжение полную информацию об имеющихся в этих районах метеорологических станциях и дать разрешение послать на них своих военных специалистов, направить группы американских офицеров на советскую часть территории о-ва Сахалин [36]. США добивались разрешения использовать территорию Советского Союза, водные пути и дальневосточные морские порты для перевозок оружия и военных материалов из США в Китай.

В условиях, когда Япония вела себя по отношению к СССР агрессивно, пыталась блокировать советские дальневосточные порты и даже топить в открытом море торговые корабли, осуществление предлагаемых США мероприятий было невозможным и означало бы на деле начало войны с Японией. Поэтому, отвечая на настойчивые предложения США о необходимости базирования их военно-воздушных сил в восточных районах СССР, правительство Советского Союза указывало, что помощь самолетами нужна нашей стране не на Дальнем Востоке, где СССР не находится в состоянии войны, а на германском фронте, где такая помощь, как отмечал И. В. Сталин в одном из посланий Ф. Рузвельту, была бы крайне желательной [37]. 13 января 1943 г. И. В. Сталин, отвечая на предложение о на-

правлении американской военной миссии в Сибирь и на Советский Дальний Восток, писал Рузвельту, что «русские военные объекты могут быть инспектируемы только русской инспекцией, так же как американские военные объекты могут быть инспектируемы только американской инспекцией. В этой области не могут быть допущены никакие неясности» [38].

В том же направлении, что и США, действовало китайское правительство, преследуя собственные цели. Так, 8 декабря 1941 г. Чан Кайши пригласил к себе послов СССР, США и Англии и, обращаясь в первую очередь к советскому послу, изложил предложение о создании антияпонского пакта с участием СССР, о чем просил информировать Москву. 12 декабря советский посол А. С. Панюшкин передал Чан Кайши ответ И. В. Сталина о позиции Советского правительства: оно официально отклонило предложение Китая о вступлении СССР в войну на Дальнем Востоке [39].

Как и США, правящие круги гоминьдана требовали от СССР обеспечить транзит американских грузов через Владивосток в Китай, права использовать советские подводные лодки против кораблей японского флота, бомбить Японию с советских дальневосточных баз и т. п. 2 июня 1943 г. один из влиятельнейших деятелей китайского правительства, Кун Сянси, заявил А. С. Панюшкину, что Советский Союз при желании мог бы предоставить возможность для таких бомбардировок на тех же условиях, на каких предоставляет право английским летчикам совершать налеты на Германию. При этом Кун Сянси сослался на прецедент, когда французское правительство Виши разрешило Японии бомбардировать Китай с индокитайской территории. Он советовал объяснить Японии присутствие американских ВВС на Советском Дальнем Востоке такими доводами: американцы, мол, прилетели, обосновались... что с ними поделаешь.

Другими словами, гоминьдановские власти пускали в ход любые аргументы, даже самые нелепые, чтобы оправдать свои попытки столкнуть СССР с Японией, не считаясь с тем, что Советскому Союзу приходится нести на своих плечах всю тяжесть войны с гитлеровской Германией, от исхода которой зависели судьбы всех народов, в том числе и китайского. Дипломатические маневры гоминьдановских властей подкреплялись всеми средствами массовой информации, которые публиковали разные инсинуации, провокационный смысл их сводился к тому, что Япония вот-вот нападет на СССР, а тот якобы со дня на день готовится напасть на Японию. С подобными заявлениями выступали лидеры гоминьдана Фу Бинчан, Лян Ханьцао, Ван Шицзе, призывавшие СССР вступить в войну с Японией и подчеркивавшие при этом, что китайское правительство «заинтересовано» в советско-японской войне и что она является неизбежной [40].

Советским дипломатам в Китае приходилось вести серьез-

ную работу по разъяснению политики СССР на Дальнем Востоке, в том числе по вопросам, касающимся Японии. Эта принципиальная линия встречала понимание у многих трезвомыслящих политических деятелей и широкой общественности Китая, которые отдавали себе отчет в том, что, пока СССР находится в состоянии войны с фашистской Германией, провоцировать его на столкновение с Японией могут только те, кто лелеет мечту ослабить его мощь ради сохранения господства империализма и колониализма.

Военно-политическая обстановка в Китае

Успешное наступление советских войск на фронтах Великой Отечественной войны оказывало сильное воздействие на обстановку в Китае и в других странах, подвергшихся японской агрессии, поднимало их народы на борьбу с оккупантами, укрепляло веру в победу. Взяв на свои плечи основную тяжесть войны с фашизмом, Советский Союз тем самым облегчал положение этих стран, позволяя им сосредоточивать крупные силы и вести успешные операции против японцев на тихоокеанском, китайском и других фронтах. Серьезным фактором для них служило и то обстоятельство, что у дальневосточных рубежей СССР в постоянной готовности находились советские войска и боевая техника. Учитывая опасность агрессии со стороны Японии, советское Верховное Главнокомандование вынуждено было в течение почти всей войны держать здесь от 32 до 59 расчетных дивизий сухопутных войск, от 10 до 29 авиационных дивизий, до 6 дивизий и 4 бригад войск ПВО общей численностью свыше 1 млн. солдат и офицеров, от 3 до 4 тыс. боевых самолетов и более 100 боевых кораблей основных классов, 8—16 тыс. орудий и минометов, свыше 2 тыс. танков и САУ[41]. Для Советского Союза это был, по существу, второй фронт, который отвлекал на себя крупные вооруженные силы Японии.

Особенно благоприятная обстановка для США, Англии и Китая сложилась после решающих сражений под Москвой, Сталинградом и на других фронтах Великой Отечественной войны. Успехи советских войск связывали руки японским милитаристам, заставляли их спешно наращивать силы Квантунской армии, постепенно свертывать в связи с этим наступательные операции против китайских и англо-американских вооруженных сил. Это позволило союзным державам выиграть время для накопления сил, которые могли быть использованы в целях развертывания контрнаступления против японцев.

Оценивая благоприятно сложившееся соотношение сил, Ф. Рузвельт писал 26 ноября 1942 г. И. В. Сталину: «Мы располагаем в юго-западной части Тихого океана весьма мощными воздушными, сухопутными и морскими силами, и мы не собираемся играть в ожидание. Мы намерены использовать наши

преимущества»[42]. Но эта решимость оставалась лишь на бумаге. В действительности США и их союзники не спешили воспользоваться благоприятной обстановкой для развертывания военных операций, которые привели бы к скорейшему разгрому Японии. Этому мешали и те своекорыстные цели, которые преследовало каждое из воевавших против Японии государств, что в полной мере относилось и к Китаю. Правда, по сравнению с англо-американскими союзниками он находился в самом тяжелом положении.

Уже двенадцатый год Япония вела агрессию против Китая. Оккупанты захватили экономически наиболее развитые районы страны — Маньчжурию, Северный, Центральный и Юго-Восточный Китай, все морское побережье со всемирно известными портами Тяньцзинем, Шанхаем, Кантоном. Китайские вооруженные силы несли огромные потери в живой силе и технике. Только в боях за Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Нанкин и некоторые другие города погибло 800 тыс. человек, или 40% личного состава китайской армии.

Тем не менее на протяжении всей войны Китай располагал значительным военным и экономическим потенциалом. Под его контролем оставались обширные территории, имевшие большие запасы угля, нефти, металла и других видов стратегического сырья, налаженное сельскохозяйственное производство, обеспечивавшее потребности армии и гражданского населения, которое к тому времени насчитывало свыше 200 млн.[43].

Сложно было с налаживанием здесь военно-промышленного производства, поскольку глубинные районы в экономическом отношении были развиты крайне слабо, а своевременному перебазированию сюда предприятий мешали американские, английские, французские, немецкие монополии, господствовавшие в промышленности Китая. Только в Шанхайском районе к началу войны иностранному капиталу принадлежало свыше 1200 крупных и мелких предприятий, в том числе военного назначения. Китайским властям не было разрешено эвакуировать их в глубокий тыл, чтобы использовать для нужд войны. Монополии предпочитали оставить их оккупантам, чем хотя бы временно передать в руки китайцев[44].

Несмотря на колоссальные трудности, Китаю удалось все же эвакуировать в тыл оборудование более 340 предприятий, принадлежавших местному капиталу, в том числе оборудование нескольких крупных арсеналов, машиностроительных, судоремонтных, металлургических, химических и текстильных предприятий, по производству пороха и цемента, электростанций и других крупных объектов, а также свыше миллиона различного рода мастерских.

Это стало возможным благодаря героизму китайских солдат и рабочих, которые под обстрелом орудий японских кораблей и авиации демонтировали оборудование, грузили его на джонки, арбы, тачки, увозили или буквально уносили на руках на

юго-запад страны. Туда же в нескончаемом потоке беженцев хлынула масса квалифицированных промышленных рабочих — свыше 2 млн. человек [45].

Это позволило в совокупности с местной фабрично-заводской и кустарной промышленностью наладить производство многих видов оружия, в особенности стрелкового, а также боеприпасов и различных материалов и товаров для гражданского населения и для нужд армии.

В Чунцин, Яньань, Куньмин, Чэнду, Ланьчжоу, Сиань и другие города эвакуировалась также бо́льшая часть патриотически настроенной научно-технической интеллигенции. Здесь в течение всей войны функционировали университеты и другие учебные заведения, готовившие специалистов различных профессий.

В ходе восьмилетней войны, начиная с середины 1937 г., в гоминьдановские вооруженные силы было мобилизовано 14 млн. человек. И хотя потери были значительные — 3200 тыс. человек к концу войны,— это не могло серьезно отразиться на общем военном потенциале Китая [46]. Гоминьдановское командование имело возможность довольно быстро восполнять резерв за счет новых рекрутов. Достаточно крупными силами располагала также КПК. По данным, опубликованным в Яньани, на завершающем этапе войны войска КПК насчитывали свыше 3 млн. человек, из них около 1 млн. составляли регулярные войска, а более 2 млн.— партизаны [47].

Что касается вооруженных сил Японии, действовавших на китайском фронте, то после начала войны на Тихом океане их численность сократилась с 37 до 28 дивизий [48].

Самые отборные японские части были сосредоточены в Маньчжурии и нацелены против СССР. В ходе войны за счет отвода с других фронтов они были доведены к 1945 г. до 1 млн. Японское командование не решилось забрать отсюда ни одной части. Эти силы составляли резерв, по выражению американцев, на случай «неприятностей» на советско-маньчжурской границе [49]. Такая ситуация позволяла Чунцину и Яньани иметь на фронте огромное численное превосходство над Японией.

И в области вооружения дело обстояло не так уж плохо, как это старались представить руководители гоминьдана. Правда, вооруженные силы Японии в целом были оснащены лучше. Они имели значительное преимущество в танках, тяжелой артиллерии, военно-морских силах (у китайцев осталось всего две канонерки, которые они держали на одном из озер в тылу). Но в стрелковом оружии, минометах и легкой артиллерии гоминьдановские войска не уступали японцам, а кое в чем имели даже преимущество. Хуже были оснащены войска КПК. Но и они в первые годы войны, когда поддерживалось сотрудничество с гоминьданом, получали часть вооружения и боеприпасов от центрального правительства, а также денежные средства. Впоследствии они использовали возможности добывать оружие у гоминьдановцев и японцев иными путями.

Армия и население Китая были проникнуты духом ненависти к японским захватчикам. Солдаты демонстрировали стойкость и мужество. Героически проявил себя пролетариат. Незабываемыми страницами в его славную историю вошла оборона Шанхая и других городов.

Большую роль в укреплении боеспособности вооруженных сил Китая сыграли советские военные специалисты. Они провели огромную работу по их коренной реорганизации, по перестройке всей системы управления, повышению боевой выучки командного и рядового состава с учетом требований ведения современной войны. До приезда советских специалистов этими проблемами здесь никто серьезно не занимался, в результате по подготовке кадров и управлению китайская армия находилась на уровне начала XX в. Проведенная работа в сочетании с патриотическим подъемом среди солдат и части офицерского состава дала положительные результаты. Ход военных действий показал, что в тот период, когда советские специалисты находились в Китае, когда к их рекомендациям относились с вниманием, когда в руководстве страной брали верх настроения в пользу решительного отпора врагу, китайские войска выиграли немало крупных сражений. Так, на заседании Высшего военного совета в марте 1940 г. Чан Кайши, подводя итоги зимнего наступления, отмечал, что оно имело немалый успех: противник потерял до 5 дивизий. Боеспособность армии была продемонстрирована в боях за г. Чанша, где японцы вынуждены были отступить, потеряв около 30 тыс. солдат и офицеров. Еще более значительными были их потери в сражениях за Ухань, и хотя в конечном счете китайским войскам пришлось оставить город, миф о непобедимости Японии был развеян.

На стороне борющегося Китая была моральная и политическая поддержка всей прогрессивной мировой общественности. Однако руководство страны не сумело в должной мере использовать все возможности для разгрома врага и стало постепенно свертывать боевые операции. После же того как Япония объявила войну США и Англии, наступление гоминьдановских войск вообще прекратилось. На китайском театре войны наступило затишье.

Такая ситуация сложилась прежде всего вследствие внутриполитической обстановки в стране (усилилась борьба между гоминьданом и КПК). Кроме того, при всей внушительной численности вооруженных сил в них не было единства и согласованности действий. Формально вооруженными силами Китая руководило Верховное командование во главе с Чан Кайши, фактически же его власть и контроль распространялись далеко не на все войска.

Дело в том, что гоминьдановская армия представляла собой пестрый конгломерат сил. Костяк ее составлял войска центрального правительства, которые подчинялись лично Чан Кайши. Остальная часть — это войска местных гоминьданов-

ских предводителей: губернаторов провинций, генералов, которые вели себя как феодальные князьки; они занимали посты командующих военными округами и фронтами, формально подчинялись Верховному командованию, получали от него оружие, боеприпасы, финансы. Но когда Верховное командование принимало решение о проведении той или иной операции, оно часто оказывалось не в состоянии ее провести из-за саботажа отдельных командующих. Им важнее было держать свои войска при себе, ибо они обеспечивали им власть. Поэтому, получая приказы о наступлении, они часто отводили свои войска в тыл и сдавали города без боя. Многие из предводителей, в частности губернаторы провинций Юньнань, Сычуань и др., опираясь на собственные вооруженные силы, а некоторые и на иностранную поддержку, отказывались посылать в армию центрального правительства рекрутов, платить налоги и т. д. и при этом чувствовали полную безнаказанность.

В борьбе за укрепление своих позиций и личной власти Чан Кайши и сам поступал точно так же, стремясь сохранить подчиненные ему правительственные войска. Основную их часть он держал в резерве, подальше от фронта, чтобы впоследствии использовать их главным образом для противоборства с КПК и отчасти для внешнеполитических целей. Правительственные войска, находившиеся на передовой линии фронта, тоже использовались не в полную меру. При наступлении японцев Чан Кайши чаще всего отводил их, придерживаясь тактики «сохранения сил за счет пространства».

Используя конфликты между гоминьданом и КПК, японское командование, при всей ненависти к китайским коммунистам, направило основные силы против центрального правительства и его войск, которые оно на том этапе рассматривало в качестве главного противника. Япония считала, что победа над ними решала поставленную ею задачу подчинения Китая и окончания войны. А после капитуляции правительства Чан Кайши или после заключения соглашения с ним японские милитаристы планировали вплотную заняться базовыми районами КПК. Об этом свидетельствуют, в частности, документы, приведенные в книге японского полковника Такусиро Хаттори [50].

Подготовка Каирской и Тегеранской конференций. Противоречия между США, Англией и Китаем

Союзники Китая — США и Англия, на которых в Чунцине и Яньани возлагали большие надежды,— не спешили развертывать контрнаступление на позиции японцев в Тихом океане, Южной и Юго-Восточной Азии, а тем более вести боевые операции против оккупационных сил в Китае. Этому мешали прежде всего несогласованность действий и наличие серьезных противоречий между США и Англией на Дальнем Востоке, а также в их отношениях с Китаем [51].

Координация военных действий США и Великобритании осуществлялась Объединенным комитетом начальников штабов, находившимся в Вашингтоне. Этот координационный орган подчинялся одновременно президенту США и премьер-министру Великобритании. Входившие в состав комитета начальники штабов обеих стран сообща разрабатывали стратегические планы и решали все связанные с ними вопросы, включая распределение военных материалов [52]. Однако единство союзников проявлялось далеко не во всем и менее всего в вопросах, относившихся к войне против Японии. Эта война «с самого начала была почти исключительно делом американцев, и ее стратегия касалась в основном только военных ведомств США» [53].

Каждый из союзников проводил свою линию. Англичане выступали с предложениями, направленными на скорейшее освобождение своих колониальных владений в Юго-Восточной Азии. Американцы были против подобной линии, мотивируя тем, что такие операции отвлекли бы силы от главного — для Вашингтона — направления: от Японии. За этим скрывалось и другое: империалистические круги США не были заинтересованы в восстановлении господства Великобритании в регионе, они вынашивали экспансионистские планы в отношении Азии, и в Лондоне это хорошо понимали.

Англичане противились принятию американских планов освобождения от японцев Бирмы, которую У. Черчилль рассматривал как одно из драгоценнейших владений Британской империи, и ему «вовсе не нравилась мысль, что американцам или скорее всего китайцам будет принадлежать заслуга ее освобождения» [54].

Разумеется, английское правительство руководствовалось в решении этих вопросов не только престижными соображениями — скорее, здесь сказывалось недоверие к союзникам, в том числе к Китаю.

В Лондоне были хорошо осведомлены об экспансионистских планах китайских властей в отношении Бирмы и соседних стран. Черчилль полагал, что если англичане впустят китайские войска в Бирму, то их трудно будет потом оттуда выдворить. Поэтому, когда в самом начале продвижения японцев в Бирму Чан Кайши выразил готовность направить туда 14 дивизий, Черчилль решительно отверг эту помощь. Правда, при поддержке США Китай все же ввел в Северную Бирму несколько дивизий, но они не вступали в боевые действия против японцев, а переносили пограничные столбы, таким образом присоединяя к Китаю новые территории, принимали участие в подавлении освободительного движения в этой стране. Китайские войска «вошли в Бирму лишь для того,— отмечал английский историк Доннисон,— чтобы оккупировать ее территорию» [55].

Учитывая тот факт, что союзники вели войну с Японией, Китай рассчитывал прибрать к рукам и ряд других территорий в районе Тихого и Индийского океанов, используя в этих целях

проживающих там этнических китайцев. Чунцин уже начал было предпринимать практические шаги в этом направлении, пытаясь сформировать добровольческий корпус на Гавайских островах, где проживало около 29 тыс. этнических китайцев. Однако госдепартамент США разгадал замысел своего союзника и ответил на обращение МИД Китая, что американские власти «высоко ценят настроения китайского правительства, но считают целесообразным, чтобы этнические китайцы занимались тем, чем они заняты в настоящее время, и никакого специального военного корпуса из них создавать нет необходимости»[56].

Из-за опасений потерять Бирму, Гонконг и другие колониальные владения У. Черчилль не спешил с освобождением Китая, в особенности его южной части, граничащей с этими районами. Он боялся, что китайские войска опередят англичан.

Великобритания всячески сопротивлялась попыткам США привлечь к войне против Японии крупные английские вооруженные силы. Англия делала все, чтобы переложить тяготы борьбы на плечи Соединенных Штатов. Лондон пугали американские планы передела мира. Поэтому правящие круги Великобритании стремились приберечь свои войска для того, чтобы за столом переговоров о послевоенном урегулировании с позиции силы получить, как неоднократно заявлял У. Черчилль, все те владения империи, которые не удалось вернуть в ходе самой войны[57].

Вместе с тем США и Англия были вынуждены считаться с международной обстановкой, которая в результате побед Советской Армии менялась с каждым днем. Под воздействием успехов на фронтах Великой Отечественной войны рос авторитет СССР в глазах народов всего мира, способствуя подъему национально-освободительного движения в странах Южной и Юго-Восточной Азии.

В результате изменения соотношения сил на советско-германском фронте участились встречи руководителей западных союзных держав для решения вопросов и по Дальнему Востоку. В январе 1943 г. состоялась англо-американская встреча в Касабланке, в мае — в Вашингтоне, в августе — в Квебеке.

Однако они оказались бесплодными. Союзникам не удалось договориться о проведении ни одной сколько-нибудь значительной операции на Тихом океане, а если по каким-то вопросам и была достигнута договоренность, то она в большинстве случаев оставалась на бумаге.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль решили предпринять еще одну попытку выработать общую стратегию в борьбе с Японией. Обсуждение всех вопросов они планировали приурочить по времени к работе конференции глав правительств трех союзных держав — СССР, США и Англии, созыва которой Рузвельт и Черчилль стали добиваться сразу же после безрезультатно закончившейся встречи в Квебеке. Таким образом, почти одновременно были созваны две конференции — Тегеранская и Каир-

ская. Ф. Рузвельт предпринял попытку связать их между собой: он обратился к И. В. Сталину с предложением послать на Каирскую конференцию советских представителей, в частности народного комиссара по иностранным делам В. М. Молотова.

В послании Черчиллю по этому вопросу Рузвельт писал 11 ноября 1943 г.: «Что касается Каира, то я считал и считаю, как и Вы, насколько мне известно, что случится ужасная ошибка, если Дядя Джо (так в переписке между собой они называли Сталина.— *А. Л.*) подумает, что мы что-то замышляем прямо против него по части военных действий... Ни для Вас, ни для меня не будет ничего плохого, если Молотов и русский военный представитель тоже прибудут в Каир. Они не будут думать тогда, что мы пытаемся обойти их. Я считаю очень важным, чтобы мы осуществили это мероприятие. Могу заверить Вас, что это не создаст никаких трудностей...» [58]. Черчилль с ним согласился.

Мотивы, изложенные Рузвельтом в письме к Черчиллю и якобы побудившие пригласить в Каир советских представителей, были не единственными, да и не главными. Это следует из того, что ни на предыдущие англо-американские встречи (в том числе и на последнюю в Квебеке), ни на последующие (в частности, на состоявшуюся в начале 1945 г. конференцию на Мальте) Советский Союз приглашен не был, а дело, скорее, заключалось в том, что в ходе подготовки к Каирской конференции Ф. Рузвельт решил пригласить на нее Чан Кайши. 27 октября 1943 г., направляя приглашение главе гоминьдановского правительства, Рузвельт подчеркнул, что он «собирается провести с ним двусторонние переговоры с глазу на глаз. Имеется многое, что может быть успешно улажено, если мы встретимся один на один. Пожалуйста, держите это в секрете» [59].

Участие советских представителей в англо-американо-китайской встрече должно было выглядеть как приобщение СССР к делам, связанным с войной против Японии. Это как раз отвечало целям этих стран, которые предпринимали одну попытку за другой, чтобы вызвать войну между СССР и Японией.

Поскольку СССР не собирался в тот момент вступать в войну с Японией, Советское правительство считало нецелесообразным участвовать во встрече в Каире. Поэтому, как только стало известно о характере созываемой конференции и о приглашении Китая, СССР аннулировал данное ранее Рузвельту согласие о прибытии в Каир В. М. Молотова. 12 ноября И. В. Сталин сообщил У. Черчиллю: «Хотя я писал Президенту, что В. М. Молотов будет к 22 ноября в Каире, я должен, однако, сказать, что по некоторым причинам, имеющим серьезный характер, Молотов, к сожалению, не может приехать в Каир...» [60].

Одновременно И. В. Сталин дал понять, что, направляясь в Тегеран, представители союзных держав не должны брать с собой Чан Кайши или какого-либо другого из китайских пред-

ставителей: «Само собой разумеется, что в Тегеране должна состояться встреча глав только трех правительств, как это было условлено. Участие же представителей каких-либо других держав должно быть безусловно исключено.

Желаю успеха Вашему совещанию с китайцами по дальневосточным делам»[61].

Пригласив Чан Кайши в Каир, Ф. Рузвельт направил в Чунцин в качестве своего личного представителя генерала П. Хэрли с поручением объяснить гоминьдановскому руководству цели конференции и подготовить его к переговорам. Чан Кайши был польщен таким вниманием со стороны Вашингтона, но вместе с тем решил набить себе цену. Он попросил Рузвельта устроить так, чтобы американский президент имел беседу с ним до встречи со Сталиным[62]. Если же это невозможно, то он предлагает перенести встречу с президентом на другое время, «подходящее для обеих сторон»[63].

Приглашая Чан Кайши в Каир, Рузвельт имел в виду не только обсудить с ним вопросы ведения войны против Японии, но и договориться о тесном политическом сотрудничестве между двумя странами на ее завершающем этапе и в послевоенный период.

Как явствует из китайских источников, относящихся к Каирской конференции, инициатива приглашения Чан Кайши была предпринята Рузвельтом без согласования с Черчиллем и даже без предварительного его уведомления. Последний был поставлен перед свершившимся фактом и был весьма недоволен[64]. Черчилль хотел, чтобы Каирская конференция была только двусторонней встречей и не проявлял большого желания садиться за стол переговоров с китайским правительством, ибо не ожидал от этого никаких положительных результатов ввиду серьезных противоречий между Англией и Китаем и особых отношений между Чунцином и Вашингтоном, которые использовались американцами в ущерб интересам Великобритании. Тем не менее встреча состоялась с участием Китая.

Каирская конференция

Каирская конференция была первой встречей глав правительств США и Англии со своим китайским партнером. Ф. Рузвельт, У. Черчилль и Чан Кайши прибыли в столицу Египта и расположились в старинных замках в предместьях Каира со свитой, насчитывавшей около 500 человек. Мировая печать отмечала, что за всю историю международных встреч не было такого огромного скопления в одном месте высших военных начальников, как на конференции в Каире. Однако при всей внешней пышности этого мероприятия результаты его с точки зрения решения поставленных задач оказались весьма скромными, если не сказать нулевыми.

Первый этап встречи проходил с 22 по 26 ноября 1943 г. Затем Ф. Рузвельт и У. Черчилль выехали на переговоры с руководителями Советского государства в Тегеран, а после их завершения 1 декабря начался второй, заключительный этап Каирской конференции, окончившийся 5 декабря. В работе конференции принимали участие также министры иностранных дел, руководители различных ведомств, начальники генеральных штабов, советники и эксперты.

Главным вопросом повестки дня конференции был один: согласование военных действий против Японии, вопрос, который остался нерешенным на встрече в Квебеке. Выявившиеся задолго до Каирской конференции глубокие противоречия между США, Англией и Китаем по этому вопросу приобрели здесь еще более острый характер; и до начала конференции, и на ее открытии все участники много говорили о решимости как можно скорее разгромить Японию. Но когда подошли вплотную к вопросу о том, что каждый из участников должен для этого сделать, вновь всплыла давно сложившаяся ситуация: никто не хотел воевать, чтобы разгромить японцев и освободить Китай.

В одном из документов посольства США в Китае откровенно признавалось, что «каждая из союзных держав... маневрировала с целью приберечь свои военные силы, с тем чтобы прийти к столу мирных переговоров и иметь возможности торговаться»[65]. Правда, при этом оговаривалось, что, может быть, США составляют исключение[66]. Но эта оговорка не имела значения.

Руководствуясь узкокорыстными целями, каждая из трех делегаций прибыла в Каир с собственными планами, во многом прямо противоположными планам партнеров.

Соединенные Штаты преследовали цель заставить Чан Кайши активизировать китайский фронт военных действий; предусматривалось оказать ему помощь оружием и военной техникой, но в той мере, в какой это было, по мнению Вашингтона, необходимо, чтобы Китай мог самостоятельно разбить оккупантов на собственной территории. Это позволило бы американцам сконцентрировать силы на Тихом океане и овладеть Японией и другими стратегическими районами. Американские политики считали, что тратить силы на освобождение территории Китая нецелесообразно. В том случае, если им все же придется посылать войска, они наверняка надолго «завязнут» здесь.

На конференции в Каире США предложили Китаю начать наступление против японских войск в Северной Бирме, нанося удар из провинции Юньнань. Они обещали поддержать эту операцию ВМФ союзников из района Бенгальского залива, а также авиацией и другими родами войск со стороны Южной Бирмы. Операции было дано кодовое название «Бакканир». Ее главная цель: пробить через территорию этой страны путь в Китай для переброски туда оружия, военной техники и различных стратегических материалов.

Однако при уточнении плана китайская делегация выяснила, что реальное участие союзников в операции «Бакканир» незначительно. Основная задача, возлагавшаяся на военно-морские силы союзников, сводилась к операциям на линиях коммуникаций в океане. В ответ на требование Китая, чтобы наступление его войск на территории Бирмы было скоординировано с действиями союзных армий и осуществлялось бы в тесном взаимодействии с их ВМФ, было сказано, что сделать это практически не представляется возможным, так как военные корабли будут находиться от района боевых действий в Бирме на расстоянии 2—3 тыс. миль. У. Черчилль подчеркнул, что английское военное командование планирует подтянуть свои корабли к Бенгальскому заливу не ранее весны или начала лета 1944 г. А до этого времени Черчилль рекомендовал Чан Кайши предпринять действия, связанные с открытием дороги через Бирму, полагаясь на собственные силы, и посоветовал не бояться японцев: «Я не думаю, что японцы могут послать в Бенгальский залив крупные военно-морские силы»[67]. Чан Кайши же требовал от союзников не советов, а конкретных дел: направить в Бирму и Китай их войска.

Американцы много говорили об открытии дороги через Бирму. Но чунцинское правительство справедливо полагало, что союзники хотят открыть ее скорее для себя, чем для Китая. Чан Кайши заявил, что Китаю более всего нужен порт, а не дорога. Председатель Законодательного юаня (Палаты) Сунь Фо писал накануне Каирской конференции в газете «Нэшнл геральд» (рупор внешнеполитического ведомства Китая), что открытие дороги не имеет для его страны никакого практического значения. Действенным решением проблемы снабжения Китая всем необходимым должно было стать открытие союзными державами хотя бы одного порта на юго-восточном побережье страны[68]. В планах, связанных с бирманской дорогой, обнаружилась и такая малопривлекательная для китайцев деталь: по замыслу англо-американских стратегов ее открытие предназначалось для того, чтобы вести их войска не в Китай, а в сторону от него. В документах госдепартамента указывалось, что «после освобождения Северной Бирмы наши пути с англичанами разойдутся», что главные силы США ударят по Японии и по «центру новой японской империи», англичане же направят главный удар в южном направлении, чтобы восстановить бывшую колониальную империю[69].

Разработанный англичанами план предусматривал сосредоточение сил на юго-восточном фронте. В задачу его командования входило помимо захвата Гонконга, Сингапура, Малайзии и других колоний Британской империи также вывести из-под контроля Японии Таиланд и Французский Индокитай[70].

На Каирской конференции китайская сторона изложила свои цели. Они не предусматривали активизации самостоятельных действий гоминьдановских войск на фронте, зато Китай предъ-

являл огромный перечень требований к союзникам, и в первую очередь к США. Последние должны были взять на себя миссию по освобождению Китая, а начать его Чан Кайши предлагал с захвата объединенными американо-китайскими силами Кантона, Ханькоу, Шанхая и, возможно, Тайваня. После этого США должны были выделить из своих резервов 10 пехотных и 3 бронетанковые дивизии и другие части и во взаимодействии с китайцами повести наступление в направлении Центрального и Южного Китая. Командование американо-китайскими войсками предлагалось поручить Чан Кайши. Китайская делегация требовала также предоставить большое количество самолетов, в том числе 500 бомбардировщиков и другой боевой техники, обучить и вооружить 90 китайских дивизий. Подготовку первых 30 из них Китай просил завершить к 1 января 1944 г., вторых 30 дивизий — к маю, а оставшуюся часть — к 1 января 1945 г.[71].

Американцы обещали Китаю поставить оружие, военную технику, помочь в подготовке войск. Однако вокруг размеров военных поставок между участниками встречи начались споры, порой приобретавшие характер острых схваток. США наотрез отказались послать войска в Китай. Ф. Рузвельту удалось уговорить Чан Кайши предпринять наступление в Северной Бирме собственными силами, заверив его, что будет сделано все, чтобы поддержать китайские войска с юга операцией «Бакканир».

При обсуждении вопросов послевоенного урегулирования Чан Кайши добивался согласия союзников на отторжение у Японии и возвращение Китаю Маньчжурии, Тайваня и о-вов Пэнхуледао, а также Гонконга и Коулунского полуострова, являвшихся английской колонией. Он хотел заручиться и согласием на получение от Японии репараций за причиненный Китаю ущерб.

Помимо официальных переговоров Ф. Рузвельт провел с Чан Кайши ряд бесед «с глазу на глаз», во время которых обсуждались проблемы послевоенной долговременной стратегии США на Дальнем Востоке и роль, которая отводилась Китаю.

Как отмечалось в документах госдепартамента, содержание бесед Рузвельта с Чан Кайши не фиксировалось. Были сделаны лишь отдельные заметки в дневниках лиц из их окружения, присутствовавших на встречах, в частности Эллиотом Рузвельтом, сыном президента. В архивах гоминьдана на Тайване имеется так называемая «обобщенная запись» бесед, которая была передана американской стороне по ее просьбе и впоследствии опубликована[72].

Рузвельт пытался выяснить у Чан Кайши позицию его правительства по вопросам послевоенного урегулирования в Азии, активизации в войне против Японии. Рузвельт затронул и ряд других вопросов и выдвинул идеи, которые смогли бы заинтересовать китайское руководство в сближении с США.

Учитывая внешнеполитические амбиции китайских руководи-

телей и лично Чан Кайши, нашедшие отражение, в частности, в его книге «Судьбы Китая», в публикациях и заявлениях лидеров гоминьдана, Ф. Рузвельт высказался за то, чтобы Китай занял место среди «большой четверки» и на равных основаниях с США, Англией и СССР участвовал бы в решении международных проблем. Чан Кайши был подкуплен таким жестом американского президента, хотя не мог не понимать, что намерение США возвести Китай в ранг «великой державы» было политической демагогией. Чан Кайши заявил, что китайское правительство «с удовольствием готово участвовать во всех акциях большой четверки» [73]. В Вашингтоне исходили из того, что это участие будет подчинено интересам США.

Ф. Рузвельт высказался и за то, чтобы Китай занял «ведущую роль» в оккупации Японии после ее капитуляции. Чан Кайши отметил, что Китай недостаточно «оснащен» для такой «ведущей роли» и что эту миссию должны взять на себя США. Подобный ответ означал не только дипломатическую вежливость, но и пожелание, чтобы Соединенные Штаты вооружили Китай, и тогда он будет готов содействовать американцам в реализации их планов [74]. Рузвельт был вполне доволен ответом.

Чан Кайши заявил о намерениях своего правительства потребовать от Японии после ее капитуляции возместить ущерб, нанесенный Китаю, и попросил у Ф. Рузвельта поддержки в этом вопросе. Китай хотел бы получить от Японии в счет репараций промышленное оборудование, включая целиком оснащенные предприятия, которые должны быть демонтированы и перевезены в Китай, корабли военно-морского и торгового флота и т. п. Рузвельт выразил согласие с этими пожеланиями [75].

В беседах был затронут вопрос о судьбе отторгнутых Японией китайских территорий. США согласились поддержать требования Китая о возвращении ему Тайваня, о-вов Пэнхуледао и Маньчжурии, включая Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и портом Дальний [76].

Ф. Рузвельт затронул также вопрос о японских о-вах Рюкю и спросил, не желает ли Китай включить их в состав своей территории после окончания войны? Чан Кайши выразил готовность принять такой дар, но разделить его с США и предложил установить там американо-китайскую администрацию под международной опекой [77].

Был поднят американским президентом и вопрос о договоренности между двумя странами в связи с будущим Кореи, Индокитая и других колониальных владений, а также Таиланда. В китайских источниках, касающихся Каирской конференции, утверждается что Чан Кайши высказался за предоставление этим странам независимости. Однако эти утверждения являются необоснованными. Факты показали, что гоминьдановцы вынашивали в отношении этих стран экспансионистские замыслы и планировали их осуществить в подходящий момент. В частности, в Чунцине под крылышком гоминьдана находилось

так называемое «временное правительство» Кореи. Была создана также китайско-корейская ассоциация, которую гоминьдан использовал в качестве политического инструмента для осуществления своих планов. В послании в адрес этой ассоциации Чан Кайши заявил, что «Корея должна быть свободной и независимой»[78], а в беседах с американскими представителями говорил о том, что Корея должна быть подчинена Китаю, и высказывал планы захвата стратегически важных пунктов, в частности Пусана. «Это способствовало бы,— заявил он генералу Ведемейеру,— установлению контроля Китая над Кореей»[79]. С этой целью и было создано «правительство», сформированное из гоминьдановских агентов. Чунцин добивался его признания другими странами и просил поддержки США. Вашингтон отклонил это требование — американцы сами вынашивали экспансионистские планы в отношении Кореи. Кроме того, они понимали, что Чунцин хочет столкнуть Соединенные Штаты с Советским Союзом. В своем ответе на ноту МИД Китая по вопросу о признании марионеточного «правительства» госдепартамент США рекомендовал Чан Кайши «не спешить с этим делом»[80]. В докладной записке Рузвельту госсекретарь писал, что Советский Союз «может предпринять соответствующие контрмеры»[81].

У Рузвельта, в отличие от китайской стороны, был свой подход к корейской проблеме, который был изложен в его послании Чан Кайши в конце 1942 г. «В северной части Тихого океана, где американская территория расположена близко от Сибири, Кореи, Японии,— писал он,— было бы нежелательно решать без России такую проблему, как независимость Кореи. Игнорировать роль Советской России в этом регионе мира — значит вызвать усиление напряженности вместо того, чтобы ее ослабить»[82]. Вместе с тем Рузвельт не скрывал того, что США имеют виды на Южную Корею: «Южная Корея — это район, опираясь на который США и Китай могли бы защищать мир в западной части Тихого океана»[83].

Таковы были позиции Вашингтона и Чунцина при обсуждении корейского вопроса на встрече Рузвельта и Чан Кайши в Каире. Но, как следует из опубликованных материалов, планы гоминьдановского правительства решить вопрос о Корее за спиной ее народа и Советского Союза не удались.

В ходе переговоров Чан Кайши поднял также вопросы послевоенного экономического развития Китая. Они обсуждались в руководящих гоминьдановских кругах, в специально созданной комиссии. Все расчеты строились на широком привлечении американского капитала. Президент США заявил Чан Кайши, что его правительство учтет эти пожелания.

Ф. Рузвельт высказался за заключение между США и Китаем соглашений, предусматривающих оказание обоюдной помощи в случае «иностранной агрессии» и создание на Тихом океане американских военных баз. Чан Кайши выразил готов-

ность заключить военно-политический союз, имея в виду, что своим острием он будет направлен против Советского Союза, и предложил создать американо-китайские военные и военно-морские базы, согласившись передать под одну из них Порт-Артур. Окончательного решения по этим вопросам принято не было.

По всем проблемам, касающимся Азии, Ф. Рузвельт и Чан Кайши договорились консультироваться между собой [84].

На этом первая часть конференции в Каире закончилась. Англичане были ею крайне недовольны. Черчилля более всего раздражало то, что Рузвельт «оказался поглощен продолжительными совещаниями с генералиссимусом» [85]. Это усиливало недоверие английского премьера к американскому и китайскому партнерам, его подозрения в их сделках за счет Великобритании. «Присутствие Чан Кайши,— писал он в своих мемуарах,— привело как раз к тому, чего мы более всего опасались. Китайский вопрос ... второстепенный, мешал переговорам английских и американских штабов». Черчилль считал, что военные усилия Китая в борьбе с Японией являются столь незначительными, что китайским делам, «сложным и запутанным», конференция должна была бы отвести «последнее место» [86].

Как мы уже писали, второй этап переговоров начался по возвращении Ф. Рузвельта и У. Черчилля из Тегерана. На заключительных заседаниях конференции Чан Кайши не был — он покинул Каир сразу же после отъезда руководителей США и Англии в Тегеран. Переговоры шли по тем же вопросам: об операциях в Бирме, в Бенгальском заливе, об активизации действий на китайском фронте, о переброске туда американских вооруженных сил, об увеличении поставок Китаю боевой техники.

Лорд Маунбаттэн, участник переговоров, записал в своем дневнике, что Ф. Рузвельт, У. Черчилль и начальники объединенных штабов «были доведены до потери рассудка» [87]. Отвечая на требования китайцев об увеличении поставок оружия по воздушному мосту через Гималаи, генерал Маршалл раздраженным голосом кричал, чтобы ему не указывали, сколько США должны выделить самолетов и летчиков для этой цели. «Это в конце концов американские самолеты и американские летчики, и позвольте нам самим ими распоряжаться,— заявил он.— А если Китай хочет получить больше материалов, пусть он воюет сам и открывает бирманскую дорогу!» [88].

Получив на Тегеранской конференции согласие СССР вступить в войну с Японией после разгрома «третьего рейха», У. Черчилль решил, что с Японией теперь будет покончено и без Великобритании, а тем более — без Китая. Он наотрез отказался от участия английских вооруженных сил в операции «Бакканир». Американцы продолжали настаивать на ее проведении. Адмирал Леги высказывал опасения, что «Чан может выпасть из войны». Ф. Рузвельт заявлял, что он несет мораль-

ную ответственность перед Чан Кайши за данные им заверения, что союзники осуществят десант в Бирме. Имелось в виду, что главные силы выставят не американцы, а англичане, что последних совершенно не устраивало.

После жарких дискуссий американцам пришлось уступить, и Рузвельт был вынужден 5 декабря телеграфировать Чан Кайши в Чунцин, что операция «Бакканир» отменяется [89].

На этом Каирская конференция закончилась. Еще до ее завершения, 1 декабря, было опубликовано коммюнике, вошедшее в историю под названием «Каирская декларация».

По прибытии в Чунцин Чан Кайши созвал пленум ЦИК гоминьдана, на котором дал восторженную оценку результатам конференции, с похвалой отозвался о позиции США и лично Ф. Рузвельта, который «словом и делом помогает Китаю стать независимым и равноправным государством» [90]. Особо Чан Кайши превознес значение той части декларации, в которой говорилось о возвращении Китаю Тайваня, Маньчжурии, о-вов Пэнхуледао, назвав это беспрецедентным успехом китайской дипломатии. Правда, тут же он оговорился, что от принятия до осуществления решений конференции — дистанция огромного размера. «Если наша страна не станет богатой и сильной,— заявил он,— то все это не будет стоить и клочка бумаги». Он призвал китайцев приложить «все силы и старания ... только тогда станет возможным закрепить плоды дипломатической победы» [91].

В Белый дом от имени Чан Кайши была направлена телеграмма, подписанная его супругой Сун Мэйлин, в которой подчеркивалось, что «Каирская декларация воздействовала на моральный подъем армии и народа подобно электрическому току ... что вся нация, как никогда, аплодирует, единодушно приветствуя конференцию как надежный маяк, указывающий Дальнему Востоку путь к миру» [92].

Однако после ответной телеграммы Ф. Рузвельта, которая извещала об отмене принятого в Каире соглашения по поводу проведения операции «Бакканир», в Китае пришли в полное замешательство. Не только руководители правительства, но и широкие общественно-политические круги были поражены тем фактом, что не успели высохнуть чернила, которыми были подписаны каирские документы, как союзники отказались от принятых решений. В телеграмме, направленной Ф. Рузвельту 9 декабря 1943 г., Чан Кайши пытался припугнуть Белый дом. «Если бы китайская армия и народ узнали, что со стороны союзников готовятся радикальные изменения в их политике и стратегии,— писал Чан Кайши,— то это могло бы иметь тяжелейшие последствия... Китай не сможет продержаться в войне и поэтому не исключена его капитуляция» [93].

Чан Кайши хорошо понимал, что США и их партнеры привыкли делать только то, что им выгодно, поэтому заставить их изменить решение о «Бакканире» — дело бесполезное. В Ва-

шингтоне, в свою очередь, привыкли к угрозам и запугиваниям со стороны Чан Кайши и не придавали им никакого значения.

Гоминьдановское правительство потребовало от Белого дома, отказавшегося от проведения операции «Бакканир», предоставить Китаю «золотой заем» в размере 1 млрд. долл., увеличить вдвое против обещанного в Каире поставки самолетов, довести до 20 тыс. т ежемесячные поставки грузов (вместо обещанных 10 тыс.), перебрасываемые авиатранспортом через Гималаи. Если же эти требования не будут удовлетворены, то «Китай не сможет продержаться и 6 месяцев»[94]. Но эта телеграмма не произвела в Вашингтоне желаемого впечатления: удовлетворить запросы китайского правительства там отказались.

Таким образом, Каирская конференция не смогла решить вопросов дальнейшего ведения войны с Японией, не оказала содействия делу скорейшего освобождения Китая, на что так надеялись не только в Чунцине, но и в Яньани, не только не устранила, а углубила противоречия между партнерами. Политический результат конференции свелся лишь к принятию декларации, которая носила самый общий характер. Правда, в ней содержались положения о том, чтобы лишить Японию всех территорий, которые она захватила силой, и возвратить Китаю отторгнутые у него районы. На словах провозглашались высокие принципы о праве народов самим избирать форму правления. На деле же ни у США, ни у Великобритании не было ни малейшего намерения помочь народам Азии обрести независимость. Как показали дальнейшие события, решения конференции были использованы империалистическими кругами США и Англии для прикрытия своих агрессивных планов в Азии, в том числе в отношении Китая, Кореи и других стран.

Вопросы Дальнего Востока на Тегеранской конференции: курс СССР на освобождение народов Азии

Иной характер носила конференция, состоявшаяся 28 ноября — 1 декабря 1943 г. в столице Ирана — Тегеране.

Это была первая встреча глав правительств трех союзных держав во второй мировой войне — СССР, США и Великобритании. Она проходила в обстановке, когда Советский Союз одерживал одну за другой серьезные победы на советско-германском фронте военных действий. В течение лета — осени 1943 г. войска Советской Армии продвинулись в центральной части фронта на 500 км; от оккупантов было очищено почти $^{2}/_{3}$ захваченной территории.

Англо-американские войска продолжали на тихоокеанском фронте топтаться на месте и все еще не открывали второго фронта в Европе.

Как уже отмечалось выше, у США и Англии не было со-

гласованной линии не только в вопросе о войне с Японией, но также и о войне с Германией. В Лондоне и Вашингтоне политические и военные стратеги с возрастающей тревогой думали и о том, что же будет после разгрома Германии и Японии. Эти мысли особенно не давали покоя У. Черчиллю, взявшему на себя миссию выразителя интересов наиболее консервативных кругов Запада. В то время, когда народы всего мира рукоплескали блестящим победам советских войск, Черчилля и его единомышленников все чаще мучили вопросы, о которых он впоследствии с откровенностью писал в мемуарах: «За победоносным русским фронтом поднимал голову коммунизм». Для европейских и других народов «Россия была спасительницей, а коммунизм был евангелием, которое она несла с собой»,— с досадой признавался он [95].

Реальная действительность с неумолимой силой заставляла союзников идти на переговоры с руководителями Советского государства, потому что оно было решающей силой, без которой, а тем более вопреки которой они ничего не могли предпринимать ни на западном, ни на дальневосточном фронтах. Эти обстоятельства и побудили Рузвельта и Черчилля обратиться к И. В. Сталину с предложением провести встречу в верхах.

Предложение это нашло полную поддержку Советского правительства, которое придавало большое значение укреплению сотрудничества с союзниками в борьбе за разгром фашизма и делало все возможное со своей стороны по усилению антигитлеровской коалиции. Выражая принципиальное согласие на встречу, И. В. Сталин указал при этом, что поскольку Советская Армия ведет войну с главными силами гитлеровской Германии, которая продолжает перебрасывать на советско-германский фронт все новые и новые дивизии, он не может уезжать далеко от границ СССР. И. В. Сталин предложил до встречи в верхах провести «в близком будущем» встречу министров иностранных дел трех союзных держав, подчеркнув, что она должна носить «не узкоисследовательский», как предлагали Рузвельт и Черчилль, а «практически подготовительный характер, для того чтобы после этого совещания наши правительства могли принять определенные решения и тем самым можно было бы избежать задержки в принятии решений по неотложным вопросам» [96].

Предложение И. В. Сталина было принято, и с 19 по 30 октября в Москве проходила конференция министров иностранных дел СССР, США и Англии. На ней был рассмотрен ряд важных вопросов о сотрудничестве трех держав как в период войны, так и в послевоенное время. В качестве главного вопроса советская сторона предложила рассмотреть мероприятия, направленные на скорейшее окончание войны, и установить точную дату открытия второго фронта. Представители США и Англии отказались это сделать, а согласились лишь записать в

решении, что три правительства признают своей «первейшей целью ускорение конца войны»[97].

Конференция министров иностранных дел ускорила встречу глав правительств, но оставалось еще много вопросов, подлежащих согласованию.

Длительная и интенсивная переписка между главами правительств развернулась вокруг вопроса о месте встречи. По престижным, а может быть и по иным, соображениям США и Англия хотели, чтобы встреча состоялась где-то на полпути от Вашингтона и Лондона. Назывались различные пункты, расположенные вдали от СССР. В конце концов Ф. Рузвельт и У. Черчилль согласились с советским предложением провести конференцию в столице Ирана[98].

Глав правительств трех союзных держав сопровождали министры иностранных дел, дипломатические советники и представители военных штабов.

Президент Ф. Рузвельт хотел, чтобы на Тегеранскую конференцию был приглашен и Чан Кайши. Но поскольку СССР не находился в состоянии войны с Японией, Советское правительство считало нецелесообразным свое участие в конференции, где будет присутствовать представитель Китая, и потому идея о приглашении Чан Кайши была отклонена советской стороной.

Вопросы Дальнего Востока, и в частности Китая, специально на обсуждение не ставились. Но в ходе встречи они в той или иной форме оказались в поле зрения ее участников, и по ним также состоялся обмен мнениями, ибо исход войны с Японией в решающей степени зависел от Советского Союза, хотя его делегация не проявляла инициативы в постановке этих вопросов, считая это преждевременным.

На встрече И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом, состоявшейся 28 ноября, накануне официального открытия конференции, президент США по своей инициативе информировал главу Советского правительства о Каирской встрече, о переговорах с Чан Кайши, об операции «Бакканир», помощи, оказываемой Соединенными Штатами гоминьдановскому правительству.

Касаясь китайских проблем, Ф. Рузвельт сказал, что он имел «очень интересные беседы» с Чан Кайши, и тут же дал понять, что относится к китайскому партнеру без особого доверия. Президент заметил, что хотел избежать присутствия китайского представителя на встрече в Тегеране (что, как известно, не совсем отвечало действительности).

Ф. Рузвельт информировал И. В. Сталина о помощи США в переподготовке и вооружении китайских войск, об оснащении 30 дивизий, находящихся в Южном Китае, об оснащении впоследствии еще 30. На замечание И. В. Сталина, что войска Чан Кайши плохо воюют, Ф. Рузвельт сказал, что согласен с этой оценкой[99].

Глава Белого дома отметил, что «очень рад был узнать,

что Чан Кайши не хочет Индокитая». Французы, продолжал он, хозяйничали в Индокитае 100 лет, и благосостояние народа в настоящее время там хуже, чем век назад. По словам Рузвельта, Чан Кайши считает, что народ Индокитая не готов к самоуправлению. В связи с этим президент привел пример с Филиппинами (охарактеризовав, по сути, колонизаторскую роль США чуть ли не как благородную миссию) [100].

Ф. Рузвельт заявил далее, что, по его мнению, над Индокитаем следовало бы установить контроль трех-четырех государств, а лет через 30—40 подготовить переход его народа к самоуправлению. Такое же положение он считал верным и в отношении других колоний [101]. В то же время президент упомянул о противодействии английского правительства. «Черчилль,— сказал он,— не хочет решительно действовать в отношении осуществления этого предложения о попечительстве, так как он боится, что этот принцип придется применить и к его колониям» [102]. И. В. Сталин согласился с тем, что У. Черчилль, конечно, не будет доволен таким предложением.

Глава Советского правительства в принципе положительно отнесся к идее Ф. Рузвельта о создании международной комиссии по колониям, которая будет инспектировать колониальные страны с целью изучения и возможного улучшения их положения.

Касаясь проблем Азии, Ф. Рузвельт сказал, что «об Индии с Черчиллем лучше не говорить» [103]. И. В. Сталин подтвердил, что, действительно, «Индия — это больное место Черчилля» [104]. На высказывания президента США относительно возможных путей решения индийской проблемы и будущего государственного устройства Индии по типу «советской системы» — «начиная снизу, а не сверху», И. В. Сталин ответил, что «начать снизу — это значит идти по пути революции» [105].

Разумеется, в своих высказываниях по затронутому Рузвельтом вопросу об опеке, попечительстве, комиссиях и т. п. глава Советского правительства исходил из кардинально иных позиций. СССР не на словах, а на деле стремился к тому, чтобы помочь колониальным народам Индокитая, Индии, Кореи, Таиланда, Бирмы, других стран Востока вырваться из оков не только французских, английских, голландских колонизаторов, но также из-под господства американского империализма. И. В. Сталин указал на то, что народы стран антигитлеровской коалиции ведут кровопролитную войну против фашизма не для того, чтобы сохранить колониальные режимы, а чтобы навсегда с ними покончить. Он подчеркнул, что не представляет себе, чтобы союзные войска проливали кровь за освобождение Индокитая, а потом восстанавливали там колониальный режим. «После того,— сказал И. В. Сталин,— что японцы проделали с идеей независимости в Бирме и Таи, нужно подумать о том, как заменить старый колониальный режим режимом более свободным» [106].

Информируя Сталина о беседе с Чан Кайши об Индокитае, Рузвельт не разъяснил, почему у руководителей американского правительства возникло желание «предложить Индокитай» гоминьдановскому Китаю, не испросив на это согласия самих индокитайцев. Он умолчал также о том, что в действительности замышлялось в тайных канцеляриях военного и дипломатического ведомств Вашингтона и какую «свободу и независимость» готовили народам Индокитая правящие круги США. И события 50—60-х годов в этом районе мира показали, какую подлинную цель преследовали здесь Соединенные Штаты.

Заявление Ф. Рузвельта, что Чан Кайши «не хочет Индокитая», не совсем точно передавало позицию гоминьдановского лидера. Чан Кайши хитрил, не желая раньше времени раскрывать карты. В действительности правящие круги Китая, как и американцы, тоже подумывали, как лучше осуществить свои экспансионистские планы в отношении Индокитая. Гоминьдановцы понимали, что подобный подарок американцы просто так не преподнесут: их заставят воевать, и не только в Индокитае, но и там, где укажут США. А этого Чан Кайши не хотел.

Что же касается того, мечтал ли в действительности он «получить Индокитай», ответ на этот вопрос содержится в документах госдепартамента США. В одном из них, датированном 22 июня 1945 г., в частности, указывалось: «Трения между Францией и Китаем из-за Индокитая будут, по-видимому, продолжаться ... как думают французы, несмотря на заявления генералиссимуса, отрицающие наличие у него территориальных амбиций, он будет стремиться доминировать в Северном Индокитае, если не аннексировать его» [107].

Гоминьдановская газета «Нэшнл геральд», отражая мнения официальных кругов о будущем Индокитая, указывала, что если он не будет готов к самоуправлению, а именно так считал Чан Кайши, то на конференции по послевоенному урегулированию Чунцин «предложит передать его Китаю как подмандатную территорию» [108]. На изданных тогда в Китае географических картах Северный Вьетнам был обозначен как китайская территория. Под предлогом борьбы с японцами Чан Кайши стремился ввести свои войска в Индокитай, но встретил решительное сопротивление правительства Виши [109].

Экспансионистские устремления Китая в Юго-Восточной Азии не ограничивались попытками установить контроль над французским Индокитаем. Еще в ходе войны им были приняты меры для проникновения в Таиланд. Активную деятельность против планов США и других западных держав развила там китайская разведка: засылаемых в Таиланд американских разведчиков она выдавала японцам.

Чан Кайши более всего боялся подъема в Таиланде национально-освободительного движения, отказывая его участникам в поставках орудия и в иной помощи [110]. В Чунцине считали, что это движение может стать помехой в осуществлении экс-

пансионистских планов Китая. В июле 1942 г. посольство США в Китае сообщило в Вашингтон, что в официальных кругах Чунцина и в прессе имеют место высказывания об установлении над Таиландом китайского протектората [111].

Стремясь закрепиться в Таиланде и Бирме, превратить эти страны в своих «вассалов», Китай преследовал далеко идущие стратегические цели: открыть прямой выход к Индийскому океану, расположенным в его бассейне странам, куда издавна устремлялись мощные потоки китайской иммиграции.

Экспансионистские планы Чан Кайши в отношении французского Индокитая и других территорий нашли отражение и в вышедшей вскоре после Каирской конференции его книге «Судьбы Китая», где он писал: «Свежа память о трагической потере о-вов Рюкю, Гонконга, Формозы, Пескадорских островов, Индокитая, Бирмы и Кореи, когда перед нашей страной встала угроза окончательного раздела» [112]. Таким образом, Чан Кайши был вовсе не таким скромным по части территориальных амбиций, как это преподносил Рузвельт в беседе со Сталиным. Оценивая результаты Каирской конференции, Рузвельт сказал Сталину, что, по его мнению, «китайцы удовлетворены принятыми решениями» [113].

Ф. Рузвельт и У. Черчилль привезли с собой в Тегеран текст коммюнике Каирской конференции и передали его И. В. Сталину с просьбой высказать свое мнение. 28 ноября В. М. Молотов вручил послу США в СССР А. Гарриману и послу Англии в СССР А. Кэрру, находившимся в Тегеране, письмо, в котором указывалось, что Сталин ознакомился с коммюнике, благодарит за информацию и заявляет, что он не имеет каких-либо замечаний по поводу этого документа [114].

На состоявшемся 28 ноября пленарном заседании, которым официально открывалась конференция в Тегеране, первое слово было предоставлено Ф. Рузвельту. Он начал выступление с обзора военных действий на Тихом океане, т. е. «той части войны, как сказал он, которая больше касается Соединенных Штатов, чем Советского Союза и Великобритании», и где, по его словам, «Соединенные Штаты несут основное бремя войны, получая помощь от австралийских и новозеландских войск» (об Англии Рузвельт даже не упомянул).

Президент заявил, что американцы послали в район Тихого океана значительную часть своего военно-морского флота и более 1 млн. человек. Однако при таком рассредоточении сил результат наступательных действий американцев был не очень внушительным, и потому Рузвельт сослался на слишком большую протяженность этого театра военных действий и на то, что «одно судно может совершить в год лишь три круговых рейса из США». Он заявил, что американское командование следует «принципу истощения сил врага» и такая тактика приведет к успеху. А успех, по его словам, заключался в том, что США топили суда противника большего тоннажа, чем он мог воз-

местить постройкой новых судов. Кроме потопления японских судов, никаких других существенных фактов Рузвельт привести не мог. В общей форме он заявил, что американцы продвигаются на Южных островах, а через некоторое время предполагают начать продвижение и на островах к востоку от Японии. Здесь он снова сослался на дальность расстояния и на трудности морских перевозок, поэтому «на севере мы мало что можем сделать» [115].

Перейдя к обзору военного положения в восточной части Тихого океана, включая и китайский фронт, Рузвельт определил задачи союзников и роль Китая весьма скромно: «Одна из наших главных задач состоит в том, чтобы удержать Китай в состоянии войны с Японией. Поэтому на Каирской конференции достигнута договоренность с Чан Кайши об экспедиции через Северную Бирму и из Юньнаньской провинции Китая. Руководство этой операцией возложено на лорда Маунбэттена. Кроме того, намечается десантная операция на юге Бирмы для того, чтобы перерезать линии японских коммуникаций в районе Бангкока. Мы считаем абсолютно необходимым открыть дорогу в Китай, с тем чтобы использовать эту дорогу для поставки Китаю боеприпасов и вооружения для продолжения войны против Японии ... Вторая наша цель — начать бомбардировку Токио и японских промышленных центров» [116].

К этому свелся обзор боевых действий США на Тихом океане и дальнейших планов США, Англии и Китая в войне с Японией. На фоне информации об успехах Советской Армии на фронтах Великой Отечественной войны, с которой выступил глава советской делегации, союзники по войне с Японией выглядели несолидно, хотя ни в какое сравнение не шли и трудности, которые испытывали они, с теми, что приходилось преодолевать советским войскам.

В ходе работы конференции главы правительств СССР, США и Англии не раз возвращались к проблемам Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, затрагивая их отдельные аспекты. Во время беседы, состоявшейся 30 ноября, У. Черчилль неоднократно касался вопроса о незамерзающих портах. «Совершенно очевидным является тот факт,— сказал он,— что Россия должна иметь выход в теплые моря» [117].

И. В. Сталин подтвердил, что проблема незамерзающих портов, свободного выхода в моря является для Советского Союза весьма острой и виновной он считает Англию, которая упорно противилась справедливому решению вопроса о пользовании средиземноморскими проливами. Сталин заявил, что до сих пор англичане стремились держать Россию запертой в Черном море, и если они не хотят поступать таким образом и теперь, то должны облегчить установленный режим проливов.

У. Черчилль признал справедливость этих претензий, но сказал, что до вступления Турции в войну против держав «оси» он не хотел бы поднимать этот вопрос.

И. В. Сталин заметил, что Советский Союз заперт и на Дальнем Востоке, поскольку советские суда вынуждены проходить либо Симоносекский, либо Цусимский проливы, которые в любое время могут быть закрыты японцами, и указал на неудобства пользования портом Петропавловск-Камчатский ввиду отсутствия ведущих к нему путей сообщения [118].

В этой связи Ф. Рузвельт выдвинул идею о том, что на Дальнем Востоке свободным портом мог бы стать Дальний (Дайрен). Отвечая на замечание Сталина, что Китай может быть этим недоволен, американский президент заявил, что Китай с этим согласится [119].

Среди незамерзающих дальневосточных портов был упомянут также Порт-Артур. Сталин заметил по этому поводу, что этот порт более подходит в качестве военно-морской базы, чем базы для торговых судов [120].

Высказывая свои замечания по поднятым союзниками вопросам о китайских портах, И. В. Сталин, разумеется, не мог сказать им главного: СССР исходил из того, чтобы эти порты не попали в руки американцев и англичан и чтобы они служили интересам развития советско-китайского сотрудничества и делу китайской революции, как впоследствии это и случилось.

Затрагивая в беседах со Сталиным дальневосточные вопросы, Рузвельт и Черчилль интересовались прежде всего важнейшей для них проблемой: собирается ли Советский Союз вступить в войну против Японии и когда это произойдет?

Идя навстречу пожеланиям союзных держав и стремясь оказать эффективную помощь народам Азии в их борьбе, Советское правительство заявило о принципиальном согласии вступить в войну с Японией. На пленарном заседании конференции 28 ноября И. В. Сталин, отвечая на выступление Ф. Рузвельта, заявил: «Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживались и одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей, потому что наши силы заняты на Западе и у нас не хватает сил для каких-либо операций против Японии... Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но не для наступательных операций. Тогда эти силы надо увеличить по крайней мере в три раза, а это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда— общим фронтом против Японии» [121].

Говоря о положении на советско-германском фронте, о трудностях, вызванных тем, что Советскому Союзу приходится нести на своих плечах всю тяжесть войны с гитлеровской Германией, Сталин подчеркнул: «Все это определяет нашу позицию в том смысле, что мы, русские, должны вести войну на одном фронте — на западном, и вынуждены на дальневосточном фронте молчать» [122].

Хотя обмен мнениями по дальневосточным вопросам носил

предварительный характер, он был весьма полезным и послужил основой для выработки окончательных решений, которые были приняты впоследствии на Крымской конференции глав правительств союзных держав.

Согласие СССР вступить в войну с Японией было воспринято руководителями США и Англии с глубоким удовлетворением. Наряду с решениями по вопросам, касающимся войны против гитлеровской Германии, оно содействовало укреплению англо-американо-советского боевого союза [123]. Как признают американские историки, на Рузвельта произвело большое впечатление то, что обещание вступить в войну с Японией было получено им лично от главы Советского правительства. Оно имело особый вес после неудачных попыток Рузвельта и Черчилля в Каире добиться от Чан Кайши активизации военных действий. Это еще раз убедило Рузвельта в необходимости сотрудничества с Советским Союзом, о чем он неоднократно говорил в своих заявлениях. Выступая 30 ноября на приеме в английском посольстве, он сказал: «Мы доказали здесь, в Тегеране, что различия в идеалах наших народов могут слиться в гармоническое целое» [124].

Хотя по ряду вопросов, касающихся Европы, конференция не смогла выработать взаимоприемлемых решений, однако в целом на ней восторжествовали принципы взаимопонимания, направленные на быстрейшее окончание войны. Более того, в принятой «Декларации трех держав» выражалась решимость, что страны антигитлеровской коалиции «будут работать совместно как во время войны, так и в последующее мирное время» [125].

В странах антигитлеровской коалиции решения Тегеранской конференции получили горячую поддержку. Но при этом в официальных кругах искусственно преувеличивались итоги встречи в Каире, подчас ее значение приравнивалось к значению Тегеранской конференции.

Представители правящих кругов Китая и гоминьдановская пресса выступали с еще более предвзятых позиций. Расхваливая результаты Каирской встречи, они почти замалчивали итоги Тегеранской конференции, как и Московской конференции министров иностранных дел. Органам пропаганды гоминьдана было дано указание воздерживаться от комментариев по работе двух конференций. В этом проявлялось недовольство тем, что обе конференции были созваны для рассмотрения вопросов, связанных лишь с войной против Германии, в то время как Чунцин настаивал на том, чтоб в первую очередь должны были решаться вопросы китайского фронта (Чунцин еще не был уведомлен о сделанном в Тегеране заявлении И. В. Сталина о согласии СССР вступить в войну против Японии). Кроме того, в Чунцине были недовольны тем, что Китай не был приглашен для участия в Московской и Тегеранской конференциях. Правда, Китаю было предложено подписать документ, приня-

тый на встрече в Москве, но это не устранило чувства недовольства. Своего рода демонстрацией по отношению к Тегеранской встрече явился тот факт, что Чан Кайши не явился на вторую, заключительную часть Каирской конференции, хотя У. Черчилль и Ф. Рузвельт просили его не покидать Каира, а советовали использовать дни их отсутствия для ознакомления с Египтом.

Широкие общественно-политические круги Китая с глубоким удовлетворением восприняли как сам факт встречи руководителей СССР, США и Англии, так и решения Тегеранской конференции. Это нашло отражение в коммунистической прессе Китая. Правда, наряду с материалами по поводу указанных решений здесь довольно широко публиковались также сообщения и комментарии американских и английских агентов о Каирской встрече, пестрящие такими, ничем не оправданными оценками ее итогов, как «Историческая встреча, разработавшая план достижения победы над Японией», «Объединение военных целей Китая и союзников в Юго-Восточной Азии в единое целое», «Час гибели Японии предрешен», «Каирская конференция означает для Японии „закат Солнца“»[126] и т. п. Орган ЦК КПК газета «Цзефан жибао» вопреки действительности утверждала, что «Каирская конференция решила важнейшую проблему на Дальнем Востоке, а именно — проблему укрепления единства и сплоченности союзных держав в борьбе против капитулянтских сделок в интересах ведения длительной и тяжелой войны с японскими захватчиками»[127]. Однако в целом яньаньская печать отразила высокую оценку китайских коммунистов, прогрессивной общественности страны, которая была дана конференциям в Москве и Тегеране, и важным решениям, принятым на них под воздействием Советского Союза.

В передовой статье «Цзефан жибао», посвященной Каирской и Тегеранской конференциям, отмечалось, что Московская конференция, ее «успехи имеют поистине эпохальное значение. Они окажут глубокое влияние на жизнь человечества как в период войны, так и в послевоенные годы»[128]. В другой статье, положительно оценивая и Каирскую и Тегеранскую конференции, «Цзефан жибао» признавала вместе с тем особо важное значение последней «для великого дела победы над мировым фашизмом и для установления прочного мира». Говоря о решении Тегеранской конференции, о планах союзных держав по окончательному разгрому гитлеровской Германии, газета, выражая чаяния и надежды китайского народа, подчеркивала, что «победа над Германией ускорит победу над Японией и китайский народ сможет скорее добиться освобождения»[129].

Прогрессивная общественность страны понимала, что победа над Японией еще не означает получения независимости народами Азии. Она не находила в «Каирской декларации» ясного ответа на вопрос, что же ожидает Китай, как и другие оккупированные японцами страны, после окончания войны.

В раздумьях над своим будущим порабощенные народы Востока все чаще обращали свои взоры к Советскому Союзу. В документах ВКП(б), выступлениях руководителей Советского правительства по вопросам, касающимся как целей войны, так и задач мира, они находили ответы, вдохновлявшие их на освободительную борьбу. В программе послевоенного устройства мира и безопасности, изложенной в докладе И. В. Сталина 6 ноября 1943 г. по случаю XXVI годовщины Октября, предусматривалось освобождение народов Европы от фашистского порабощения и оказание им помощи в воссоздании своих государств; предоставление освобожденным народам права самим решать вопрос государственного устройства; суровое наказание виновников войны; создание необходимых условий для предотвращения возникновения новой агрессии со стороны Германии; длительное экономическое, политическое и культурное сотрудничество всех народов Европы.

Основные положения и принципы этой программы удалось отразить в документах Московской и Тегеранской конференций. И хотя здесь речь шла о Европе, народы Востока, в том числе Китая, видели в них свой завтрашний день. И, как писала «Цзефан жибао», именно эти принципы должны быть положены в основу при послевоенном устройстве мира и на Дальнем Востоке с тем, чтобы «народы, страдавшие под пятой фашизма, получили полную свободу и независимость»[130].

ГЛАВА 2

От Каира и Тегерана до Ялты

Военно-политическая обстановка в Китае и положение на тихоокеанском театре войны. Деятельность дипломатии США и Китая перед Крымской конференцией

Каирская конференция глав правительств США, Англии и Китая не внесла ничего нового в ситуацию ни на китайском театре военных действий, ни в Китае в целом. В связи с отказом, США и Англии осуществить операцию «Бакканир» гоминьдановское правительство решило придерживаться той же стратегии и тактики, которая проводилась до этой встречи: не предпринимало наступлений против японских войск, отправляло поступавшие по воздушному пути через Гималаи американские поставки по ленд-лизу на склады, формировало при содействии американцев новые дивизии, но в дело их не пускало.

Некоторого продвижения американцам удалось достичь на тихоокеанском театре войны. В результате начатого в ноябре 1943 г. наступления в центральной и южной частях Тихого океана они овладели о-вом Сайпан, к середине августа 1944 г.— о-вом Гуам, а также рядом более мелких островов. В течение этого года англо-американские войска установили контроль над большинством островов центральной и юго-западной части океана. В октябре американские войска продвинулись в зону Южных морей и высадились на о-ве Лейте. В январе 1945 г. был захвачен о-в Лусон. С некоторых из этих островов США приступили к бомбардировкам крупных городов Японии — Токио, Нагоя, Осака, Кобе и др. Но на материковую часть Азии по-прежнему вступать не решались.

В связи с продвижением англо-американских войск японцы были вынуждены скорректировать свои позиции на суше. Они отступили с оккупированных территорий Индии, оставили часть Бирмы. Однако эти неудачи японской армии и успехи англо-американских войск не имели решающего значения для общего хода войны. По оценке Ф. Рузвельта, они «не приближали

союзные державы к жизненно важным районам Японии»[1]. Япония по-прежнему сохраняла за собой почти все захваченные ею страны Южной и Юго-Восточной Азии и прочно удерживалась в оккупированных районах Китая. На ряде островов, занятых американцами, в труднодоступных районах еще оставались крупные японские силы, которые продолжали упорно сопротивляться. Многие острова американские войска вообще не занимали. Командование США придерживалось тактики так называемых «москитных операций», или «перепрыгивания» с острова на остров в направлении к Японии. Поскольку островов было много, этот процесс приобрел крайне затяжной характер.

С 1944 г. японские военные власти начали резко наращивать военно-промышленный потенциал в Маньчжурии, перебрасывая туда оборудование заводов из оккупированных районов Китая, с островов Тихого океана, а также частично из самой Японии. Расширялось военно-промышленное производство в Корее. Япония готовилась к длительной и упорной войне.

Япония планировала превратить Северный Китай и Маньчжурию в опорные тыловые базы, а на Тихом океане задержать продвижение союзников на подступах к своей территории и готовиться здесь к решающему сражению, так как была намерена продолжать борьбу даже в случае потери собственных островов. Для этого она располагала значительными армиями, насчитывавшими свыше 7 млн. человек, в том числе около 6 млн.— в сухопутных войсках и авиации, а также 6,5 тыс. боевых самолетов и около 500 боевых кораблей[2].

К январю 1945 г. США и Англия имели для ведения войны с Японией около 2 млн. человек, свыше 19 тыс. самолетов, более 700 боевых кораблей и подводных лодок[3]. Общий перевес сил на суше был на стороне Японии, на море и в воздухе — на стороне США и Великобритании.

Исходя из этого, руководители англо-американского командования считали, что война с Японией может затянуться до конца 1946 г. и даже до 1948 г.[4]. Единственная возможность, которая, по мнению США и Англии, могла приблизить час победы,— это сотрудничество с СССР. Получив на Тегеранской конференции на это принципиальное согласие Советского руководства, Вашингтон и Лондон начали добиваться его скорейшей реализации.

С июля 1944 г., когда разгром гитлеровской Германии стал уже вопросом времени, Ф. Рузвельт и У. Черчилль направили свои усилия на созыв новой встречи глав правительств союзных держав.

Вступая в переговоры с СССР об организации такой встречи, Белый дом одновременно предпринял дипломатические маневры в Китае, рассчитанные на то, чтобы максимально активизировать китайский фронт военных действий. Разумеется, Вашингтон не строил иллюзий на счет того, что ему удастся превратить Китай в достаточно сильного в военном отношении

союзника, чтобы победить Японию без помощи СССР. Американская дипломатия рассчитывала на то, что до вступления СССР в войну с Японией США сумеют максимально укрепить военные, политические и экономические позиции в Китае и занять доминирующее положение на Дальнем Востоке. Активизацией китайского фронта Соединенные Штаты хотели, как минимум, ослабить политическое влияние, которое мог оказать на обстановку в Азии Советский Союз участием в войне против Японии. Вашингтон решил сделать все, чтобы подчинить поставленной задаче материальные и людские ресурсы Китая, включая базовые районы и вооруженные силы КПК.

Начиная с середины 1944 г. в военных кругах США стали активно обсуждаться планы организации широкого контрнаступления против японцев в Китае, предусматривавшие захват не только Южного Китая с его удобными портами, но и Северного Китая, создания здесь мощных плацдармов для вторжения на Японские острова. Правительство Соединенных Штатов усиленно добивалось от центрального правительства разрешения послать своих военных специалистов в Яньань — политический и военный центр КПК, где безвыездно находился Мао Цзэдун. Из Вашингтона участились поездки в Китай представителей различных военных и гражданских ведомств, деловых кругов, журналистов и т. п.

В июне 1944 г. в Чунцин в качестве личного представителя Рузвельта прибыл вице-президент США Генри Уоллес. В своих публичных заявлениях он подчеркивал, что главная цель его миссии — ознакомление с обстановкой в Китае, сбор информации для доклада президенту. Он призывал мобилизовать усилия для решительной войны с Японией, укреплять внутреннее единство, много говорил о демократии, пропагандировал выдвинутую Рузвельтом идею превращения Китая в «великую державу» [5].

Следует отметить, что в отличие от представителей трумэновской администрации, пришедшей спустя некоторое время в Белый дом, Уоллес, проводя в переговорах с лидерами гоминьдана линию на укрепление позиций США в Китае, делал это гибко и избегал того, чтобы толкать правительство Чан Кайши на конфронтацию с СССР. Учитывая авторитет СССР, настроения широкой общественности Китая и самих США, он подчеркивал необходимость сотрудничества стран антигитлеровской коалиции, в особенности США, СССР и Китая, как во время войны, так и в послевоенный период [6]. На встречах с представителями общественности он говорил о своих положительных впечатлениях от пребывания в СССР (где находился с визитом на пути в Китай), в частности об успехах в экономическом и культурном развитии в прошлом крайне отсталых районов Советской Средней Азии, которые он посетил, высказывался за добрососедские связи между Китаем и СССР «в интересах прогресса человечества» [7].

В беседах с Чан Кайши Г. Уоллес особо подчеркивал необходимость урегулирования отношений между гоминьданом и КПК, рекомендовал проявлять в этом вопросе «гибкость и дальновидность»[8]. Разумеется, он исходил не из симпатий к КПК, а из политических целей правящих кругов США. Гражданская война в тот период была невыгодна Вашингтону: она могла помешать планам использования Китая для борьбы с Японией. Для их осуществления Соединенным Штатам было недостаточно подчинить себе какую-то одну часть Китая — нужна была вся его территория, весь экономический и военный потенциал.

Посредством миссии Уоллеса и интенсивной переписки с Чан Кайши Ф. Рузвельт настойчиво добивался решения одной из первоочередных для США задач — склонить гоминьдановское правительство передать командование китайскими вооруженными силами в руки американцев. На должность главнокомандующего он предложил назначить генерала Дж. Стилуэлла. В послании от 6 июля 1944 г. на имя Чан Кайши он писал: «Критическая обстановка, которая сложилась в настоящее время, требует, по моему мнению, сосредоточения власти в руках одного человека, чтобы координировать действия всех союзнических сил в Китае, включая и коммунистов»[9].

Чан Кайши категорически воспротивился осуществлению этой идеи, но решил оттянуть окончательный ответ. Сначала он заявил, что ему необходимо подумать, затем — что в принципе не возражает принять это предложение при условии выполнения ряда требований:

КПК и ее вооруженные силы должны подтвердить о своем согласии подчиняться возглавляемому им, Чан Кайши, правительству;

права и полномочия главнокомандующего должны быть четко определены;

контроль над поступающими в Китай поставками по ленд-лизу должен полностью перейти в руки центрального правительства[10].

Белый дом отклонил требования Чан Кайши, настаивая на назначении американского генерала главнокомандующим вооруженными силами гоминьдана и КПК без выдвижения каких бы то ни было условий.

Чан Кайши продолжал возражать. Г. Уоллес не мог склонить его к согласию.

Вскоре после отъезда Уоллеса из Чунцина в Китай прибыл другой личный представитель президента США — генерал П. Хэрли. Он должен был убедить Чан Кайши принять предложение президента. Ф. Рузвельт поручил генералу подготовить приказ о назначении Дж. Стилуэлла главнокомандующим китайскими вооруженными силами и дать его на подпись главе гоминьдановского правительства. В телеграмме от 16 сентября 1944 г., адресованной Чан Кайши, Рузвельт буквально пригрозил ему, что в случае отказа США прекратят оказание Китаю

помощи[11]. Телеграмма Рузвельта и приказ, подготовленный Хэрли, были вручены Чан Кайши Дж. Стилуэллом и зачитаны в присутствии китайских генералов.

Чан Кайши был взбешен как содержанием телеграммы, так и формой, в которой она была ему вручена. В ответе, направленном 25 сентября Ф. Рузвельту, он потребовал немедленного отзыва Стилуэлла и заодно обвинил президента в нарушении принятого на Каирской конференции решения о проведении крупной военной операции в Бирме при активном участии вооруженных сил Великобритании и США.

Требование об отзыве Стилуэлла Чан Кайши мотивировал тем, что по настоянию генерала были втянуты в боевые действия в Бирме лучшие части китайских войск, и по его же вине они потерпели там поражение. Это позволило японцам предпринять крупное наступление в Центральном Китае и нанести поражение китайским войскам. Чан Кайши обвинил Стилуэлла в том, что в этот критический момент США почти полностью прекратили военные поставки Китаю через Гималаи.

В заключение Чан Кайши предложил прислать вместо Стилуэлла другого офицера, «с которым мы могли бы вместе работать...»[12].

О передаче верховного командования в руки американцев Чан Кайши по-прежнему не хотел и слышать. На закрытом заседании ЦИК гоминьдана он выступил с резким осуждением Соединенных Штатов, заявив, что их притязания на руководство вооруженными силами Китая представляют собой «новую форму империализма». «Если мы согласимся,— подчеркнул он,— мы станем просто марионетками... Нам лучше будет тогда перейти на сторону Ван Цзинвэя»[13].

Столь бурная реакция Чан Кайши была в значительной мере вызвана тем, что наряду с открытым дипломатическим давлением он почувствовал со стороны США тайный ход: американцы установили контакт с группировкой южных милитаристов и вели переговоры с ее предводителем генералом Ли Цзишэнем. Последний должен был выступить против Чунцина и сформировать на юге новое правительство. К этому заговору американцы планировали привлечь Мао Цзэдуна, считая, что он пойдет на такой шаг[14]. В дальнейшем США были вынуждены отказаться от этих планов, так как пришли к выводу, что южные милитаристы слишком слабы и не получат поддержки в стране, а, кроме того, это облегчит захват всей власти Мао Цзэдуном, что уж совсем не входило в расчеты Вашингтона, ибо привело бы к гражданской войне и открытой вооруженной борьбе между многочисленными кликами милитаристов.

Меж тем в Яньани дали понять американцам, что полностью поддерживают планы Вашингтона и готовы содействовать их осуществлению. Чжоу Эньлай неоднократно заявлял, что он счел бы за честь служить под командованием Стилуэлла. Этот вопрос не раз обсуждался в Чунцине в беседах между пред-

ставителями США и Яньани. В одном из донесений в Вашингтон Стилуэлл писал, что 13 сентября 1944 г. его посетили два представителя Яньани, передали приветы от Мао Цзэдуна и сообщили, что вооруженные силы КПК «готовы воевать под моим командованием, а не китайского главнокомандующего, назначенного Чан Кайши»[15]. Стилуэлл уведомил Мао Цзэдуна о намерении отправиться в Яньань, что было воспринято его представителями с удовлетворением[16].

Поездка Стилуэлла не состоялась, но в результате длительной переписки с Чан Кайши Ф. Рузвельту все же удалось получить согласие Чунцина направить в районы, контролируемые КПК, так называемую «миссию Дикси», в состав которой вошли сотрудники из штаба Стилуэлла. Группа почти целиком состояла из кадровых разведчиков, единственным гражданским лицом в ней был второй секретарь американского посольства Дж. Сервис, тоже работавший в штабе Стилуэлла и связанный с разведкой. Официально группа направлялась для ознакомления с обстановкой в районах, контролируемых КПК, однако за этим скрывались далеко идущие цели, побуждавшие Вашингтон к контактам с Яньанью. Во-первых, американцы, как упоминалось выше, хотели получить для своих войск доступ в стратегически важные для них районы Северного Китая, а впоследствии и в Маньчжурию. Со своей стороны и Мао Цзэдун преследовал собственные цели. Как отмечают западные историки, он, подобно Чан Кайши, считал, что теперь, когда Япония будет разбита американскими вооруженными силами, настало время активизировать действия по укреплению своих позиций в КПК и захвату власти в стране. Он считал, что для осуществления этих замыслов необходимо добиться установления близких связей с правящими кругами Соединенных Штатов Америки.

Приезд «миссии Дикси» в Яньань усилил амбиции Мао Цзэдуна. Он решил выйти на прямую связь с Вашингтоном, поэтому стал добиваться приглашения посетить США (одному или вместе с Чжоу Эньлаем). Мао Цзэдун рассчитывал, что ему удастся убедить Белый дом, что не Чан Кайши, а он представляет реальную силу в Китае, и Соединенным Штатам целесообразно поддерживать именно его. При этом он заверял, что интересы США в Китае от этого не только не пострадают, но, наоборот, выиграют[17].

В беседах с членами «миссии Дикси» Мао Цзэдун предложил учредить в районах, контролируемых КПК, официальные представительства США, пропагандистские центры, агентства печати и религиозные миссии. Он подтвердил сделанные ранее Чжоу Эньлаем заявления о согласии Яньани поставить вооруженные силы КПК под командование, возглавляемое американцами, обещал оказать содействие высадке их войск, приветствовал капиталовложения США в районах, контролировавшихся КПК, и установление экономического и технического «сотруд-

ничества». В специально разработанной им директиве от 18 августа 1944 г. для руководящих партийных органов подчеркивалось, что приезд «миссии Дикси» знаменует «начало нашей... дипломатической работы» и что «на базе военного сотрудничества в последующем можно будет установить культурное, а затем и политическое сотрудничество с США» [18].

Пресса КПК в Яньани и в Чунцине принялась расхваливать состояние китайско-американских отношений, помощь США Китаю и т. п. 15 марта 1944 г. «Синьхуа жибао» писала, что после того, как вспыхнула война на Тихом океане, дружба между народами Китая и США «в совместной борьбе против черных сил фашизма еще более окрепла... Она скреплена совместно пролитой кровью за Китай». И как пример приводилась эскадрилья генерала К. Ченнолта, авиаторы которой, по утверждению газеты, «пролили свою кровь на китайской земле». Однако общеизвестно, что «мальчики Ченнолта», как их называли сами американцы, никакими особыми подвигами в антияпонской войне себя не проявили (о чем свидетельствует, в частности, Б. Такмэн в книге «Стилуэлл и американский опыт в Китае»), а вскоре после капитуляции Японии, когда разразилась гражданская война в Китае, они обрушили бомбы на китайские города и села, освобожденные от гоминьдановцев революционным народом.

«Синьхуа жибао» благодарила также «американский народ» за поставки «прекрасного оружия» и предоставленные кредиты (что целиком шло в руки Чан Кайши), за военных специалистов, посланных «для подготовки китайских офицерских кадров и оказания помощи в формировании новых соединений», т. е. тех самых офицерских кадров, новых дивизий и армий, которые были использованы как ударная сила для борьбы с КПК. Вопреки общеизвестным фактам «Синьхуа жибао» утверждала, что Америка всегда «делила с нами и наши горести, и наши радости» [19].

В печати КПК высказывались похвалы в адрес американской «демократии», ей приписывались успехи американских войск на фронтах второй мировой войны. Явно переоценивая их, «Синьхуа жибао» в передовой статье в номере от 24 июля 1944 г. писала: «Почему союзные армии под командованием генерала Эйзенхауэра смогли одержать победу в Северной Франции? Почему военно-морские силы под командованием адмирала Нимитца смогли за последнее время одержать крупные победы на море, на суше и в воздухе, в районе между Сайпаном и Марианскими островами? Почему войска генерала Макартура смогли изо дня в день развивать наступление в юго-западной части Тихого океана? Почему генерал Стилуэлл в Северной Бирме, а генерал Ченнолт в воздушных боях в Китае сумели завоевать такую славу? Почему Америка стала арсеналом демократических государств? Все это объясняется демократией, широкой демократией — вот единственный ответ на

эти вопросы». Так общественное мнение подготавливалось к приему американцев в Особом районе.

За «миссией Дикси» в Яньань последовали вояжи генерала П. Хэрли. Первый его визит состоялся 7 ноября 1944 г. В результате переговоров был выработан документ, содержащий предложение об урегулировании отношений между гоминьданом и КПК. Эти предложения предусматривали:

объединение вооруженных сил гоминьдана и КПК в целях скорейшего разгрома Японии;

реорганизацию гоминьдановского правительства в коалиционное правительство, состоящее из представителей всех политических партий и организаций, участвующих в борьбе с Японией;

коалиционное правительство должно следовать в своей политике «трем народным принципам», разработанным Сунь Ятсеном (национализм, народное благоденствие, народовластие);

все вооруженные силы подчиняются коалиционному правительству и Национальному военному совету. Поставки, получаемые от иностранных государств, распределяются пропорционально между войсками, входящими в состав общенациональных сил;

коалиционное правительство признает легальность всех партий, входящих в антияпонский фронт, включая КПК.

Документ был подписан Мао Цзэдуном и П. Хэрли. Последний поставил подпись под ним как «свидетель» и привез его в Чунцин на подпись Чан Кайши. Однако Чан Кайши отказался это сделать и выдвинул контрпредложения, которые, в свою очередь, были отвергнуты руководством КПК. Они сводились к следующему:

гоминьдановское правительство соглашается включить в состав своих вооруженных сил войска КПК после их реорганизации;

КПК обязуется поставить свои вооруженные силы под контроль центрального правительства, который будет осуществляться через Национальный военный совет. В его состав будут включены представители КПК;

центральное правительство в своей программе будет руководствоваться целями, направленными на осуществление «трех народных принципов» Сунь Ятсена.

В переговорах с гоминьданом и Компартией Китая американцы исходили из того, что выдвинутые Чан Кайши условия означали лишь формальную тактическую уступку КПК, что гоминьдановский режим от этого укрепится, приобретет «демократическую окраску», а это позволит расширить его социально-политическую базу. Американцы имели в виду обеспечить сохранение реакционного гоминьдановского режима своим военным присутствием в Китае, а тем более, если бы получили бразды военного командования.

Однако Чан Кайши счел лучшим для себя не рисковать.

Он считал, что американцы слабо разбираются во внутренней обстановке в Китае, да и вообще им нельзя слишком доверять, поскольку они преследуют лишь собственные цели. Эта позиция отражала не только личные взгляды Чан Кайши, но и настроения правящих гоминьдановских кругов, которые, по свидетельству бывшего политического советника Чан Кайши О. Латтимора, выражали опасения по поводу того, как бы после войны с Японией Китаю не оказаться в руках американцев (что и произошло впоследствии) [20].

Однако рассуждения рассуждениями, а логика борьбы с КПК, антикоммунизм, интересы сохранения своих привилегий неизбежно вели гоминьдановскую верхушку к союзу с правящими кругами США.

В своих мемуарах Чан Кайши писал, что самым неприемлемым для него было предложение о создании коалиционного правительства [21]. Его позиция была поддержана и Хэрли, который фактически отказался от документа, под которым поставил свою подпись в Яньани. Этот маневр нанес удар по планам Мао Цзэдуна, рассчитывавшего на поддержку Соединенных Штатов. Переговоры с гоминьданом при участии Хэрли были прерваны, а находившиеся в Чунцине представители КПК отозваны в Яньань.

Как считают американские историки, в неудаче дипломатической миссии Хэрли немалую роль сыграла утечка информации о тайных операциях Управления стратегических служб США, работники которого установили контакты с Мао Цзэдуном и договорились об использовании ими войск КПК для проведения диверсионных действий в тылу японцев. Взамен американские разведслужбы должны были предоставить Мао Цзэдуну оружие «для 25 тыс. партизан» [22]. Все это держалось в строжайшем секрете от Чан Кайши. И когда ему стало об этом известно, он пошел на срыв переговоров с КПК, которые велись через Хэрли. Хэрли и главный военный представитель США в Китае генерал А. Ведемейер утверждали, что они узнали о тайных операциях разведки только в конце декабря 1944 г. Так это или не так, но их планы маневрирования между Чунцином и Яньанью были сорваны и Хэрли пришлось снять маску «беспристрастного посредника», открыто заявив о полной поддержке режима Чан Кайши.

Тем не менее Мао Цзэдун не перестал заигрывать с США. Более того, в феврале 1945 г., по указанию Мао Цзэдуна, главнокомандующий вооруженными силами КПК Чжу Дэ обратился к Ведемейеру с просьбой о предоставлении займа в 20 млн. долл. для поставки оружия войскам КПК [23].

Мао Цзэдун проявил заинтересованность в том, чтобы американцы поскорее высадили войска в Китае. Он считал, что если СССР и вступит в войну против Японии, то это будет где-то на завершающем этапе, не ранее весны 1946 г., а к тому времени судьба Японии будет фактически решена и война бу-

дет выиграна благодаря главным образом «броску» американских войск через океан[24]. Поэтому Мао Цзэдун стремился добиться от западных держав, и прежде всего от США, если не помощи, то хотя бы нейтралитета в отношении его борьбы с Чан Кайши за власть. Он считал, что путь к власти откроет его визит в Вашингтон, где он сможет обо всем договориться с президентом Ф. Рузвельтом[25].

Как признают американские историки, эти иллюзии возникли у Мао Цзэдуна под влиянием бесед с некоторыми членами «миссии Дикси»[26]. Очарованные гостеприимством и подкупленные особым вниманием со стороны Мао Цзэдуна и других лидеров КПК, на что при их скромном служебном положении не могли и рассчитывать, они с жаром принялись внушать идею о том, что в Вашингтоне благосклонно отнесутся к сотрудничеству с Яньанью, что там могут пойти даже на то, чтобы отстранить Чан Кайши от руководства страной и передать «жезл власти» Мао Цзэдуну. Второй секретарь посольства США в Китае Дж. Сервис и другие американские сотрудники уверяли, что для этого Мао Цзэдуну достаточно будет «лишь постучаться» в двери Белого дома. На замечания Мао Цзэдуна, что эти высказывания не вяжутся с действиями П. Хэрли, Сервис и его коллеги утверждали, что Хэрли действует безответственно, что он не выражает истинных целей США, и советовали быть смелее, не обращать внимания на его заявления. Однако вскоре Мао Цзэдуну пришлось убедиться, что «безответственными» оказались как раз члены «миссии Дикси», которым он поверил, будучи неискушенным в вопросах «большой политики» и плохо представляя себе, что такое буржуазная дипломатия.

Когда по совету Дж. Сервиса Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай обратились в феврале 1945 г. к А. Ведемейеру (сменившего Стилуэлла на посту главного военного советника при Чан Кайши) с просьбой передать в Вашингтон их желание нанести визит в США, а также предоставить КПК американское оружие и заем, это встретило решительный отпор Белого дома и его официальных лиц в Китае.

Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай предупредили Ведемейера, что их просьба должна сохраняться в тайне от П. Хэрли. Однако Ведемейер информировал последнего обо всем, и они договорились принять решительные меры по пресечению в дальнейшем подобных шагов со стороны Яньани. Ведемейер и Хэрли дали указания всем американским представителям в Китае не поддерживать никаких контактов с коммунистами без официального на то разрешения. Действия Ведемейера и Хэрли получили полное одобрение Белого дома, который решительно отверг просьбу лидеров КПК о визите в США, а также о поставках оружия и предоставлении займа. Так закончилась попытка Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая выйти на прямую связь с Вашингтоном.

В. И. Ленин, говоря об использовании разногласий в капиталистическом мире, имел в виду «только глубокие разногласия, объясняемые глубочайшими экономическими причинами»[27]. Между США и гоминьданом не было таких глубочайших причин. Расхождения были лишь с руководителями гоминьдановского правительства, и прежде всего с Чан Кайши. США хотели иметь в их лице послушных Вашингтону марионеток и даже подумывали о том, чтобы заменить Чан Кайши другой влиятельной в гоминьдане фигурой, но замены найти не могли.

Именно этим обстоятельством и решил воспользоваться Мао Цзэдун, предлагая себя США в качестве кандидатуры для замены Чан Кайши. Но он не учел, что на фоне общности интересов американского империализма и гоминьдановского режима, объединившихся на платформе антикоммунизма и борьбы с национально-освободительным движением в Азии, разногласия между Вашингтоном и Чан Кайши носили в конечном счете второстепенный характер, а на этом серьезно сыграть нельзя, как еще указывал В. И. Ленин: «Дипломатов, играющих на этом, громадное количество, они играют несколько месяцев, делают себе карьеру, а потом летят»[28].

Заявления Мао Цзэдуна о готовности пойти на серьезные уступки Соединенным Штатам — экономические, политические, идеологические, его восхищение американской демократией как образцом для переустройства Китая, нелестные высказывания в беседах с американцами в адрес СССР некоторые зарубежные историки склонны расценивать как дипломатические приемы, рассчитанные на достижение поставленных руководством КПК стратегических целей. Следует заметить, что, во-первых, в руководстве КПК стратегические задачи понимались по-разному и различия эти носили принципиальный характер. Подлинные марксисты, коммунисты-интернационалисты исходили из того, что в условиях антияпонской войны первостепенной задачей является объединение всех национально-патриотических сил, всемерное укрепление единого фронта для освобождения страны от оккупантов. С этих позиций они подходили и к вопросу об отношениях с США, к использованию противоречий между Вашингтоном и Чунцином, имея в виду посредством Соединенных Штатов, заинтересованных в разгроме Японии, воздействовать на гоминьдан, удержать его от развязывания гражданской войны. Однако Мао Цзэдун видел главную стратегическую задачу в том, чтобы любой ценой захватить власть в стране, и предпринимал шаги прежде всего в этом направлении.

Отступление от принципиальных положений марксизма-ленинизма, идеологические уступки империализму или игра вокруг суверенных прав своей страны не имеют ничего общего с тактикой дипломатии подлинных коммунистов. Касаясь отдельных дипломатических шагов Мао Цзэдуна, можно допустить, например, что его заявление о согласии передать командование над всеми вооруженными силами Китая в руки американских ге-

нералов было определенной хитростью, рассчитанной на то, что это осуществить все равно не удастся, поскольку не будет согласия Чан Кайши. Но такая дипломатия представляла собой опасную авантюру, поскольку правительство Чан Кайши могло поддаться давлению Вашингтона или соблазну получить от него выгоды и согласиться передать свои войска под командование американцев (впоследствии, во время гражданской войны, Чан Кайши сам просил об этом Вашингтон).

Затевая политический флирт с Мао Цзэдуном, США попытались было втянуть в него и Советский Союз. П. Хэрли предложил советскому послу в Китае А. А. Петрову отправиться вместе с ним в Яньань и уговорить Мао Цзэдуна приехать в Чунцин для встречи с Чан Кайши.

Надеясь на поддержку Советского правительства, США рассчитывали, во-первых, оправдаться в глазах китайской и мировой общественности за бесцеремонное вмешательство во внутренние дела Китая и, во-вторых, использовать авторитет Советского Союза, чтобы оказать давление на КПК в нужном для себя направлении.

Однако предложение Хэрли было отвергнуто. Советское правительство рассматривало отношения между гоминьданом и КПК как дело, которое должно решаться самими китайцами. Результаты переговоров между Чунцином и Яньанью с участием Вашингтона лишний раз подтвердили правильность позиции, занятой СССР.

Группа американских дипломатов и политических советников, связанных с Дж. Стилуэллом, выдвинула перед правительством США идею попытаться более эффективно воспользоваться противоречиями между гоминьданом и КПК в интересах Соединенных Штатов. 28 февраля 1945 г. в Вашингтон была направлена записка, в которой предлагалось отказаться от безоговорочной поддержки Чан Кайши и занять более гибкую позицию в отношении КПК, руководствуясь «неотложной целью американской политики на Дальнем Востоке... как можно скорее нанести поражение Японии при наименьших людских потерях с американской стороны» [29].

Но эта идея была отвергнута. Решительными ее противниками выступили П. Хэрли и А. Ведемейер, группа сенаторов и конгрессменов во главе с Дж. Маккарти, органы реакционной пропаганды. Ф. Рузвельт дал указание отозвать из Китая авторов записки. Многие дипломаты и журналисты, выступившие за установление контактов с Мао Цзэдуном, были лишены своих постов [30].

При всем недовольстве Чан Кайши и его режимом Вашингтон не собирался порывать с ним. «При всех их недостатках,— говорил Ф. Рузвельт своему сыну,— нам придется опираться на Чанов» [31]. Уже после войны в донесении от 15 сентября 1948 г. государственному секретарю США американский посол в Китае Дж. Стюарт дал Чан Кайши такую характеристи-

ку: «По существу, генералиссимус по своей ориентации является проамериканцем»[32].

Ныне представители правящих кругов США, бросая, как они говорят, «ретроспективный взгляд» на события того периода, расценивают провал американской дипломатии по установлению тесных связей с КПК как «утраченные шансы в Китае». Они пытаются делать вид, будто политика США в Китае могла быть иной. Но Вашингтон был теснейшим образом связан с гоминьдановским режимом, который был проводником их империалистической политики в Китае.

Американский историк Дж. Пратт пишет по этому поводу: «Правда, генерал Дж. Стилуэлл и группа работников госдепартамента, прикомандированных к его штабу, более позитивно относились к коммунистическому режиму в Яньани как менее коррумпированному и более способному, чем правительство в Чунцине. Однако в Вашингтоне никогда не было и мысли принять коммунистов в качестве замены гоминьдановскому правительству»[33].

Таким образом, маневры американцев, рассчитанные на укрепление позиций в Китае, на завершающем этапе второй мировой войны не оправдались. Оказались нереализованными и планы Мао Цзэдуна за спиной Советского Союза стать главным партнером США на Дальнем Востоке.

Тем временем война в Европе подходила к концу. США и Англия высказывали все большее беспокойство по поводу перспектив войны против Японии. В результате японского наступления весной 1944 г. положение на китайском фронте серьезно обострилось. К началу 1945 г. японцы захватили еще около 2 млн. $км^2$ китайской территории с населением 60 млн. человек. В передовой статье «Цзефан жибао» 1 января 1945 г. писала, что, хотя Япония понесла на Тихом океане большие потери в людской силе и территориях, она «все еще сохранила главные военно-морские и сухопутные силы». Выражая тревогу в связи с военной обстановкой в Китае, газета взывала к союзным державам начать совместное контрнаступление против Японии «на море и на суше». Главнокомандующий американскими войсками на Тихом океане генерал Макартур докладывал в Вашингтон, что для разгрома Японии необходимо участие советских войск в составе не менее 60 дивизий[34].

Это побуждало правительство США настойчиво ставить вопрос о вступлении СССР в войну против Японии, основываясь на ранее полученном согласии Советского правительства.

Крымская конференция и ее решения по проблемам Дальнего Востока

4 февраля 1945 г. в Ялте открылась конференция глав правительств трех союзных держав — СССР, США и Великобритании.

До прибытия в Крым американская и английская делегации провели 30 января — 2 февраля встречу на о-ве Мальта, где были согласованы позиции сторон почти по всем политическим вопросам, которые предстояло обсудить на Крымской конференции. В ходе встречи министр иностранных дел Англии А. Иден подчеркнул: «У русских будут весьма большие требования; мы можем предложить им не так уж много, но нам нужно от них очень много. Поэтому нам следует договориться о том, чтобы суммировать все, чего мы хотим от них, и все, что нам придется отдать им. Здесь нужно учесть и Дальний Восток»[35].

Работа конференции началась с обсуждения вопросов координации действий союзников на завершающем этапе войны против гитлеровской Германии. Были рассмотрены проблемы, касающиеся послевоенного статуса Германии, создания Организации Объединенных Наций, послевоенного устройства мира.

В конце работы конференции ее участники рассмотрели положение на Дальнем Востоке.

После встречи в Тегеране союзники неоднократно обращались к Советскому правительству с просьбой ускорить вступление в войну против Японии. В послании И. В. Сталину, направленном после окончания англо-американской конференции в Квебеке (проходившей с 11 по 16 сентября 1944 г.), У. Черчилль писал: «Я искренне желаю и я знаю, что этого желает и Президент, вмешательства Советов в японскую войну, как было обещано Вами в Тегеране, как только германская армия будет разбита и уничтожена. Открытие русского военного фронта против японцев... значительно ускорило бы их поражение»[36].

Вопрос об участии СССР в войне против Японии вновь был поднят У. Черчиллем во время его переговоров с советскими руководителями в Москве, в октябре 1944 г., в которых принимал участие посол США А. Гарриман. Накануне переговоров Ф. Рузвельт писал И. В. Сталину: «Наши три страны ведут успешную войну против Германии, и, конечно, мы с не меньшим успехом можем объединиться в разгроме нации, которая является, я уверен, столь же большим врагом России, как и нашим»[37].

20 января 1945 г. А. Гарриман сообщил народному комиссару по иностранным делам В. М. Молотову , что президент США хотел бы обсудить на конференции в Ялте военные и политические вопросы, связанные с положением в Европе, а также переговорить со Сталиным по военным и политическим вопросам, касающимся Дальнего Востока[38].

Специальный советник президента Г. Гопкинс позднее отмечал, что союзникам было важно выяснить более определенные сроки вступления СССР в войну против Японии и масштабы его участия в ней, а также условия, которые выдвигает Советский Союз, обсудить и согласовать с СССР принципиальные

вопросы, касающиеся Дальнего Востока, иначе может случиться, что каждый из трех союзников «пойдет своим путем»[39].

Готовясь к войне с Японией, Советский Союз исходил из необходимости решения взаимосвязанных задач национального и интернационального характера. Во-первых, обеспечение безопасности дальневосточных границ, чтобы получить возможность заняться восстановлением народного хозяйства, разрушенного войной с гитлеровской Германией. Во-вторых, вступлением в войну СССР стремился ускорить ее окончание, чтобы приблизить час избавления народов Азии от гнета оккупантов.

Советский Союз не мог не учитывать и того, что в лице западных союзников он имел дело с государствами, преследовавшими на Дальнем Востоке, в Южной и Юго-Восточной Азии империалистические цели. Поэтому своим вступлением в войну СССР стремился придать ей освободительный характер.

Исходя из этого, Советское правительство выдвинуло ряд конкретных условий, которые предусматривали:

возвращение Советскому Союзу территорий на Дальнем Востоке, ранее отторгнутых Японией от России (южная часть Сахалина, Курильские острова) и превращенных японскими милитаристами в плацдармы, с которых они постоянно угрожали безопасности СССР, держали под прицелом своих орудий советские дальневосточные порты, контролировали тихоокеанские коммуникации Советского Союза;

восстановление имущественных прав на железные дороги, обслуживающие промышленные предприятия и ряд других объектов в Маньчжурии, которых Советский Союз лишился в результате ее оккупации;

восстановление права на временное пользование незамерзающими портами Маньчжурии — Дальним и Порт-Артуром.

В 1904 г. Япония захватила эти порты и превратила их в главные опорные базы, используемые против Китая и России. Необходимо было вернуть их под суверенитет Китая и не дать их использовать во враждебных целях третьими державами.

Советский Союз стремился к тому, чтобы в результате переговоров в Крыму были обеспечены суверенные права Монгольской Народной Республики и положен конец всяческим притязаниям на ее территорию и независимость со стороны Китая, который упорно продолжал считать МНР своей провинцией.

В ходе Крымской конференции между И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом 8 февраля состоялся обмен мнениями по вопросам, связанным с положением на Дальнем Востоке.

В начале беседы Рузвельт указал на трудности, стоящие перед США, в связи с проведением операций по овладению Японскими островами. Он сказал, что у Японии имеется на островах четырехмиллионная армия, поэтому высадка американских войск будет сопряжена с большими потерями, его правительство пойдет на это только в случае крайней необходимости.

Однако, если подвергнуть Японию сильной бомбардировке, тогда «все будет разрушено и, таким образом, не высаживаясь на острова, можно будет спасти много жизней»[40] (разумеется, американских солдат и офицеров).

И. В. Сталин заявил, что он хотел бы знать, на каких политических условиях Советский Союз вступает в войну против Японии. Он напомнил, что речь идет о вопросах, которые затрагивались им в беседе с Гарриманом в Москве[41].

Ф. Рузвельт ответил, что южная часть Сахалина и Курильские острова будут переданы Советскому Союзу, подтвердил выдвинутое им в Тегеране предложение об использовании Советским Союзом порта Дальний, но сказал, что не беседовал по этому вопросу с Чан Кайши, и добавил, что вопрос может быть решен двояко: или Дальний будет считаться свободным портом под контролем международной комиссии, или Советский Союз будет арендовать его у Китая. Сам Рузвельт высказался за первый вариант, поскольку это может послужить прецедентом для решения вопроса о Гонконге, и выразил надежду, что Англия согласится возвратить Гонконг Китаю, после чего его можно будет сделать свободным портом для всех государств. В случае же аренды Советским Союзом порта Дальний с У. Черчиллем трудно будет договориться о Гонконге[42].

Касаясь Монголии, Рузвельт заявил о своем согласии сохранить статус-кво Внешней Монголии, но заметил, что еще не говорил по данному вопросу с Чан Кайши[43].

И. В. Сталин поднял также вопрос о Китайско-Восточной железной дороге. Ф. Рузвельт ответил, что хотя он не обсуждал его с Чан Кайши, но уверен, что и эту проблему можно решить. Он добавил, что одной из форм использования дороги в интересах СССР может быть установление совместного советско-китайского контроля[44].

И. В. Сталин заявил, что если будут приняты условия Советского правительства, то народ поймет, почему СССР вступает в войну против Японии, и можно будет внести этот вопрос на рассмотрение Президиума Верховного Совета СССР. Однако он предупредил, что документ о согласии с условиями, выдвигаемыми Советским Союзом, должен быть скреплен подписями глав правительств — участников Крымской конференции.

11 февраля И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль подписали «Соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока». В нем предусматривалось вступление Советского Союза в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе при условии:

сохранения статус-кво Внешней Монголии;

возвращения Советскому Союзу южной части о-ва Сахалин и всех прилегающих к ней островов, а также передачи Курильских островов;

интернационализации порта Дальний с обеспечением пре-

имущественных интересов Советского Союза и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;

совместной эксплуатации КВЖД и Южно-Маньчжурской железной дороги на началах организации смешанного советско-китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза. При этом указывалось, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет.

Указывалось, что решение о Внешней Монголии и вышеупомянутых портах и железных дорогах потребует согласия китайского правительства.

Было зафиксировано также, что претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией. Подписывая этот документ, Советское правительство выразило готовность заключить с Китаем пакт о дружбе и союзе для оказания ему помощи вооруженными силами для освобождения от японских оккупантов.

Ф. Рузвельт дал обещание принять меры к тому, чтобы по пунктам, касающимся Китая, было получено одобрение правительства Чан Кайши.

Главы трех держав условились хранить соглашение в строжайшей тайне. В этой связи Рузвельт посоветовал не уведомлять Китай о принятых решениях, ибо, как он выразился, «все через 24 часа станет известно миру»[45].

Сталин обещал, что, как только появится возможность высвободить 20—25 дивизий с западного фронта и перебросить их на Дальний Восток, можно будет информировать Китай о результатах переговоров.

Советскому правительству приходилось проявлять осмотрительность, внимательно следить за дипломатическими маневрами и своих союзников по антигитлеровской коалиции, и китайского правительства.

Еще во время Тегеранской конференции Ф. Рузвельт обратился к И. В. Сталину с двумя меморандумами. В одном из них содержалась просьба разрешить военному командованию США разместить на базах Приморского края до 1 тыс. четырехмоторных бомбардировщиков для бомбардировок Японских островов, которые планировалось начать, как только СССР вступит в войну. Американское правительство просило также разрешения направить туда военных представителей для получения информации об аэродромах, жилье, снабжении, средствах связи, метеорологических условиях и т. п.

В другом меморандуме содержалась просьба о предоставлении военно-разведывательных данных о Японии и о разрешении вооруженным силам США пользоваться советскими дальневосточными портами, предоставив сведения об их пропускной способности[46].

На встрече в Ялте эти просьбы были повторены, но к ним добавились и новые.

Накануне конференции Объединенный комитет начальников

штабов США подготовил для Ф. Рузвельта специальную записку, датированную 23 января 1945 г., в которой рекомендовал президенту договориться с Советским правительством, чтобы наряду с действиями Советской Армии в Маньчжурии были осуществлены операции против собственно Японии и ее морских коммуникаций в сотрудничестве с американскими военно-воздушными силами, базирующимися в Восточной Сибири [47]. В пункте «С» указывалось, что «вступление России в войну против Японии даст дополнительные районы, откуда могут действовать наши стратегические военно-воздушные силы, нацеленные на Европу... Мы должны приложить все усилия, чтобы использовать потенциал русских баз... оказать давление, чтобы добиться принципиального согласия на базирование авиации США в Восточной Сибири» [48]. Вместе с тем Объединенный комитет рекомендовал Рузвельту не связывать себя обязательствами, если СССР поднимет на Крымской конференции вопрос об использовании американских военно-морских баз на Алеутских островах. Комитет предлагал также добиваться предоставления Соединенным Штатам необходимого числа метеорологических станций в районах Восточной Сибири и на территории Монгольского плато [49].

На совещании, состоявшемся 5 февраля, начальники штабов вновь обсудили вопросы, связанные с вступлением СССР в войну с Японией, и задачи, которые они хотели бы решить на переговорах с Советским Союзом. Был подготовлен перечень вопросов для передачи Ф. Рузвельтом И. В. Сталину. Начальники штабов хотели бы получить в возможно короткий срок «ясные и определенные» ответы советской стороны по следующим пунктам:

размещение воздушных и военно-морских сил на Камчатке, создание военной базы в Петропавловске;

базирование стратегических воздушных сил США на Камчатке и в районах Приморья;

развитие транспортного пути с Камчатки в Восточную Сибирь;

захват одной или нескольких «позиций» на Курильских островах [50].

Выдвигая такие условия, США больше всего стремились к тому, чтобы своим присутствием в Сибири и на Советском Дальнем Востоке лишить или по крайней мере ограничить свободу действий Советской Армии в Маньчжурии, Корее и других районах, где ей предстояло сражаться, иначе — помешать осуществлению освободительной миссии Советской Армии в отношении китайского, корейского и других порабощенных народов Азии.

Американцы понимали, почему правительство СССР не пускает их в Сибирь и на Советский Дальний Восток, знали также, почему оно считает нежелательным их присутствие в Маньчжурии.

Но даже накануне вступления советских войск в Маньчжурию американцы продолжали предпринимать попытки проникнуть в эти районы. Так, во время проведения Потсдамской конференции Г. Трумэн направил 21 июля 1945 г. И. В. Сталину послание с просьбой разрешить Соединенным Штатам открыть в Восточной Сибири сеть радио- и метеостанций и для их обслуживания послать в Хабаровск и Петропавловск около 100 американских офицеров и «рядовых» [51]. В другом послании Трумэн вновь выдвинул требование о постоянной авиационной базе Соединенных Штатов на одном из Курильских островов [52].

На Крымской конференции американская дипломатия пыталась внести в проект соглашения изменения по ряду важных вопросов, касающихся Маньчжурии. Принятие американских поправок сводило это соглашение, по существу, к нулю. Так, А. Гарриман требовал, чтобы не только Дальний, но и Порт-Артур были превращены в «свободные порты», открытые для беспрепятственного захода иностранных судов. 8 февраля, вручая текст этих поправок В. М. Молотову, Гарриман заявил, что Рузвельт будет настаивать на их принятии [53].

И. В. Сталин ответил Рузвельту, что Порт-Артур нужен Советскому Союзу как временная военно-морская база, поэтому не может быть и речи о статусе «свободного порта» и заходе туда судов других стран. Разъясняя позицию СССР, Сталин заявил, что после окончания войны СССР построит на Дальнем Востоке нужные ему порты, поэтому необходимость в Дальнем и Порт-Артуре отпадет сама по себе и они полностью перейдут в руки Китая. Рузвельту пришлось согласиться с позицией СССР [54].

По вопросу о Дальнем американская дипломатия выдвинула идею превратить его, как и Гонконг, в «интернациональный порт» с установлением контроля международной комиссии [55]. Под так называемой интернационализацией США, разумеется, имели в виду введение собственного контроля и менее всего думали о суверенитете Китая.

Советское правительство настояло на том, чтобы в решении об интернационализации Дальнего были записаны слова: «С обеспечением преимущественных интересов Советского Союза» [56]. Это имело впоследствии исключительно важное значение для судеб Маньчжурии и всего Китая [57].

При выработке решения по Дальнему Востоку советской дипломатии удалось преодолеть многие «подводные камни», расставленные дипломатией США. Последние пытались, во-первых, поставить реализацию соглашения в полную зависимость от позиции Чан Кайши. А. Гарриман заявил В. М. Молотову, что «президент Рузвельт не согласится принимать окончательного решения по вопросу о портах и железных дорогах в Маньчжурии без согласия на это Чан Кайши» [58]. Во-вторых, американцы хотели, чтобы по этому вопросу Советское правительство само вступило в переговоры с Чан Кайши.

СССР не возражал против согласования выдвинутых вопросов с правительством Китая. Но при этом Советское руководство прекрасно понимало, что имеет дело с правительством, которое тесно связано с империалистическими кругами США и Англии. И. В. Сталин заявил Ф. Рузвельту, что ему неудобно брать на себя такую миссию как непосредственно заинтересованной стороне, и предложил, чтобы эту функцию взял на себя президент США. Ф. Рузвельт обещал «принять меры к тому, чтобы было получено такое согласие»[59], что в обговоренное с Советским правительством время направит через Москву специального представителя с поручением информировать Чан Кайши о решениях, принятых в Ялте. Во избежание трудностей, которые могли возникнуть из-за непоследовательности политики западных держав, советская дипломатия позаботилась о том, чтобы в документах конференции Англия и США взяли на себя ясно сформулированные обязательства, связанные с условиями вступления СССР в войну с Японией.

Принятые на Крымской встрече решения явились результатом целого ряда компромиссов, на которые пошло как правительство Советского Союза, так и правительство США и Англии. Решение по Дальнему Востоку полностью соответствовало «Каирской декларации», подписанной США, Англией и Китаем 1 декабря 1943 г., в которой указывалось, что Япония должна быть изгнана со всех захваченных ею территорий.

В своей позиции, занятой на конференции, как и в вопросах советско-американских отношений в целом, Рузвельт руководствовался не только соображениями, связанными с войной против стран «оси», но и пониманием того, что послевоенный мир может быть построен только при сотрудничестве с Советским Союзом.

В одной из записок, подготовленной помощником Ф. Рузвельта генералом Бэрнсом задолго до встречи в Крыму и отражавшей взгляды президента и его единомышленников, подчеркивалось: «Если союзники победят, то Россия будет одной из трех самых могущественных стран мира. Во имя будущего всеобщего мира мы должны быть подлинными друзьями и иметь возможность так направлять мировые события, чтобы обеспечить безопасность и процветание»[60].

Реалистический подход к международным проблемам и вопросам советско-американских отношений, а также возросший международный авторитет СССР позитивно сказались на результатах Крымской конференции, что нашло отражение и в документах, касающихся Дальнего Востока.

В результате конструктивной твердой позиции советской дипломатии на Ялтинской встрече были заложены основы послевоенного урегулирования в этом районе мира. Условия вступления Советского Союза в войну срывали расчеты США на установление контроля над Южным Сахалином, Курильскими островами, Маньчжурией, Кореей, лишали их возможности исполь-

зовать эти стратегически важные районы против СССР, а также против народов Азии, боровшихся за независимость.

Решения Крымской конференции были с глубоким удовлетворением встречены всеми народами мира. Они нашли горячий отклик и в Китае. Хотя о вступлении СССР в войну против Японии еще не было известно, это не помешало мировой общественности высоко оценить международное значение итогов встречи глав правительств трех ведущих держав антигитлеровской коалиции. Газета «Цзефан жибао» писала в передовой от 17 февраля 1945 г., что Крымская конференция «представляет собой важнейшее событие нашей эпохи. Принятую на ней декларацию без преувеличения можно назвать величайшим документом нашей эпохи, хартией победы, хартией демократии, хартией мира». Газета подчеркивала, что решения конференции стали возможными благодаря победам Советской Армии над гитлеровской Германией.

В согласии СССР прийти на помощь народам Азии нашли яркое воплощение принципы пролетарского интернационализма, требующие, по словам В. И. Ленина, «способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала» [61].

ГЛАВА 3

Дипломатия СССР, США и Китая на завершающем этапе войны на Дальнем Востоке

Маневры дипломатии Японии, США и Китая накануне вступления СССР в войну

2 мая 1945 г. советские войска вошли в Берлин и водрузили знамя победы над рейхстагом. 8 мая гитлеровская Германия подписала акт о безоговорочной капитуляции. В Европе наступил мир.

На Дальнем Востоке война также вступила в завершающую фазу. Войска союзников при поддержке местных национально-патриотических сил, возглавляемых коммунистами и революционными демократами, почти полностью освободили Филиппины, Бирму и приблизились к Японским островам.

Но японская военщина не собиралась складывать оружие и продолжала готовиться к решающим схваткам. На полную мощность работала военная промышленность Японии, бесперебойно получая уголь, нефть, руду и другие виды стратегического сырья из оккупированных районов Китая, Кореи, стран Юго-Восточной Азии.

При этом Япония лихорадочно искала пути выхода из войны без поражения или с минимальными потерями. Американская дипломатия, выполняя заказ империалистических кругов США, стремилась к победе над Японией и захвату ее позиций в Азии до того, как на поле боя вступит Советская Армия. Вашингтон рассчитывал заключить с Японией сепаратное соглашение, чтобы поставить ее военный потенциал на службу своей послевоенной политики на Дальнем Востоке, использовать для противодействия влиянию Советского Союза, росту национально-освободительного движения в странах Азии.

В мае 1945 г. министр иностранных дел Японии Хирота предпринял при посредничестве Швеции шаги к установлению контактов с правительством США и выяснению его намерений по поводу компромиссного мира с Японией. Такие же попытки бы-

ли сделаны через Швейцарию и некоторые другие страны. В предложениях о переговорах, переданных американскому посланнику в Швеции Х. Джонсону, предусматривалось сохранить контроль Японии над Кореей и Тайванем [1]. Однако для американской стороны эти требования оказались неприемлемыми. Джонсон, ссылаясь на «Каирскую декларацию», по которой Япония лишалась этих территорий, указал, что США не согласятся отступить от принятого союзниками решения. При этом он дал понять, что Соединенные Штаты сами предпочитают установить контроль над Кореей, а впоследствии и над Тайванем [2].

В начале апреля 1945 г. японская дипломатия установила связь со штаб-квартирой американской разведслужбы в Европе, возглавляемой Алленом Даллесом. Американцы проявили живейший интерес к заключению сепаратного мира с Японией, выразили готовность вступить в переговоры, предложив японцам для этого направить в Швейцарию своего представителя на уровне министра, генерала или адмирала, и гарантировали доставить его на самолете из Японии [3]. При этом они дали понять, что возражение вызывает вопрос о Корее и Тайване. Что же касается таких вопросов, как прерогативы императора Японии, сохранение японского флота и т. д., то по ним не исключена возможность договориться.

В мае контакты с Даллесом установила группа японских дипломатов во главе с посланником Касэ и генералом Окамото. Японцы передали через Даллеса предложения американскому правительству, содержащие следующие условия:

снять выдвинутое союзниками требование о «безоговорочной» капитуляции;

сохранить неприкосновенность императорской власти и действие конституции;

установить над Маньчжурией «международное управление»;

оставить в руках Японии Корею и Тайвань [4].

Однако из Вашингтона вновь поступил неутешительный ответ. Если Япония хочет заключить мир на компромиссных условиях, то следует начать переговоры об этом до того, как вступит в войну СССР. Правительство США отказывается гарантировать сохранение императорской власти, так как против этого будут возражать Советский Союз, Китай и Франция. Относительно Кореи и Тайваня Белый дом не выразил никакого мнения.

Обострившаяся борьба в самих правящих кругах США затруднила дальнейшие тайные дипломатические контакты между Токио и Вашингтоном. Американское правительство на основании разведданных о положении в Японии пришло к выводу, что она не собирается идти на безоговорочную капитуляцию, что хочет лишь выиграть время, вызвать раскол между союзниками и таким образом укрепить свои позиции.

В поисках путей выхода из войны японская дипломатия не

оставила без внимания и Советский Союз. Начиная с февраля 1945 г. через посла СССР в Японии Я. А. Малика неоднократно делались попытки выяснить, как Советское правительство относится к вопросу о заключении сепаратного мира с Японией, который позволил бы ей сохранить за собой часть захваченных территорий. С советским послом сначала пытались установить контакты неофициальные лица, включая бизнесменов. Затем 20 апреля 1945 г. к нему обратился министр иностранных дел с «неофициальным» предложением провести встречу с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым.

Поскольку Советский Союз не проявлял никакого интереса к инициативам Японии, Токио решил официально обратиться к Советскому правительству с просьбой о посредничестве. 13 июля посол Японии в СССР Сато посетил заместителя наркома иностранных дел А. Лозовского и по поручению своего правительства вручил ему послание императора, а также письмо на имя В. М. Молотова с просьбой дать согласие на приезд в Москву специального японского представителя — князя Коноэ. В послании императора в общей форме говорилось о стремлении «положить скорее конец войне», о «пожелании, чтобы... в кратчайший срок был восстановлен мир» и т. п.[5]. Однако ни в послании, ни в письме не было сказано о цели визита. Поэтому 18 июля Советское руководство сообщило правительству Японии через его посла, что ввиду указанных обстоятельств оно «не видит возможности дать какой-либо определенный ответ по поводу послания императора, а также по поводу миссии Коноэ...»[6].

24 июля Токио информировал Москву, что Коноэ поручается провести переговоры с целью укрепления советско-японских отношений[7].

Об этих шагах японской дипломатии глава Советского правительства узнал уже во время встречи с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в дни работы Потсдамской конференции. И. В. Сталин проинформировал союзников об инициативах японского правительства и заявил, что Советский Союз ответил на них отказом. Ф. Рузвельт и У. Черчилль высказали согласие с таким решением СССР.

Большую активность японская дипломатия развила в отношении Китая. На протяжении всей войны главные усилия агентуры Японии в Китае, в том числе непосредственно в Чунцине, были направлены на то, чтобы расколоть гоминьдан и добиться капитуляции Китая. Ставка делалась на военного министра гоминьдановского правительства генерала Хэ Инцина. Еще в начале 1942 г. вместе с другими реакционными генералами он создал тайную группировку, которая выступала за мир с Японией и готовила заговор с целью свержения центрального правительства. Самого Чан Кайши предполагали выслать в Индию или в Иран, где он должен был попросить политическое убежище[8].

Единомышленники Хэ Инцина рассчитывали после переворота установить сотрудничество с марионеточным правительством Ван Цзинвэя в Нанкине, а в дальнейшем, по договоренности с японцами, «установить над этим правительством контроль», иначе — ликвидировать его[9].

Через японскую агентуру Хэ Инцин вышел на связь с Токио и выяснил условия заключения сепаратного мира[10]. В Токио получили донесение, что группировка Хэ Инцина не желает, чтобы после войны Китай оказался под контролем американцев или других «западных варваров», что лучше иметь дело с Японией[11].

В сентябре 1944 г. по поручению премьер-министра Японии Куниаки Койсо в Чунцин был направлен генерал Угаки Кузушиге. Ему было поручено ознакомить гоминьдановское руководство с «мирными предложениями», в которых содержались обещания передать Французский Индокитай и некоторые другие «южные территории» под контроль Китая, а также восстановить его суверенитет над Гонконгом.

В обмен на это Чунцин должен был согласиться на сохранение «статус-кво» Маньчжурии, т. е. оставить ее в руках японцев, а также на право Японии по-прежнему иметь войска в Китае. Но Чунцин на подобную сделку не пошел, миссия У. Кузушиге провалилась.

Один из каналов связи между Токио и Чунцином проходил через Нанкин, где действовало правительство Ван Цзинвэя, тесно связанное с гоминьдановским руководством. Наиболее влиятельной фигурой в этом правительстве был Чжоу Фокай. Японская разведка предоставила в его распоряжение две радиостанции: через одну он выходил на связь со штаб-квартирой главы гоминьдановской разведки Дай Ли, посредством другой — с генералом Гу Чжутуном, пользовавшимся большим влиянием в военных и политических кругах гоминьдана[12].

В начале 1945 г. премьер-министр Японии Койсо решил попытаться установить контакт непосредственно с Чунцином и не только договориться о заключении сепаратного мира, но и достичь при его посредничестве компромиссного соглашения с США и Англией. В конце марта в Токио прибыл представитель правительства Ван Цзинвэя Мяо Бин, поддерживавший связи с Хэ Инцином и Дай Ли. Мяо Бин сообщил японскому правительству, что Чунцин готов вступить в переговоры о заключении сепаратного мира с Японией на следующих условиях:

прекращение военных действий и вывод всех японских войск с территории Китая;

ликвидация марионеточного правительства в Нанкине;

установление контроля центрального правительства над всей территорией Китая[13].

После неоднократного обсуждения этих требований Китая кабинет министров Японии отклонил их в связи с серьезными

возражениями со стороны военного и военно-морского министров, начальника генерального штаба и других влиятельных военных деятелей — сторонников продолжения войны. Они надеялись если не выиграть войну, то хотя бы добиться мира на более выгодных условиях. К тому же личность Мяо Бина, поддерживавшего связи с различными разведслужбами, в прошлом члена ЦИК гоминьдана, приспешника Ван Цзинвэя [14], не внушала доверия.

Чтобы избежать неблагоприятной реакции широких общественно-политических кругов своей страны, в том числе в самом гоминьдане, а также со стороны союзников, правительство Чан Кайши распространило через зарубежную печать информацию о том, что отказывается от всяких переговоров с Японией. Впоследствии, чтобы окончательно замести следы своих закулисных махинаций, китайские власти при содействии Дай Ли приняли меры к тому, чтобы участвовавшие в них люди исчезли бесследно.

Правда, в первое время после капитуляции Японии к агентам из среды ванцзинвэевцев гоминьдановские власти относились довольно либерально. В частности, Чжоу Фокай, занимавший перед концом войны пост мэра Шанхая, был в сопровождении начальника гоминьдановской разведки Дай Ли доставлен в Чунцин, где с комфортом обосновался в отведенной ему резиденции.

Другие для видимости были помещены в тюрьму, но чувствовали себя там довольно свободно. Однако вскоре были обнародованы некоторые документы, компрометирующие высокопоставленных деятелей Чунцина, и тогда гоминьдановские власти решили в срочном порядке «свершить правосудие», чтобы навсегда избавиться от нежелательных свидетелей своих тайных связей с противником в период войны [15].

Отношения между СССР и Китаем к моменту вступления Советского Союза в войну против Японии

Ко времени вступления СССР в войну с Японией советско-китайские отношения продолжали оставаться сложными. Политика центрального правительства характеризовалась непоследовательностью, внутри гоминьдана действовали силы, отражавшие самые различные политические интересы. Наиболее влиятельными среди них были правоэкстремистская, профашистская группировка «сисистов», возглавляемая братьями Чэнь Гофу и Чэнь Лифу [16], и группировка, состоявшая из прояпонских элементов, близко связанных с военным министром Хэ Инцином, а также так называемая группировка «политических наук», тяготевшая к контактам с США, но не возражавшая и против улучшения советско-китайских отношений. Левое крыло гоминь-

дана выступало за развитие дружественных отношений с Советским Союзом. Соотношение сил в гоминьдане колебалось под воздействием внутренней обстановки в стране и характера отношений с Японией, Соединенными Штатами и Советским Союзом.

По мере приближения конца войны позиции США в Китае укреплялись. На смену советским военным специалистам, покинувшим страну к концу 1944 г., в Китай хлынули американские военные советники, консультанты, эксперты, заполонившие руководящий аппарат различных учреждений и ведомств. Этому процессу содействовал Чан Кайши: он видел в лице США силу, на которую мог опереться в борьбе с «коммунистической опасностью» — с демократическими силами во главе с КПК.

Политическое и военное противоборство с компартией служило одним из определяющих факторов в позиции всех, кто выступал против установления дружеских связей с СССР. Советский Союз был главным барьером, преграждавшим путь к гражданской войне. Несмотря на то что гоминьдановцы постоянно держали войска вокруг Особого района, атаковать его они воздерживались и до конца войны на такой шаг не решились. Каждый раз, когда положение обострялось и назревали серьезные конфликты между КПК и гоминьданом, это сразу же приводило к ухудшению советско-китайских отношений. В свою очередь, обострение отношений между странами сопровождалось усилением давления гоминьдана на КПК.

Источником напряженности в советско-китайских отношениях служил и так называемый «синьцзянский вопрос», искусственно созданный гоминьдановской реакцией, провоцируемой западной пропагандой и империалистическими разведками, которые проявляли к провинции Синьцзян и другим районам северо-запада Китая особый интерес. Преследуя корыстные цели, китайские и зарубежные недруги СССР возводили инсинуации о «советской угрозе» Синьцзяну и стремились полностью изолировать эту провинцию, да и всю северо-западную часть Китая, граничащую с Советским Союзом, от любых контактов с СССР.

Северо-запад фактически не имел никаких связей с другими районами страны, поскольку туда не было проложено ни железных, ни шоссейных дорог, ни регулярных воздушных линий. Поэтому он не получал ни технической, ни какой-либо иной помощи для своего всестороннего развития и был обречен оставаться крайне отсталым районом.

В этих условиях население края, в подавляющем большинстве состоящее из уйгуров, киргизов, узбеков и представителей других национальностей, стремилось наладить торгово-экономические связи с приграничными районами Советского Союза, видя в этом единственную возможность для получения крайне необходимых товаров, машин, оборудования, без чего невозможно было наладить нормальную хозяйственную жизнь в этом

глухом краю. Необходимость таких контактов казалась естественной не только местным жителям, но и любому объективно настроенному наблюдателю, в том числе зарубежному. Можно сослаться в этой связи на такой факт, очевидцами которого мы были. Когда на торжествах в г. Ланьчжоу (один из самых больших городов северо-запада) по случаю приезда в Китай летом 1944 г. вице-президента США Г. Уоллеса представители местной феодально-помещичьей знати обратились к нему с просьбой «осчастливить их своими мудрыми советами», они, к их полному удивлению, получили такой ответ, которого никак не ожидали услышать из уст вице-президента США. Уоллес сказал, что ему лично приходилось заниматься экономическими проблемами, в частности вопросами сельского хозяйства, и он о многом мог бы рассказать, но считает, что это принесет мало пользы, ибо Америка находится от Китая слишком далеко, а ее условия настолько не похожи на местные, что американский опыт здесь неприменим, и посоветовал перенять опыт их ближайшего соседа — Советской Средней Азии, где он наблюдал огромный прогресс в развитии всех отраслей экономики и сферы культуры.

Необходимость налаживания связей с приграничными советскими районами понимали и местные власти края, однако под давлением Чунцина они пошли на полное прекращение торгово-экономических отношений с СССР. Более того, желая продемонстрировать преданность правительству Чан Кайши, местные милитаристы во главе с Шен Шицаем стали чинить препятствия деятельности советских учреждений и организаций в Синьцзяне. СССР вынужден был в 1943—1944 гг. прекратить всякие экономические контакты, закрыть свои учреждения, отозвать своих работников из Синьцзяна.

Действия властей вызвали широкое недовольство жителей Синьцзяна, а последовавшие в связи с этим репрессии привели к массовым выступлениям мусульманского населения против великоханьской политики центральных и местных властей. Правительство и реакционная гоминьдановская пропаганда развернули антисоветскую кампанию, пытаясь переложить ответственность за происходящие в Синьцзяне события на СССР.

Однако перспективы вступления Советского Союза в войну с Японией, тем более в условиях, когда Китай раздирали внутренние противоречия, вызывали у Чан Кайши все большее беспокойство по поводу последствий, к которым может привести обострение отношений с СССР. Советники Чан Кайши — и китайские, и американские — внушали ему мысль, что Советский Союз, вступив в Маньчжурию, оставит ее за собой или «отдаст китайским коммунистам»[17]. А если этого не случится, то сам факт участия Советского Союза в разгроме Японии и пребывания его войск на китайской территории будет иметь политические последствия для Китая, значение которых трудно переоценить.

Чан Кайши вынужден был искать пути для улучшения отношений с Советским Союзом, договариваться по нерешенным вопросам. Свои соображения он изложил на состоявшемся в начале мая 1945 г. VI съезде гоминьдана. Он заявил, что, вступив в войну с Японией, Советский Союз не решится на «захват» Маньчжурии, не пойдет на передачу ее КПК и будет вынужден считаться с позицией США и Англии, которые в нужный момент «придут на помощь» Китаю. Группа видных политических и военных деятелей выступила с резолюцией, в которой требовала установления всестороннего сотрудничества с СССР. Делегаты съезда в принципе согласились с такой постановкой вопроса, но предложенную резолюцию отклонили как слишком радикальную.

На поддержание нормальных отношений с Советским Союзом китайское правительство ориентировал президент США Ф. Рузвельт. Как дальновидный и реально мыслящий политик, он лучше, чем многие другие руководящие деятели Запада, понимал, что без Советского Союза Китаю и его союзникам трудно будет одержать победу над Японией и решить проблемы послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке. Во время визита в Чунцин в июне 1944 г. Г. Уоллес по поручению Рузвельта высказал эти соображения лидерам гоминьдана. Излагая в беседе с Чан Кайши позицию Рузвельта, Уоллес подчеркнул, что неотложной задачей является активизация тихоокеанского и китайского театров военных действий и достижение договоренности с Советским Союзом о скорейшем вступлении в войну. Касаясь проблемы послевоенного мира в Азии, Г. Уоллес подчеркнул необходимость навсегда покончить с японским милитаризмом, лишить Японию возможности вооружаться, предложил развивать сотрудничество между всеми государствами, заинтересованными в поддержании мира, и прежде всего между Китаем, СССР, США и Англией.

В коммюнике о переговорах Г. Уоллеса с Чан Кайши было сказано, что их участники едины в своем мнении о том, что «отношения между Китаем и его ближайшим в географическом плане великим соседом — Советским Союзом — должны поддерживаться на основе взаимопонимания. Такими должны быть отношения Китая и с другими соседями. Всякого рода конфронтация не может содействовать целям мира» [18].

В гоминьдановских источниках отмечается также, что по поручению Ф. Рузвельта Уоллес «советовал правительству Чан Кайши провести переговоры с СССР с целью улучшения отношений между обоими государствами» [19].

Одна из главных причин, побуждавших Рузвельта к таким советам, — заинтересованность Соединенных Штатов в использовании его военно-экономического потенциала Китая для войны с Японией. Но это могло стать реальностью только при условии урегулирования отношений между Чунцином и Яньанью, что, как считали американцы, возможно лишь при нали-

чии добрососедских связей Китая с СССР. Кроме того, в Белом доме опасались, что в случае гражданской войны китайцы могут столкнуть США и СССР друг с другом [20].

Готовясь к переговорам с Советским Союзом, Чан Кайши предлагал США быть или их непосредственным участником или по крайней мере «гарантом» гоминьдановского правительства. Американская дипломатия, выражая готовность оказать Чан Кайши необходимую поддержку, по тактическим соображениям предпочитала действовать более гибко. С согласия президента Уоллес обещал Чан Кайши посредничество в переговорах между гоминьданом и КПК, но заявил, что США не будут выступать посредником в переговорах Китая с СССР [21].

Тем не менее все основные вопросы, касающиеся отношений Китая с Советским Союзом, Чунцин «прорабатывал» и согласовывал с Вашингтоном. В частности, Чан Кайши советовался о том, кого именно послать на переговоры в Москву. Когда было решено, что на переговоры едет председатель Исполнительного юаня (премьер-министр) и министр иностранных дел Сун Цзывэнь, П. Хэрли по просьбе Чан Кайши 4 февраля передал в Вашингтон программу переговоров для согласования и внесения тех изменений, которые там нашли бы нужным сделать. Отвечая на телеграмму Хэрли, госдепартамент подчеркивал: «Стремясь, как всегда, быть полезными китайскому правительству, мы не должны создавать у него впечатления, что готовы взять на себя ответственность в качестве его „советника" в отношениях с СССР» [22]. Однако, несмотря на подобную тактику, Вашингтон был и продолжал оставаться главной опорой Чан Кайши в сфере внешней политики.

Гоминьдановским правительством были предприняты активные усилия для того, чтобы ознакомиться с содержанием Ялтинского соглашения по Дальнему Востоку. Оно попыталось сделать это через США, пользуясь особыми отношениями. Как свидетельствуют американские и тайваньские историки, кое-какие сведения о соглашении стали известны в Чунцине сразу же после Крымской конференции, хотя Ф. Рузвельтом и были приняты меры предосторожности: текст соглашения хранился в личном сейфе президента в Белом доме и Рузвельт воздержался ознакомить с ним даже вице-президента и других высокопоставленных деятелей.

Как писал впоследствии в своих мемуарах Г. Трумэн, он узнал о Ялтинском соглашении лишь после того, как пришел в Белый дом в качестве президента.

На второй день после возвращения Ф. Рузвельта в Вашингтон глава китайской военной миссии в США Шан Чжэнь посетил главного советника президента по военным вопросам адмирала У. Леги, участвовавшего в переговорах в Крыму, и, сославшись на дошедшие до Чунцина слухи о принятом в Ялте соглашении по Дальнему Востоку, спросил, насколько эти слухи достоверны. По свидетельству тайваньских историков, Шан

Чженю ничего не удалось выведать. «Уста американского адмирала,— отметил он в своем донесении,— были как плотно закрытый сосуд»[23].

Тогда к адмиралу Леги отправился посол Китая в США Веллингтон Ку — с «частным визитом». В. Ку заявил, что, по имеющимся сведениям, русские хотят получить в аренду Порт-Артур и Дальний. Если сведения подтвердятся, это вызовет в Китае «всеобщий взрыв». В своих дневниковых записях Ку отметил, что Леги и на этот раз не дал ответа на интересовавший китайцев вопрос[24].

6 марта по поручению Чан Кайши в Вашингтон была направлена телеграмма за подписью Сун Цзывэня, адресованная находившемуся там П. Хэрли. «Генералиссимус желает,— писал Сун Цзывэнь,— чтобы я срочно выехал в Вашингтон для обсуждения с президентом международных и экономических проблем. Не сможете ли Вы узнать, приемлемо ли это для президента?»[25].

Ф. Рузвельт поручил Хэрли дать уклончивый ответ и отсрочить встречу. В телеграмме, направленной 9 марта, Хэрли ссылался на занятость президента в связи с подготовкой к открывавшейся 25 апреля конференции в Сан-Франциско, а также на то, что президент еще не принимал высокопоставленных представителей иностранных государств и что если он встретится с Сун Цзывэнем, то это «может вызвать непонимание со стороны других министров иностранных дел и привести к осложнениям»[26].

В Белом доме догадывались, что главная цель визита Сун Цзывэня в Вашингтон связывается с Ялтинским соглашением, а администрация США не готова была обсуждать эти вопросы.

Однако Чунцин продолжал настаивать на встрече. 10 марта Сун Цзывэнь вновь направил в Вашингтон телеграмму, на этот раз на имя главного советника президента по международным делам Г. Гопкинса. Сун Цзывэнь уже не скрывал, что основная цель планируемой им поездки — обсудить Ялтинское соглашение. Он подчеркнул, что намерен встретиться с президентом США не как министр иностранных дел Китая, а как глава правительства, поскольку же президент уже встречался с главами правительств и министрами иностранных дел трех великих держав в Крыму, у Белого дома нет никаких оснований отказывать в приеме главе кабинета министров Китая: «Я собираюсь приехать не за тем, чтобы просить кредиты или вести неприятные для президента переговоры по другим вопросам, а за тем, чтобы посоветоваться с президентом и его советниками по проблемам, касающимся поставленных на карту судеб Азии»[27].

Но и эта телеграмма встретила негативную реакцию со стороны Вашингтона, где были недовольны тем, что Чунцин слишком спешит решить столь деликатную и сложную для США проблему, затрагивающую отношения с Советским Союзом.

Поэтому в Белом доме решили принять Сун Цзывэня после окончания работы конференции в Сан-Франциско, на которой последний должен был возглавить китайскую делегацию.

Попытки США пересмотреть Ялтинское соглашение по Дальнему Востоку

12 апреля 1945 г. скоропостижно скончался президент США Франклин Рузвельт. Новая администрация во главе с Г. Трумэном сразу же попыталась в интересах империалистических кругов пересмотреть условия Ялтинского соглашения по Дальнему Востоку.

В тот момент, когда Советский Союз полным ходом вел подготовку к разгрому милитаристской Японии, в Вашингтоне шли дискуссии и консультации с целью изменения «советской политики» США. Были созданы специальные консультативные группы, даны поручения госдепартаменту подготовить и представить на рассмотрение правительства свои соображения.

Ряд видных политических и военных деятелей, участвовавших в совещаниях в Белом доме, предлагали Г. Трумэну занять «жесткую позицию в отношении СССР» [28]. Специально прибывший из Москвы для консультаций посол США в СССР А. Гарриман на заседании 30 апреля и на последующих совещаниях утверждал, что СССР отступит при первых же «твердых» акциях со стороны США. Ряд присутствовавших критиковал политику Ф. Рузвельта, которая якобы позволила СССР установить свое «господство» в Восточной Европе.

8 мая правительство США дало указание соответствующим ведомствам о прекращении всех поставок Советскому Союзу по ленд-лизу, всем американским судам, которые находились в пути, было приказано вернуться в порты приписки [29].

12 мая исполняющий обязанности государственного секретаря Дж. Грю направил руководителям военного и военно-морского ведомств официальную записку, в которой запрашивалось их мнение о проводимой США политике в отношении Советского Союза и, в частности, о Ялтинском соглашении по Дальнему Востоку, ставился вопрос о том, следует ли вообще выполнять это соглашение и нужно ли добиваться участия СССР в войне против Японии [30]. Если же военные ведомства считают невозможным завершить войну с Японией без участия СССР, то необходимо принять все меры к тому, чтобы максимально ограничить политические последствия участия Советского Союза в этой войне. При этом Грю предлагал выдвинуть ряд требований в качестве условий выполнения Ялтинского соглашения, в частности, чтобы Советское правительство «оказало влияние на китайских коммунистов», побудив их помочь правительству США «в его усилиях добиваться объединения Китая под руководством национального правительства, возглавляемого Чан Кайши» [31].

В соответствии с обязательством, взятым на себя Ф. Рузвельтом на Крымской встрече, США должны были получить согласие Чан Кайши на претворение в жизнь тех положений Ялтинского соглашения, которые касались Маньчжурии. Однако Дж. Грю предложил не предпринимать никаких шагов до тех пор, пока правительство СССР не согласится решить вопрос об объединении Китая «на условиях, которые правительство США считает наиболее желательными» [32].

Одновременно выдвигалось требование, чтобы СССР «ясно и определенно» присоединился к «Каирской декларации» в той ее части, которая касалась Кореи (в декларации содержалось обещание, что Корея станет свободной и независимой «в свое время», причем впоследствии было разъяснено, что это может означать какой угодно срок) [33].

Советскому правительству предлагалось дать одобрение на установление над Кореей после ее освобождения «опеки США, Англии, Китая и Советского Союза», при этом подчеркивалось, что «только этим четырем странам принадлежит право избрания временного корейского правительства» [34].

Позиция руководителя внешнеполитического ведомства Соединенных Штатов была поддержана рядом других видных представителей администрации Трумэна, в частности военно-морским министром Дж. Форрестолом и А. Гарриманом. Форрестол предлагал определить дальнейшие действия США «в отношении русского влияния на Дальнем Востоке» и решить, на кого следует делать ставку: на Китай или на Японию. В связи с этим он формулировал вопрос так: не лучше ли сохранить Японию как сильную державу с высокоразвитым промышленным потенциалом? [35].

А. Гарриман также рекомендовал пересмотреть Ялтинское соглашение по Дальнему Востоку, мотивируя это тем, что СССР якобы не выполнил решений Крымской встречи по Восточной Европе. Под «невыполнением» Гарриман имел в виду неугодную США и Англии линию поддержки Советским Союзом демократических сил в восточноевропейских странах, освобожденных Советской Армией. Он предложил пересмотреть политику США в отношении Кореи, поставил вопрос о сохранении Японии «как силы на Дальнем Востоке», а также о «возможности и необходимости оказания военной помощи» в районе Индокитая (разумеется, «помощи» в подавлении национально-освободительного движения). Гарриман настаивал принять меры «против китайских коммунистов», мотивируя «опасностью» для США оказаться «перед фактом», когда миллионы китайцев будут готовы «двинуться по приказу Кремля» [36].

А. Гарриман утверждал, что на конференции в Ялте не было достигнуто договоренности о режиме опеки для Кореи, предложенном Рузвельтом. Теперь он рекомендовал попытаться осуществить эту идею, игнорируя позицию Советского Союза, и высказывал опасения, что в случае предоставления Корее полной

независимости, на чем настаивал СССР, избранное народом правительство по своему характеру, «несомненно, будет большевистским или просоветским»[37].

По свидетельству Дж. Бирнса, в Вашингтоне более всего негодовали в связи с поддержкой Советским Союзом народно-демократических сил в Болгарии, Венгрии, Польше, Чехословакии, Румынии, Югославии и Албании. «Я опасался,— писал Бирнс,— что то же самое случится, когда Красная Армия вступит в Маньчжурию»[38].

Военный министр Г. Стимсон и начальник генерального штаба американской армии Дж. Маршалл не торопились с ответом на вопрос госдепартамента от 12 мая. Поскольку в тот момент в США форсированными темпами шли работы над атомной бомбой, Бирнс откровенно говорил Трумэну: «Атомная бомба даст Соединенным Штатам возможность диктовать в конце войны свои условия»[39].

На состоявшемся 14 мая совещании с участием Дж. Грю, Дж. Форрестола, А. Гарримана и Дж. Макклоя Стимсон заявил, что его ведомство пока не готово ответить на поставленные госдепартаментом вопросы и предложил повременить с возвращением Гарримана в Москву, пока «наш курс не прояснится»[40].

В итоге администрация Трумэна не решилась пойти на разрыв с СССР, на отказ от принятых в Крыму соглашений, в том числе по Дальнему Востоку. Несомненно, один из сдерживающих факторов заключался в том, что США и Англия были не в состоянии закончить войну с Японией без участия Советского Союза. Поэтому ряд видных деятелей администрации Трумэна, и в первую очередь Г. Стимсон и Дж. Маршалл, предлагали действовать более осмотрительно[41]. В своем докладе на совещании в Белом доме 18 июня Маршалл, характеризуя обстановку на тихоокеанском театре военных действий, подчеркнул, что американские войска все еще находятся на расстоянии 500 км от собственно Японии, а сопротивление японской армии становится все более ожесточенным и потери американцев непрерывно растут. Маршалл считал невозможным победить Японию с помощью бомбардировки авиацией. Присутствовавшие на совещании генералы Д. Эйзенхауэр и И. Икер выразили полное согласие с этим мнением[42].

На совещании 23 мая Дж. Маршалл одобрительно высказался о согласии СССР вступить в войну с Японией. Он заявил, что СССР, если бы захотел, мог бы не делать этого до тех пор, «пока мы не выполнили бы всю грязную работу». Маршалл придерживался того мнения, что «идти на риск разрыва (с Советским Союзом.— *А. Л.*) — дело очень опасное»[43]. В поддержку такой позиции высказался и адмирал У. Леги. Он предложил «не закрывать дверь» для налаживания отношений с Советским Союзом[44].

В докладе, подготовленном Объединенным комитетом на-

чальников штабов, указывалось, что Квантунская группировка располагает всем необходимым, чтобы вести войну неопределенно длительное время [45], даже после захвата собственно Японии. Кроме того, правительство Японии может перебазироваться в Маньчжурию или Северный Китай, и тогда США и Англия не смогут использовать свою главную силу — военно-морской флот, что приведет к затяжному характеру войны. Единственный выход из создавшегося положения — вступление в войну Советского Союза [46].

Выводы военных специалистов наиболее полно были изложены в ответе военного ведомства США на записку Дж. Грю от 12 мая, в которой высказывалось мнение, что выдвигать какие-либо условия перед СССР, тем более ультимативные,— дело безнадежное и неразумное, ибо вопрос, вступать или не вступать в войну с Японией, русские решат сами, «руководствуясь собственными военными и политическими соображениями и мало обращая внимание на те или иные политические акции, предпринятые США» [47]. В ответе указывалось, что «вступление русских будет иметь огромный военный эффект, поскольку это значительно приблизит срок окончания войны и тем самым спасет жизни американцев», тем более что «Россия в военном отношении способна победить японскую армию и занять Сахалин, Маньчжурию, Корею и Северный Китай до того, как вооруженные силы США оккупируют эти районы... Более того, русские смогут, если захотят, выждать момент, когда Соединенные Штаты завершат разгром японской военной машины, и получить необходимые для них объекты меньшей ценой, нежели в случае более раннего вступления в войну... Следовательно, мы мало можем добиться путем нажима на русских в том, что касается Дальнего Востока, не прибегая к применению силы». В заключение подчеркивалось, что для США желательно «иметь полное взаимопонимание с русскими относительно Дальнего Востока». Правда, было бы неплохо пересмотреть Ялтинское соглашение, но только в том случае, если это поможет достичь «понимания и согласия», выгодных Соединенным Штатам [48].

В результате серии проведенных совещаний и консультаций было решено направить Г. Гопкинса и А. Гарримана в Москву, чтобы попытаться «добиться скорейшего вступления России в войну» [49].

27 мая, принимая Гопкинса и Гарримана, И. В. Сталин выразил возмущение Советского правительства в связи с решением США прекратить поставки по ленд-лизу. Он указал, что, если США более не в состоянии выполнять принятые на себя обязательства, Советское правительство не собирается настаивать на этом, но обращает внимание на недопустимые методы, к которым США прибегли, в частности приказ судам, находившимся на пути в советские порты, возвратиться обратно. И. В. Сталин заявил, что если США рассчитывают таким об-

разом оказать давление на СССР, чтобы сделать его более податливым, то это большая ошибка [50].

Итак, вместо «наступления» Г. Гопкинсу и А. Гарриману пришлось обороняться. Они вынуждены были сослаться на то, что произошла «техническая неувязка» по вине отдельных чиновников и т. п., и заверили И. В. Сталина, что в течение 24 часов приказ будет отменен.

28 мая, отвечая на переданную А. Гарриманом просьбу Г. Трумэна сообщить хотя бы приблизительно дату вступления СССР в войну, И. В. Сталин подтвердил данное Советским правительством на Крымской конференции согласие и заявил, что к 8 августа Советская Армия уже займет позиции на маньчжурской границе. Он напомнил при этом об условиях вступления СССР в войну, зафиксированных в Ялтинском соглашении, и указал, что теперь все зависит от переговоров с правительством Китая, в связи с чем ожидается прибытие в Москву его представителей не позднее 1 июля.

«Мы остались весьма довольны переговорами по Дальнему Востоку»,— сообщал из Москвы Гопкинс Трумэну о результатах встреч с советскими руководителями [51]. В телеграмме от 28 мая он писал: «Сталин не оставил у нас сомнения в том, что он намерен начать военные действия в августе. Поэтому важно, чтобы Сун Цзывэнь прибыл сюда не позже 1 июля» [52].

Впоследствии Трумэн писал в своих мемуарах, что он с удовольствием воспринял подтвержденное Советским правительством обещание вступить в тихоокеанскую войну, «поскольку американские военные эксперты определили, что вторжение в Японию будет стоить американцам по меньшей мере пятисот тысяч убитыми и ранеными, даже если японские силы в Азии будут скованы русскими на китайской территории» [53].

Советско-китайские переговоры в Москве 30 июня — 14 августа 1945 г.

В первых числах июня 1945 г. Чан Кайши обратился через посла СССР в Чунцине к Советскому правительству, заявив о готовности начать обсуждение вопросов, касающихся Маньчжурии (КВЖД, ЮМЖД, Порт-Артур, Дальний), и других проблем, представлявших интерес для обеих сторон. Он выразил пожелание заключить с Советским Союзом договор и соглашения и дал заверения в том, что возглавляемое им правительство готово решить все вопросы в духе полного взаимопонимания и сотрудничества. Чан Кайши особо подчеркнул, что китайский народ будет глубоко благодарен Советскому Союзу за помощь в освобождении Маньчжурии и восстановлении над ней суверенитета Китая. Он подтвердил решимость бороться за ликвидацию неравноправных договоров, за территориальную целостность и независимость Китая и признал, что в этом его

страна рассчитывает на твердую поддержку Советского Союза [54].

Тем временем находившийся в США Сун Цзывэнь развернул активную деятельность с целью выяснить содержание Ялтинского соглашения по Дальнему Востоку. Когда П. Хэрли информировал Чан Кайши о Крымской встрече, последний заявил, что, какое бы соглашение Китай не заключил с Советским Союзом, США и Англия должны быть его участниками. Он предложил, чтобы Порт-Артур был превращен в совместную военно-морскую базу Китая, США, СССР и Великобритании, чтобы Китай участвовал в решении вопроса о передаче Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов (хотя это была явная провокация со стороны Чан Кайши, рассчитанная на то, чтобы столкнуть СССР с Соединенными Штатами и Англией).

18 июня 1945 г. Дж. Грю дал указание П. Хэрли передать Чан Кайши, что правительство США не может принять его предложение об участии в совместном использовании Порт-Артура как военно-морской базы, так же как и предложение быть участниками любого соглашения, которое китайское правительство подпишет с СССР. Грю указал, что идеи, выдвинутые Чунцином, нереальны, что Советское правительство не даст на это согласия, и рекомендовал гоминьдановскому правительству вступить в переговоры с СССР, как это было предусмотрено решением Крымской конференции [55].

Сун Цзывэнь добивался более твердых заверений и «установок», как ему вести себя на переговорах в Москве. Г. Трумэн, Дж. Грю, У. Леги вынуждены были вести «тонкую» дипломатию. Они не могли прямо заявить Сун Цзывэню, что США стоят за отказ от положений Ялтинского соглашения, опасаясь, что Чунцин может сорвать переговоры. 14 июня на заключительной встрече Трумэн заверил китайского эмиссара, что он «ничего не сделает такого, что могло бы нанести ущерб Китаю» [56]. Получив такое заверение от Вашингтона, Сун Цзывэнь возвратился в Китай.

15 июня в послании на имя И. В. Сталина Г. Трумэн сообщил, что министр иностранных дел Китая вылетел в этот день в Чунцин, что он прибудет в Москву в конце июня «для обсуждения деталей подготовки советско-китайского соглашения» [57]. В послании указывалось, что П. Хэрли даны инструкции уведомить Чан Кайши о выдвинутых Советским правительством условиях и приложить все усилия к тому, чтобы получить его согласие. Президент заверил Советское руководство, что Хэрли дано указание сообщить Чан Кайши о полной поддержке правительством США Ялтинского соглашения. Однако, как показали последующие события, эти заверения оказались неискренними.

30 июня китайская правительственная делегация во главе с Сун Цзывэнем прибыла в Москву. Мировая общественность

придавала огромное значение предстоящим переговорам. Особые надежды связывали с ними патриотические круги Китая. В день приезда в Москву делегации орган КПК газета «Цзефан жибао» писала, что китайскому народу одному не справиться с японскими оккупантами: Япония располагает значительными силами, выгодными стратегическими позициями, лихорадочно готовится к длительной войне, а кроме того, существует опасность ее сговора с США и Англией. Политика последних не сулит Китаю ничего хорошего даже после освобождения, поскольку в США и Великобритании «имеется немало элементов, которые хотят не того, чтобы китайский народ завоевал свободу и национальную независимость, а чтобы освобожденный от японцев Китай был поставлен под их колониальное ярмо» [58].

По прибытии в Москву, на аэродроме, Сун Цзывэнь сделал следующее заявление: «Я особенно рад, что имею возможность здесь поздравить армию, народ и правительство Советского Союза с блистательной победой над фашистской Германией... Я выражаю непоколебимую уверенность в том, что искренне дружественное сотрудничество между Китаем и Советским Союзом принесет огромный вклад в дело установления незыблемого всеобщего мира» [59].

Такой же дружественный тон носило личное послание Чан Кайши И. В. Сталину, переданное Сун Цзывэнем. В нем подчеркивалось стремление развивать дружбу и всестороннее сотрудничество, готовность к решению всех вопросов в духе взаимопонимания и т. п.[60].

Казалось, что послание Чан Кайши и заявление Сун Цзывэня создали благоприятную атмосферу для переговоров между советской делегацией, возглавляемой В. М. Молотовым, и китайской делегацией. Однако вскоре выяснились значительные различия в подходе к принципиальным вопросам.

Представленный на обсуждение китайской стороной проект договора о союзе и дружбе между СССР и Китаем по своему характеру принципиально отличался от проекта, представленного СССР, тем, что носил резко выраженную антияпонскую направленность. Советская сторона высказала возражение по этому поводу.

Сун Цзывэнь пытался оправдать позицию Китая, заявив, что китайская сторона исходила из того, что Германия уже разгромлена, а Япония все еще продолжает воевать.

В. М. Молотов указал на несостоятельность такого довода. Он подчеркнул, что договор между странами заключается на десятилетия, и сослался на договоры, подписанные СССР с Францией, Англией, Чехословакией, другими странами. По аналогии с ними был разработан и проект договора с Китаем, в котором в общей форме идет речь об агрессии со стороны врагов Объединенных Наций.

Антияпонская направленность проекта договора, подготов-

ленного Китаем, была, разумеется, продиктована не столько интересами собственной страны, сколько США, которые преследовали в этом регионе мира корыстные цели. США, поддерживая антияпонскую направленность договора, рассчитывали воспрепятствовать налаживанию отношений между Китаем и Японией, а также Японией и СССР.

В ходе московских переговоров китайская сторона подняла также вопрос о продолжительности пребывания советских войск в Маньчжурии. Сунь Цзывэнь предложил внести в договор пункт об обязательстве СССР вывести войска не позднее, чем через три месяца после капитуляции Японии. В то же время пребыванию американских войск в Китае никаких ограничений не ставилось.

Советская сторона заявила, что такое требование представляется довольно странным, ибо нет необходимости в установлении конкретного срока, поскольку СССР не собирается держать войска на территории Китая после разгрома Японии. Выдвижение таких условий нельзя расценивать иначе, как проявление недоверия к Советскому Союзу, для чего у Китая нет и не может быть никаких оснований[61]. Однако Советское правительство готово принять такое условие, если уж китайская сторона столь настойчиво его выдвигает.

Руководствуясь стремлением к дружбе и сотрудничеству с Китаем и исходя из общей цели скорейшего завершения войны и установления мира на Дальнем Востоке, Советское правительство решило не настаивать на безусловном выполнении Китаем всех принятых союзными державами условий вступления СССР в войну. Оно выслушало мнение китайского правительства, тщательно рассмотрело все предложения и согласилось внести в реализацию Ялтинского соглашения по Маньчжурии соответствующие коррективы почти по всем вопросам. Это признается даже в документах, опубликованных гоминьдановскими властями.

Наибольшие дискуссии вызвал вопрос о МНР в связи с отказом китайской делегации от выполнения положения Ялтинского соглашения о признании ее независимости и суверенитета.

Советское правительство с самого начала переговоров заявило, что в этом вопросе не отступит ни на шаг. Но китайская сторона упорно настаивала на своем. Сун Цзывэнь заявил, что признание независимости Внешней Монголии якобы осложнит решение вопроса о Тибете, а это вызовет острую реакцию в стране, в результате чего правительство Чан Кайши может пасть.

Сун Цзывэнь обратился через А. Гарримана к президенту Трумэну за поддержкой[62]. Одновременно реакционные круги гоминьдана развернули в печати кампанию, обвиняя Советский Союз в «империализме», «захватничестве», «отторжении китайской территории» и т. п. Группировка «сисистов» выступила с требованием прервать переговоры.

В вопросе о МНР явственно проявилась великодержавная, великоханьская политика гоминьдана. Еще на Каирской конференции Чан Кайши пытался заручиться поддержкой США в своих претензиях на территорию Монгольской Народной Республики. В переговорах с Рузвельтом он поднял вопрос о «возможности и желательности» включения Внешней Монголии в состав Китая. Однако при всей благосклонности к Чан Кайши и его правительству президент США проявил тогда трезвое понимание нереальности выдвинутого требования [63].

СССР отмел любые попытки трумэновской администрации поддержать китайское правительство в вопросе о суверенитете МНР. Согласно записям переговоров в Потсдаме, сделанных Ч. Боленом, И. В. Сталин заявил Г. Трумэну, что претензии Китая не имеют под собой никакой базы. Он указал, что на протяжении длительного периода у Китая не было никаких связей с Внешней Монголией, поэтому рассуждения о какой-то «потере» для Китая являются необоснованными, ибо он не может потерять того, чего не имел [64].

Как впоследствии стало известно, идею «поглощения» Монголии Китаем вынашивал и Мао Цзэдун, выступая в данном вопросе союзником Чан Кайши. Еще в 1936 г. он заявил в интервью американскому журналисту Э. Сноу, что, когда одержит победу народная революция, Внешняя Монголия «автоматически станет частью Китайской Федерации» [65].

С тех пор Мао Цзэдуна не покидала идея «поглотить» Монгольскую Народную Республику. В феврале 1949 г. он поднял этот вопрос при встрече в Шицзячжуане (Китай) с членом Политбюро ЦК ВКП(б) А. И. Микояном. Высказывая точку зрения Советского правительства, Микоян подчеркнул, что монгольский народ никогда не согласится расстаться с завоеванной независимостью, и ясно дал понять, что СССР выступает против аннексии территории МНР. Несмотря на это, и в последующие годы китайское руководство неоднократно пыталось реализовать свои планы в отношении МНР [66].

Большую активность на переговорах в Москве проявил сын Чан Кайши — Цзян Цзинго [67]. Вместе с Сун Цзывэнем он всячески пытался оказать давление на Советское правительство, в особенности по вопросу о МНР. Сначала они прибегли к увещеваниям, затем «клятвам» в дружбе и, наконец, к угрозам. Цзян Цзинго заявил послу СССР в Китае А. А. Петрову, что гоминьдановское правительство не может согласиться на признание независимости Внешней Монголии и что московские переговоры из-за этого могут быть сорваны [68].

Выполняя свой интернациональный долг и следуя положениям Ялтинского соглашения, СССР занял твердую и бескомпромиссную позицию по вопросу о МНР и дал решительный отпор притязаниям Китая. Было заявлено, что советско-китайские переговоры зашли в тупик по вине китайской стороны и лишь от нее зависит их благоприятный исход. Вновь была под-

тверждена непоколебимая позиция Советского руководства в вопросе о суверенитете МНР, решимость отстаивать эту позицию до конца [69].

Китайская сторона пыталась извратить смысл Ялтинского соглашения по вопросу о Монгольской Народной Республике. Записанную в соглашении формулировку о сохранении статус-кво она толковала как решение стран — участниц Крымской конференции оставить Внешнюю Монголию за Китаем и утверждала, что Китай никогда не признавал отделения от него этого района, а также и тех перемен, которые там произошли.

По поручению Чан Кайши Сун Цзывэнь несколько раз обращался по этому вопросу к И. В. Сталину. Вот что пишет в своих мемуарах Цзян Цзинго: «Этот вопрос явился болезненным узлом, затормозившим весь ход переговоров... Отец прислал телеграмму, в которой предлагал, чтобы мы прекратили ведение официальных переговоров по данному вопросу; вместо этого он поручил мне лично посетить Сталина и изложить ему мотивы, почему китайское правительство не может пойти на предоставление независимости Внешней Монголии» [70]. Такая встреча состоялась. Отвечая на вопрос И. В. Сталина: «Почему Вы так упорствуете против предоставления независимости Внешней Монголии?», Цзян Цзинго пытался оправдать позицию Чунцина ссылками на то, что Китай ведет длительную войну против Японии, что Маньчжурия и Тайвань еще не возвращены и что если китайское правительство «откажется от такого куска территории», то будет «утрачен смысл войны против Японии... Китайский народ не поймет такого шага, расценит его как предательство и поднимется против правительства. В этих условиях невозможно будет вести антияпонскую войну» [71].

И. В. Сталин отвел эти доводы как несостоятельные и указал, что с заключением советско-китайского договора связаны вопросы вступления СССР в войну, которые будут согласовываться на открывающейся в ближайшее время Потсдамской конференции. Сталин предупредил, что в случае срыва переговоров китайская сторона должна взять на себя всю ответственность за последствия такого крайне опрометчивого шага [72].

Острые дебаты на переговорах вызвал также вопрос о будущем КВЖД и ЮМЖД. Решения Крымской конференции предусматривали совместную эксплуатацию этих дорог на началах организации смешанного советско-китайского общества с обеспечением «преимущественных интересов Советского Союза» [73].

Положение о «преимущественных интересах СССР» распространялось и на другие пункты Ялтинского соглашения, касающиеся принадлежащего Советскому Союза имущества в Маньчжурии. Однако в ряде вопросов Советское правительство в целях добрососедского сотрудничества с Китаем шло на уступки, учитывая просьбы последнего. Оно согласилось, в частности, рассматривать КВЖД и ЮМЖД не как собственность

СССР, признанную Ялтинским соглашением, а как собственность обеих стран; отказалось от размещения на них военизированной охраны, доверив ее полностью китайской стороне. СССР согласился также ограничить свое право на владение Китайской Чанчуньской железной дорогой (такое название получила на переговорах и по соглашению железная дорога, объединившая впоследствии КВЖД и ЮМЖД) и на участие совместно с Китаем в ее эксплуатации сроком в 30 лет.

Советское правительство не стало настаивать на своем праве перевозить по КЧЖД войска. Стороны договорились, что СССР воспользуется этим правом лишь на период войны с Японией, а также что на военно-морскую базу Порт-Артур будут перевозиться грузы, необходимые только для снабжения находящихся там советских войск и только в запломбированных вагонах без сопровождения военизированной охраны, которая передавалась китайской стороне [74].

Но Китай требовал большего. Во-первых, настаивал на том, чтобы железные дороги были не совместной собственностью, а принадлежали лишь ему. Во-вторых, предложил вывести из-под юрисдикции проектируемого смешанного советско-китайского общества всю разветвленную железнодорожную сеть Маньчжурии, оставив за ним лишь магистральные линии КВЖД и ЮМЖД. В-третьих, гоминьдановское правительство стремилось лишить железные дороги обслуживающих их вспомогательных предприятий — депо, мастерских, гражданских сооружений и т. п., без которых функционировать будущая КЧЖД попросту не могла. Советская сторона заявила, что СССР не претендует на все предприятия, работающие на нужды железных дорог Маньчжурии, а настаивает на сохранении за ней лишь тех предприятий и сооружений, которые были построены на средства России и обслуживали эти дороги [75].

Дискуссия развернулась и по вопросу об управлении дорогой. В соответствии с Ялтинским соглашением советская сторона предложила учредить правление компании КЧЖД в составе 10 человек — по 5 от каждой страны, а также смешанное Управление дорогой. В правлении пост председателя рекомендовалось занять китайскому представителю, а его заместителя — гражданину СССР, управляющим дорогой предлагалось назначить советского представителя, а заместителем — китайского.

Однако китайская сторона предложила учредить для каждой дороги самостоятельное правление общества и дорожное управление [76]. Пытаясь игнорировать положение Ялтинского соглашения о «преимущественных интересах СССР», гоминьдановцы настаивали на том, чтобы управляющий КЧЖД назначался их правительством, другими словами, стремились ограничить административные права Советского Союза. Причем эти притязания мотивировались интересами обеспечения суверенитета Китая. Советская сторона указала, что речь идет о чисто хозяйственной деятельности и что суверенитет Китая в

данном случае не затрагивается. Представители СССР твердо отстаивали положение Ялтинского соглашения по этому вопросу, которое предусматривало преимущественное право Советского Союза [77].

Выдвигая требования, идущие вразрез с Ялтинским соглашением, китайская сторона пыталась превратить вопросы, связанные с КЧЖД, в предмет политического торга. Она заявила, что готова на большие уступки по вопросу Внешней Монголии взамен уступок в вопросе о железных дорогах. Однако Советское правительство решительно отвергло это предложение.

В вопросе о характере перевозок по КЧЖД китайская сторона предлагала включить в соглашение пункт, предоставляющий гоминьдановскому правительству в одностороннем порядке право использования КЧЖД для перевозок войск, стратегических материалов и т. п. Советская сторона категорически выступила против такого требования, заявив, что КЧЖД будет коммерческим предприятием, предназначенным для перевозки только товаров гражданского назначения [78]. Такая принципиальная позиция впоследствии сыграла исключительно важную роль для судеб китайской революции. Когда Чан Кайши при поддержке США пытался использовать КЧЖД для перевозки в Маньчжурию войск в целях подавления здесь революционно-демократического движения, СССР, опираясь на договор, решительно отказал чанкайшистам в этом [79]. Ялтинское соглашение уделило большое внимание судьбе Порт-Артура и Дальнего [80].

Советское правительство стремилось убедить гоминьдановскую сторону, что и КЧЖД, и оба порта нужны Советскому Союзу во временное пользование [81], что, когда он построит собственные порты на Дальнем Востоке и укрепит свои дальневосточные рубежи, необходимость в них отпадет, что в определенные соглашением сроки СССР передаст дорогу со всем ее хозяйством, а также Порт-Артур и Дальний в полное владение Китая [82]. Как показали последующие события, СССР по своей доброй воле выполнил эти обязательства намного раньше.

По поводу Коулунского полуострова и Гонконга было заявлено, что СССР будет надежным союзником Китая в вопросах, касающихся равноправия их страны [83].

10 июля Сун Цзывэнь вручил В. М. Молотову послание Чан Кайши, адресованное И. В. Сталину. Его содержание сводилось к следующим предложениям, на которые Чан Кайши просил дать ответ главы Советского правительства.

1. Китайское правительство выражает согласие превратить Порт-Артур в совместно используемую военно-морскую базу сроком на 20 лет и объявить Дальний свободным портом на такой же срок, при этом полный контроль над ними должен принадлежать Китаю.

Собственностью Китая объявляется и КЧЖД. Ее главные магистрали он соглашается использовать на паритетных началах с СССР, заключив контракт на 20 лет. Железнодорожные

ветки и вспомогательные предприятия, которые до сих пор обслуживали КВЖД и ЮВЖД, из совместной эксплуатации исключаются.

2. Китайское правительство обращается с просьбой к СССР оказать необходимую помощь в подавлении «беспорядков» в граничащих с СССР районах Синьцзяна. Чан Кайши мотивировал это необходимостью восстановления коммуникаций и торговых связей между Китаем и СССР, нарушенных в результате этих «беспорядков». Чан Кайши назвал это «бандитизмом».

3. В связи с конфликтом между гоминьданом и КПК и в целях полного объединения военной и административной власти на территории всего Китая под контролем центрального правительства всякая помощь, которую СССР будет оказывать Китаю,— политическая, материальная, моральная — должна предоставляться исключительно гоминьдановскому правительству.

4. После того как будет одержана победа над Японией и будут выполнены поставленные выше условия, китайское правительство согласно рассмотреть вопрос о предоставлении независимости Внешней Монголии. Причем окончательное его решение связывалось с проведением в МНР всенародного плебисцита.

Разумеется, советская сторона не могла принять предложения, изложенные в послании Чан Кайши, и настаивала на соблюдении Ялтинского соглашения.

После длительных дискуссий китайская делегация заявила, что она исчерпала все предоставленные ей полномочия и ей необходимо запросить дальнейшие инструкции в связи с расхождением позиций сторон.

Поскольку переговоры по времени совпали с открывавшейся 15 июля 1945 г. Потсдамской конференцией и руководители Советского правительства выехали в Потсдам, Сун Цзывэнь заявил, что он хотел бы воспользоваться перерывом в переговорах, чтобы лично доложить о них Чан Кайши и получить дальнейшие указания. Так закончилась первая стадия переговоров.

1 августа Потсдамская конференция завершила свою работу, но советско-китайские переговоры возобновились не сразу. Сун Цзывэнь медлил с возвращением в Москву и прибыл туда лишь 6 августа. После обстоятельных обсуждений хода советско-китайских переговоров с руководителями гоминьдановского правительства он совершил поездку в Вашингтон для консультаций с Г. Трумэном и другими деятелями американской администрации. Трудно сказать, сколько времени заняли бы эти консультации, если бы не стремительное развитие событий на Дальнем Востоке, которое лишило американскую и чанкайшистскую дипломатию свободы дальнейшего маневрирования.

Строго следуя взятым на себя обязательствам, Советский

Союз форсированными темпами осуществлял приготовления к разгрому Японии. Близился день вступления советских войск на территорию Китая. В этих условиях, как признает Д. Ачесон в «Белой книге» госдепартамента США, в Вашингтоне, как и в Чунцине, не решались оставлять вопросы советско-китайских отношений не урегулированными соответствующим договором. Американцы торопили Сун Цзывэня с возвращением в Москву, где 7 августа возобновились переговоры.

Поездка премьер-министра Китая в Чунцин и Вашингтон ничего нового в позицию гоминьдановского правительства не внесла. Поэтому переговоры начались с обсуждения, по существу, всего перечня вопросов, которые дискутировались на первом этапе, и продолжались вплоть до подписания советско-китайского договора и соглашений, которое состоялось 14 августа.

На позицию китайского правительства огромное влияние оказывал Вашингтон. Сун Цзывэнь держал в курсе всех дел не только Чунцин, но и Белый дом, куда постоянно обращался через А. Гарримана за советами. «Я поручил послу Гарриману,— отмечал Трумэн в своих мемуарах,— постоянно держать меня в курсе дел, касающихся хода предстоящих переговоров в Москве»[84]. 10 июля, после начала переговоров, Чан Кайши писал Трумэну: «Я систематически буду информировать Вас о ходе переговоров через посла Хэрли... И покорнейше прошу Вас продолжать уделять им большое внимание и время от времени просвещать меня Вашими советами»[85].

Любопытен в этой связи такой факт. К 11 июля, т. е. за первые десять дней переговоров, Сун Цзывэнь имел пять встреч с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым и столько же встреч с А. Гарриманом[86]. Американцы фактически контролировали поведение китайской делегации. Так, в телеграмме от 4 июля Дж. Бирнс поручил Гарриману предупредить Сун Цзывэня, что американское правительство ожидает, что с ним проконсультируются, прежде чем будет окончательно выработано то или иное соглашение[87]. Соответствующие установки передавались из Вашингтона и по другим вопросам.

Особенно большую активность американская дипломатия развила вокруг советско-китайских переговоров во время работы Потсдамской конференции. США больше всего беспокоил вопрос, как бы в результате заключения соглашений с Китаем Советский Союз не закрыл американцам двери для политического и экономического проникновения в Маньчжурию и не сорвал их экспансионистские планы. В записке от 13 июля, подготовленной госдепартаментом и направленной Дж. Бирнсом Трумэну, предлагалось, чтобы США сами или вместе с Англией «повлияли на Советское правительство с целью изменений в пользу Китая (и других стран) условий, касающихся Дальнего и железных дорог». От обоих правительств предлагалось потребовать «четких и ясных обязательств, что не будет допускаться дискриминация» в отношении США и что этот прин-

цип будет распространяться «на все районы и операции, которые могут быть объектом соглашения», имея в виду «право равенства в части доступа для граждан США к портовым сооружениям Дальнего, право аренды и покупки земли в целях бизнеса и проживания, а также право свободного и полного использования сооружений и технических средств железных дорог»[88].

Военный министр США Г. Стимсон и А. Гарриман 15 июля обратились к Трумэну с настойчивыми рекомендациями принять все меры, чтобы получить «абсолютную уверенность в том, что русские не блокируют торговлю США с Маньчжурией своим контролем над железными дорогами»[89]. 16 июля Стимсон в специальной записке президенту писал: «Не должно быть сделано никаких уступок, которые позволили бы России контролировать или запретить торговлю через Дальний или какой-либо другой порт Маньчжурии. Другими словами, я бы настаивал на том, чтобы с Маньчжурией обращались точно так же, как с собственно Китаем»[90].

По указанию Бирнса и предложению Гарримана работники госдепартамента подготовили ряд записок, содержащих рекомендации президенту. В них американскому правительству предлагалось принять более активное участие в китайско-советских переговорах[91], чтобы в вопросах относительно Порт-Артура, Дальнего и железных дорог «твердо настаивать на строгом ограничении прав Советского Союза» и в соответствии с предложениями Сун Цзывэня[92] добиваться заверения о сохранении «исторических позиций США»[93]. Под «историческими позициями» имелась в виду политика «открытых дверей», которую Соединенные Штаты стремились после войны распространить на весь Китай, включая Маньчжурию.

В записке от 23 июля, подготовленной директором отдела по китайским делам госдепартамента Дж. Винсентом, предлагалось, чтобы США добились письменного соглашения с Советским Союзом и Китаем о сохранении «исторических позиций Америки — доктрины открытых дверей»[94].

В других записках утверждалось, что Ялтинское соглашение означает «отход от традиционной политики США», и делались рекомендации, чтобы американское правительство выступило с поддержкой правительства Чан Кайши «в деле сопротивления советским требованиям», которые якобы выходили «за пределы того, что было согласовано в Ялте»[95]. Предлагалось, чтобы Г. Трумэн поставил этот вопрос перед И. В. Сталиным и В. М. Молотовым и чтобы по договоренности с ними был срочно вызван в Потсдам премьер-министр Китая. Сун Цзывэнь сообщил А. Гарриману, что он предпочел бы «обсудить рассматриваемые на московских переговорах вопросы с президентом США и главой Советского правительства во время конференции в Потсдаме»[96].

Чан Кайши пытался по возможности затянуть московские

переговоры, настойчиво апеллировал к Вашингтону, ожидая, что американцы вмешаются более «решительно» и «заставят» СССР отступить от соглашений, подписанных в Ялте. Перед отъездом из Москвы в связи с перерывом в переговорах Сун Цзывэнь выразил Гарриману надежду, что во время встречи с И. В. Сталиным в Потсдаме Трумэн добьется уступок со стороны Советского Союза или выработает приемлемый для Китая компромисс [97].

20 июля Чан Кайши направил в Вашингтон телеграмму, которую следовало передать Г. Трумэну в Потсдам с изложением своей позиции на московских переговорах. Эта позиция сводилась к следующему.

В обмен на полное признание Советским Союзом суверенитета Китая в Маньчжурии, а также «ясное и определенное» заверение о «прекращении всякой моральной и материальной помощи КПК и группам мятежников» он, Чан Кайши, согласится сохранить статус-кво Внешней Монголии до конца войны, когда будет проведен всенародный плебисцит. Он готов также:

а) согласиться на предоставление советскому военно-морскому флоту права на использование Порт-Артура как базы совместно с военно-морским флотом Китая, но порт должен находиться под контролем китайской администрации;

б) выступая против включения Дальнего в зону военно-морской базы, согласен превратить его в открытый порт под контролем китайской администрации, предоставив Советскому Союзу право использования дока для ремонта торговых судов, а также право на свободный ввоз и вывоз товаров;

в) передать управление железными дорогами советско-китайской компании, но право на владение дорогами должно принадлежать Китаю.

Чан Кайши просил Трумэна поддержать его позицию, «убедить И. В. Сталина в ее обоснованности» [98].

В тот же день, 20 июля, Чан Кайши направил послание в Москву И. В. Сталину, в котором писал: «Ваша настойчивость в вопросе о том, чтобы Китай признал независимость Внешней Монголии, явилась для меня неожиданностью... Это (признание.— *А. Л.*) будет самым нежелательным для членов моего правительства» [99].

Свое согласие пойти на уступки по данному вопросу Чан Кайши пытался увязать с выполнением ряда поставленных условий, в частности «не помогать КПК», оказать помощь в «умиротворении» Синьцзяна [100], т. е. в подавлении там волнений.

А. Гарриман советовал президенту США полностью поддержать позицию Чунцина, рекомендовал ему выдвинуть «в качестве компромисса» требование о том, чтобы в управлении КЧЖД вместе с Китаем и СССР приняли участие и США. Этот вопрос обсуждался Гарриманом с Сун Цзывэнем, и тот подтвердил, что «он приветствовал бы такое участие» [101].

Американские дипломаты в своих рекомендациях правитель-

ству высказывались за то, чтобы в случае, если Сун Цзывэню не удастся добиться принятия Советским Союзом изложенных требований, создать международную комиссию для контроля над портом Дальний, состоящую из представителей Китая, Советского Союза, США и Англии. Это означало бы, что США смогут стать фактическими хозяевами над Дальним.

Президент США был согласен с идеями, которые настойчиво выдвигались представителями госдепартамента и военного ведомства. Так, изучив записку военного министра Г. Стимсона от 18 июля, Г. Трумэн заверил его, что «политика открытых дверей не пострадает» [102]. В Потсдаме в беседе с И. В. Сталиным президент поднял вопрос о советско-китайских переговорах, и прежде всего о статусе Дальнего. США рассматривали порт как ворота, которые они предпочитали бы иметь открытыми для широкого проникновения в Маньчжурию. Как отмечает в своих мемуарах Дж. Бирнс, Г. Трумэн заявил И. В. Сталину, что Соединенные Штаты хотят быть уверенными, что Дальний будет считаться «свободным портом». И. В. Сталин ответил, что если Советский Союз получит право контроля над ним, то порт будет иметь такой статус. На заявление Дж. Бирнса о том, что по Ялтинскому соглашению Китай должен сохранить за собой контроль над Дальним, И. В. Сталин, не вступая в дискуссию, ответил, что он намерен возобновить переговоры с Сун Цзывэнем как только возвратится в Москву [103]. По свидетельству присутствовавшего на переговорах Ч. Болена, И. В. Сталин, отвечая Дж. Бирнсу, подчеркнул, что в сравнении с положениями Ялтинского соглашения советская сторона ограничивается более скромными требованиями, что она не собирается что-либо «добавлять» к соглашению, тем более обманывать Китай, однако Чунцин пытается торговаться из-за каждой мелочи. Г. Трумэн и Дж. Бирнс дали понять И. В. Сталину, что Соединенные Штаты весьма заинтересованы получить доступ в Дальний [104].

События, развернувшиеся в Китае после капитуляции Японии, показали, что «беспокойство» руководителей США в отношении статуса Дальнего и Порт-Артура, как и их попытки ревизовать при поддержке чанкайшистов другие положения Ялтинского соглашения, касающиеся Маньчжурии, объяснялись стремлением прежде всего обеспечить беспрепятственную переброску в Маньчжурию не только гоминьдановских, но и американских войск, создание здесь военного плацдарма против СССР и китайской революции. Именно поэтому советской дипломатии пришлось с такой настойчивостью отстаивать положения Ялтинского соглашения на переговорах в Москве. В результате попытки Соединенных Штатов и гоминьдановцев перекроить это соглашение на собственный лад потерпели неудачу.

В книге, опубликованной в 1947 г., Дж. Бирнс более всего выражал сожаление по поводу провала расчетов США в отно-

шении Дальнего. «Китайцы и русские впоследствии достигли согласия,— пишет он,— но события показали, что наше беспокойство было оправданно. Прошло два года после поражения Японии, а Дальний все еще не является свободным портом. Прежде чем корабль сможет зайти в порт, необходимо получить разрешение из Москвы, притом не только для судна, но и для его экипажа» [105].

Дж. Бирнс и его коллеги не решались прямо заявить, что США хотели бы заполучить Дальний и Порт-Артур и имели на то согласие Чан Кайши, данное им еще в 1943 г. Как свидетельствует американский историк Р. Торнтон, во время встречи с Ф. Рузвельтом на Каирской конференции Чан Кайши согласился передать после войны Порт-Артур и Дальний «в совместное распоряжение Китая и Соединенных Штатов» [106].

Рассматривая деятельность дипломатии США во время советско-китайских переговоров, американские историки, в частности Г. Фейс, признают, что при всем желании достичь своих целей администрация Трумэна боялась заходить слишком далеко. Президент опасался, что в случае слишком прямого давления Советское правительство может отказаться вступить в войну с Японией. Именно по этим соображениям Трумэн вынужден был отклонить предложение о приглашении Сун Цзывэня в Потсдам, полагая, что это может привести к осложнениям в переговорах и даже к их срыву. В этом случае, полагал он, СССР не вступит в войну, а если вступит, то не будет в своих действиях связан никакими международными обязательствами [107].

Вашингтон и Лондон, опасаясь невыгодных для себя политических последствий вступления СССР в войну против Японии, одновременно тревожились и за свои позиции в Европе. Ведь если им придется вести войну с Японией только собственными силами, без СССР, то основные их войска будут отвлечены на Дальний Восток, в то время как армии Советского Союза будут находиться в Европе. Еще в мае 1945 г., через пять дней после капитуляции Германии, Г. Трумэн писал У. Черчиллю: «С точки зрения нынешней обстановки даже трудно себе представить, что могут сделать Советы, когда Германия будет находиться под контролем небольших контингентов наших оккупационных войск, а значительная часть вооруженных сил, которые мы могли бы держать здесь, будет сражаться на Востоке против Японии. Я полностью согласен с Вами, что необходимо поскорее провести трехстороннюю встречу, чтобы достичь договоренности с Россией» [108].

В своих мемуарах Г. Трумэн писал, что самая неотложная причина его поездки в Потсдам «заключалась в том, чтобы получить от Сталина личное подтверждение готовности России вступить в войну против Японии» [109]. 23 июля в официальном ответе на телеграмму Чан Кайши от 20 июля, составленном в довольно осторожных дипломатических выражениях, Г. Тру-

мэн сообщил, что правительство США рекомендует Китаю выполнять положения Ялтинского соглашения. «Но я не просил Вас,— подчеркивал при этом он,— чтобы Вы делали какую-либо уступку, выходящую за пределы соглашения». Он рекомендовал Чан Кайши «возвратить Сун Цзывэня в Москву и приложить усилия для достижения полного взаимопонимания с Советским правительством»[110]. Как признают американские историки, эта телеграмма Трумэна в завуалированной форме означала рекомендацию Чан Кайши: делать все, чтобы не допустить заключения такого соглашения между СССР и Китаем по Маньчжурии, которое бы могло стать основой для всестороннего советско-китайского сотрудничества. «Послание Трумэна,— писал Р. Торнтон,— было рассчитано на то, чтобы подбодрить Чан Кайши в переговорах с русскими»[111].

В тот же день, 23 июля, Дж. Бирнс сообщил У. Черчиллю, что он направил телеграмму Сун Цзывэню, «советуя ему, не уступая ни по одному вопросу, возвратиться в Москву и продолжать переговоры в ожидании дальнейшего развития событий»[112].

Такова была тактика американской дипломатии. Правительству США хотелось аннулировать или хотя бы ревизовать Ялтинское соглашение, но предпочитало оно делать это руками чанкайшистов. Американцы просили Сун Цзывэня «держаться до конца», добиваться уступок от Советского правительства, ибо каждая такая уступка была выгодна прежде всего американской стороне.

Тем временем СССР закончил переброску на Дальний Восток войск и боевой техники, сосредоточив против Японии полуторамиллионную армию. Оставалось несколько дней до вступления Советской Армии на территорию Маньчжурии, а переговоры не возобновлялись и советско-китайский договор все еще не был заключен. Сунь Цзывэнь оставался в Чунцине. Он решил было послать вместо себя только что назначенного на пост министра иностранных дел Ван Шицзе. При обсуждении этого вопроса с Чан Кайши П. Хэрли высказался против снижения уровня китайского представительства на переговорах. Он заявил, что в Москву должен поехать Сун Цзывэнь или сам Чан Кайши, ибо «никто другой не может вести переговоры со Сталиным»[113].

Тем временем 26 июля из Вашингтона направляется директива генералу Макартуру и адмиралу Нимитцу. В ней предлагается срочно разработать планы в отношении Китая и Кореи на случай капитуляции Японии, которые, в частности, предусматривали бы оккупацию американскими военно-морскими силами важнейших стратегических объектов, среди них — Шанхай, Пусан (Корея), Чифу, Циньхуандао. «Объединенный комитет начальников штабов,— указывалось в телеграмме,— считает нежелательным втягиваться в военные действия на Китайском материке, помимо использования авиации, но он считает

весьма желательным захват портов, чтобы ускорить реоккупацию страны китайскими войсками»[114].

Итак, в то время как советские войска вступали в войну против Японии с целью освобождения Китая, американское командование готовилось направить вооруженные силы в эту страну, но пустить их в ход только после того, как Япония капитулирует. Последующие события показали, что под предлогом помощи правительству Чан Кайши «реоккупация» занятых японцами городов и районов, по существу, означала американскую интервенцию для установления собственного господства.

28 июля в записке Дж. Бирнсу А. Гарриман, настойчиво требуя вмешаться в ход московских переговоров, дабы оказать поддержку правительству Чан Кайши, рекомендовал потребовать от Советского правительства, чтобы оно в письменной форме «подтвердило свое согласие поддержать политику „открытых дверей", распространение ее на Маньчжурию в особенности»[115].

В Вашингтоне одобрили рекомендацию Гарримана, и 5 августа Бирнс направил ему телеграмму, в которой поручалось заявить Советскому правительству, что Вашингтон:

1) считает, что Сун Цзывэнь полностью выполнил условия Ялтинского соглашения, и надеется, что Советское правительство не будет настаивать на большем;

2) просит, чтобы не заключалось никакого соглашения, которое могло бы нанести ущерб интересам США, в особенности касающегося включения порта Дальний в военную зону: это противоречило бы политике «открытых дверей», и США были бы против этого;

3) предлагает, чтобы СССР заключил с США соглашение, которое должно быть опубликовано одновременно с китайско-советским договором и подтвердить, что в Маньчжурии будет соблюдаться политика «открытых дверей»[116].

В телеграмме указывалось, что американское правительство предпочло бы, чтобы Дальний стал «свободным портом» под контролем китайской администрации и что оно не будет возражать против создания международной комиссии из представителей правительств Китая, СССР, США и, возможно, Великобритании, для осуществления контроля за деятельностью Дальнего как «свободного порта»[117].

Позицию США поддерживала Англия. 6 августа в Вашингтоне была получена телеграмма от К. Эттли, в которой он писал, что русские оказывают нажим на Сун Цзывэня, требуют уступок, «выходящих за рамки Ялтинского соглашения», и что английское правительство готово действовать в этом вопросе в тесном сотрудничестве с США. Эттли хотел бы узнать, что предпримет правительство США «в поддержку Китая». В ответ Г. Трумэн сообщил содержание телеграммы, направленной А. Гарриману[118].

6 августа Сун Цзывэнь прибыл в Москву, а на следующий день начался второй этап переговоров. Китайская делегация вновь пыталась упорствовать и создавать трудности в их работе.

К тому времени события на Дальнем Востоке развивались с молниеносной быстротой. 8 августа правительство СССР объявило войну Японии, а 9-го советские войска перешли в наступление. К 12 августа, сломив сопротивление японцев, они вышли на Маньчжурскую равнину. Одновременно в направлении Северного Китая, через Внутреннюю Монголию, быстро продвигались советские соединения совместно с войсками Монгольской Народной Республики. Китайский народ восторженно встречал Советскую Армию и войска МНР как своих освободителей.

Вступление СССР в войну было с огромным воодушевлением встречено народами и правительствами всех стран, боровшихся против держав «оси». Отражая эти настроения, Дж. Бирнс заявил на специальной пресс-конференции, что Япония должна теперь осознать бесполезность дальнейшего сопротивления. «Этот шаг Советского правительства,— подчеркнул он,— должен сократить продолжительность войны и предотвратить потерю многих жизней» [119].

Опубликовало заявление и правительство Англии. В нем указывалось: «Все мы в Великобритании полностью сознавали и высоко ценили колоссальные жертвы и напряжение, испытанные Россией в результате ее героической кампании против нацистской Германии... Война, объявленная сегодня Советским Союзом Японии, является доказательством солидарности, существующей между основными союзниками, и она должна сократить срок борьбы и создать условия, которые будут содействовать установлению всеобщего мира. Мы приветствуем это великое решение Советской России» [120].

Вступление СССР в войну приветствовали как в Яньани, так и в Чунцине. Газета «Цзефан жибао» писала 10 августа, что эта акция «служит еще одним подтверждением последовательности позиции СССР, его решимости до конца уничтожить фашистских агрессоров и помочь угнетенным народам... Вступление СССР в войну оказало решающее воздействие на всю военную обстановку на Дальнем Востоке... создало неслыханно благоприятную ситуацию для антияпонской войны китайского народа... Настал час... для полного изгнания японских захватчиков и завоевания свободы и независимости». В специальном послании главе Советского правительства Чан Кайши писал: «В самом начале оборонительной войны Китая Советский Союз первым оказал нам величайшую моральную и материальную помощь, за которую наш народ преисполнен признательности... Объявление Советским Союзом с сегодняшнего дня войны против Японии вызвало у всего китайского народа чувство глубокого воодушевления» [121].

Вместе с тем правящие круги союзных держав, официально приветствуя акции СССР, предпринимали маневры, имевшие целью снизить политическое значение этого исторического шага Советского Союза, и даже на последнем этапе пытались ревизовать Ялтинское соглашение.

По свидетельству американских историков, вступление СССР в войну в тот день, как это было обещано Советским руководством, явилось для политических и военных стратегов США полной неожиданностью. Они считали, что это произойдет, во всяком случае, не раньше того, как будет подписан советско-китайский договор и тем самым будут подтверждены условия, выдвинутые СССР и одобренные на Крымской конференции. Многие американские историки чистосердечно признавали, что США и не собирались воевать с японцами в Китае, но зато готовились захватить ключевые объекты сразу же после капитуляции Японии. По указанию Г. Трумэна Объединенный комитет начальников штабов США 21 июля, а затем 26 июля 1945 г. направил телеграммы командующим войсками, предлагая им быть готовыми к «немедленным действиям». В первой телеграмме, адресованной Макартуру, указывалось, что может «оказаться необходимым предпринять действия в течение ближайшего времени в связи с капитуляцией Японии, возможно, раньше вступления русских» [122].

По признанию Трумэна, когда в Москве завершались советско-китайские переговоры, в Вашингтоне вынашивались планы высадки американских войск в Маньчжурии. В частности, А. Гарриман предлагал предпринять высадку войск США «хотя бы на Квантунском полуострове и в Корее» [123]. Э. У. Паули, помощник президента, ведавший вопросами репараций, предлагал как можно быстрее оккупировать южные районы Маньчжурии и Кореи, и прежде всего важнейшие промышленные центры, «расширяя операции на север» [124].

11 августа, за три дня до подписания советско-китайского договора, Объединенный комитет начальников штабов направил Макартуру и Нимитцу указание следующего содержания:

«Президент желает, чтобы заранее были разработаны такие меры, которые будут необходимы, чтобы оккупировать порт Дайрен (Дальний) и порт в Корее (Сеул) сразу же вслед за капитуляцией Японии, если эти порты не будут к этому времени заняты советскими войсками» [125]. 12 августа А. Ведемейер обратился к Верховному командованию США с настойчивой просьбой срочно перебросить в Китай в его распоряжение семь американских дивизий, чтобы «сдерживать коммунистов в Маньчжурии» [126].

Молниеносное наступление советских войск расстроило замыслы американцев. Отданный Г. Трумэном приказ о высадке американских войск в Южной Маньчжурии и занятии Дальнего и Порт-Артура оказался невыполненным.

18 августа по указанию Трумэна Объединенный комитет на-

чальников штабов направил Макартуру и Нимитцу приказ такого содержания: «Ввиду быстрого продвижения русских в глубь Ляодунского полуострова директива, содержащаяся в WARX 48004 о принятии необходимых мер для оккупации Дайрена (Дальнего), настоящим отменяется» [127].

В этих условиях американское и гоминьдановское правительства не могли более затягивать подписание советско-китайского договора — они опасались оставлять вопрос о Маньчжурии «открытым». Еще 28 июля военно-морской министр США Дж. Форрестол записал в своем дневнике о беседе с Дж. Бирнсом, который заявил ему, что придется заключить соглашение о Маньчжурии, ибо, «как только русские войдут туда, их не так легко будет оттуда удалить» [128].

Ведя переговоры с гоминьдановским правительством по вопросам, касающимся Маньчжурии, СССР отдавал себе отчет в том, что за спиной Китая стоят Соединенные Штаты, которые стремятся использовать его в качестве орудия своей политики на Дальнем Востоке. Советское правительство понимало, в частности, что настойчивое стремление чанкайшистов взять в свои руки управление КЧЖД и ограничить права СССР было подсказано из Вашингтона. КЧЖД отводилась не только огромная хозяйственная, но и важная политическая роль. Поэтому если формально все вспомогательные дороги и обслуживающие предприятия и объекты станут принадлежностью гоминьдановцев, то в ближайшем будущем они окажутся фактически в руках американцев, которые используют их для того, чтобы помешать нормальному функционированию КЧЖД и укрепить свои позиции в Маньчжурии и Северном Китае.

В связи с этим советской стороной были предприняты меры к тому, чтобы расстроить эти планы. В частности, в срочном порядке были подобраны и подготовлены для направления в Маньчжурию наиболее опытные квалифицированные работники: инженеры, техники, руководители важнейших служб и др.

Следует иметь в виду еще одно обстоятельство. Во время советско-китайских переговоров постоянно ощущалось стремление чанкайшистов добиться того, чтобы СССР отказался от поддержки КПК и всех демократических сил Китая в их борьбе с гоминьдановским режимом. В послании И. В. Сталину от 20 июля Чан Кайши подчеркивал, что «для достижения административного и военного объединения Китая необходимо, чтобы Советская Россия не оказывала никакой моральной или материальной помощи китайским коммунистам; любая помощь, оказываемая Китаю, должна предназначаться только национальному правительству» [129]. Чан Кайши просил также оказать «возможную помощь... в усмирении мятежников в Синьцзяне» и о том, чтобы в Маньчжурии полностью уважался принцип «территориального и административного единства Китая» [130], другими словами, признавался и поддерживался гоминьдановский режим.

9 июля А. Гарриман сообщал в Вашингтон, что Сун Цзывэнь с готовностью пошел бы на уступки на переговорах, «если бы был уверен, что Советское правительство будет помогать национальному правительству в объединении Китая»[131]. Американцы советовали Сун Цзывэню добиваться «четких и ясных письменных заверений» СССР об отказе в какой бы то ни было поддержке КПК и демократических сил Китая. В указаниях Гарриману по этому вопросу Дж. Бирнс прямо предлагал рекомендовать Сун Цзывэню требовать «предельно ясно сформулированных обещаний, чтобы в дальнейшем не возникло каких-либо недоразумений»[132].

Однако Советский Союз твердо и последовательно стоял на принципиальных интернационалистских позициях в отношении КПК, всех демократических сил Китая, не поддаваясь ни давлению, ни обещаниям экономических и других привилегий в Маньчжурии сверх тех законных прав, которые предусматривались Ялтинским соглашением.

Правительство СССР в своих заявлениях ограничивалось подтверждением того факта, что оно признает существующее правительство Китая, оказывало и готово впредь оказывать ему помощь в борьбе с японской агрессией. Но и при этом подчеркивалось, что внутриполитические проблемы — это дело самих китайцев, что Советский Союз руководствовался и впредь намерен руководствоваться в своих отношениях с Китаем принципом невмешательства во внутренние дела страны.

Советско-китайский договор о дружбе и союзе и его значение для Китая и мира на Дальнем Востоке

14 августа 1945 г. советско-китайские переговоры закончились подписанием Договора о дружбе и союзе, а также ряда других документов. В тот же день Япония заявила о готовности принять условия Потсдамской декларации о безоговорочной капитуляции.

Однако приказа войскам о прекращении сопротивления советским вооруженным силам в Маньчжурии и Корее японское правительство не отдало, и только после новых мощных ударов Советской Армии, в результате которых миллионная Квантунская армия была окончательно разбита, Япония была вынуждена 2 сентября подписать акт о капитуляции.

По своим целям, содержанию и духу советско-китайский договор полностью отвечал интересам обеих стран. Это был равноправный договор, открывающий путь для всестороннего сотрудничества в борьбе с японскими оккупантами, а также в послевоенный период. Им предусматривались обязательства обеих сторон не вступать в переговоры с Японией и не заключать сепаратного мирного договора, что отвечало прежде все-

го интересам Китая, жертвы агрессии, а также обязательства принимать совместные меры для предотвращения возможной агрессии со стороны Японии и оказывать друг другу помощь в случае нападения на одну из сторон.

Положения договора соответствовали Ялтинскому соглашению, содержали ряд важных уступок, сделанных Советским Союзом по просьбе Китая, и свидетельствовали о том, что Советский Союз не имел ни малейших намерений искать каких-либо выгодных для себя сделок с противником за счет интересов своего партнера, тем более такого слабого, каким был в то время Китай. Между тем в Вашингтоне такие идеи в свое время вынашивались. Впоследствии там выражали сожаление по поводу того, что Соединенным Штатам не удалось заключить с Японией мира до вступления СССР в войну. В Белом доме считали, что в этом случае расстановка сил на Дальнем Востоке могла бы сложиться для США «значительно благоприятнее».

Принципы взаимовыгодности и взаимного уважения были положены также в основу ряда соглашений: о КЧЖД, о Порт-Артуре и Дальнем, об отношениях между советским главнокомандующим и китайской администрацией после вступления советских войск на территорию Маньчжурии.

Договоренность по вопросу о МНР была закреплена в форме обмена нотами. В ноте китайского правительства говорилось: «Ввиду неоднократно выраженного народом Внешней Монголии стремления к независимости китайское правительство заявляет, что после поражения Японии, если всенародный плебисцит подтвердит это стремление, оно признает независимость Внешней Монголии в существующих границах» [133].

В ответной ноте указывалось, что «Советское правительство с удовлетворением принимает к сведению ноту правительства Китайской Республики и со своей стороны заявляет, что оно будет уважать государственную независимость и территориальную целостность Монгольской Народной Республики (Внешней Монголии)» [134].

Разумеется, плебисцит ничего не мог изменить, поскольку волеизъявление монгольского народа было хорошо известно и без него. Но правительство Чан Кайши лишний раз решило продемонстрировать, что признание им МНР — вынужденный шаг. Требование о плебисците было расценено Монгольской Народной Республикой как проявление неискренности гоминьдановских властей, как попытки затянуть формальное признание Китаем свершившегося факта — существования уже в течение четверти века независимого государства, суверенитет которого был подтвержден решениями Крымской конференции. Плебисцит, как об этом писали китайские историки, необходим был гоминьдановскому правительству главным образом для того, «чтобы спасти свое лицо» [135].

Соглашение о КЧЖД предусматривало переход в общую собственность и их совместную эксплуатацию на равных осно-

ваниях Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог и создание смешанного советско-китайского общества.

По вопросу о Порт-Артуре Китай согласился на совместное использование этого порта в качестве военно-морской базы, оборона которой вверялась правительству СССР. Дальний объявлялся портом, открытым для торговли и судоходства всех стран. Китайское правительство обязалось отдать в аренду СССР пристани и складские помещения в этом порту.

Соглашения, предоставляя определенные права и выгоды Советскому Союзу, учитывая конкретную обстановку того времени, не в меньшей мере отвечали интересам и Китая, который выходил из длительной войны крайне ослабленным и неспособным без дружественной помощи извне сохранить и упрочить обретенную независимость.

Особое значение советско-китайского договора состояло в том, что он преграждал в интересах китайского народа путь для американской экспансии в один из наиболее жизненно важных районов страны, Маньчжурию, и затруднял осуществление империалистической политики США в отношении Китая.

Соглашения о совместной эксплуатации хозяйственных объектов в Маньчжурии предоставляли Китаю в условиях его экономической и технической отсталости широкие возможности для заимствования у Советского Союза опыта и научно-технических знаний. Это нашло убедительное подтверждение впоследствии. При заключении в 1950 г., после победы китайской революции, Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и Китайской Народной Республикой, т. е. в условиях, когда обстановка в Китае коренным образом изменилась, соглашения 1945 г. не только не были перечеркнуты, но, напротив, дополнены новыми договоренностями, предусматривавшими более широкое и разностороннее сотрудничество, в котором ведущее место по-прежнему заняла Маньчжурия. В условиях угрозы агрессии со стороны США правительство КНР в 1952 г. обратилось с просьбой к СССР оставить вооруженные силы в Порт-Артуре до заключения мирного договора с Японией.

Подписание советско-китайского договора было с одобрением встречено широкой общественностью Китая. В его поддержку высказались все политические партии и фракции, за исключением группировки «сисистов».

На пресс-конференции накануне отъезда из Москвы от имени гоминьдановского правительства и китайской делегации Сун Цзывэнь заявил: «Я несказанно рад и воодушевлен тем, что здесь, с одной стороны, я присутствовал при закладке фундамента постоянного мира на Дальнем Востоке, а с другой стороны, увидел окончательный разгром последнего из мировых агрессоров... Прощаясь с Москвой, я выражаю горячее пожелание великому нашему соседу — Советскому Союзу и его народу — самого светлого будущего и счастья»[136].

Орган ЦИК гоминьдана газета «Чжунян жибао» в передовой писала о договоре как об «эпохальном документе, изменяющем историю всего человечества». Газета «Нэшнл геральд» указывала, что китайско-советский договор является взаимовыгодным, что он рассеивает тревогу за «безопасность северных границ» Китая.

В своих заявлениях представители официальных кругов подчеркивали, что советско-китайские соглашения гарантируют освобождение Маньчжурии от оккупации и возвращение ее Китаю. Восстановление суверенитета Китая в Маньчжурии не было для Китая простой фразой. В годы войны с Японией в официальных и общественно-политических кругах Китая выражалось серьезное беспокойство о судьбе Маньчжурии. Они не могли не считаться с тем фактом, что на протяжении всей предвоенной истории за Маньчжурию велась непрекращающаяся борьба сильнейших капиталистических держав, борьба, переходившая в открытые военные схватки, а последние 14 лет Маньчжурия была превращена Японией в марионеточное государство Маньчжоу-го. Как сложится послевоенная судьба Маньчжурии, для всех в Китае было важным вопросом. И трезвомыслящие люди понимали, что только при дружественной поддержке СССР Китай может рассчитывать, что освобожденная от оккупации Маньчжурия не попадет под контроль других империалистических держав, и прежде всего США, тем более что Китай относился с определенным недоверием к «Каирской декларации» и другим заявлениям США и Англии относительно уважения суверенитета Китая и возвращения законно принадлежащих ему территорий.

В статье, опубликованной 17 августа 1945 г. в органе КПК газете «Синьхуа жибао», подчеркивалось: «Заключение китайско-советского договора о дружбе и союзе является победой всего китайского народа, оно непременно укрепит его уверенность в завоевании свободы и демократии» [137]. А газета «Цзефан жибао» писала: «Этот договор имеет исключительно важное значение для укрепления и развития дружбы между народами Китая и Советского Союза, а также для окончательного разгрома и ликвидации японского фашизма и установления прочного мира на Дальнем Востоке». Советско-китайский договор означает, «что Китай может получить всю возможную помощь со стороны СССР... советско-китайский договор является в истории Китая первым договором о дружбе, заключенным китайским государством с иностранной державой», и что он «служит еще одним свидетельством последовательно проводимой Советским Союзом внешней политики, основанной на принципах равенства» [138].

Говоря о значении подписанного договора, Мао Цзэдун заявлял, что он «устраняет возможность конфликта между СССР и США по китайскому вопросу и затрудняет открытое вмешательство США во взаимоотношения между Компартией

Китая и гоминьданом на стороне гоминьдана против компартии, а это очень важно»[139].

Не случайно даже Чан Кайши в заявлении от 18 сентября 1945 г. вынужден был признать особую роль Советского Союза, который на деле продемонстрировал уважение к китайскому народу. «...С военной помощью... Советской России,— сказал он,— Каирская и Потсдамская декларации претворены в жизнь; Северо-Восточные провинции Китая (Маньчжурия.— *А. Л.*) освобождены, а проживающие там соотечественники возвращены в объятия родины»[140].

В Монгольской Народной Республике подписание договора было встречено с большим воодушевлением. Касаясь обмена нотами между правительствами СССР и Китая по вопросу о независимости МНР, газета «Унэн» подчеркивала, что это соглашение открывает широкие перспективы для дальнейшего расцвета МНР «на равных правах со всеми народами мира... Сегодня, когда монгольский народ добился такого огромного успеха в своем развитии и своей независимости, мы с гордостью отмечаем роль и значение в этом деле нашего старого и испытанного друга — Советского Союза, искреннюю помощь которого монгольский народ никогда не забудет»[141].

Во всех советско-китайских документах, а также в письмах, которыми одновременно обменялись министры иностранных дел обеих стран, четко отражена принципиальная позиция Советского Союза в вопросах, относящихся к внутренним делам Китая. Так, в письме В. М. Молотова от 14 августа «об оказании помощи центральному правительству Китая, о суверенитете Китая над Маньчжурией и о событиях в Синьцзяне» указывалось, что «Советское правительство согласно оказать Китаю моральную поддержку и помощь военным снаряжением и другими материальными ресурсами». Согласно договору, эта помощь предоставлялась в целях сотрудничества «в совместной войне против Японии до ее безоговорочной капитуляции»[142]. По вопросу о Маньчжурии указывалось, что Советское правительство «вновь подтвердило уважение им полного суверенитета Китая над Тремя восточными провинциями (Маньчжурией.— *А. Л.*) и признание их территориальной и административной целостности»[143].

По вопросу о Синьцзяне, в связи с происходившими там выступлениями населения против гоминьдановского режима, было заявлено, что «Советское правительство подтверждает, что оно... не имеет намерений вмешиваться во внутренние дела Китая»[144].

При заключении советско-китайского договора и соглашений Советское правительство исходило из учета реально сложившейся к тому времени обстановки в Китае; она характеризовалась превосходством военных сил правительства гоминьдана, который, опираясь также на поддержку американцев, рвался к решающей схватке с КПК и возглавляемыми ею революционно-демократическими силами, к этому еще не готовыми. По при-

знанию Мао Цзэдуна, армии гоминьдана имели превосходство над вооруженными силами КПК по численности более чем в 3 раза, а по оснащенности и материальным ресурсам — в еще большей степени[145]. Советское правительство понимало, что в этих условиях потребуется определенное время, прежде чем демократические силы достаточно окрепнут и смогут перейти к решающим боям против гоминьдана.

Советско-китайский договор в полной мере содействовал решению этой задачи. Договор открывал путь для осуществления Советским Союзом освободительной миссии в Маньчжурии, создания условий для победы демократических сил. Как писал в своих мемуарах Чан Кайши, заключением договора и всей своей политикой в отношении Китая Советское правительство сорвало его планы: расправиться с КПК сразу после окончания войны, используя превосходство сил. Он вынужден был вступить в переговоры с Яньанью, в результате чего наиболее подходящее для удара по КПК время было упущено и это привело гоминьдановский режим к поражению[146].

Договор создавал благоприятную обстановку для широкого советско-китайского экономического сотрудничества, что имело огромное политическое воздействие на всю ситуацию в Китае. Присутствие советских войск в Маньчжурии, размещение военно-морских сил в Порт-Артуре, установление контроля над Дальним, соглашение о совместном с Китаем управлении КЧЖД — все это стало преградой для проникновения США в этот важнейший для победы китайской революции стратегический район.

8 Зак. 468

ГЛАВА 4

Освободительная миссия СССР в Маньчжурии и провал реакционных планов США и гоминьдана

Обстановка в Маньчжурии накануне вступления СССР в войну против Японии

К моменту освобождения Советскими Вооруженными Силами Маньчжурия представляла собой главный за пределами Японии плацдарм, на который опирался японский империализм в осуществлении своих захватнических устремлений в Азии. К его созданию японские милитаристы приступили сразу же после оккупации Маньчжурии в 1931 г.

Определенные основы были заложены предшествующим развитием экономики района. Важную роль сыграло строительство крупнейших железнодорожных магистралей, осуществленное Россией в начале века. После ввода в действие КВЖД и западные державы развернули здесь железнодорожное строительство. К началу первой мировой войны уже было введено 3,5 тыс. км железных дорог, а к началу 30-х годов их протяженность возросла почти вдвое. В целом на долю Маньчжурии приходилось 40% всех железнодорожных линий Китая[1], из них лишь $^1/_7$ была построена самим Китаем, а остальные линии — иностранными компаниями и находились в их руках, за исключением КВЖД, которая действовала под совместным советско-китайским управлением[2].

В связи с эксплуатацией КВЖД были созданы и постепенно расширялись железнодорожные мастерские, а затем и заводы по ремонту и производству средств железнодорожного транспорта, а также верфи в Харбине и Дальнем. Впоследствии многие из этих объектов (например, верфь в Дальнем) выросли в крупные предприятия. Началось строительство первых металлургических заводов. В целом по уровню развития промышленности Маньчжурия к моменту оккупации ее Японией занимала второе место в Китае (после Шанхайского промышленного комплекса).

Развитие черной металлургии вызвало рост добычи железной руды. Если в 1930 г. она составила 832 тыс. т, в 1936 г.— 1,9 млн., то в 1943 г.— уже 5 млн. т, в дальнейшем японцы планировали довести ее до 12 млн. т[3].

В период войны на Маньчжурию приходилось 55% общей мощности производства стратегического горючего из угля и сланцев. После потери нефтепромыслов Индонезии Маньчжурия превратилась в главную базу для обеспечения нужд авиации и военно-морского флота Японии.

Этот край был одним из основных поставщиков взрывчатых и отравляющих веществ. Здесь действовали десятки крупных заводов по производству артиллерийского и стрелкового оружия, танков, бронемашин, самолетов, автомобилей и другой военной техники. В 1943—1944 гг. был завершен перевод всех крупных предприятий на производство вооружения[4]. Усиленными темпами шли строительство и реконструкция электростанций и сталеплавильных заводов. Производство стали в слитках в 1944 г. было доведено до 1,3 млн. т, что составляло свыше 25% всей выплавки, производимой Японией[5].

На базе цветной металлургии началось производство алюминия из фушуньских алюминиевых сланцев и в небольших объемах выплавка меди, свинца, цинка.

На основе действующих железнодорожных мастерских, верфей, доков, паровозо- и вагоностроительных заводов и других предприятий, значительная часть которых ранее обслуживала КВЖД, оккупанты создали крупные заводы транспортного машиностроения, прежде всего по производству подвижного состава. Были расширены доки в Порт-Артуре, которые выполняли главные ремонтные работы кораблей японского военно-морского флота. В крупный центр судостроения был превращен Дальний.

Представитель японских монополий Тацуносукэ Такахаси, президент действующей в Маньчжурии компании, отмечал: «Маньчжоу-го, являющееся производственной базой Японии, можно сравнить с центральной частью США — производственной базой Америки. Вполне понятно, что Маньчжоу-го в скором времени будет играть важную роль в деле наращивания боевой мощи империи»[6].

Маньчжурия была одним из главных поставщиков в Японию продовольствия и сельскохозяйственного сырья. В 1943 г. здесь было произведено около 19 млн. т зерна[7]. По производству соевых бобов этот район издавна занимал первое место в мире. На его долю приходилось до 40% всего сбора сое-бобов в Китае (который, в свою очередь, давал 80% мирового производства этой культуры)[8]. В Маньчжурии получило развитие также производство технических культур: хлопчатника, конопли, льна, шелка. На Китай приходилось 90% мирового производства натурального шелка-сырца, из них 40% приходилось на Маньчжурию[9].

В своем выступлении на сессии парламента бывший премьер-министр Японии Тодзио 21 января 1944 г. говорил: «Решение проблемы производства продуктов питания окажет огромное влияние на исход войны, и благодаря огромному содействию со стороны Маньчжоу-го нет никаких оснований для беспокойства, какой бы затяжной характер не приняла война» [10].

В декабре 1943 г. в Маньчжоу-го был создан специальный штаб, возглавляемый японцами, по увеличению «производства продукции для нужд военного времени». Планы, разработанные им на 1944 г., предусматривали рост на 10% поставок в Японию сельскохозяйственной продукции, на 50% — рыбы, на 20% — заготовок леса и лесоматериалов. Предусматривалось дальнейшее расширение посевных площадей за счет освоения новых земель, производства на месте и вывоза из Японии сельскохозяйственных машин, химических удобрений, увеличение продуктивности животноводства и поголовья скота. Одновременно в спешном порядке расширялась сеть железных и шоссейных дорог, строились авиационные базы и аэродромы. К лету 1945 г. в Маньчжурии и Корее японцами было построено 20 авиабаз, 133 аэродрома, более 200 посадочных площадок, способных обслуживать свыше 6 тыс. самолетов [11]. На территории Маньчжурии и Внутренней Монголии, у границ СССР и МНР, они возвели 17 районов с полосой укреплений протяженностью около 800 км, с 4500 долговременными огневыми сооружениями, связанными сетью подземных ходов.

К началу августа близ границ Советского Союза и МНР была сосредоточена мощная группировка японских и марионеточных войск. Ее основу составляла Квантунская армия. Это объединение сухопутных войск включало два фронта и две отдельные армии (24 пехотные дивизии, 9 смешанных бригад, 2 бронетанковые бригады и бригады смертников). Сюда же были направлены Сунгарийская военная флотилия и две воздушные армии, насчитывавшие до 2 тыс. самолетов. Кроме того, и на Южном Сахалине, Курильских островах, и в Корее Советскому Союзу противостояли крупные силы. В общей сложности группировка японских сил насчитывала более 1 млн. человек, на ее вооружении имелось свыше 1200 танков, около 7 тыс. орудий и минометов, более 1900 боевых самолетов, 26 кораблей и много другой военной техники [12].

В годы Великой Отечественной войны милитаристская Япония, грубо нарушая заключенный с СССР пакт о нейтралитете, оказывала серьезную помощь гитлеровской Германии. Концентрируя у границ СССР и МНР свои войска, Япония таким образом сковывала значительные силы Советской Армии, которые были крайне нужны на восточном фронте. Риббентроп откровенно признавал, что этим Япония облегчала положение Германии, «поскольку Россия должна держать войска в Восточной Сибири для предупреждения японо-русского конфликта» [13].

Япония снабжала Берлин разведывательными данными экономического, политического и военного характера (о советских вооруженных силах на Дальнем Востоке, о перебросках их с востока на запад, о военной промышленностии т. д.), чинила серьезные препятствия советскому судоходству на Дальнем Востоке, незаконно задерживала суда (имели место даже случаи их бомбардировок и артиллерийского обстрела), закрыла Цугарский пролив для прохода судов.

К моменту освобождения Маньчжурии Советской Армией здесь в результате промышленного развития довольно быстро вырос рабочий класс. Влияние Октябрьской революции содействовало политическому формированию пролетарских масс и появлению здесь крупного центра рабочего движения, которому впоследствии суждено было сыграть выдающуюся роль в гражданской войне и победе китайской революции. Революционное движение в Маньчжурии впитало в себя и боевые традиции пролетариата внутренних районов Китая.

На вторжение японцев патриотические силы Маньчжурии во главе с коммунистами ответили серьезным сопротивлением. 4 октября 1931 г. Северо-Восточное (Маньчжурское) бюро ЦК КПК призвало население края к сплочению в вооруженной борьбе с захватчиками. Первыми против оккупантов выступили рабочие мукденского арсенала, которые 29 марта 1932 г. подняли вооруженное восстание, затем углекопы Фушуня, Бэньси, Яньтая, горняки Аньшаня, текстильщики Аньдуна, Лояна, труженики КВЖД, ЮМЖД, Бэйпин-Мукденской железной дороги.

Началась длительная борьба с оккупантами. Из отдельных отрядов были созданы антияпонские народно-революционные армии, их численный состав доходил до 250—300 тыс. человек. Они наносили оккупантам серьезные удары. После 1935 г. в Маньчжурии была создана Северо-Восточная объединенная антияпонская армия под командованием Ян Цзинюя, видного деятеля КПК, погибшего в 1940 г. в бою.

Несмотря на огромную армию, японцы в Маньчжурии чувствовали себя не очень спокойно. Они были вынуждены создавать вокруг городов и вдоль железных дорог системы оборонительных сооружений, вести постоянную войну с многочисленными партизанскими отрядами, предпринимая карательные экспедиции, уничтожая населенные пункты и истребляя мирное население.

Японская пропаганда утверждала, что в результате этих мер с силами сопротивления на территории Маньчжурии покончено. Однако даже в контролируемой японцами печати вновь и вновь появлялись сообщения о действиях карательных отрядов. Выходившая в Харбине газета «Мансю Ниппо» писала 1 мая 1944 г.: «Несмотря на то что прошло уже более 12 лет со дня основания государства (Маньчжоу-го — *А. Л.*), нам приходится держать в провинции Жэхэ крупные вооруженные полицейские си-

лы». В опубликованном 30 декабря того же года сообщении главного полицейского управления Маньчжоу-го отмечалось, что действовавшие в Жэхэ карательные отряды с 1 января по 15 декабря имели 419 столкновений с партизанами. Агентство Кокуцу опубликовало в «Мансю Ниппо» 16 января 1945 г. сообщение о том, что в 1944 г. имели место 750 столкновений японской армии и полиции с партизанами, численность которых превышала 80 тыс. Однако сопротивлением, оказываемым оккупантам, патриотические силы к середине 1945 г. были обескровлены. Поэтому вступившим в Маньчжурию советским войскам пришлось вести борьбу с оккупантами собственными силами.

Следует отметить, что партизанское движение в Маньчжурии развивалось в значительной степени самостоятельно, вне связи с Яньанью. Руководство Компартии Китая признавало, по свидетельству историка Ф. Джонеса, что «вплоть до августа 1945 г. у КПК вообще не доходили руки до этой части страны» [14].

Такова была обстановка в Маньчжурии к моменту вступления СССР в войну с Японией.

Освободительная миссия Советского Союза в Маньчжурии

Начав 9 августа 1945 г. боевые действия против Японии, войска Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов, корабли Тихоокеанского флота нанесли сокрушительные удары по Квантунской армии — мощнейшей из всех группировок, которыми располагало японское верховное командование. К 22 августа была освобождена вся Маньчжурия. Вместе с Советской Армией части МНР очистили от оккупантов районы Внутренней Монголии с ее главными городами Калган и Долоннор. 1 сентября Квантунская армия сложила оружие, а 2 сентября Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции. 14-летнему нашествию японских захватчиков на Китай был положен конец.

Но освободительная миссия Советского Союза по отношению к Китаю и другим странам Азии на этом не закончилась. Перед их народами встали важные задачи послевоенного устройства, перестройки жизни на подлинно демократических началах. И в этом требовалась твердая поддержка и всесторонняя помощь СССР.

Эта помощь была необходима, чтобы противостоять и послевоенной политике США, других империалистических держав, стремившихся восстановить в Азии старые порядки или слегка модернизировать их.

С таких позиций США подошли и к Китаю. Желая прочно укрепиться в этой стране, они стремились, используя свой воен-

ный и финансово-экономический потенциал и политическое давление, навязать Китаю кабальные договоры и соглашения, укрепить гоминьдановский режим, по возможности придав ему хотя бы внешнюю демократическую окраску. Присвоив себе роль «посредника», США решили помочь Чан Кайши ослабить, а затем полностью ликвидировать оппозицию со стороны КПК и революционно-демократических сил, а под предлогом помощи гоминьдану в разоружении японской армии — помешать переходу освобожденных от оккупантов районов в руки китайского народа.

Главнокомандующий англо-американскими войсками на Тихом океане генерал Макартур, поддержав требования Чан Кайши, отдал приказ главнокомандующему японскими оккупационными силами в Китае генералу Окамура не капитулировать перед частями КПК, а продолжать удерживать занимаемые территории вплоть до прибытия войск гоминьдановской армии. Одновременно американское командование в срочном порядке приступило к подготовке специальных экспедиционных сил США и в течение нескольких месяцев после капитуляции Японии осуществляло их переброску в важнейшие стратегические пункты Китая (кроме Маньчжурии). Были приняты также экстренные меры к расширению американской помощи в формировании, обучении и оснащении гоминьдановских дивизий и транспортировке их в районы, занимаемые японцами. Резко возросли поставки для армии Чан Кайши различных видов боевой техники, военных материалов и т. п.

Опираясь на щедрую помощь США, располагая к моменту капитуляции и без того крупным военным потенциалом, гоминьдановский режим намерен был без промедления начать гражданскую войну. Однако Белый дом считал избранный Чан Кайши момент для развертывания гражданской войны — с неизбежным вовлечением в нее американцев — не очень подходящим в силу ряда серьезных обстоятельств. Чунцину было предложено повременить. В Вашингтоне вынуждены были считаться с присутствием на территории Китая советских вооруженных сил, решительными антивоенными выступлениями китайского народа и всей мировой общественности.

Важным препятствием служило и то обстоятельство, что главное внимание США было приковано к Европе, где после разгрома Германии Вашингтон вступил в упорную борьбу за спасение и консолидацию уцелевших реакционных сил, против установления народной власти в странах Восточной Европы, в жесточайшую конфронтацию вокруг этих проблем с Советским Союзом. К тому же на Дальнем Востоке кроме Китая предметом особых «забот» американских стратегов была оккупированная США Япония.

В Вашингтоне исходили также из того, что с «коммунистической опасностью» в Китае Соединенные Штаты сумеют справиться путем предоставления помощи правительству Чан Кай-

ши, а также методами военного шантажа в сочетании с политическим маневрированием. В августе 1945 г. американская дипломатия выступила с инициативой организации встречи главы гоминьдановского правительства с руководителем ЦК КПК Мао Цзэдуном. Чан Кайши обратился к нему с приглашением прибыть для переговоров в Чунцин. Белый дом, присвоивший себе право бесцеремонно вмешиваться во внутренние дела других государств, предложил гоминьдану и КПК посредничество США, означавшее, по существу, их непосредственное участие в переговорах. Миссию «посредника» президент США возложил на посла в Китае генерала П. Хэрли. С этим согласились обе стороны. Правда, Мао Цзэдун не спешил с ответом на приглашение Чан Кайши. Впоследствии он заявлял, что не хотел идти ни на какое послевоенное сотрудничество с гоминьданом и что якобы к этому его толкало Советское руководство. Однако это противоречит фактам: по вопросам урегулирования отношений между Чунцином и Яньанью Мао Цзэдун советовался только с эмиссарами Белого дома — с П. Хэрли, а позже с Дж. Маршаллом, которые совершали дипломатические вояжи в Яньань.

Наконец, Чан Кайши получил из Яньани согласие на свое предложение о встрече, и 28 августа 1945 г. Мао Цзэдун в сопровождении Хэрли, а также Чжоу Эньлая и Ван Жофэя (начальника политотдела Новой 4-й армии) прибыл на предоставленном специально для этого американцами самолете в Чунцин.

По времени этот приезд совпал с опубликованием в печати текста советско-китайского договора. Это создавало благоприятный для КПК политический фон на переговорах с гоминьдановским руководством. И поэтому расчет Чан Кайши не оправдался: ему не удалось даже при поддержке США навязать свои условия. На стороне КПК были симпатии широких народных масс Китая, всей мировой прогрессивной общественности. Правительство СССР, считая неуместным вмешиваться в переговоры между КПК и гоминьданом, вместе с тем считало своим интернациональным долгом со всей ясностью показать свое отношение к стоящим перед Китаем проблемам. В день прибытия делегации КПК в Чунцин в советской печати была выражена твердая и решительная поддержка позиции китайских коммунистов. В специальной статье, опубликованной в газете «Красная звезда», заявлялось о горячей солидарности СССР с развернувшейся под руководством КПК борьбой против попыток империализма и внутренней реакции поставить страну под ярмо колониального и феодального порабощения, выражалось твердое заверение, что в этой борьбе «великий китайский народ встретит глубокое понимание и помощь со стороны Советского Союза и демократических сил всего мира»[15]. И это заявление не осталось незамеченным в Чунцине и Вашингтоне.

Переговоры были трудными и продолжались с 28 августа по 10 октября. КПК добивалась закрепления за собой достигнутых к тому моменту успехов — территориальных, военных, политических, требовала ликвидации однопартийной диктатуры гоминьдана, демократического переустройства страны — создания демократического коалиционного правительства, легализации партии, освобождения всех политзаключенных, предоставления и гарантирования свободы слова, печати и т. п. КПК выражала готовность сотрудничать с гоминьданом в строительстве единого Китая на основе «трех народных принципов» Сунь Ятсена и «под руководством президента Цзян Цзеши» (Чан Кайши) [16].

Руководство гоминьдана ограничивалось общими, весьма туманными обещаниями, но требовало резкого сокращения войск КПК и подчинения их единому командованию, вывода из многих занимаемых ими районов, подчинения местных народных органов власти центральному правительству и т. п. Используя в политических целях свое военное присутствие в Китае, а также неоднократно выраженную Мао Цзэдуном заинтересованность в сотрудничестве с США, к принятию этих требований пытались склонить делегацию КПК и американские «посредники».

В то время как шли переговоры, в различных районах страны продолжались военные столкновения. Войска КПК отвечали на действия гоминьдановцев. Как сообщил Мао Цзэдун на встрече в советском посольстве 10 октября, где довелось присутствовать автору этой книги, командование НОА предприняло крупное наступление, в результате которого было разбито 7 дивизий генерала Ян Сишаня. Мао Цзэдун сказал, что эта операция была предпринята в связи с тем, что в результате жесткой позиции гоминьдановской стороны переговоры были заведены в тупик, поэтому было решено нанести удар по войскам гоминьдана, чтобы заставить Чан Кайши быть более податливым. В конечном счете было опубликовано коммюнике, явившееся единственным результатом переговоров. В нем в самой общей форме говорилось о стремлении сторон к обеспечению внутреннего мира, достижению демократии, выражалось согласие продолжить переговоры.

Тем не менее КПК считала в сложившейся обстановке полезным проведение диалога с гоминьданом. В руководстве компартией брали верх реалистические тенденции, понимание необходимости учета объективных факторов. Народные массы смертельно устали от длительной и тяжелой войны. Перевес сил находился на стороне гоминьдана. Его власть распространялась на территорию, где проживало 70% населения страны, находились все крупнейшие (не считая Маньчжурии) промышленные, торговые и культурные центры. Гоминьдан имел 4,5-миллионную армию, обученную и хорошо оснащенную американцами [17]. Как признавалось в документах КПК, гоминьдан

в тот момент еще продолжал пользоваться определенным влиянием как правящая партия страны, победоносно вышедшей из войны.

КПК поддерживали широкие массы трудящихся, прогрессивная общественность страны, она выступала как подлинный защитник национальных интересов и чаяний народа. Однако к моменту окончания войны ее опорой служили лишь старые базовые сельские районы с населением около 50 млн. человек. Во вновь созданных районах партия еще не успела пустить глубоких корней. Не было налажено необходимых связей с пролетарскими центрами, крупными городами — здесь существовали лишь небольшие подпольные ячейки. Регулярные 8-я и Новая 4-я армии КПК, насчитывавшие около 1 млн. человек, были слабо вооружены и обучены. Успех крупной операции, о которой речь шла выше, не менял общей картины. Впоследствии Мао Цзэдун был вынужден признать, что армии КПК ожидали серьезные неудачи. Удастся ли отстоять занятые населенные пункты в случае натиска гоминьдановцев, заявлял Мао Цзэдун в августе 1945 г., сейчас еще трудно сказать [18].

В этих условиях от КПК требовалась особая выдержка, гибкость, взвешенный подход, тактическое искусство, глубокое понимание того, что революционное движение не готово к войне с гоминьданом и что одна из главных задач состоит в этой подготовке. Китайским коммунистам было необходимо осознать, что время работает на революцию, что поэтому следует использовать малейшую передышку для накопления сил к решающей борьбе, если Чан Кайши и американцы развяжут гражданскую войну.

В своих отношениях с гоминьданом Советское правительство использовало все свое влияние, чтобы удержать его от такого шага и склонить к поискам путей мирного урегулирования внутриполитических проблем.

В столь сложных для КПК условиях особую опасность представляли вмешательство США и возможность прямой военной интервенции. Без помощи СССР предотвратить эту опасность КПК и народно-демократическим силам Китая было невозможно.

Советское правительство противопоставило империалистической политике США внешнеполитический курс, провозглашающий невмешательство во внутренние дела Китая, вывод всех иностранных войск с его территории, право китайского народа и его политических партий самим решать свои внутриполитические разногласия и проблемы, а также поддержку стремлений китайского народа к демократизации политической жизни и укреплению независимости страны. Советская дипломатия выступала за строгое соблюдение и претворение в жизнь принципов послевоенного устройства мира, которые были зафиксированы в декларациях Московской, Тегеранской, Крымской и Потсдамской конференций.

СССР не на словах, а на деле показывал пример подлинно гуманной и миролюбивой внешней политики в отношении Китая и других стран Востока, которая нашла наиболее яркое практическое выражение в Маньчжурии — районе, непосредственно освобожденном Советской Армией, где после капитуляции японцев в течение определенного времени находились Советские Вооруженные Силы. Советское командование, действуя в рамках договора между двумя странами, предоставило народу Маньчжурии полную свободу при решении внутренних проблем края, в том числе вопросов взаимоотношений с гоминьдановскими властями. Впервые за всю многовековую историю Маньчжурия вступила на путь глубокого политического и социального обновления. Возрождались и крепли демократические силы, происходила замена старых органов власти народно-демократическими, где руководящую роль играли представители рабочего класса, трудового крестьянства, прогрессивной интеллигенции.

Активно включились в общественно-политическую и хозяйственную сферы деятельности профсоюзы. Их представители вошли в состав муниципальных органов власти. Профсоюзы брали в свои руки контроль над производством, создавали собственные потребительские кооперативы, клубы, школы, органы печати. Это способствовало тому, что центр китайского рабочего движения переместился в Маньчжурию.

Советское командование позаботилось об открытии начальных и средних школ, решении проблемы трудоустройства многотысячной армии безработных из числа рабочих, служащих и интеллигенции. Были приняты меры по обеспечению населения продовольствием и предметами первой необходимости.

Военная администрация по-интернационалистски отнеслась к судьбе довольно значительного числа рабочих и служащих японцев, проявила заботу об их трудоустройстве, обеспечении продовольствием и топливом, помогла в решении других острых проблем, защищая от нападок определенной части китайского населения, которая пыталась свой гнев по отношению к японским захватчикам выместить на беззащитных служащих, рабочих и торговцах, учиняя над ними и их семьями самосуды, лишая их жилья, личного имущества и т. п. Шовинистический угар сказался и на политически незрелой части работников новых органов власти. Представителям советского военного командования приходилось разъяснять местным партийным и профсоюзным руководителям, что методы грубого администрирования являются порочными и наносят ущерб интересам Советского Союза и Китая.

В связи с началом гражданской войны в Китае, обострением внутренней обстановки в Маньчжурии и ненормальной работой транспорта Дальний и другие промышленные центры Ляодунского полуострова оказались в тяжелом положении: прекратился подвоз продовольствия, сырья, топлива, остановились про-

мышленные предприятия, росла безработица. Были приняты энергичные меры к решению этих проблем, организована доставка хлеба с Шаньдунского полуострова и из других районов Китая.

Советское военное командование пресекало подрывную деятельность гоминьдановцев, их попытки сформировать войска из местного населения и бывших частей армии Маньчжоу-го, а также создавать диверсионные отряды и группы.

В заявлении, опубликованном в Яньани 14 февраля 1946 г., ЦК КПК так охарактеризовал сложившуюся для демократических сил обстановку в Маньчжурии: «После вступления Советской Армии народные массы Маньчжурии взялись за оружие для ликвидации японских и марионеточных войск. Наибольшую активность проявили солдаты и командиры бывшей Объединенной антияпонской армии. Ее численный состав под командованием Чжоу Баочжуна вскоре вырос до нескольких десятков тысяч человек. К ним присоединились находившиеся в плену в Северном Китае бойцы и командиры 8-й армии, а также партизаны и военнослужащие корпуса народных добровольцев в Маньчжурии. На соединение с этими войсками были направлены из Внутреннего Китая части под командованием генералов Маньчжурской 8-й армии и отряды Новой 4-й армии. На базе указанных вооруженных сил была образована Объединенная демократическая армия (ОДА) численностью до 300 тыс. человек, а также созданы корпус охраны мира и полиция... В районах, очищенных от японцев и марионеток, созданы избранные народом демократические органы власти. В руководство вооруженными силами и местных органов вошли члены разгромленных японцами партийных организаций КПК. На работу в Маньчжурию была направлена группа членов ЦК КПК, создано Маньчжурское бюро ЦК. В настоящее время в Маньчжурии установлен мир и порядок, возрождается экономическая жизнь: торговля, промышленность, другие отрасли хозяйства, улучшаются жизненные условия населения» [19].

В своем выступлении на сессии гоминьдановского Народнополитического совета 1 апреля 1946 г. Чан Кайши, касаясь вопроса об обстановке в Маньчжурии после ее освобождения Советской Армией, заявил: «Во время японской оккупации в Маньчжурии не было коммунистических войск. Они появились там после капитуляции Японии. Коммунистические войска вступили в Маньчжурию по суше через провинцию Жэхэ, имея при себе лишь небольшое количество оружия. Другие войска КПК прибыли по Желтому морю из Чифу без всякого оружия. Сейчас они создают так называемую „Объединенную демократическую армию"». Чан Кайши подчеркнул, что гоминьдановское правительство не признает ни эту армию, ни созданные в Маньчжурии местные органы власти, считает их незаконными.

Как отмечают сами китайские коммунисты, которым пришлось работать в Маньчжурии с первых дней ее освобождения,

решение стоявших перед ними проблем без помощи СССР было бы невозможно. Трудности осложнялись отсутствием местных кадров, в особенности инженерно-технических работников, специалистов различных отраслей экономики, организаторов производства, управления крупными городами. Многие из местных партийных работников погибли, а те, кто уцелел, не имели опыта, поскольку в течение 14 лет жили в условиях оккупации, а до этого, при режиме китайских милитаристов, им приходилось работать в подполье или воевать в партизанских отрядах. Не было нужного опыта и у коммунистов, находившихся в базовых районах Китая, поскольку им на протяжении десятилетий приходилось воевать, а не заниматься по настоящему вопросами государственного, хозяйственного и культурного строительства, вставшими перед освобожденным краем.

Советский Союз направил в Маньчжурию большую группу специалистов, чтобы помочь наладить работу железнодорожного транспорта, промышленных предприятий, больниц и т. п. Однако были проблемы, которые должны были решаться только работниками местных органов власти, но принимать подобные решения без указаний центра им было крайне трудно, а связи между Маньчжурией и Особым районом (Яньанью) отсутствовали.

Впоследствии об этом периоде рассказал один из руководящих деятелей КПК, Цзэн Кэлинь, который был среди тех, кто с первыми отрядами войск КПК прибыл в Маньчжурию сразу же после ее освобождения от японцев[20]. Касаясь того, как создавалась здесь народная власть, Цзэн Кэлинь писал, что эта работа шла в полном отрыве от ЦК КПК, продолжавшего находиться в далекой Яньани, отгороженной от клокочащего событиями мира пространством бездорожных пустынь и гор. Местные коммунисты, в том числе командиры и политработники, пришедшие с отрядами 8-й армии из Северного Китая, стали искать пути, чтобы как-то связаться с руководством партии. Было важно, чтобы проводимая коммунистами в Маньчжурии работа согласовывалась с общей стратегией и тактикой КПК, а ее руководству необходимо было учитывать маньчжурский фактор, который становился решающим для судеб Китая.

Коммунисты, находящиеся в Маньчжурии, писал Цзэн Кэлинь, попробовали связаться с Особым районом при помощи армейских полевых раций, но безуспешно. Безрезультатными оказались также попытки наладить контакты с другими базовыми районами.

На помощь пришло советское военное командование, которое предоставило китайским товарищам специальный военный самолет с экипажем. 17 сентября группа коммунистов во главе с Цзэн Кэлинем вылетела в Яньань для установления связи с руководством КПК. Их доклад был заслушан на специально созванном расширенном заседании Политбюро. По словам Цзэн

Кэлиня, члены Политбюро признались, что до встречи с прибывшими из Мукдена товарищами у них не было ясного представления о положении в Маньчжурии. Председательствовавший на заседании Лю Шаоци (Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай находились в Чунцине на переговорах с Чан Кайши) признал также, что в силу ряда особенностей, в том числе близости к СССР, МНР и Северной Корее, Маньчжурия «может стать важной стратегической базой китайской революции» и обладание этим районом «позволит ускорить победу». Лю Шаоци подчеркнул, что «отнять Маньчжурию у Чан Кайши будет крайне трудно, так как он бросит в битву за нее все вооруженные силы. Руководители КПК особо указали на необходимость собрать как можно больше оружия, оставленного Квантунской армией, прежде всего артиллерийского. Пэн Дэхуай сказал Цзэн Кэлиню, что без артиллерии войскам КПК приходилось терпеть тяжелые поражения: японцы «гнали нас, куда им вздумается».

Вместе с маньчжурскими коммунистами, возвращавшимися из Яньани, по решению Политбюро ЦК КПК в Мукден была направлена группа в составе Линь Бяо, Пэн Чжэня, Гао Гана, Чжан Вэньтяня и других деятелей партии, которые возглавили партийное, военное и административно-хозяйственное руководство Маньчжурии [21].

Несмотря на то что Лю Шаоци высказал мнение о Маньчжурии как о важной стратегической базе китайской революции, по-прежнему в стратегии Мао Цзэдуна главная роль отводилась Особому району. Об этом свидетельствовала подготовленная и направленная им директива коммунистам Маньчжурии в конце декабря 1945 г. В качестве главных задач в ней предлагалось сосредоточить внимание не на том, чтобы, используя благоприятные внутренние возможности и внешние факторы, занять ведущее положение в борьбе с гоминьданом и американскими интервентами, а на том, чтобы выжить, устоять, избежать поражения, которое, судя по директиве, Мао Цзэдун допускал и которого опасался. Предлагалось держаться подальше от крупных городов, создавать отдельные опорные базы в сельских районах. Этому в директиве отводился довольно длительный срок — вплоть до конца 1949 г.[22]. Однако развернувшиеся события показали, что в стратегии Мао Цзэдуна возможности Маньчжурии были недооценены. Не Особый район, а именно Маньчжурия с ее крупными городами, промышленными и рабочими центрами, с ее надежным прикрытием со стороны севера и с Ляодунского полуострова сыграла решающую роль в победе китайской революции. Одним из важнейших факторов послужило присутствие здесь советских войск, поддержка СССР демократических сил края.

Американские планы проникновения в Маньчжурию под флагом доктрины «открытых дверей». Противодействие СССР попыткам ликвидации маньчжурской революционной базы

В то время как Советский Союз выполнял в Маньчжурии освободительную миссию, Соединенные Штаты, прикрываясь ссылками на «угрозу» этому району и всему Китаю со стороны Советского Союза и «заботу» об интересах Китая и его суверенитете, стремились с помощью гоминьдана превратить Маньчжурию в экономический придаток американских монополий и в крупнейшую военно-стратегическую базу, нацеленную на Советский Дальний Восток, и в «санитарный кордон», изолирующий Китай от СССР.

В подготовленном в июне 1946 г. специальном докладе Межведомственного подкомитета по Дальнему Востоку, одобренном Координационным комитетом, состоявшим из представителей госдепартамента, военного и военно-морского департаментов США [23], указывалось, что «ни один из районов Китая не представляет зоны большей опасности для советско-американских отношений, чем Маньчжурия». Отмечая исключительно важное значение этого района в происходившей в предшествующий исторический период на Дальнем Востоке борьбе ведущих держав мира и подчеркивая тот факт, что край с его огромными промышленными и сельскохозяйственными ресурсами служил для Японии «главной опорой в ее планах установления мирового господства», авторы доклада отмечали, что «вопрос состоит в том, какое государство воспользуется в своих интересах ресурсами Маньчжурии в будущем». При этом говорилось о преимуществах, которые получит государство, установившее контроль над этим краем. Американских стратегов привлекало наличие незамерзающих портов Дальнего, Хулудао, Инкоу, Порт-Артура, развитой сети железных дорог, соединяющих Маньчжурию с собственно Китаем, Кореей и Сибирью, богатых залежей угля и железной руды, огромных лесных и сельскохозяйственных ресурсов, позволяющих ежегодно экспортировать около 1 млн. т пшеницы.

Приписывая СССР «агрессивные» намерения в отношении Маньчжурии, авторы доклада утверждали, что если бы Советскому Союзу удалось «поглотить» ее или привязать к себе экономически, то это «в огромной степени усилило бы советский военный потенциал» на случай «большой войны на Дальнем Востоке». Поэтому США не должны допустить, чтобы Советский Союз использовал Маньчжурию «в целях создания в Восточной Азии такой силы, которая представляла бы серьезную угрозу Соединенным Штатам». Отмечалось, что без Маньчжурии Китай лишь номинально будет оставаться в числе ведущих держав, а с превращением Японии в третьестепенную державу «баланс сил в Азии будет нарушен».

В докладе подчеркивалась необходимость распространения на Маньчжурию политики «открытых дверей» США и предлагалось при этом руководствоваться не столько коммерческими целями, сколько соображениями стратегического порядка, поскольку, мол, Соединенным Штатам нужен Китай «как противовес России в Азии», а без Маньчжурии он эту миссию выполнить не сможет. Поэтому Белому дому рекомендовалось оказать помощь в установлении власти правительства Чан Кайши в Маньчжурии, «поощрять» его к тому, чтобы оно заняло жесткую позицию в отношении СССР в вопросах, касающихся Маньчжурии, и дать заверения, что его демарши против «нежелательных» действий СССР «будут энергично поддержаны Соединенными Штатами».

В докладе предлагались также планы американской помощи гоминьдановскому правительству в «восстановлении и развитии» экономики Маньчжурии. Предусматривалось предоставить займы через Экспортно-импортный банк «для восстановления железных дорог и других объектов», пострадавших в результате военных действий. При этом указывалось, что речь идет о дорогах, «которые не контролируются иностранным капиталом», другими словами, о железнодорожных линиях и объектах, которые не находились под совместным советско-китайским управлением[24].

Таким образом, США стремились к осуществлению тех целей, о которых Советское правительство догадывалось еще в ходе китайско-советских переговоров 1945 г., когда Сун Цзывэнь по подсказке американцев стремился максимально ограничить сферу деятельности КЧЖД, оставить за ней только главные магистрали и вывести из-под ее контроля обслуживающие предприятия.

Американские монополии под видом помощи в восстановлении экономики Маньчжурии предусматривали также поставить железнодорожный подвижной состав и строительное оборудование, направить в Маньчжурию «как можно большее число технических специалистов и советников», «временно» использовать японских инженерно-технических работников. Более того, США планировали для создания под их контролем мощного военно-промышленного потенциала Маньчжурии перебросить туда предприятия и оборудование из Японии якобы в счет причитающихся Китаю репараций.

В докладе Межведомственного подкомитета подчеркивалось, что США должны «всеми имеющимися в их распоряжении дипломатическими методами и средствами пропаганды... препятствовать каждому шагу СССР к расширению сферы его влияния и экономического контроля в Маньчжурии» (другими словами, мешать претворению в жизнь Ялтинского соглашения и советско-китайского договора в целях укрепления позиции США). Предлагалось, чтобы Соединенные Штаты Америки через контакты с гоминьдановским правительством были «в курсе всех

соглашений, которые Советский Союз пожелал бы заключить с правительством Китая».

Доклад Межведомственного подкомитета был согласован госдепартаментом с находившимся в Китае Дж. Маршаллом, представлен на утверждение президенту Г. Трумэну и с его одобрения разослан правительственным ведомствам в качестве внешнеполитического документа, которым следовало руководствоваться в вопросах, касающихся Китая [25].

Стремясь к осуществлению планов экономической экспансии в Маньчжурии, США совместно с гоминьдановцами выступили против использования Советским Союзом его законного права на военные трофеи — промышленное оборудование и некоторые другие объекты, обслуживавшие нужды Квантунской армии. Американская пропаганда обвиняла СССР в «ограблении» Маньчжурии, пытаясь вызвать недружелюбные чувства к нему у китайской и мировой общественности.

Одновременно США выступали против совместной эксплуатации Советским Союзом и Китаем промышленных предприятий в Маньчжурии. К этому американцев подстрекали гоминьдановцы, которые вели двойную игру, стремясь использовать в своих политических целях заинтересованность монополий США в природных богатствах и промышленном потенциале Маньчжурии.

Лидеры гоминьдана, разумеется, меньше всего беспокоились о суверенитете Китая, которому СССР ни в коей мере не угрожал. Они боялись политического влияния Советского Союза, поэтому и хотели открыть двери американскому капиталу, с которым были теснейшим образом связаны.

Желая припугнуть США опасностью советского «господства» в экономике Маньчжурии, Чан Кайши предупредил А. Гарримана и Дж. Маршалла, что, возможно, будет вынужден пойти на предоставление СССР некоторого долевого участия в эксплуатации ряда промышленных предприятий во избежание их демонтирования и вывоза, а также ввиду того, что СССР оказывает якобы «давление» на Китай, задерживая вывод войск из Маньчжурии [26]. В действительности же вывод советских войск был отсрочен по просьбе самого китайского правительства и не имел никакого отношения к вопросу о военных трофеях. При обсуждении интересовавших американцев вопросов советско-китайских отношений с Сун Цзывэнем Дж. Маршалл и А. Гарриман получили нужные Вашингтону более твердые заверения. По словам А. Гарримана, Сун Цзывэнь заявил, что «пусть лучше русские силой заберут оборудование, на которое они претендуют как на военные трофеи... чем допустить их к участию в маньчжурской промышленности, ибо это нанесет ущерб суверенитету Китая в Маньчжурии» [27].

Гарриман и Маршалл просили Чан Кайши не идти ни на какие соглашения с Советским Союзом, «даже если это задержит вывод войск из Маньчжурии» [28].

В телеграмме, посланной 30 января Г. Трумэну о результатах встречи с Чан Кайши и Сун Цзывэнем, Гарриман и Маршалл предложили предпринять демарш в отношении Советского правительства: «Мы не должны соглашаться с позицией Советского Союза. Если мы уступим в настоящее время требованиям русских о предоставлении Китаем доли участия в важных промышленных предприятиях в обмен на отказ от их претензий на военные трофеи, Россия будет господствовать в маньчжурской экономике, что серьезно отразится на американских коммерческих интересах и на всей политике «открытых дверей» в целом»[29].

По получении этой телеграммы госсекретарь Дж. Бирнс дал указание временному поверенному в делах США в СССР Дж. Кеннану обратиться к Советскому правительству с нотой, выражающей «озабоченность» Белого дома сообщениями «о происходящих переговорах, которые могут привести к установлению исключительно китайско-советского контроля над промышленными предприятиями в Маньчжурии». В ноте предлагалось подчеркнуть, что в условиях, когда доступ в Маньжурию для граждан других союзных держав закрыт и они лишены возможности участвовать в экономическом развитии Маньчжурии на основе «равенства возможностей», правительство США считает, что подписание документов между СССР и Китаем относительно промышленных предприятий Маньчжурии противоречило бы политике «открытых дверей», означало бы «явную дискриминацию американцев», которые пожелали бы участвовать в «развитии маньчжурской промышленности», что поставило бы США в явно невыгодное положение в их будущих торговых отношениях с Маньчжурией[30].

Таким образом, американское правительство фактически настаивало на том, чтобы Советский Союз признал свободу действий американцев в Маньчжурии, в особенности в Порт-Артуре и Дальнем и в деятельности КЧЖД.

Правительство США попыталось оказать давление на СССР также по вопросу о бывшем имуществе Японии в Маньчжурии. В ноте, направленной Советскому правительству 9 февраля 1946 г., оно заявило, что этот вопрос подлежит окончательному решению тех союзных держав, которые несли «основную тяжесть в разгроме Японии»[31]. Разумеется, американцы имели в виду прежде всего себя. Белый дом предлагал создать межсоюзническую комиссию по репарациям, которая должна была рассмотреть проблему с учетом претензий «всех сторон», и до выводов комиссии воздержаться и от вывоза имущества, и от совместной его эксплуатации на договорных началах между СССР и Китаем. Правительство США просило правительства СССР и Китая информировать о любых переговорах по данному вопросу, «если бы таковые велись или планировались к проведению»[32].

Одновременно Вашингтоном были даны указания посольст-

ву в Китае сделать аналогичное заявление правительству Чан Кайши. И хотя формально США делали представление обеим странам, по существу, это был нажим на Советский Союз.

В своем ответе правительство СССР отвергло попытки вмешательства США в решение этого вопроса. Поскольку речь шла о промышленном оборудовании предприятий, которые обслуживали Квантунскую армию, Советские Вооруженные Силы, разгромив ее, имели все основания считать это имущество своими трофеями. СССР решительно отклонил предложение США о передаче этого вопроса на рассмотрение межсоюзнической комиссии по репарациям, поскольку дело касалось сугубо советско-китайских отношений [33].

Несмотря на то что нота от 9 февраля означала прямое вмешательство также и в дела Китая, правительство Чан Кайши приняло этот демарш в свой адрес с «большим удовлетворением» [34]. Оно заявило, что полностью согласно с позицией Вашингтона, отказывается рассматривать какие-либо предложения об эксплуатации промышленных предприятий в Маньчжурии совместно с СССР и заверяет правительство США, что оно «может быть спокойным, что китайское руководство будет держать его в курсе китайско-советских переговоров» [35].

9 марта Соединенные Штаты направили Советскому правительству ноту, содержащую ответ китайской стороны. В ней указывалось, что Белый дом полностью разделяет позицию Чан Кайши и вновь возражает против вывоза из Маньчжурии промышленного оборудования, принадлежавшего в прошлом Японии. Если же таковой будет произведен, США потребуют предоставления им полной информации об этом. Подчеркивалось также, что США «в принципе не возражают» против переговоров между СССР и Китаем о «будущем Маньчжурии», но считают, что переговоры могут иметь место только после того, как центральное правительство установит полный контроль над Маньчжурией, в результате чего руководители и частные лица других стран будут иметь возможность вести переговоры с Китаем о промышленном развитии Маньчжурии, и таким образом применительно к Маньчжурии будет соблюдаться принцип «открытых дверей и равных возможностей» [36].

Не оставался в стороне и Лондон. Там выразили полную готовность присоединиться к американской политике нажима на Советский Союз и ждали лишь сигнала от старшего партнера. Английские дипломаты высказывали идею, не следует ли западным державам «показать зубы» [37].

В ответе на ноту США правительство СССР вновь подтвердило свою позицию по затронутым в ней вопросам и отвергло домогательства Вашингтона. На утверждения о том, что позиция СССР якобы не имеет под собой международно-правовой основы и что промышленные предприятия не могут быть отнесены к категории военных трофеев, Советское правительство заявило, что считает эти утверждения несостоятельными, что его

позиция полностью соответствует международным актам, в частности соглашениям, подписанным СССР, США и Англией 28 октября 1944 г. с Болгарией и 20 января 1945 г. с Венгрией. Было указано, что вопрос о репарациях не имеет никакого отношения к вопросу о военных трофеях, ибо это совершенно разные вещи [38].

Советское правительство решительно отвергло попытки вмешаться в советско-китайские отношения под флагом доктрины «открытых дверей и равных возможностей», указав, в частности, что эта доктрина никак не связана с проблемой военных трофеев, и отклонило претензии по поводу того, что советско-китайские соглашения об эксплуатации промышленных предприятий Маньчжурии носят «дискриминационный» характер в отношении США и других союзных держав [39].

Учитывая характер политики, проводимой Соединенными Штатами на Дальнем Востоке, и тот фактор, что в Китае началась гражданская война, СССР посчитал опасным допустить захват американцами и чанкайшистами крупнейшего в этом районе маньчжурского военно-промышленного комплекса, поэтому после вывода своих войск из Маньчжурии принял решение демонтировать предприятия, обслуживавшие японские вооруженные силы [40].

Вокруг вопросов, касающихся будущего Маньчжурии, США и Китай развернули антисоветскую кампанию. 14 мая 1946 г. группа конгрессменов, дипломатов и руководителей правых профсоюзов США выступила с так называемым «Маньчжурским манифестом», в котором потребовала от президента Трумэна аннулировать Ялтинское соглашение по Дальнему Востоку и приступить в Маньчжурии к претворению в жизнь доктрины «открытых дверей и равных возможностей».

Прогрессивная общественность Китая и других стран не поддалась на провокационные выступления, имевшие целью дискредитировать политику СССР. Она понимала, что действия СССР, в том числе и касающиеся вопроса о принадлежавших японцам предприятиях военного комплекса в Маньчжурии, вполне оправданны не только в интересах безопасности Советского Союза, но и для судеб революционно-демократического процесса в Китае [41].

Это вынуждены были признать и многие буржуазные историки Запада. В частности, Ф. Джонес отмечал, что промышленность Маньчжурии «была создана главным образом для того, чтобы обслуживать Квантунскую армию», и Советский Союз имел все основания «опасаться, что эта промышленность вновь будет использована в тех же (т. е. в агрессивных.— *А. Л.*) целях», если к ней «получат доступ американцы под предлогом оказания помощи в восстановлении промышленных предприятий и управлении ими» [42]. Даже среди американских военных были трезвомыслящие люди, которые понимали, что демонтаж промышленного оборудования «был оборонительной реакцией

на бряцание оружием гоминьдановской и американской военщины»[43]. Представители прогрессивных кругов Китая прямо заявляли, что действия советского командования — это помощь китайскому народу, за которую он «должен быть чрезвычайно благодарен»[44].

В осуществлении своих политических и военно-стратегических планов в отношении Маньчжурии США предприняли все меры к тому, чтобы помочь Чан Кайши в «реоккупации» Маньчжурии вслед за освобождением ее Советской Армией. Чан Кайши немедленно приступил к переброске гоминьдановских войск из глубинных районов Китая, Бирмы и Индии в крупнейшие порты Южного и Восточного Китая для дальнейшей отправки их к границам Маньчжурии, а с отводом советских войск — непосредственно на ее территорию.

В начале «реоккупации» Чан Кайши обратился за содействием к Советскому правительству, чтобы оно предоставило в аренду корабли и помощь в переброске войск на территорию Маньчжурии. На первый взгляд эта просьба могла показаться странной, поскольку китайские порты были заполнены армадой кораблей 7-го американского флота, готового оказать услуги гоминьдановскому режиму. Но Чан Кайши понимал, что, поскольку в Маньчжурии находились советские войска, послать туда американские корабли будет не так-то просто, поэтому и хотел осуществить передислокацию войск при посредничестве Советского Союза. Кроме того, он таким путем рассчитывал вбить клин между СССР и прогрессивными силами Китая.

Советское правительство отклонило эту просьбу Чунцина как совершенно неприемлемую и непредусмотренную советско-китайским договором. Оно ответило, что СССР не располагает кораблями, которые могут быть предоставлены для этих целей.

Чан Кайши пришлось просить помощи у США, и те с готовностью предоставили в его распоряжение военные корабли и транспортную авиацию. Для практического осуществления операции по «реоккупации» Маньчжурии был создан китайско-американский военно-оперативный штаб.

Единственным портом на побережье Маньчжурии, который мог принимать крупные корабли и обеспечить высадку крупных военных соединений, был Дальний. Чан Кайши обратился с настоятельной просьбой к Советскому правительству пропустить гоминьдановскую армию через порт для дальнейшей ее переброски в глубь Маньчжурии по КЧЖД. Однако ему было решительно отказано на том основании, что, согласно советско-китайскому договору, Дальний и транспортные линии КЧЖД не могут быть использованы для перевозки войск и вооружения. Тогда Чан Кайши апеллировал лично к главе Советского правительства. Он заявил, что без использования Дальнего «реоккупация» Маньчжурии невозможна, и выразил готовность предоставить СССР в обмен любые льготы и концессии. Но все попытки были безуспешны.

Первоначально просьбы гоминьдановского правительства шли по линии министерства иностранных дел Китая. Затем к этому подключился непосредственно Чан Кайши, который назначал одну за другой встречи с советским послом А. А. Петровым. На одной из таких встреч, состоявшейся 18 октября, Чан Кайши, напомнив о предыдущем обращении к Советскому руководству, заявил, что китайское правительство было бы благодарно, если бы СССР нашел возможным предоставить в аренду несколько транспортных судов для передислокации гоминьдановских войск в Маньчжурию. Чан Кайши просил также срочно передать лично И. В. Сталину его послание с просьбой положительно решить вопрос о пропуске войск через Дальний. «Сталин должен войти в наше положение,— сказал Чан Кайши.— Мы являемся дружественными, союзными странами, поэтому нам не следует исходить во всех случаях лишь из юридических обязательств. Практическая необходимость заставляет нас искать пути для разрешения этого вопроса в духе обоюдного понимания и согласия».

23 октября А. А. Петров передал Чан Кайши ответ Советского правительства. В нем указывалось, что СССР не может согласиться на высадку китайских войск в Дальнем, так как в соответствии с договором 1945 г. этот порт является только торговым, и было бы неправильным начинать выполнение договора с его нарушения. А. А. Петров подтвердил, что И. В. Сталин полностью разделяет эту точку зрения.

Продолжая настаивать на своем требовании, Чан Кайши сослался на то, что Дальний и территория, на которой он расположен, являются неотъемлемой частью Китая. И если Чунцин не может высадить там в столь исключительных условиях свои войска, это означает, что нарушается суверенитет Китая, а следовательно, и советско-китайский договор.

Посол СССР отмел заявления по поводу суверенитета Китая как несостоятельные, указав, что суверенитет страны не подвергается сомнению, но что о Дальнем и Порт-Артуре имеется соглашение, определяющее статус этих портов, на нарушение которого Советское правительство пойти не может.

Однако Чан Кайши вновь просил передать И. В. Сталину «его личную просьбу» о положительном решении вопроса.

Не добившись удовлетворения своих требований по дипломатическим каналам, Чан Кайши в декабре 1945 г. направил в Москву своего сына Цзян Цзинго для встречи с руководителями СССР и обсуждения «основных вопросов» советско-китайских отношений. Цзян Цзинго приняли, вежливо выслушали, но на просьбу о содействии в «реоккупации» Маньчжурии ответили, что СССР не может брать на себя такую миссию.

Тогда китайское правительство совместно с американцами решилось на «реоккупацию» Маньжурии через Дальний без согласия советской стороны. В начале октября на кораблях 7-го флота гоминьдановская армия двинулась к Дальнему, рас-

считывая, что советское командование в Маньчжурии поддастся нажиму и не решится отказать в высадке войск. 6 октября армада кораблей подошла к порту, но советское командование не разрешило им войти в него и отказало в пропуске войск. Флотилия вынуждена была направиться в Хулудао и Инкоу, решив произвести разгрузку в этих портах Маньчжурии, которые для этого были неприспособлены. К тому же район побережья контролировался частями Объединенной демократической армии. Чан Кайши обратился к СССР с просьбой прикрыть своими войсками эту операцию, так как «неправительственные» части чинят препятствия высадке гоминьдановских соединений. Но Советское руководство ответило, что, во-первых, командование советских войск в Маньчжурии не может нести ответственность за положение в районах, покидаемых ими, а, во-вторых, отношения между «правительственными» и «неправительственными» частями — внутреннее дело самого Китая.

Пробыв на кораблях 7-го флота около месяца, гоминьдановские войска вынуждены были по приказу американского командования высадиться в одном из портов Северного Китая—Циньвандао. Таким образом, военная операция, рассчитанная на «реоккупацию» Маньчжурии, была сорвана [45].

Тогда китайско-американское командование разработало план переброски гоминьдановской армии в Маньчжурию по суше. Войска должны были войти туда через узкий Шанхайгуаньский коридор, контролируемый силами КПК. Чтобы обеспечить продвижение войск в глубь Маньчжурии, правительство Чан Кайши попросило советскую сторону предоставить железнодорожный транспорт и обеспечить охрану воинских эшелонов, которые должны были проходить через территории, занятые народно-революционными войсками. Но как и в предыдущих случаях правительству Чан Кайши было отказано.

Были разработаны также планы переброски гоминьдановских войск в Маньчжурию по «воздушному мосту», который американское командование взялось перекинуть из Северного Китая до Мукдена и Чанчуня. Но без согласия советского командования осуществить эти планы было невозможно, а оно получено быть не могло, ибо нельзя было допустить в расположение советских войск гоминьдановские части, которые вели себя по отношению к Советской Армии весьма недружелюбно. К тому же в условиях, когда население края выступало против навязываемого ему гоминьданом режима, когда здесь находились войска ОДА и были созданы избранные народом органы демократической власти, нельзя было позволить втянуть СССР в открытые столкновения между внутренними противоборствующими силами. Поэтому Советское правительство ответило, что в принципе не возражает против переброски в отдельные пункты Маньчжурии войск центрального правительства Китая, поскольку это его законное право, однако осуществлено это может быть лишь перед самым выводом оттуда советских войск.

Такая позиция советского командования совершенно не устраивала ни гоминьдановцев, ни американцев. Чан Кайши нужно было обеспечить сосредоточение в Маньчжурии крупных войсковых соединений, вооружения, военной техники в кратчайший срок, до отхода советских войск из Маньчжурии, чтобы помешать переходу ее под контроль ОДА.

После неудачи с организацией «воздушного моста» чанкайшисты и американцы сосредоточили все внимание на переброске войск в Маньчжурию по суше через Шанхайгуань. Американцы взяли на себя охрану железных дорог, ведущих из Северного Китая к границе с Маньчжурией, разместили на наиболее важных объектах (мосты, крупные узлы и т. п.) отряды морских пехотинцев. Как сообщали в своих донесениях американские офицеры, «даже один морской пехотинец, стоящий на охране линии железной дороги, производил большой психологический эффект, так как коммунисты вынуждены были избегать инцидентов с морской пехотой США» [46].

Начиная с конца ноября 1945 г. при содействии американцев Чан Кайши удалось в конечном счете перебросить в Маньчжурию и сосредоточить в южной ее части 500-тысячную армию. Гоминьдановское командование при этом воспользовалось неспособностью командования частей Народно-освободительной армии, действовавших в Северном Китае, преградить путь войскам Чан Кайши. Как отмечали западные историки, в районе Шанхайгуаня к тому времени находилось 25 тыс. войск 8-й армии, которые по мере продвижения гоминьдановских частей под командованием генерала Ду Лимина отходили, не вступая в сражения или оказывая «очень слабое сопротивление» [47].

Для КПК решение задачи противодействия американо-чанкайшистским планам переброски гоминьдановских войск в Маньчжурию осложнялось и тем, что при так называемой посреднической миссии генерала Маршалла между гоминьданом и Яньанью было достигнуто соглашение, по которому КПК формально признавала за центральным правительством право на переброску в Маньчжурию нескольких армий для ее «реоккупации» после ухода советских войск.

Однако сосредоточение гоминьдановских войск в Маньчжурии не помогло Чан Кайши осуществить планы «реоккупации» этого стратегически важного района. Время было упущено. Объединенная демократическая армия с каждым днем набирала силы, чтобы отразить удары чанкайшистов.

Антисоветские акции гоминьдановских властей и роль в них США

С первых дней вступления Советской Армии в Маньчжурию гоминьдановская реакция в сотрудничестве с США повела подрывную деятельность против политики Советского Союза в от-

ношении Китая. Эта враждебная деятельность усиливалась по мере роста успехов демократических сил и неудач чанкайшистов в «реоккупации» Маньчжурии. Они злобствовали по поводу того, что СССР отказался помочь в установлении контроля над ней центрального правительства, в подавлении попыток местного населения помешать учреждению в городах гоминьдановских органов власти. Чунцин требовал от СССР, чтобы Маньчжурия была передана «из рук в руки», но передаваемые районы предварительно должны быть «очищены» от войск КПК. При этом в различных заявлениях и в разнузданных антисоветских выступлениях печати звучали обвинения в адрес СССР в нарушении советско-китайского договора, его положений о помощи центральному правительству и т. п.

СССР решительно отверг подобные обвинения как лишенные оснований, поскольку обязательства о помощи центральному правительству имели в виду разгром японских оккупантов, что и было выполнено до конца. Что же касается требований гоминьдановского правительства, связанных с «реоккупацией» Маньчжурии, то это никак не вытекало из договора и соглашений между СССР и Китаем и в условиях начинавшихся в стране внутриполитических разногласий, а затем и открытой гражданской войны означало бы вмешательство СССР, что противоречит принципам его внешней политики. Советский Союз исходил также из того, что внешняя политика гоминьдановского правительства после заключения договора 1945 г. создала новую обстановку в Китае, позволила американцам вторгнуться в эту страну, превратить ее в военный плацдарм и создать угрозу для безопасности СССР и мира на Дальнем Востоке.

Гоминьдановские власти не ограничивались дипломатическими демаршами. Мстя за интернационалистскую помощь демократическим силам Китая, они не останавливались ни перед чем: создавали вооруженные банды из бывших полицейских, солдат и офицеров армии Маньчжоу-го, а также местных уголовников — хунхузов, которые совершали налеты на советские комендатуры и гарнизоны, на промышленные предприятия, выводили из строя речные переправы, железные дороги, линии телеграфной и телефонной связи, открыто организовывали террористические акты, чинили зверские расправы над советскими военнослужащими — одних уничтожали на месте, других увозили и тайно держали в заключении за пределами Маньчжурии.

21 ноября 1945 г. гоминьдановский отряд в 500 человек, сформированный из местных китайцев, ранее служивших в японских полицейских и жандармских органах, и хунхузов, напал на город Саньсин, расположенный в 80 км к юго-западу от Цзямусы, арестовал представителей местных органов власти и вступил в бой с сотрудниками советской военной комендатуры. В ночь с 23 на 24 ноября бандиты напали на советскую военную комендатуру в Мукдене, в результате чего

были зверски убиты пять офицеров и сержант. 12 октября в 10 км к северо-востоку от Мукдена советскими войсками был разоружен крупный отряд в составе около 2 тыс. человек, почти наполовину состоявший из офицеров бывшей армии Маньчжоу-го и руководимый чанкайшистом, который был направлен в Мукден для организации городского комитета гоминьдана. Отряду было дано задание захватить Мукден в момент вывода советских войск и удерживать его до подхода регулярных частей. 21 декабря советским войскам пришлось столкнуться и вступить в бой с другим отрядом хунхузов численностью до 300 человек, действовавшим в районе Саньдаогоу. Как и другие подобные банды, он имел задания взрывать промышленные предприятия, железнодорожные мосты, совершать нападения на офицеров и бойцов Советской Армии.

После вывода советских войск террористические акции были направлены против советских служащих КЧЖД. Погромам были подвергнуты советские учреждения, больницы, жилые дома.

С одним из грубейших фактов такого произвола автору этой книги довелось столкнуться в Пекине в начале апреля 1946 г., где он работал генеральным консулом СССР. В ставке генерала Ли Цзунженя сотрудниками генконсульства был случайно замечен находившийся за решеткой в одном из помещений советский офицер капитан Сенченко, который, как он сообщил, был схвачен в Маньчжурии и затем доставлен в Пекин. Несмотря на свидетельства очевидцев, Ли Цзунжень отказался выполнить требования генерального консула об освобождении Сенченко, заявив, что никакого советского офицера в его ставке нет. Таким же образом реагировали китайские власти на неоднократные требования по этому вопросу советского посольства.

20 февраля 1946 г. было опубликовано заявление ТАСС с решительным осуждением грубейшего произвола гоминьдановских властей, требованием наказания виновных. Одновременно правительство СССР объявило о решении отозвать всех советских работников КЧЖД из занятых чанкайшистами районов Маньчжурии.

Чунцин попытался представить перед китайской и мировой общественностью отъезд советских железнодорожников как шаг, якобы согласованный между Китаем и СССР. При этом было заявлено, что часть железнодорожников остается работать на КЧЖД. Советское правительство опровергло это лживое утверждение гоминьдановского руководства и вновь подтвердило свое первоначальное решение [48].

Хотя антисоветские акции осуществлялись непосредственно чанкайшистами, последние действовали в тесном сотрудничестве с американцами: тысячи американских офицеров и «специалистов» работали в гоминьдановских административных, политических и военных органах, включая разведку и контрразведку, военное ведомство, генеральный штаб, китайско-амери-

канский военно-оперативный штаб по «реоккупации» и другие организации, где занимали руководящие посты.

В антисоветской деятельности гоминьдана американская разведка принимала самое непосредственное участие в целях политической компрометации советских людей, работавших в Маньчжурии, а в отношении постоянно проживавших в Китае советских граждан — с целью вымогательства. Им предъявляли сфабрикованные стереотипные обвинения в «сотрудничестве с врагом» — японцами и под угрозой судебных и полицейских расправ требовали крупные взятки.

Западная, в особенности американская, пропаганда развернула широкую кампанию клеветы против Советского Союза и его политики на Дальнем Востоке. Так, газета «Старз энд страйпс», издаваемая штабом Д. Макартура, в середине сентября 1946 г. опубликовала интервью «высокого официального лица», данное якобы корреспонденту агентства Интернэшнл ньюс сервис в Токио и содержавшее измышления о действиях советских властей. В нем говорилось о «сосредоточении в Северной Корее такого большого количества русских войск, что они способны в случае войны осуществить второй Дюнкерк», что «русские сохраняют нетронутыми по крайней мере одну или две японские дивизии», что японские генералы и офицеры проходят переподготовку «в советских военных школах». Сообщалось также, что советские самолеты бомбили контролируемый гоминьдановскими войсками г. Аньдун.

Эти и другие «достоверные» сообщения немедленно были опровергнуты. ТАСС был уполномочен заявить, что «распространение подобного рода лжи и провокаций... является не чем иным, как очередным провокационным измышлением, не имеющим под собой никаких оснований» [49].

Антисоветская шумиха была поднята и по вопросу о «задержке» с выводом советских войск из Маньчжурии. Чан Кайши дважды просил у Советского правительства отсрочить даты вывода советских войск, но пытался представить перед китайским и мировым общественным мнением дело таким образом, будто СССР сознательно затягивает сроки отвода своих вооруженных сил, тем самым нарушая договорные обязательства. В Чунцине, Шанхае, Нанкине, Тяньцзине и многих других городах были организованы антисоветские демонстрации, предпринимались попытки нападения на представительства СССР.

США, по существу, одобряли антисоветские акции гоминьдана. Об этом свидетельствует, в частности, телеграмма Дж. Маршалла президенту Г. Трумэну от 9 февраля 1946 г., в которой фактически признавалось, что в беседе с министром иностранных дел Китая Ван Шицзе он посоветовал развернуть антисоветскую кампанию, использовать экономические средства давления, не соглашаться с позицией СССР по вопросу о военных трофеях. Маршалл сообщал также, что Ван Шицзе

полностью согласился с его мнением и что Чунцин «уже думает над тем, чтобы повернуть в сторону Маньчжурии внимание широкой общественности» [50].

В большинстве городов, где происходили антисоветские демонстрации, американцы были фактически хозяевами. Они имели там военно-морские и военно-воздушные базы, военную администрацию, которая, по существу, контролировала деятельность местных властей. В Шанхае, у набережной Вампу, стояли десятки американских военных кораблей, по улицам города разгуливали сотни морских пехотинцев, разъезжали автомашины с нарядами военной полиции. Рядом со зданием генерального консульства СССР, которое пытались громить «демонстранты», расположился штаб генерала А. Ведемейера, главнокомандующего американскими вооруженными силами в Китае и главного военного советника Чан Кайши. В распоряжение «демонстрантов» были предоставлены грузовики, громкоговорители и т. п.

Американские власти делали вид, что имеют дело с «патриотическими» выступлениями «китайского народа», хотя прекрасно знали истинное положение дел. При обсуждении обстановки в Маньчжурии с чанкайшистским представителем в «Комитете трех» Сун Юнчаном Маршалл заявил, что, согласно сообщению американского военного атташе майора Ригга, «не русские солдаты участвовали в боях на стороне КПК (во время боев за Чанчунь.— *А. Л.*), а как раз наоборот — японские солдаты на стороне правительственных войск, и не русские, а японские танки и оружие были у войск КПК» [51]. Но то был приватный разговор, а в печати США распространили гоминьдановскую версию, и американские официальные круги не опровергли это грубое антисоветское измышление.

Обсуждая с представителями Чунцина события в Маньчжурии, Дж. Маршалл сказал, что Ригг сообщил ему «о смерти нескольких русских в Чанчуне от рук гоминьдановских солдат». Однако он не только не осудил эти злодеяния, но заявил, что «ему легко понять, почему такое могло произойти», и лишь выразил «большое беспокойство по поводу возможной реакции и ответных мер со стороны русских» [52].

23 февраля 1946 г. в донесении посольства США в Китае государственному секретарю сообщалось, что 22 февраля состоялась «мирная» студенческая демонстрация с требованием «возвращения Маньчжурии под контроль Китая и немедленного вывода советских войск», что это якобы является выражением «растущего беспокойства» по поводу положения в Маньчжурии, «недоверия и подозрительности» в отношении «подлинных намерений русских». В донесении отмечалось, что во время демонстрации были разгромлены редакции прогрессивных газет, а их сотрудники избиты. Эти акции приписывались небольшой, специально подосланной группе погромщиков, и согласно «достоверной информации» участники «студенче-

ской» демонстрации «не несут ответственности». Посольство США сообщало, что намечено провести вторую «студенческую» демонстрацию, приуроченную к проводимому посольством СССР празднованию Дня Советской Армии [53].

1 августа группа реакционных гоминьдановских деятелей — делегатов «Национального конгресса» — выступила с обращением, в котором пыталась возложить вину за развязывание гражданской войны в Китае на Советский Союз, утверждая, что это явилось якобы результатом того, что СССР не выполняет условия советско-китайского договора, оказывая помощь и поддержку КПК.

В сентябре гоминьдановская газета «Синь Чжунхуа жибао» писала: «Существует факт, который нельзя замалчивать: Америка оказывает в Китае военную, политическую и экономическую помощь правительству, а Советский Союз исподволь всеми силами поддерживает коммунистов... Если бы последние не получили снаряжения Квантунской армии, если бы им не была передана политическая власть в Маньчжурии из тех же рук Советского Союза, тогда не было бы никаких столкновений в Маньчжурии» [54].

Несмотря на антисоветскую кампанию, СССР проявил твердость в проведении последовательной и принципиальной политики в Китае, выдержку и хладнокровие, чтобы не накалять обстановку на Дальнем Востоке, не давать повода для авантюристических действий, опасных для мира в этом районе и для развития революционного процесса в Китае.

ГЛАВА 5

Провал планов американской военной интервенции

Советская дипломатия в борьбе за вывод американских и капитулировавших японских войск из Китая

После капитуляции Японии США поспешили направить в Китай крупные вооруженные силы (их общая численность составила около 113 тыс. человек[1]). Это мотивировалось необходимостью оказания помощи чанкайшистскому правительству в разоружении и выводу японцев из Китая. Но этой акцией Белый дом преследовал и другие цели: продемонстрировать военную силу в Азии, воздействовать на политическую обстановку в Китае, поддержать режим Чан Кайши. И это было главным, поскольку, как неоднократно указывало Вашингтону и гоминьдану Советское правительство, для разоружения японцев не требовалось ни такого количества американских войск, ни столь длительного времени их нахождения в Китае.

Американское командование и гоминьдановцы не торопились с разоружением и эвакуацией японских войск. Чан Кайши с негласного согласия США использовал их в борьбе с КПК и демократическими силами страны; им было сохранено оружие, они продолжали осуществлять контроль над занимаемыми ими китайскими городами, преграждая туда путь войскам КПК. В ряде случаев Чан Кайши даже использовал их в боевых операциях против народно-революционных сил. В телеграмме от 15 марта 1946 г. временный поверенный в делах США в Китае сообщал государственному секретарю Дж. Бирнсу, что «около 11 тыс. солдат японской Первой армии по-прежнему находятся под ружьем в провинции Шаньси». Правда, делалась ссылка на то, что они якобы обеспечивают «охрану и ремонт железных дорог»[2]. Но в телеграмме в Вашингтон от 20 марта фактически признавалось, что эти «значительные силы» введены в операции против войск КПК, хотя это «не помогает поправить положение»[3].

Эвакуация японских войск задерживалась под разными предлогами. Так, утверждалось, что японцы — всего лишь технические специалисты, которые якобы необходимы для работы в промышленности и на транспорте. 16 мая 1946 г. Дж. Маршалл официально запросил гоминьдановское правительство, сколько оно желает оставить у себя на службе таких «специалистов», ибо, по полученным им данным, в районе Пекина находятся 5 тыс. «специалистов», в районе Тяньцзиня — около 5 тыс., в районе Циндао — около 6 тыс. и в районе Тайюаня — от 1,5 до 3 тыс.[4]. Правительство Чан Кайши не замедлило ответить. В письме от 5 июня министр иностранных дел Ван Шицзе подтвердил, что гоминьдановское правительство намерено оставить на службе в Китае, не считая Маньчжурии и Тайваня, около 12 тыс. японских «технических специалистов для обеспечения бесперебойной работы промышленных предприятий и путей сообщения»[5].

Само перечисление пунктов, где находились «специалисты»,— Пекин, Тяньцзинь, Циндао, Тайюань — указывало на то, что они использовались прежде всего в военных целях, так как здесь было крайне мало промышленных объектов. Эти пункты были главными базами, на которые опиралось гоминьдановское правительство в военных операциях против войск КПК в Северном Китае. Здесь же, на севере, была размещена основная часть американской морской пехоты, а также военно-воздушные и военно-морские базы США, нацеленные против Советского Союза и Маньчжурии, в которой Вашингтон видел опору революционно-демократических сил Китая.

Присутствие американских войск в этой стране входило в планы общей военно-политической стратегии США на Дальнем Востоке. Правящие круги Соединенных Штатов стремились поставить под свой контроль все важнейшие ключевые порты и другие стратегически важные опорные пункты от Тайваня до Маньчжурии, чтобы прочно и надолго обосноваться здесь. Положение осложнялось тем, что действия американцев поддерживало правительство Чан Кайши.

СССР повел решительную борьбу за вывод американских войск из Китая и быстрейшее разоружение и эвакуацию японцев. Борьба была сложной и напряженной. Важное значение в ходе этой борьбы имело Совещание министров иностранных дел трех держав — Советского Союза, Великобритании и Соединенных Штатов Америки, состоявшееся 16—26 декабря 1945 г. в Москве.

Государственный секретарь США Дж. Бирнс предложил обсудить на совещании вопрос о «передаче контроля» над Маньчжурией в руки гоминьдановской администрации[6]. Советская делегация отвергла такую постановку вопроса, указав, что на этот счет имеются договор и соглашения между СССР и Китаем, что советские войска уже покинули Южную Маньчжурию и их вывод был бы полностью завершен, если бы не просьба са-

мого китайского правительства приостановить его, поскольку оно еще не готово принять Маньчжурию [7].

В свою очередь делегация СССР поставила вопрос о выводе из Китая войск США и 21 декабря огласила меморандум «Об американских вооруженных силах в Китае», в котором указывалось и на присутствие там почти 500 тыс. неразоруженных японцев, что совершенно недопустимо и является грубым нарушением условий капитуляции Японии. В меморандуме подчеркивалось, что США и гоминьдановское правительство используют японские войска в своих политических целях, втягивая их в борьбу между различными группировками [8].

Бирнс пытался оправдать присутствие американских войск в Китае необходимостью оказания помощи в разоружении и эвакуации японцев. Он заявил, что, как только это будет осуществлено, американские войска будут выведены из Китая.

Однако при встрече с Дж. Бирнсом 23 декабря И. В. Сталин отвел как несостоятельные его попытки объяснить присутствие американских войск в Китае ссылками на просьбу правительства гоминьдана о помощи в разоружении японцев. Глава Советского правительства подчеркнул, что с этой несложной задачей правительство Чан Кайши вполне могло справиться самостоятельно, и указал на тот факт, что в Мукдене 25 советских солдат сумели разоружить два японских корпуса [9].

Советское правительство вновь высказалось за полное невмешательство иностранных государств во внутренние дела Китая и выдвинуло предложение об одновременном выводе оттуда и советских и американских войск.

Поставленный в затруднительное положение, Дж. Бирнс вынужден был искать пути к отступлению. Он отказался назвать конкретный срок вывода войск США, но ему пришлось заявить, что это будет сделано в недалеком будущем. В разделе IV коммюнике «Сообщения о Московском совещании», опубликованном 28 декабря, было записано, что министры иностранных дел США и СССР пришли к полному согласию о «желательности вывода из Китая советских и американских вооруженных сил в возможно кратчайший срок, совместимый с выполнением ими их обязательств и с их ответственностью» [10].

Важнейшее значение имело достигнутое на совещании соглашение по вопросам, связанным с внутренним положением в Китае. Как было зафиксировано в коммюнике, в результате обмена мнениями три министра иностранных дел «договорились о необходимости объединения и демократизации Китая под руководством Национального правительства, о широком привлечении демократических элементов во все органы Национального правительства и о прекращении гражданской борьбы. Они подтвердили свою верность политике невмешательства во внутренние дела Китая» [11].

Разумеется, соглашаясь с такими формулировками, в том числе о демократическом, а не чанкайшистском правительстве,

которое они всячески поддерживали, западные державы вынуждены были считаться с требованиями китайского народа. Но на Московском совещании им приходилось непосредственно иметь дело с Советским Союзом и его дипломатией, решительно отстаивавшими эти требования.

Решение Московского совещания давало в руки прогрессивных сил Китая, а также СССР и других социалистических стран политическое оружие для дальнейшего наступления на интервенционистские позиции американцев в этой стране.

Впоследствии в Китае и за рубежом стали извращать смысл решения совещания и утверждать, в частности, что якобы Советское правительство и лично И. В. Сталин заставляли КПК идти на создание коалиционного правительства.

Подобные утверждения противоречили здравому смыслу и тем официальным оценкам, которые были даны итогам совещания в Москве в специальном заявлении ЦК КПК, опубликованном 30 декабря 1945 г. («Заявление официального представителя ЦК КПК»). В нем горячо одобрялись итоги совещания в целом, подчеркивалось, что его решения «послужили новым шагом в деле установления и поддержания длительного мира и это должны с энтузиазмом приветствовать все народы, кому дороги идеалы мира и демократии. Особо китайский народ приветствует решения, касающиеся проблем Дальнего Востока».

Специально останавливаясь на основных положениях решения по Китаю, которое было принято по настоянию правительства СССР, ЦК КПК подчеркнул в заявлении, что «оно отвечает нынешним насущным интересам китайского народа, который добивается именно того, 1) чтобы Китай был единым и демократическим государством; 2) чтобы гоминьдановское правительство было реорганизовано и во все его органы вошли представители самых широких демократических кругов; 3) чтобы был положен конец гражданской войне; 4) что великие державы не должны вмешиваться во внутренние дела Китая, а иностранные войска обязаны покинуть страну в самый кратчайший срок»[12].

США расценили результаты совещания как серьезное поражение своей политики. По возвращении Дж. Бирнса из Москвы Г. Трумэн выразил ему недовольство по поводу принятого коммюнике[13]. Решения, подписанные в Москве, были большим ударом и для Чан Кайши. Он заявил Маршаллу и просил передать об этом Трумэну, что рассматривает их как «оскорбление достоинства и суверенитета китайской нации»[14]. За этой формулировкой стоял истинный смысл, заключавшийся в том, что эти решения противоречили стремлению гоминьдана проводить реакционную антинародную политику.

Советское правительство и после Совещания министров иностранных дел продолжало держать в центре внимания вопрос о выводе американских войск из Китая, используя двусторонние и многосторонние встречи, в том числе на высшем уровне. Так,

принимая Дж. Бирнса, И. В. Сталин 25 декабря категорически поставил этот вопрос перед правительством США, указав, что, «видимо, американцы не хотят выводить свои войска из Китая»[15]. Отвечая на возражения Бирнса, что Соединенные Штаты не имеют намерения оставлять войска в Китае, но что им, возможно, придется пойти на это, «если китайцы попросят», И. В. Сталин подчеркнул: если китайский народ убедится, что Чан Кайши опирается на помощь иностранных войск, он потеряет свое влияние в стране; его будут считать ставленником иностранных держав, а не лидером нации[16].

В таком же направлении Советское правительство действовало и в отношении Китая. Принимая 30 декабря прибывшего в Москву личного представителя Чан Кайши — его сына Цзян Цзинго, И. В. Сталин обратил его внимание на недопустимость иностранного вмешательства во внутренние дела страны.

Цзян Цзинго пытался оправдать пребывание американских войск в Китае ссылками на то, что это было предусмотрено соглашением, заключенным еще до капитуляции Японии. Вместе с тем он заверил Советское правительство, что американские войска будут выведены, как только они выполнят свою задачу по разоружению и эвакуации японцев.

Указав на неубедительность таких заверений и выразив удивление, что японские войска все еще не разоружены, И. В. Сталин подчеркнул, что длительное пребывание в Китае войск США и Японии осложнит положение в стране[17].

При следующей встрече с Цзян Цзинго И. В. Сталин вновь поднял этот вопрос. Он заявил, что не понимает, почему затягивается разоружение и эвакуация японцев. Цзян Цзинго ответил, что китайские власти принимают все меры к тому, чтобы ускорить решение этой проблемы[18].

В беседах с Цзян Цзинго глава Советского правительства указал также на опасность для Китая экспансионистской политики США под флагом доктрины «открытых дверей». Отвечая на вопрос Цзян Цзинго, что он думает по этому поводу, И. В. Сталин сказал, что «открытых дверей» требуют от колониальных стран, и предостерег относительно пагубных последствий осуществления такой политической доктрины для национальных интересов Китая. Ввиду экономической слабости ему будет трудно на первых порах противостоять ей, но с течением времени придется «закрыть двери» в интересах создания собственной промышленности. Действиям США И. В. Сталин противопоставил политику Советского Союза, указав, что СССР не требует «открытых дверей», что он выражает готовность развивать торгово-экономические связи с Китаем на такой же основе, как и с другими суверенными государствами[19].

Дипломатическую борьбу против американской экспансии в Китае Советский Союз умело сочетал с использованием такого важного средства воздействия, как пребывание советских войск в Маньчжурии. В переписке с Вашингтоном, в беседах с ру-

ководителями гоминьдановского правительства Дж. Маршалл, А. Ведемейер и другие представители США постоянно подчеркивали, что присутствие советских войск в Маньчжурии, в непосредственной близости к Северному Китаю, где разгорелось пламя гражданской войны, где сконцентрированы главные американские военные и военно-морские силы, находившиеся в Китае, представляло собой такой фактор, с которым приходилось серьезно считаться [20].

Советское правительство дало ясно понять Вашингтону, что СССР не будет оставаться сторонним наблюдателем в случае дальнейшей задержки японских войск в Китае, а тем более если гоминьдан станет использовать их в борьбе с КПК. На США отрезвляюще действовал тот факт, что японские военнопленные находились не только у американо-гоминьдановской стороны — Квантунская армия сдалась в Маньчжурии советскому командованию. Поэтому задержка с эвакуацией японцев из других районов Китая и попытки использовать их одной из сторон в гражданской войне были делом рискованным.

И не случайно в конце апреля 1946 г. Дж. Маршалл обратился к Дж. Бирнсу с предложением «прозондировать» вопрос о японских военнопленных, захваченных Советской Армией в Маньчжурии, выяснить, где они находятся и не пожелает ли советское командование эвакуировать их через порт Дальний или другие маньчжурские порты при содействии американцев. Маршалл советовал сделать это под предлогом того, что американцам необходимо учесть данный факт при планировании своих морских перевозок. Из соображений «осторожности» он просил не поднимать вопроса о японских военнопленных на уровень госдепартамента США и МИД СССР, а поручить ему обратиться в неофициальном порядке к послу СССР в Китае [21].

Бирнс ответил, что согласен с предложением Маршалла. «Я считаю весьма желательным,— писал он,— чтобы они (японцы.— *А. Л.*) были убраны из Маньчжурии как можно скорее, хотя не следует делать из этого проблемы, если Советы не проявят желания принять данное предложение» [22].

4 июля 1946 г. советский посол в Китае А. А. Петров ответил Маршаллу на его письмо от 27 апреля, что советская сторона готова начать эвакуацию японцев из зоны военно-морской базы Порт-Артура через Дальний. Репатриация японцев из остальных районов должна быть произведена через другие, ближайшие к ним порты [23].

Этот ответ Советского правительства выбивал почву из-под ног у гоминьдановцев и у американцев для оправдания задержки с выводом японских войск из Китая. 2 декабря Стюарт направил по поручению своего правительства на имя министра иностранных дел Китая Ван Шицзе письмо, в котором указывалось на имеющиеся данные, что в контролируемых гоминьданом районах продолжает оставаться большое число японцев и что китайские власти и впредь намерены их задерживать.

В письме указывалось, что, по-видимому, «имеет место недопонимание со стороны китайских официальных лиц, на которые возложена ответственность за решение этого вопроса», и предлагалось принять меры к выполнению программы репатриации японцев в целях «устранения пагубного влияния, которое оказывает их пребывание в Китае»[24].

Таким образом, под воздействием СССР правительство США было в конце концов вынуждено форсировать эвакуацию японцев. Дж. Маршалл докладывал Г. Трумэну 14 декабря 1946 г., что если первоначально китайские порты в среднем покидало 1500 японцев в день, то к марту 1946 г.— до 20 тыс. ежедневно, а к октябрю был вывезен из Китая 2 980 361 человек и что «эвакуацию можно считать завершенной»[25].

К тому времени началась подготовка к московской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД) СССР, США, Великобритании и Франции, которая должна была состояться в феврале-марте 1947 г. Американское правительство ожидало, что на этой встрече Советский Союз вновь поднимет вопрос о выполнении решения по Китаю, принятого на Московском совещании в декабре 1945 г. Г. Трумэн вынужден был выступить 18 декабря 1946 г. с заявлением, что США будут избегать участия в гражданской войне в Китае.

Большое воздействие на политику США в Китае, как и на правительство Чан Кайши, оказывало пребывание советских войск в Маньчжурии. С одной стороны, гоминьдановские власти дважды вынуждены были просить об отсрочке вывода советских войск, а с другой — видели, что время работает против них и Маньчжурия ускользает из-под их власти. Чанкайшисты требовали от США принять «соответствующие акции» в отношении Советского Союза, т. е. провоцировали их на конфликт с СССР.

В Вашингтоне понимали, что каждый день пребывания советских войск в Маньчжурии укрепляет позиции народно-революционных сил Китая и способствует созданию неблагоприятной для американцев политической обстановки в стране. Но решением Московского совещания вопрос о нахождении советских войск в Маньчжурии был связан с вопросом пребывания в Китае войск США. Ввиду этого, а также вследствие дипломатического давления со стороны СССР Белый дом был вынужден в конечном счете заговорить о «свертывании китайского театра действий» и «поэтапном» выводе своих войск из этой страны. В телеграмме Г. Трумэну от 9 февраля 1946 г. Дж. Маршалл писал: «Мы должны убраться отсюда как можно скорее, чтобы не подвергнуться со стороны русских неизбежным нападкам, аналогичным тем, которые нам приходится испытывать ныне в связи с пребыванием британских войск в Греции. Я считаю, что мы должны ликвидировать „китайский театр действий“ и вместо него создать группу военных советников... Мы должны также вывести из Китая всю морскую пе-

хоту, за исключением персонала, используемого в таких подразделениях, как военная разведка, транспорт, интендантская служба и охрана»[26].

В телеграмме от 23 февраля начальнику штаба армии Д. Эйзенхауэру (для передачи «начальникам штабов и государственному секретарю») Маршалл предложил «как можно скорее начать вывод морской пехоты, желательно к 1 апреля»[27].

В телеграмме Дж. Бирнса от 27 февраля, адресованной Дж. Маршаллу, признавалось, что в вопросе, касающемся вывода советских войск из Маньчжурии, у СССР более выгодные позиции, чем у США. Из телеграммы следовало, что правительство США испытывало серьезное давление со стороны Советского Союза, требовавшего вывода американских войск из Китая, и, несмотря на все увертки, оно вынуждено было с этим считаться. «Ввиду того что ожидается выступление Москвы, в котором она постарается использовать советское предложение, внесенное на Московском совещании об одновременном выводе русских и американских войск к 15 января (1946 г.— *А. Л.*),— писал Бирнс,— я должен как можно скорее сделать заявление относительно наших планов деактивизации китайского театра военных действий и вывода войск из Северного Китая». Не собираясь называть конкретных сроков, упомянутых в телеграмме Маршалла Д. Эйзенхауэру, Бирнс намерен был в общей форме заявить, что американское правительство «в скором времени планирует осуществить деактивизацию (китайского.— *А. Л.*) театра действий и вывод морской пехоты»[28].

Под «деактивизацией» имелось в виду сократить численность американских войск, но сохранить военное присутствие, и прежде всего в форме многочисленной группы советников. Объединенный комитет начальников штабов США предложил оставить в Китае офицерский корпус в составе 4600 человек, который формально должен был заниматься оказанием помощи Чан Кайши в реорганизации и обучении армии. Фактически же, по признанию Дж. Бирнса, этот план преследовал, скорее, «демонстрацию военной мощи США на Азиатском континенте, чем просто помощь Китаю в модернизации армии»[29].

Создание группы «военных советников» должно было замаскировать интервенционистские действия США как перед китайской общественностью, так и перед Советским Союзом. В телеграмме исполняющего обязанности государственного секретаря США Д. Ачесона от 17 июня 1946 г. американскому послу в СССР Б. Смиту было поручено направить заместителю наркома иностранных дел СССР ответ, в котором правительство США было вынуждено дать объяснения по поводу создания специальной группы американских офицеров и генералов. Ссылаясь на просьбу Китая, Вашингтон пытался представить функции этой группы как сугубо «технические» и планировал

ограничить ее численность «1000 офицеров и солдат, включая военно-морской персонал»[30].

После того как Советский Союз в одностороннем порядке заявил об окончательном сроке вывода своих войск из Маньчжурии — к 15 апреля 1946 г., США были вынуждены поторопиться с решением вопроса о выводе американских войск. 24 марта Дж. Маршалл телеграфировал А. Ведемейеру, что в ближайшие дни Дж. Бирнсу придется выступить в Совете Безопасности ООН по поводу сокращения численности американских войск в Китае, и указывал, что это вызвано заявлением Советского правительства о выводе войск из Маньчжурии. Маршалл просил Ведемейера срочно сообщить, как обстоит дело с подготовкой к «ликвидации китайского театра действий к 1 мая», и предложил начать с 1 апреля сокращение контингента морской пехоты полками поэтапно: «Было бы хорошо, если бы вы представили точно сформулированный текст для заявления г-на Бирнса»[31].

Когда начался вывод советских войск, представитель гоминьдановского правительства в Маньчжурии Дун Янпин обратился к советскому командованию с просьбой оставить хотя бы небольшой контингент в городах, мотивируя просьбу тем, что ввиду транспортных затруднений китайские правительственные войска не могут своевременно войти в эти города. Дун Янпин заявил, что это не является нарушением договоренности о сроках вывода войск и вместе с тем обеспечивает передачу контроля над Маньчжурией в руки центрального правительства.

Однако советское командование отклонило эту просьбу, подтвердив свое решение о выводе всех войск из Маньчжурии (кроме Порт-Артура) в согласованные с китайским правительством сроки.

Действия советской дипломатии в ООН и на других международных форумах

Выступления СССР в поддержку развернувшегося в Китае движения под лозунгом «Янки, прочь из Китая!» являлись составной частью предпринимавшихся советской дипломатией усилий, направленных на защиту суверенных прав всех народов от посягательств интервентов. В этих целях СССР активно использовал трибуну ООН и свое положение постоянного члена Совета Безопасности.

29 августа 1946 г. глава советского представительства в ООН А. А. Громыко по поручению своего правительства внес предложение, чтобы Совет Безопасности потребовал от всех государств — членов ООН представить в двухнедельный срок информацию о наличии иностранных войск на территориях стран — членов Объединенных Наций и других государств, не относящихся к бывшим вражеским территориям. В этой инфор-

мации предлагалось точно указать, где и в каком количестве расположены вооруженные силы других стран — членов ООН, в каких пунктах на указанных выше территориях имеются авиационные и морские базы и каков состав их гарнизонов, принадлежащих к вооруженным силам других государств — членов ООН.

Выступая с обоснованием предложений Советского правительства, А. А. Громыко подчеркнул, что, хотя война с гитлеровской Германией и милитаристской Японией закончена, на территории ряда стран продолжают находиться введенные туда ранее войска отдельных государств, что не может не порождать вполне естественного беспокойства у народов этих стран[32]. Мировая общественность, заинтересованная в скорейшем установлении мира и поддержании всеобщей безопасности, с нескрываемой озабоченностью, сказал А. А. Громыко, следит за сложившимся положением в указанных странах[33].

На заседании Совета Безопасности 23 сентября А. А. Громыко вновь поднял вопрос о выводе войск стран — членов ООН с упомянутых территорий. Он настойчиво потребовал самого серьезного рассмотрения предложения, внесенного 29 августа. «Пребывание иностранных войск на территории этих стран,— сказал А. А. Громыко,— ведет к осложнению как международного, так и внутреннего порядка... так как иностранные войска часто вмешиваются во внутренние дела этих государств и поддерживают там антидемократические силы»[34]. А. А. Громыко при этом прямо указал на Китай. Необходимо напомнить Совету Безопасности, сказал он, что этот вопрос уже являлся предметом обсуждения на совещании представителей союзных держав, что есть официальное коммюнике Совещания министров иностранных дел от 28 декабря 1945 г. и что данные в нем заверения правительства США о выводе войск из Китая, под которыми стоит подпись Дж. Бирнса, были подтверждены президентом Г. Трумэном 30 декабря того же года.

Согласно заявлению официальных японских властей, опубликованному 19 августа, репатриация японцев, находившихся в Китае, к концу июня была почти закончена; во всем Китае, не включая Маньчжурию, нерепатриированных оставалось только 41 760 человек. А. А. Громыко заявил, что американские войска в Китае оказывают активную поддержку одной из двух борющихся сторон, а это — вмешательство во внутренние дела суверенной страны. Он привел многочисленные факты, свидетельствующие о возмущении китайской общественности, и подчеркнул, что к ним «следует прислушиваться. Игнорировать их невозможно. Они затрагивают вопрос, который касается не только Китая и Соединенных Штатов»[35].

Советские представители в ООН указали на опасный характер возможных последствий такой политики США на Дальнем Востоке. На сессии Генеральной Ассамблеи 20 октября этот вопрос поднял глава советской делегации В. М. Молотов.

Он вновь напомнил о советском предложении от 29 августа и потребовал, чтобы Генеральная Ассамблея высказалась по данному вопросу. Он указал на недопустимость незаконного пребывания иностранных войск на чужих территориях и заявил, что, согласно Уставу ООН, Совет Безопасности должен располагать полной информацией, где за пределами своих границ находятся вооруженные силы и в каком количестве.

В данном вопросе, подчеркнул В. М. Молотов, проявляется империалистическая политика агрессивных кругов США и Англии, которые стремятся к мировому господству и, если их не остановить, «могут пойти на бесшабашную агрессию и на самые рискованные военные авантюры». От лица Советского Союза он призвал все миролюбивые государства решительно противостоять такого рода «ненасытным аппетитам и стремлениям к мировому господству» [36].

Заявления СССР, направленные против экспансии США в Китае, оказывали огромную морально-политическую поддержку его народу. Еще больший вес им придал вывод советских войск из Маньчжурии, завершенный 3 мая 1946 г., и последовательное соблюдение Советским правительством принципов невмешательства во внутренние дела Китая.

СССР неоднократно поднимал вопрос о присутствии американских войск в Китае на сессиях СМИД, других международных форумах, требуя включения его в повестку дня в порядке контроля за выполнением решения Московского совещания министров иностранных дел.

США при поддержке Англии оказывали упорное сопротивление дипломатическим акциям СССР. Но даже в тех случаях, когда им удавалось помешать обсуждению действий США в Китае на том или ином международном форуме, сама постановка вопроса об этих действиях, и в особенности о нахождении войск США в Китае, получала международный резонанс, привлекала внимание мировой общественности и вызывала горячие политические дискуссии, в том числе и в самих Соединенных Штатах.

Насколько действия советской дипломатии были эффективными, видно, в частности, из записки директора Дальневосточного управления госдепартамента США Д. Винсента на имя заместителя госсекретаря Д. Ачесона от 5 ноября 1946 г., представленной в связи с проходившей сессией Генеральной Ассамблеи ООН. Высказывая замечания по проекту директив для американской делегации, Винсент обращает внимание на слабость позиции США в вопросе о Китае. Указывая на ту часть коммюнике («Сообщения») Московского совещания от 28 декабря 1945 г., которая содержит заявление Дж. Бирнса о том, что американские войска направлены в Китай по просьбе правительства Чан Кайши, Винсент подчеркивает, что для защиты позиций Белого дома на международном форуме такие аргументы являются неубедительными, поскольку не дают прямого

и ясного ответа по существу вопроса: почему и с какой целью войска США продолжают оставаться в Китае? Винсент подчеркивает в своей записке: «Нет никакого сомнения, что русские на Генеральной Ассамблее постараются „заработать капитал“ на этом заявлении Бирнса»[37].

Винсент обращает внимание руководства госдепартамента на возрастающий протест мирового общественного мнения, в том числе в самих США, на огромный поток писем и запросов, в которых настойчиво ставится вопрос, на каком основании американская морская пехота все еще находится в Китае. Д. Винсент отмечает, что отвечать на этот вопрос становится все труднее, что одними словами позицию США объяснить невозможно и потому предлагает предпринять практические шаги: хотя бы частично вывести войска, чтобы как-то подкрепить заявление, с которым собирался выступить на сессии Генеральной Ассамблеи ООН госсекретарь США. «Это могло бы,— подчеркивает Винсент,— положить конец всем дискуссиям на этот счет, и психологический эффект был бы огромным»[38].

Американская дипломатия ничего не могла противопоставить советской дипломатии, опиравшейся на широкую поддержку миролюбивых сил. При всем сочувствии чанкайшистскому режиму правящие круги США были вынуждены маскировать свои действия в Китае, вести себя сдержанней, чем хотелось, и в конечном счете идти на сокращение войск. Подобные акции предпринимались правительством США, как правило, накануне и во время работы таких важных международных форумов, как сессии СМИД, пленумы различных организаций ООН, ибо в Вашингтоне знали, что советская дипломатия непременно поднимет там этот вопрос.

В эти дни происходили многочисленные совещания и дебаты в Белом доме, госдепартаменте и военных штабах на различных межведомственных уровнях; шел оживленный обмен телеграммами между Вашингтоном и личным представителем президента США в Китае Дж. Маршаллом, командованием военными и военно-морскими силами в Китае, американским посольством.

Во время нью-йоркской сессии СМИД (ноябрь — декабрь 1946 г.), когда обстановка в Китае обострилась, Маршалл 25 ноября телеграфировал в Вашингтон, что, по его «твердому убеждению, крайне желательно немедленно произвести сокращение численности морской пехоты в Китае на 10 тыс. человек, оставив всего 5 тыс.». Он подчеркнул, что к этому могут принудить обстоятельства и тогда будет казаться, что сокращение сделано под давлением. «Количество войск, предлагаемое к сокращению, принесет мало пользы и, по существу, лишь осложнит обстановку, поэтому я предлагаю действовать безотлагательно»[39].

Посол США в Китае Дж. Стюарт поддержал Маршалла и предложил произвести сокращение войск в два приема — по 5 тыс. человек[40]. Как уже упоминалось, особенно пришлось ак-

тивизироваться американской дипломатии в связи с подготовкой к очередной сессии Совета министров иностранных дел (март — апрель 1947 г.), где США предстояло дать отчет о выполнении (а точнее, о невыполнении) решений Московского (1945 г.) совещания.

10 марта в Москве открылась сессия СМИД. На первом же заседании советская делегация предложила включить в повестку дня вопрос о выполнении коммюнике Московского совещания 1945 г. в части, касающейся Китая. Дж. Маршалл (назначенный к тому времени государственным секретарем США) выступил против, заявив, что этот вопрос нельзя рассматривать без участия Китая. Но глава советской делегации В. М. Молотов указал, что, поскольку Китай не подписывал документов совещания 1945 г., нет оснований для его участия и в данной встрече.

На заседании 11 марта Маршалл и министр иностранных дел Англии Э. Бевин заявили, что обсуждение вопроса о Китае не входит в компетенцию Совета министров иностранных дел, и предложили ограничиться неофициальным обменом мнений, сделав это «не за столом заседаний СМИД»[41]. Участвовавший в работе сессии министр иностранных дел Франции Ж. Бидо заявил, что его страна не будет принимать участия в обсуждении поставленного СССР вопроса[42].

Советское правительство согласилось на проведение «неофициального совещания», но предложило опубликовать коммюнике о его результатах[43]. Тогда, стремясь любым путем сорвать обсуждение вопроса о Китае, США выступили против какого бы то ни было совещания по данной проблеме. В письме на имя В. М. Молотова 15 марта Дж. Маршалл писал, что всякое обсуждение «китайского вопроса» является для Вашингтона «нежелательным»[44], и выдвинул предложение, чтобы страны, принимавшие участие в Московском совещании 1945 г., обменялись до 1 апреля 1947 г. информацией о выполнении принятого на нем решения по Китаю. 24 марта Советское правительство ответило, что не возражает против новой инициативы США, но отметило при этом, что предлагаемый порядок является «не совсем удовлетворительным»[45].

31 марта Дж. Маршалл представил документ, в котором указывалось, что американские войска уже осуществили репатриацию из Китая около 3 млн. японцев и намерены завершить ее. Было указано, что приблизительно к 1 июня в Китае останется 6180 человек из персонала американских войск.

Советское правительство не удовлетворилось таким ответом. 1 апреля В. М. Молотов направил Дж. Маршаллу письмо, в котором выдвигалось требование полного вывода американских войск и строгого соблюдения всех положений коммюнике совещания 1945 г. в части, касающейся Китая. В. М. Молотов напомнил их основное содержание, особо указав на обязательства о выводе советских и американских войск[46]. Он подчерк-

нул, что почти год назад СССР вывел войска из Маньчжурии и требует, чтобы и США предприняли подобный шаг, прекратив вмешательство в гражданскую войну в Китае, ибо это ведет к тяжелым последствиям для страны и вызывает тревогу всей мировой общественности.

Постановка вопроса об обсуждении на сессии СМИД положения дел с выполнением решения Московского совещания по Китаю вызвала резкое недовольство гоминьдановцев. Ожидая выступления делегации СССР по этому вопросу, Чан Кайши собирался послать в Москву правительственную делегацию, чтобы предотвратить такой шаг со стороны СССР [47]. Однако, понимая бесперспективность этой затеи, он решил действовать через американцев. Правительство Китая обратилось в Вашингтон, а также к главе делегации США на сессии СМИД с настоятельными просьбами противодействовать СССР [48]. Одновременно гоминьдановцы организовали серию пресс-конференций руководящих деятелей своего правительства, которые выступили против обсуждения в Москве «китайского» вопроса и мобилизовали всю реакционную прессу страны на развертывание антисоветской кампании.

Демократическая общественность Китая поддержала позицию СССР. 12 марта в Москву была отправлена телеграмма, подписанная 56 видными деятелями Демократической лиги Китая, в том числе Чжан Лянем, Ма Сюйлунем, Ло Лунцзи и Го Можо. Они требовали обсуждения поставленного Советским правительством вопроса и принятия всех мер для прекращения гражданской войны, любого иностранного вмешательства, выполнения решения Московского совещания [49].

15 марта от имени ЦК КПК Чжоу Эньлай заявил о необходимости и своевременности постановки на сессии СМИД вопроса о выполнении указанного решения, осудил США как нарушителя принятых обязательств и потребовал прекратить вмешательство во внутренние дела страны. Он указал, что, если правительство Чан Кайши будет настаивать на участии в работе сессии СМИД делегации гоминьдана, КПК потребует включения в нее своих представителей [50].

Таким образом, дипломатические шаги, предпринятые Советским правительством на сессии СМИД в Москве в поддержку борьбы китайского народа против американской интервенции, получили широкий резонанс в Китае и в других странах. В США они вызвали озлобление реакционных кругов против СССР, что видно, в частности, из высказываний Дж. Маршалла в одном из его выступлений перед сотрудниками Пентагона.

Характеризуя остроту борьбы между СССР и США на сессии СМИД в Москве, Дж. Маршалл впоследствии писал: «Помню... когда я находился в Москве, мне постоянно приходилось испытывать давление. Одна за другой шли радиограммы (с требованием.— *А. Л.*) поставить русских на место... Когда я возвратился (в США.— *А. Л.*), ко мне стали обращаться многие

по поводу Дальнего Востока и Китая. В то время наши возможности осуществить это (т. е. „поставить русских на место“.— *А. Л.*),— а я солдат и кое-что понимаю в этом деле — сводились к одной и одной трети дивизии на территории США. Что стоит такое предложение, когда вы имеете дело с тем, у кого есть 260 дивизий, а у вас одна и одна треть дивизии... У нас даже не было достаточно войск, чтобы защитить взлетно-посадочную полосу в Фэрбэнксе»[51].

Маршалл, разумеется, преуменьшал военный потенциал США, изображая их чуть ли не разоружившейся страной. В действительности Соединенные Штаты располагали сухопутными силами, насчитывавшими к концу 1946 г., по свидетельству американских историков, 1320 тыс. солдат и офицеров[52], а также мощным военно-морским и военно-воздушным флотом. В разных районах земного шара расширялась сеть военных, военно-морских и военно-воздушных баз США, которые использовались для проведения политики «с позиции силы». Маршалл умолчал о том, что Вашингтон предпочитал держать войска не у себя дома, а посылал их за тысячи километров от границ США.

Военная обстановка в Маньчжурии к моменту созыва сессии СМИД в Москве складывалась для гоминьдановского режима и его покровителей неблагоприятно. Правда, в первое время после переброски в Маньчжурию гоминьдановских армий Чан Кайши удалось одержать успехи в боях с войсками Объединенной демократической армии, находившейся в процессе формирования. КПК предприняла меры для предотвращения гражданской войны в Маньчжурии и с этой целью обратилась к гоминьдановскому правительству с предложениями по урегулированию маньчжурской проблемы мирными средствами.

Первоначально КПК потребовала предоставить Маньчжурии право на самоопределение. Это предложение было отвергнуто, после чего КПК выдвинула программу мирного урегулирования, предусматривавшую:

1) реорганизацию созданной в Мукдене так называемой Ставки Чан Кайши во главе с особоуполномоченным по делам Маньчжурии, включая реорганизацию учрежденных при Ставке Политической и Экономической комиссий (предлагалось включить в эти органы представителей КПК и других политических партий и общественных организаций Маньчжурии);

2) создание провинциальных правительств на широкой демократической основе;

3) признание центральным правительством народных вооруженных сил (ОДА), а также уездных и городских органов народной власти;

4) прекращение военных столкновений между правительственными войсками и ОДА.

На состоявшейся в первых числах апреля 1946 г. сессии гоминьдановского «Народно-политического совета» (НПС) Чан

Кайши заявил, что его правительство не признает ни Объединенную демократическую армию, ни местные органы управления, считая их незаконными [53].

Сессия НПС «проштамповала» угодную гоминьдановскому правительству резолюцию, отвергшую предложения КПК и принявшую решение распустить ОДА и демократические органы власти. Правительству поручалось увеличить контингенты войск, направляемых в Маньчжурию для установления полного контроля гоминьдана.

После вывода из Маньчжурии советских войск там начались столкновения между вооруженными силами гоминьдана и КПК. Наиболее крупное сражение произошло под городом Сыпингаем. Обе стороны понесли большие потери. Благодаря численному превосходству гоминьдановцам удалось захватить этот стратегически важный пункт. Войска ОДА под командованием Линь Бяо вынуждены были оставить также Чанчунь и ряд других крупных городов Южной Маньчжурии и отошли на север, за р. Сунгари. Вся Южная Маньчжурия, за исключением тех районов Ляодунского полуострова, которые прилегали к военно-морской базе Порт-Артур, к концу 1946 г. оказалась в руках гоминьдановцев. Но двинуть свои войска через Сунгари, в Северную Маньчжурию, Чан Кайши не смог, и не столько из-за трудностей с форсированием крупного водного рубежа, сколько из-за опасений, что данный район непосредственно примыкал к территории СССР и это могло вызвать осложнения в отношениях с Советским Союзом.

Чан Кайши пытался было заручиться поддержкой американских войск, чтобы с их помощью нанести удары по Харбину, но США на это не пошли и предостерегли своего партнера против такого шага [54]. 1 декабря 1946 г. Чан Кайши заявил Дж. Стюарту, что он «воздержится от наступления на Харбин, руководствуясь прежде всего тем соображением, что до тех пор, пока он не прибегнет к такой акции, русские со своей стороны не предпримут недружелюбных действий против центрального правительства» [55].

Получив передышку, войска ОДА оправились после нанесенных им ударов. Они еще более основательно вооружились японской трофейной боевой техникой, прошли серьезную переподготовку и в начале 1947 г. перешли в контрнаступление, закончившееся к концу 1948 г. полным разгромом более чем полумиллионной группировки войск гоминьдана и освобождением всей Маньчжурии.

Благоприятное для китайской революции развитие событий вызывало острую реакцию в правящих кругах США и Китая. Они использовали ситуацию для разжигания «холодной войны». Наиболее авантюристические элементы в США требовали даже начать военные действия против Советского Союза.

1 августа 1946 г. группа реакционных гоминьдановских деятелей — делегатов «Национального конгресса» — выступила с

обращением, в котором пыталась возложить вину на Советский Союз за гражданскую войну, которая якобы является результатом того, что СССР не выполняет условий советско-китайского договора 1945 г. «Нарушение» договора гоминьдановцы усматривали в том, что СССР оказывал поддержку КПК, умалчивая при этом, что США грубо нарушили решение Московского совещания 1945 г., фактически подтолкнули Чан Кайши на гражданскую войну и продолжали оказывать ему всестороннюю помощь. Правительство Чан Кайши изменило духу и букве советско-китайского договора. Вместо укрепления дружбы и союза Китая с СССР, как это предусматривалось договором, оно еще теснее сблизилось с США, предоставило им китайскую территорию для создания широкой сети военных баз, нацеленных против СССР. Более того, правящие круги гоминьдана и лично Чан Кайши призывали Соединенные Штаты «нанести удар по Советскому Союзу, чтобы остановить коммунизм». Чан Кайши предлагал сделать это «без промедления, не дожидаясь, пока Советский Союз станет достаточно сильной индустриальной державой», на что, мол, СССР потребуется «лет двадцать»[56].

Гоминьдановская печать выступила с призывами к США и другим империалистическим державам, что «для спасения Китая необходима война против Советского Союза»[57]. Главным мотивом был отказ СССР от поддержки правительства Чан Кайши, в особенности в деле овладения Маньчжурией, и содействие народно-демократическим силам Китая.

Во время встречи 22 июля 1946 г. с советником посольства СССР в Китае Н. Т. Федоренко Цзян Цзинго выразил недовольство правительственных кругов по поводу того, что во время вывода советских войск из Мукдена, Чанчуня и других городов Маньчжурии советское командование не оказало никакой помощи гоминьдановским властям в овладении этими городами. Оно могло бы, подчеркнул он, воспрепятствовать переходу их в руки ОДА, но не только не сделало этого, а, напротив, оказало ей поддержку. Цзян Цзинго заявил, что гоминьдановских лидеров «удивляет» такая позиция Советского правительства.

Планы США по расчленению Китая и спасению гоминьдана

В связи с поражением гоминьдановской армии в Маньчжурии в правящих кругах США, по свидетельству Г. Трумэна, усилились требования «оказать всю необходимую помощь Чан Кайши»[58]. Американское военное командование представило на рассмотрение правительства США конкретные планы, в которых, по существу, намечалось развернуть прямую интервенцию. Суть этих планов была изложена в докладе А. Ведемейера пре-

зиденту 19 сентября 1947 г. Предлагалось, в частности, значительно увеличить финансово-экономическую и военную помощь Чан Кайши, довести численность группы военных советников до 10 тыс. человек и расширить ее полномочия, передав в ее руки полный контроль над гоминьдановской армией.

Особое место в планах американского командования отводилось Маньчжурии. Предлагалось установить над ней «опеку великих держав на период, пока китайское правительство не станет достаточно сильным и стабильным, чтобы принять на себя ответственность за полный контроль над страной»[59]. В докладе подчеркивалось, что это «единственный путь для спасения Маньчжурии от коммунистов»[60].

На случай неудачи с «опекой» правительству США предлагалось взять на себя осуществление всех необходимых мер по спасению чанкайшистского режима и рекомендовалось прикрыть это флагом ООН.

План Ведемейера был направлен на заключение в госдепартамент, а также в военное и военно-морское министерства.

В госдепартаменте к нему отнеслись довольно сдержанно, особенно к предложению установить над Маньчжурией международную «опеку» или протекторат.

После тщательного изучения плана экспертами госдепартамента директору Дальневосточного управления внешнеполитического ведомства США У. Баттерворту 13 октября был представлен меморандум директора Управления по специальным политическим вопросам Д. Раска. В нем были исследованы все возможные варианты осуществления выдвинутой Ведемейером идеи. Были проанализированы такие варианты: создание в Маньчжурии администрации из представителей пяти держав — Китая, США, Англии, Франции, Советского Союза; 2) создание администрации из представителей четырех держав (исключая Советский Союз); 3) управление Маньчжурией непосредственно Организацией Объединенных Наций; 4) учреждение протектората великих держав «по договоренности между ними» вне рамок ООН; 5) получение «согласия ООН» на то, чтобы китайское правительство декларировало предоставление Маньчжурии «независимости».

Однако авторы меморандума пришли к выводу, что ни один из рассмотренных вариантов неприемлем, так как осуществить любой из них практически невозможно. В качестве одного из аргументов была ссылка на то, что правительство Чан Кайши «неохотно» пойдет на это. Но главным и непреодолимым препятствием они считали позицию Советского Союза. В меморандуме отмечалось, что решение вопроса через Совет Безопасности ООН обречено на провал ввиду существующего в этом органе принципа единогласия пяти великих держав (авторы документа понимали, что СССР наложит вето на любое из таких предложений). Для решения же вопроса на Генеральной Ассамблее требовалось собрать не менее $^2/_3$ голосов членов ООН,

что также было маловероятным. В документе подчеркивалось, что СССР «вряд ли добровольно позволит США, Великобритании и Франции утвердиться в сердце Северной Азии» и решительно выступит против таких предложений. «При оппозиции со стороны СССР следует ожидать также активных выступлений... широких слоев населения Маньчжурии... Все это чревато созданием такой обстановки, которая может повести к военным столкновениям с Советским Союзом»[61].

После ознакомления с меморандумом Дж. Маршалла правительство США положило предложения А. Ведемейера под сукно. Верх взяло понимание того, что, опираясь на поддержку Советского Союза, китайский народ не позволит империалистическим державам отторгнуть Маньчжурию и установить там свое господство под флагом ООН или без оного.

В отличие от госдепартамента военные ведомства США отнеслись к плану Ведемейера более позитивно. Некоторые наиболее воинственно настроенные военные, такие, как генерал К. Ченнолт и командующий 7-м флотом адмирал Ч. Кук, поддержанные военно-морским министром Дж. Форрестолом, выступали за широкую поддержку Чан Кайши.

К. Ченнолт настаивал на решительных акциях против КПК. Он предлагал под видом «добровольцев» бросить на помощь гоминьдану «тщательно подобранную военную силу», чтобы остановить наступление НОА и «защитить долину нижнего течения Янцзы и Шанхай». Он осудил американскую дипломатию за то, что она сосредоточила свое внимание на европейских делах в тот момент, когда «рушится азиатская плотина», и предупредил, что если «США не предпримут быстродействующую военную акцию, то мы потеряем наши шансы навсегда»[62].

Ченнолт выразил готовность возглавить «крестовый поход» за спасение гоминьдановского режима и предложил вернуть в Китай своих «мальчиков» из 14-го авиасоединения, которым он ранее командовал, заверяя правительство США и чанкайшистов, что сумеет остановить «китайских коммунистов». По его инициативе в США даже началась кампания записи «добровольцев», которые должны были приступить к «бомбардировке» городов и районов, занятых войсками КПК.

Одновременно с Ченнолтом активно действовал полковник М. П. Гудфеллоу. В период второй мировой войны он являлся заместителем директора Управления стратегических служб, в 1946 г. был прикомандирован к ставке главнокомандующего американскими войсками в Корее в качестве политического советника, а после возвращения в США занялся изданием газет, совмещая эту деятельность с подготовкой для Ли Сын Мана шпионов и диверсантов с целью заброски на территорию КНДР. Повествуя об этом в своих мемуарах, бывший гоминьдановский посол в США Веллингтон Ку отмечает, что в 1949 г. Гудфеллоу выразил готовность заняться формированием из наемников так называемого «иностранного легиона». Деньги на

эти цели Чан Кайши приказал своей агентуре в США выплачивать полковнику из имевшегося для этих целей специального фонда [63].

Точку зрения наиболее реакционно настроенных военных разделяли представители определенных политических кругов, в том числе активные деятели «китайского лобби» в конгрессе У. Джадд и Л. Кларк, известный дипломат и разведчик У. Буллит и др. Сенатор С. Бриджес, председатель комиссии по ассигнованиям и комиссии по осуществлению «плана Маршалла», 13 ноября 1948 г. обратился к Г. Трумэну с предложением созвать специальную сессию конгресса для рассмотрения вопроса о «помощи Китаю». Он рекомендовал назначить генерала Макартура главнокомандующим вооруженными силами Китая.

Используя каналы связей, подчиненные лично ему, Чан Кайши в особо важных вопросах действовал в США через находившихся там членов его семьи и родственников, особенно Кун Сянси, мужа сестры своей жены, который был как бы вторым китайским послом в США и, в отличие от официального, выполнял наиболее «деликатные» поручения Чан Кайши, в которые подчас не был посвящен даже В. Ку. Как писал последний в своих мемуарах, в частности, о визите в США жены Чан Кайши Сун Мэйлин он узнал из сообщений американской печати [64]. На Кун Сянси была возложена миссия поддерживать конфиденциальные контакты с американским правительством совершенно независимо от официальных каналов [65]. Перед ним раскрывались парадные, а, если было необходимо, то и не парадные двери всех учреждений и резиденций правителей Америки как перед крупнейшим миллионером. Такое, дублирующее официальную дипломатию «посольство» служило Чан Кайши и для того, чтобы нейтрализовать действия своих недругов в США и Китае.

Однако активная деятельность чанкайшистской дипломатии не имела успеха. Трезвомыслящие представители правящих кругов США, в том числе ряд членов правительства, считали необходимым воздержаться от прямого военного вмешательства в дела Китая. Отражая настроения сторонников такого курса, «Вашингтон пост» писала в декабре 1948 г.: «Только слепой не видит, что американская политика помощи Чан Кайши... полностью обанкротилась... Надо окончательно порвать с прошлым». Касаясь просьбы Чан Кайши прислать «высокопоставленного и наиболее авторитетного генерала», которому была бы предоставлена полная свобода действий, газета указывала, что США все это уже испробовали, и призывала «не поддаваться панике». Рекомендуя не втягиваться в китайские дела, «Вашингтон пост» приводила в качестве главного аргумента «конфронтацию» западных держав с Советским Союзом в Европе. Газета подчеркивала, что, если будет взят курс на прямое и широкое военное вмешательство в Китае, «США лишатся и безопасности и израсходуют свои ресурсы... Стратегия, связан-

ная с конфликтом Запада с Россией, навязывает творцам нашей политики курс невмешательства в дела Китая... Эта стратегия потерпит крах, если мы позволим втянуть себя в антикоммунистический крестовый поход»[66].

Правительство США было вынуждено считаться с подобными настроениями, отражавшими реальное положение вещей. Г. Трумэн писал в своих мемуарах: «Телеграммы Маршалла из Китая показывают, что он отдавал себе полный отчет в том, что китайские коммунисты могут рассчитывать на поддержку русских»[67]. Он отмечал также: «Наше положение в Китае оставляло нам ограниченные возможности для выбора. С одной стороны, мы не могли пустить дело на самотек... Но альтернатива была в равной степени неприемлема. Она состояла в том, чтобы взять на себя разгром коммунистов и попытаться силой вынудить русских уйти из Маньчжурии... Американский народ никогда не поддержал бы такого начинания»[68].

Положение США усугублялось еще рядом обстоятельств. Так, отвечая на предложение Дж. Стюарта, изложенное им в докладе от 22 октября 1948 г., об активизации мер по спасению режима Чан Кайши, Дж. Маршалл указал, что это втянуло бы Соединенные Штаты в гражданскую войну в Китае и взвалило бы на них такие расходы, «которые трудно подсчитать», причем в такой период, когда США «имеют серьезные обязательства в других районах мира»[69].

Внимание Вашингтона было приковано к Европе, явившейся центром противоборства двух мировых систем — социализма во главе с СССР и капитализма — во главе с США. Как признает Г. Трумэн, США и Англия «безуспешно» пытались помешать переходу стран Восточной Европы «в коммунистический лагерь» и заставить Советский Союз проводить такую политику, которая бы устраивала Вашингтон и Лондон[70]. «В США раздавались голоса, призывавшие порвать с русскими. Эти люди не понимали, что мы могли выбирать только между переговорами и войной. Третьего пути не было»[71]. Если вернуться к предложению Ведемейера, то, замечает западный историк Дж. Пратт, он предлагал «больше, чем правительство США готово было осуществить»[72].

Правящие круги США пытались запугать СССР атомным оружием и стремились всеми средствами сохранить монополию в этой области, но безуспешно. «Во всех моих взаимоотношениях с комиссией по атомной энергии,— пишет Г. Трумэн в мемуарах,— я взял за практику заканчивать каждое совещание призывом к тому, чтобы мы продолжали идти вперед. Но наша монополия закончилась раньше, чем предсказывали эксперты. В августе 1949 г. были произведены испытания атомной бомбы в России»[73].

Таким образом, Соединенным Штатам в своей политике в отношении Китая все время приходилось оглядываться на Советский Союз, служивший мощным тылом для революционно-

демократических сил Маньчжурии и всего Китая. В этих условиях американское правительство вынуждено было проявить сдержанность и отказаться от того пути, на который его толкали наиболее агрессивные круги США.

Во время визита Сун Мэйлин в Вашингтон Трумэн ограничился заверениями о готовности США выполнить принятые конгрессом программы помощи Китаю и уклонился от предоставления дополнительных средств в размере 3 млрд. долл., на чем настаивало правительство Чан Кайши, а также от каких-либо обязательств относительно прямого военного вмешательства.

На решение Белого дома в немалой степени повлияло то обстоятельство, что визит Сун Мэйлин состоялся в разгар так называемого «берлинского кризиса», вызванного провокационной политикой западных держав, которые пытались включить оккупированные ими секторы Берлина в состав Западной Германии, но встретили решительный отпор со стороны СССР, вынужденного предпринять ответные меры.

Китайские историки отмечали, что одним из главных факторов, сорвавших планы американской интервенции, явилось стремительное продвижение ОДА из Маньчжурии в Северный Китай, откуда она вместе с другими силами НОА осуществила бросок к Янцзы. Быстрое наступление народно-революционных армий, лишившее гоминьдановцев возможности маневрировать и сосредоточить новые силы, в немалой степени объяснялось хорошо налаженной работой железных дорог в Маньчжурии, откуда доставлялись основные людские и материальные резервы.

Понимая, что по мере продвижения войск КПК с севера на юг Китая проблема коммуникаций, бесперебойной переброски подкреплений, оружия и боеприпасов приобретала для них все большее значение, гоминьдановцы, отступая, выводили из строя железные дороги, взрывали мосты, угоняли или уничтожали подвижной состав, рассчитывая максимально затруднить продвижение войск НОА и выиграть время, помешать подвозу в освобождаемые районы, и особенно в Шанхай, Нанкин, Ухань, продовольствия, топлива, сырья. В этом им готовы были содействовать американцы. В телеграмме в Вашингтон 22 октября 1948 г. Дж. Стюарт предлагал установить экономическую блокаду Китая, прекратив подвоз нефтепродуктов, хлопка, муки, риса и других товаров, тем самым вызвать голод в стране, чтобы помешать победе народно-освободительных сил. «Мы обладаем,— подчеркивал он,— политико-экономическим рычагом первостепенной важности. Не только отказом, но даже угрозой отказа в импорте по программе экономической помощи можно будет удержать, если не предотвратить, создание в Нанкине коалиционного правительства, где бы преобладали коммунисты... Такой курс действий наиболее полно отвечает интересам Соединенных Штатов»[74]. Но все это уже не могло предотвратить победу народно-революционных сил.

В КНР впоследствии отмечалось, что НОА сумела добиться быстрой победы над гоминьдановцами, закрепить отвоеванные позиции и преодолеть трудности, связанные с блокадой китайского побережья, лишь благодаря огромной и разносторонней помощи СССР главной революционной базе Китая — Маньчжурии. Своим военным присутствием на Дальнем Востоке и непосредственно в Маньчжурии, наличием советско-китайского договора, предусматривавшего помощь Китаю в защите от внешней агрессии, политикой солидарности с борьбой китайского народа и КПК СССР удерживал США от прямой и широкой интервенции.

Подрывная деятельность США в Китае под флагом дипломатических представительств

В осуществлении своей политики в Китае США активно использовали широкую сеть разведслужб, которые действовали под прикрытием различных организаций и учреждений: коммерческих, культурно-просветительных, религиозно-миссионерских. Но главными центрами, откуда направлялась эта деятельность, были дипломатические и консульские учреждения и представительства, созданные во всех крупных городах Китая. Флаг и официальная вывеска этих учреждений обеспечивали американским разведчикам полную неприкосновенность и облегчали таким образом подрывную работу, нацеленную прежде всего против КПК и демократических сил страны. Характер этой деятельности, наносившей огромный ущерб национальным интересам Китая, был всесторонне раскрыт перед лицом широкой общественности уже после победы революции. О том, какая роль отводилась Вашингтоном дипломатическим и консульским учреждениям, видно на примере Маньчжурии, где американские власти стали открывать консульства сразу же после изгнания японцев. На цели такой активности проливают свет опубликованные в последние годы госдепартаментом США документы.

После капитуляции Японии Вашингтон в дополнение к огромному числу учреждений, действовавших по всему Китаю, спешил открыть новые в таких крупнейших городах Маньчжурии, как Мукден, Харбин, Чанчунь, Дальний. Формально они учреждались под предлогом защиты интересов американских граждан, их торгово-экономической деятельности и т. п., хотя ни одного американца здесь не проживало.

18 января 1946 г. госдепартамент дал указание посольству США в Китае получить согласие властей Чунцина на то, чтобы «в возможно короткий срок» американские сотрудники были направлены в различные пункты Маньчжурии [75]. Министерство иностранных дел Китая поспешило дать согласие и заявило, что это разрешение касается не только консульских работников, но и сотрудников аппарата «военного и военно-морского атта-

ше, Информационной службы США (ЮСИС) и любых специалистов, которых США пожелают иметь в Маньчжурии»[76]. В то же время правительство Чан Кайши заявило, что города, где Соединенные Штаты намереваются открыть консульства, находятся под контролем советских войск и, поскольку гоминьдановское правительство не имеет там своей администрации, оно не может гарантировать безопасность сотрудников консульских учреждений США[77].

Однако это не обескуражило американцев. В телеграмме госсекретаря посольству в Китае от 19 февраля 1946 г. подчеркивалось, что правительству США необходимо в кратчайший срок направить в Китай консульских работников «в целях получения из первых рук информации о событиях в Маньчжурии»[78].

Дж. Маршалл телеграфировал в Вашингтон, что он тоже считает необходимым форсировать открытие консульств в Маньчжурии, которые будут служить пунктами наблюдения за действиями «русских», и «одно лишь присутствие их будет создавать трудности для последних»[79].

Особый интерес к этому вопросу проявил командующий 7-м флотом адмирал Ч. Кук. Он предложил открыть консульство также в Аньдуне, на маньчжурско-корейской границе, чтобы следить за обстановкой не только в южной части Маньчжурии, но и в Северной Корее. В телеграмме Маршаллу адмирал указывал, что своим присутствием в Аньдуне США «помогут китайскому правительству добиться открытия порта Дальний»[80].

Маршалл ответил Куку, что он направил его предложение на рассмотрение госдепартамента. Посольство США в Китае сообщило адмиралу, что оно согласно с тем, что «Аньдун по своему местоположению представит прекрасные возможности»[81].

В первую очередь американские консульства были открыты в городах, контролируемых гоминьдановскими войсками. Они служили также координационными центрами по осуществлению планов «реоккупации» Маньчжурии[82], и особенно большую активность развернули в Мукдене, который служил опорным пунктом для подрывной деятельности США в этом районе.

Из других пунктов американцев более интересовали Харбин и Дальний. Генеральным консулом в Харбин был назначен один из опытных дипломатов — О. Клабб. Он намеревался проехать в Харбин через Советский Союз, однако разрешение на это не получил, и ему пришлось отправиться из Владивостока в Шанхай, откуда он проследовал в Мукден, чтобы любыми средствами «пробиться» в Харбин. Но и харбинские власти не дали разрешения на пропуск консульской миссии. Тогда США обратились к Чжоу Эньлаю с просьбой оказать содействие на получение разрешения посадить в Харбине самолет с сотрудниками консульства. Чжоу Эньлай переадресовал их просьбу в Яньань. Оттуда ответили, что местные власти в Харбине не

могут обеспечить безопасную посадку самолета и что ввиду военной и политической обстановки в Маньчжурии деятельность в Харбине иностранных представительств невозможна [83].

Клабб обратился в Вашингтон с предложением принять решительные меры, прибегнуть «к угрозе» в отношении «китайских коммунистов» и Советского Союза, но 5 октября Д. Ачесон телеграфировал Стюарту, что «госдепартамент не одобряет применение репрессалий, предложенных... Клаббом» [84]. Было отвергнуто и авантюристическое предложение Клабба направить в Харбин самолет с сотрудниками консульства без разрешения местных властей. Открыть генеральное консульство в Харбине Соединенным Штатам так и не удалось. Клабб получил назначение генеральным консулом в Пекин.

Белый дом придавал большое значение деятельности консульства США в Дальнем. В официальной телеграмме от 12 марта 1946 г. консулу Л. Стэрджину, находившемуся к моменту его назначения в Китае, Дж. Бирнс указывал, что на это консульство возлагаются самые «обычные» задачи, «включая все вопросы гражданства (в том числе выдача паспортов и виз)» [85]. По прибытии в Дальний Стэрджин убедился, что никаких «обычных» консульских дел здесь не предвидится. Он решил покинуть город в ожидании, когда здесь начнет свою деятельность гоминьдановская администрация. За «наивность» в понимании целей, которые ставились перед его «миссией» в Дальнем, Стэрджин был отстранен от занимаемой должности и заменен Г. Беннигофом [86].

Самовольный отъезд Стэрджина из Дальнего вызвал неудовольствие и у посольства США в СССР, которое проявляло особую заинтересованность в американском присутствии в Маньчжурии. В телеграмме, адресованной Дж. Бирнсу, поверенный в делах США Дж. Кеннан просил сообщить, «почему Стэрджин и другие сотрудники возвращаются в Шанхай», было ли так предусмотрено заранее «или встретились затруднения в открытии консульства». Кеннан подчеркнул, что посольство США в Москве придает важное значение получению из Дальнего информации, касающейся отношения советских военных властей к деятельности американцев, а также проводимой Советским Союзом политики в этом районе в целом [87].

Американцы стремились использовать свое присутствие в Дальнем под флагом консульства для того, чтобы добиться права захода своих судов в порт, в нарушение советско-китайского договора. Более того, под предлогом прибытия в Дальний дипломатических курьеров американское командование (в частности, адмирал Ч. Кук) пыталось получить разрешение на заход в порт военных судов. При этом не останавливались даже перед провокациями. В конце декабря 1946 г. без разрешения и даже уведомления советской стороны, как того требовал установленный порядок, в порт зашло судно, на котором вместе с дипкурьерами оказались корреспонденты и представитель

компании «Стандард ойл». Советские военные власти не разрешили им сойти на берег. Американская и гоминьдановская печать подняли вокруг этого инцидента антисоветскую кампанию, рассчитанную на то, чтобы заставить Советский Союз снять контроль над Дальним. Госдепартамент направил правительствам СССР и Китая ноты, предлагая как можно скорее «положить конец ненормальному положению», существующему в Дальнем, и создать «такие нормальные условия», которые бы позволили «американским гражданам приезжать и проживать в Дальнем и на законном основании заниматься своими делами» [88].

На демарши американцев и гоминьдановцев Советское правительство отвечало, что СССР осуществляет контроль над районом Порт-Артурской военно-морской базы, в которую входит Дальний, в соответствии с советско-китайским договором 1945 г. Что касается вопроса, почему затягиваются сроки учреждения китайской гражданской администрации в Дальнем и Порт-Артуре, то ответственность за это несет китайское правительство, которое сознательно тормозит решение этого вопроса, связывая его с требованием направить свои войска в Порт-Артур и Дальний, на что Советское правительство, естественно, не может согласиться, ибо это требование идет вразрез с условиями советско-китайского договора и соглашения о Порт-Артурской базе, оборона которой вверена Советскому Союзу [89].

В последующие годы гоминьдановское правительство не без одобрения Вашингтона сделало попытку закрыть Дальний для Советского Союза. В августе 1947 г. Исполнительный юань принял решение о запрещении заходить в порт «иностранным судам». СССР ответил, что в соответствии со ст. IV соглашения от 14 августа 1945 г. советские суда будут и впредь пользоваться бесспорным правом захода в порт [90].

Следует особо остановиться на инциденте с американскими дипломатами в Мукдене, который мог привести к серьезным последствиям для дела мира на Дальнем Востоке. Согласно опубликованным в 1979 г. документам госдепартамента США, произошло следующее.

Спустя несколько месяцев после освобождения Маньчжурии в Мукдене было открыто генеральное консульство США. Тогда же там появилось одно из подразделений военной разведки — «Американская группа связи» (АГС). Его сотрудники были переброшены туда из Шанхая вместе с первыми частями гоминьдановской армии.

Американцы получили солидное «наследство» от спецслужб Японии и Маньчжоу-го — разведывательную сеть, создававшуюся в течение нескольких десятилетий. Кроме того, они вербовали местных жителей. Шпионов и диверсантов снабжали оружием, радиопередатчиками, взрывчаткой, готовя к действиям против КПК и народной власти. Наличие широкой шпионской сети в Маньчжурии с особой силой начало проявляться с конца

1948 г., когда она была освобождена от гоминьдановцев. Контрреволюционеры, ушедшие в подполье, совершали акты саботажа и диверсий, пытались дезорганизовать здесь хозяйственную жизнь. Даже не очень искушенному наблюдателю нетрудно было понять, что за всем этим кроется умелая направляющая рука.

И действительно, вскоре удалось захватить с поличным большую группу американских агентов. Не оставалось сомнений в том, что террористы получали инструкции не только от АГС, но и от генерального консульства США в Мукдене. 20 ноября 1948 г. местные власти потребовали его закрытия и задержали работавших в нем сотрудников, изобличенных в неблаговидных делах.

Генеральный консул А. Уорд 13 месяцев спустя после своего освобождения так описывал в донесении госсекретарю США эти события:

«20 ноября прошлого года солдаты армии КПК без предупреждения окружили помещение консульства и двух жилых помещений, блокировав все выходы. Были отключены телефоны и электричество, прекратилась подача воды. Представители военно-административного комитета Мукдена вручили мне письмо, в котором без упоминания моего титула отмечалось: „Ваш отказ в выдаче радиостанции является злостным нарушением; сотрудникам бывшего американского генерального консульства отныне запрещается поддерживать контакты с внешним миром“. Это было сделано несмотря на то, что я прекратил радиосвязь и предложил опечатать оборудование или приставить к нему часового... После 10 час. непрерывной перебранки представители администрации объявили, что персонал консульства не имеет права покидать его территорию и поддерживать связь с кем бы то ни было впредь до особого распоряжения...» [91].

Персонал консульства держали на его территории в течение года, а 24 октября 1949 г. А. Уорда и четырех дипломатов отправили в тюрьму. Им было предъявлено также обвинение в грубом обращении с китайскими служащими [92].

9 ноября госдепартамент направил посольству и консульствам США в Китае, а также своим представителям в Гонконге следующий циркуляр: «Вы и члены вашего представительства должны находить любые возможности, чтобы в беседах с теми китайцами, которые имеют определенное влияние на коммунистов или источники информации о них, выражать им в форме вашего личного мнения, а не инструкции от госдепартамента, что обращение с Уордом и другими сотрудниками консульства в Мукдене вызывает глубокое возмущение общественности США, которая неизбежно потребует принятия тех или иных ответных действий...» [93].

Под «ответными действиями» подразумевались дипломатические демарши, экономические санкции и другие меры, вплоть

до использования вооруженных сил. Вопрос об использовании войск для решения «проблемы заложников» обсуждался в правящих кругах США с самого начала конфликта. На этот счет существовало несколько точек зрения. Госдепартамент, например, указывал, что военные акции могут закончиться трагически для тех, кого предполагалось освободить. Многие опасались, что использование силы вызовет ответные меры китайской стороны, столкновение выльется в военный конфликт, масштабы и последствия которого трудно предвидеть. Помощник государственного секретаря Баттеруорт, имея в виду эти обстоятельства, писал в своей докладной записке: «Мы считаем целесообразным действовать при помощи менее жестких мер» [94].

Следуя этой линии, 10 ноября госдепартамент направил представителю США при ООН указание максимально использовать свое влияние с тем, чтобы ООН оказала давление на Пекин. В инструкции указывалось, что если на Генеральной Ассамблее ООН во время дебатов по китайской проблеме будет поднят вопрос о приглашении представителей от китайских коммунистических властей, то следует заявить, что «впредь до освобождения А. Уорда и его коллег... американскому правительству будет исключительно трудно разрешить китайским коммунистам свободный въезд в США и обеспечить их личную безопасность...» [95].

Гораздо более жесткую позицию занял хозяин Белого дома. 14 ноября Г. Трумэн дал указание госдепартаменту и военным ведомствам представить планы возможных решительных действий против КНР. Заместитель государственного секретаря Дж. Уэбб впоследствии так описал содержание своей беседы с Трумэном:

«Президент отметил, что он продолжает обдумывать проблему освобождения генерального консула Ангуса Уорда и что мы должны всесторонне изучить возможность блокировать поставки угля через китайские прибрежные воды в Шанхай. По его мнению, это заставит коммунистов понять, что мы настроены серьезно, и вынудит их освободить Уорда. Он отметил, что эта акция поднимет наш международный престиж и, кроме того, создаст дополнительные трудности для Великобритании в ее стремлении действовать независимо в вопросе о признании (народного Китая.— *А. Л.*) и в других вопросах. Президент сказал, что у США достаточно кораблей и самолетов поблизости (от Китая.— *А. Л.*), чтобы выполнить эту задачу. Я спросил его, как далеко он готов пойти, действительно ли он хочет использовать силу, чтобы приостановить поставку угля, если они (т. е. англичане.— *А. Л.*) откажутся подчиниться приказам нашего военного флота. Он ответил, что если уж мы собираемся заняться этим (т. е. блокадой китайских портов.— *А. Л.*), то должны быть готовы топить любое судно, которое откажется прислушаться к нашему предупреждению» [96].

Затребованные президентом планы были составлены доволь-

но быстро. Первыми ответили военные. Председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Омар Брэдли 18 ноября в меморандуме на имя министра обороны докладывал:

«... если не принимать в расчет политические соображения, то имеется, строго говоря, только два пути осуществления военных акций, а именно:

1) насильственные меры освобождения А. Уорда;

2) ответные акции, включая демонстрацию силы, экономические санкции и т. п.».

Пентагоновские генералы подробно описывали, как они мыслят осуществить эти акции против молодой республики в рамках каждого из вариантов. Первый вариант, отмечалось в меморандуме Брэдли, потребует использования значительных военных сил, чтобы обеспечить высадку морского или воздушного десанта и осуществления им операции по освобождению Уорда, а также для того, чтобы этот десант мог проложить себе обратный путь. В меморандуме указывалось, что неизбежен серьезный конфликт не только с китайскими гражданскими властями, но и столкновение с расположенными здесь вооруженными силами КПК. «Таким образом,— подчеркивалось в меморандуме,— указанная акция вполне может повести к открытой войне с коммунистическим правительством Китая». Кроме того, подчеркивалось в меморандуме, «вряд ли можно серьезно рассчитывать на то, что СССР воздержится от вмешательства, особенно учитывая его стратегические интересы в Маньчжурии и присутствие войск в районе Дальнего и Порт-Артура. В свете вышеизложенного представляется вполне вероятным, что открытая военная акция Соединенных Штатов может повести к глобальной войне».

В качестве альтернативы называлась операция по вывозу Уорда «тайным путем» после освобождения его из тюрьмы «с применением силы». Военные выразили сомнение в целесообразности использования «тайных сил», так как их может оказаться недостаточно. Кроме того, вызывала сомнение возможность гарантировать безопасность Уорду в ходе такой операции.

Авторы меморандума подробно анализировали так называемые «ответные акции». Среди них детально рассматривался даже «возможный захват тайными силами США» одного или нескольких руководящих деятелей Китая. И хотя представители комитета начальников штабов считали подобную операцию вполне осуществимой, они тем не менее предупредили, что даже в случае удачи это вряд ли заставит китайские власти освободить американских дипломатов. Более того, по мнению военных, такой шаг мог создать угрозу безопасности для других американских граждан, находившихся на территории, контролируемой Пекином.

Комитет начальников штабов проанализировал и выдвину-

тое президентом предложение блокировать китайские порты. Отмечалось, что введение так называемой «мирной блокады» — без объявления войны — будет малоэффективным, поскольку в таких случаях задержанию подлежат только суда той страны, чьи порты блокируются. Большинство же судов, посещавших в то время китайские порты, принадлежали Великобритании. Что же касается блокады в обычном понимании этого слова, то она применяется только во время войны, и введение ее рассматривалось бы как объявление войны. А это «могло бы в конечном итоге вызвать необходимость применения военных сил, равных по количеству тем, которые потребовались бы для противодействия советским военно-морским и военно-воздушным силам на Дальнем Востоке».

Чтобы не оставалось никаких недомолвок, меморандум напоминал Белому дому, что «в соответствии с правами, предоставленными советско-китайским договором 1945 г., СССР создал в Дальнем и Порт-Артуре необходимые условия для действий подводных лодок и надводных судов»[97].

Эти оговорки вовсе не свидетельствовали о том, что высшие чины военного и дипломатического ведомств были «голубями» или сторонниками решать спорные вопросы мирным путем. Просто они старались смотреть на политические реалии более трезво, чем хозяин Белого дома. Последнему в конечном счете пришлось отказаться в данном случае от «дипломатии канонерок». Американские дипломатические представители в Китае получили указания обратиться к Чжоу Эньлаю и другим лидерам КПК. Предлагалось информировать китайских руководителей, что Вашингтон решил закрыть генеральное консульство в Мукдене и просит помочь в освобождении Уорда и других сотрудников из тюрьмы и в выезде всего персонала консульства в США. В Пекине в это время активно действовал генеральный консул Клабб. В Нанкине Стюарт вел переговоры с Хуан Хуа, который в то время заведовал отделом внешних сношений Нанкинского военно-административного комитета.

23 ноября 1949 г. госдепартамент направил через американские представительства в Анкаре, Афинах, Берне, Брюсселе, Каире, Канберре, Каракасе, Копенгагене, Гаване, Гааге, Лиме, Лиссабоне, Лондоне, Маниле, Мехико, Дели, Осло, Оттаве, Панаме, Париже, Рангуне, Риме, Стокгольме, Вене и других столицах личные послания министрам иностранных дел соответствующих стран. В послании выражалась просьба выразить озабоченность действиями китайских властей. Тем не менее Вашингтон не получил желаемой поддержки. Даже союзники оберегали свои интересы и не хотели ссориться с новыми властями Китая.

Суд над А. Уордом и четырьмя сотрудниками консульства в Мукдене состоялся в конце октября. Все были приговорены к тюремному заключению сроком от 3 до 6 мес. Затем эта мера была заменена высылкой из страны[98]. 11 декабря на паро-

ходе, направлявшемся в Японию, из Китая отбыли все сотрудники консульства, имевшие американское гражданство. Инцидент с арестом дипломатов-шпионов разрешился мирным путем.

Следует отметить, что в ходе гражданской войны в Китае имели место многие другие конфликты, в том числе вооруженные инциденты между американскими морскими пехотинцами и войсками НОА. Один из наиболее крупных произошел в июне 1946 г. на Пекин-Тяньцзиньском шоссе, в местечке Аньпин. Автоколонна, направлявшаяся из Тяньцзиня в Пекин под конвоем морских пехотинцев, была обстреляна в районе, контролируемом НОА. Среди американцев были убитые и раненые. Между США и КПК возник острый конфликт [99]. Но как и в случае с дипломатами в Мукдене, дальше угроз и пропагандистской истерии в Вашингтоне пойти не решились.

При всей враждебности в отношении КПК и народно-революционных сил американцы в Китае были вынуждены воздерживаться от «мер возмездия», к которым привыкли прибегать в других регионах, хотя в Китае у них было более чем достаточно сил: во всех портах, за исключением Маньчжурии, стояли армады боевых кораблей 7-го флота, находились десятки тысяч морских пехотинцев, на территории Китая и поблизости от него базировались крупные авиационные силы. При всем превосходстве этих сил над силами НОА и большом соблазне пустить их в ход американцы не решились.

Маневры американской дипломатии на завершающем этапе народной революции в Китае. «Мирное наступление» и попытки «интернационализации» китайского внутреннего конфликта

Начало стремительному развитию событий на фронтах гражданской войны в пользу народно-революционных сил было положено в Маньчжурии, где к концу 1948 г. завершился разгром армии Чан Кайши, составлявшей стержневую основу гоминьдановских вооруженных сил. Полностью освободив Маньчжурию, войска Объединенной демократической армии под командованием Линь Бяо двинулись в Северный Китай на соединение с действовавшей к северу от Великой китайской стены основной группировкой войск КПК — 8-й армией.

Освобождение Маньчжурии коренным образом изменило соотношение сил в противоборстве между КПК и гоминьданом. Это помогло выправить положение, неблагоприятно сложившееся для народно-революционных войск в Северном Китае в результате предпринятого весной 1947 г. наступления гоминьдановцев на Особый район Китая. Хотя наступление носило второстепенный характер — в нем были задействованы в основном войска местных милитаристов Ян Сишаня и Ху Цзунаня — и было рассчитано прежде всего на то, чтобы облегчить поло-

жение армий Чан Кайши на главном направлении — в Маньчжурии, тем не менее для 8-й армии оно имело тяжелые последствия. Она вынуждена была оставить значительные территории Особого района и многих других опорных баз в Северном Китае, большинство из тех небольших уездных городов, которые были под ее контролем к началу гражданской войны, включая Яньань, свыше 10 лет являвшуюся местонахождением ЦК КПК[100]. Некоторым членам Политбюро, включая Мао Цзэдуна, пришлось скрываться в деревнях под чужими именами. Мао Цзэдун писал об этой ситуации так: «Гоминьдан казался страшным и непобедимым»[101]. Правда, руководство КПК не теряло надежды покончить с ним, хотя на это, по его предположению, требовалось не менее 5 лет[102]. Однако уже в августе 1948 г. было заявлено, что в ходе гражданской войны наступил резкий поворот, открывший возможность покончить с господством гоминьдана и хозяйничаньем американцев через год[103]. В этих заявлениях, однако, не говорилось прямо, что это стало реальностью в результате побед ОДА в Маньчжурии, но было ясно и без лишних слов.

Совместными действиями войск ОДА и 8-й армии началось освобождение Северного Китая — второго после Маньчжурии стратегически важного района. 15 января 1949 г. был взят один из крупнейших портовых городов, Тяньцзинь, 20 января — Пекин, за ними пали другие опорные пункты гоминьдана на севере страны. Не имели также успеха попытки Чан Кайши закрепиться в Центральном Китае, на р. Хуанхэ. После выигранного здесь крупного сражения войска НОА к исходу 1948 г. приблизились к Янцзы. Гоминьдановский режим оказался перед лицом полной катастрофы. Чан Кайши требовал от США начать открытую военную интервенцию. Вашингтон вынужден был отвергнуть это требование. Американцев сдерживал Советский Союз, в частности, присутствие его войск в Порт-Артуре. Кроме того, США и их союзники более важное значение придавали ситуации, сложившейся в европейском регионе, который в Вашингтоне рассматривали «жизненно важным» для империалистических интересов США. В этих условиях американцы вынуждены были в Китае всячески маневрировать.

Они спешно занялись перебазированием своих военно-морских и военно-воздушных сил на юг Китая, главным образом на Тайвань. Туда же направлялись военные поставки для гоминьдана. В срочном порядке были предприняты меры по организации армии из остатков чанкайшистских войск, чтобы оказать сопротивление на оборонительном рубеже р. Янцзы, а также укрепиться в отдельных окраинных провинциях Китая[104], опираясь на местных милитаристов. И наконец, Вашингтон, пустив в ход дипломатические средства и мобилизовав широкую сеть агентуры, а также органы пропаганды, развернул так называемое «мирное наступление» на КПК. Имелось в виду выиграть время для перегруппировки сил и укрепления позиций в Юж-

ном Китае, превращения его в плацдарм, прикрытый мощным водным рубежом Янцзы, с тем чтобы впоследствии отсюда перейти в контрнаступление и вернуть утраченные позиции. Эта кампания в сочетании с другими мерами была рассчитана на то, чтобы сорвать осуществление выдвинутой КПК исторической задачи: довести китайскую революцию до победоносного завершения, не дать внутренним и внешним силам остановить ее на полпути [105].

Действуя по разработанному вместе с Вашингтоном сценарию, 1 января 1949 г. Чан Кайши обратился к КПК с призывом прекратить огонь и провести мирные переговоры. Но выдвинутые им условия предусматривали, по существу, сохранение все той же государственной системы, гоминьдановской армии и т. п. Чтобы дать американцам и гоминьдану возможность маневрировать, Чан Кайши по настоянию Вашингтона отправился 21 января в свое родовое имение в Фэнхуа (на юге Китая) на «временный отдых». Во главе правительства был поставлен генерал Ли Цзунжэнь, один из видных южных милитаристов, ставленник американцев, разрекламированный ими как «либерал», «демократ», «сторонник мира».

Чтобы «смена» руководства не вышла за рамки разыгрываемого политического спектакля, Чан Кайши поспешил осуществить очередную крупную тайную операцию. В день своего отбытия из Нанкина он перевел в Нью-Йорк на имя постоянно находившегося там с 1944 г. своего личного тайного агента генерала Мао 10 млн. долл. По свидетельству Ли Цзунжэня, выступившего много лет спустя с разоблачительными заявлениями в американской печати, эта сумма предназначалась для подкупа нужных людей [106], причем круг лиц не ограничивался так называемым «китайским лобби» в конгрессе США, на который чаще всего делались (и еще продолжают делаться) ссылки в публикациях западной прессы. Он охватывал правительственные органы и официальных лиц, настолько влиятельных, что, когда Мао пригрозил однажды обнародовать документы, содержащие их имена, ему сразу же зажали рот: рука Вашингтона «достала» чанкайшистского агента в Мексике, где он пытался укрыться с остатками денег [107], и были приняты крайние меры к тому, чтобы вывезти его из Мексики на Тайвань и изъять у него документы. Как видно из приведенного эпизода, гоминьдановский лидер хорошо изучил нравы американских партнеров, знал, на чем зиждется их «любовь» к антинародным диктаторским режимам, и потому был так щедр.

Из спецфондов финансировались также политические и пропагандистские кампании в США в поддержку гоминьдановского режима, одной из которых и было «мирное наступление» на КПК.

В интересах революции было очень важно разоблачить подлинные цели американо-гоминьдановских маневров, не дать возможности спекулировать на настроениях широких слоев ки-

тайского народа, уставшего от непрерывных войн и ратовавшего за прекращение огня. Поэтому ЦК КПК выступил с заявлением о готовности к переговорам, но на условиях, отвечающих интересам народных масс и предусматривающих создание коалиционного, подлинно демократического правительства, проведение аграрной и других социальных реформ, аннулирование навязанных Китаю американским империализмом кабальных договоров, наказание Чан Кайши и реакционных деятелей гоминьдана как военных преступников. Однако, что и следовало ожидать, состоявшиеся переговоры в Пекине с делегацией Нанкина были сорваны гоминьдановской верхушкой и оказались безрезультатными. Чан Кайши, находясь «на отдыхе», фактически продолжал держать в своих руках штурвал тонущего корабля, располагая поддержкой Вашингтона.

Под аккомпанемент поднятой в Китае и на Западе пропагандистской шумихи вокруг гоминьдановских требований о прекращении огня американская дипломатия совместно с Нанкином решила осуществить еще более коварный замысел: организовать вмешательство иностранных государств в события в Китае. 8 января 1949 г. гоминьдановское правительство обратилось к США, Великобритании, Франции и Советскому Союзу с официальной просьбой, чтобы они выступили в качестве «посредников» между гоминьданом и КПК и помогли урегулированию внутреннего конфликта в Китае[108]. Фактически имелось в виду заставить войска НОА прекратить наступление на всех фронтах и принудить КПК пойти на уступки. Обращение же с такого рода предложением к СССР носило явно провокационный характер.

8 января министр иностранных дел Китая У Тэчен пригласил к себе послов четырех держав, чтобы вручить им для передачи своим правительствам меморандум, содержащий предложение о «посредничестве». Роль организатора единого фронта западных держав отводилась США, которые, согласно заявлению китайского посла в Вашингтоне, должны были «вместе с центральным правительством и от его имени действовать в переговорах с Советским Союзом и Компартией Китая»[109].

Американская дипломатия взяла на себя миссию практической «проработки» всех аспектов этого вопроса и обсуждения его со своими союзниками. В Нанкине Дж. Стюарт провел консультации с послами Великобритании и Франции. Такие же дипломатические встречи состоялись в Вашингтоне, Лондоне, Париже.

Для западных держав предложение о «посредничестве» было соблазнительным во многих отношениях. Их не могли не привлекать заявления гоминьдановских руководителей о готовности пойти на любые уступки, включая предоставление концессий, права беспошлинного ввоза товаров, свободного вложения капиталов и т. п. Кроме того, западные державы питали глубокую ненависть к китайской революции. Французский посол в

Китае заявил Стюарту, что интересы его страны «диктуют необходимость поддерживать любой режим в Китае, оказывающий сопротивление коммунизму», и потому Франция готова поддерживать гоминьдановское правительство несмотря на то, что видит «неизбежность его поражения». МИД Франции заявил американскому послу в Париже, что западные державы «должны что-то предпринять», чтобы помешать «красным установить контроль над Южным Китаем», что победа КПК окажет «неблагоприятные воздействия на положение в Индокитае»[110], а это совершенно неприемлемо для французского правительства. Такими же соображениями руководствовалась английская дипломатия. Для Лондона была малоприятной перспектива иметь под боком у Индии и других британских колониальных владений революционный Китай.

Западные державы считали, что, хотя гоминьдановский режим катится к катастрофе, тем не менее он располагает еще обширными территориями и миллионами солдат и при эффективной внешней поддержке его можно спасти. Однако все упиралось в позицию СССР. Поэтому сразу же после обращения гоминьдановского правительства послы западных держав в СССР получили указания выяснить и срочно доложить об отношении Советского руководства к событиям в Китае и о возможной реакции СССР на предложение о «посредничестве». Хотя дипломатические ведомства Вашингтона, Лондона и Парижа не строили особых иллюзий, они хотели получить подтверждение, насколько тверда решимость Советского правительства поддерживать КПК, не согласится ли СССР, соблазнившись на вытекавшие из «посредничества» выгоды, занять хотя бы позицию нейтралитета, который гоминьдановцы считали вполне достаточным, чтобы избежать поражения.

К своему разочарованию, Чан Кайши и его партнеры еще раз убедились, что политика СССР остается неизменной. Советский посол в Китае Н. В. Рощин вообще отказался от участия во встрече послов четырех стран с У Тэченом.

12 января посольство США в СССР ответило на запрос госдепартамента, что оно «не ожидает, чтобы Советский Союз положительно прореагировал на просьбу правительства Китая»[111], ибо он твердо выступает в поддержку позиций КПК, которая не желает иметь дело ни с каким гоминьдановским правительством, а в этих условиях посредничество — дело безнадежное.

К таким же выводам пришли послы западных стран в Нанкине. 9 января Дж. Стюарт сообщил в Вашингтон, что в ходе обмена мнениями стало очевидным, что предложение о посредничестве может быть осуществлено лишь при одном непременном условии: «все великие державы должны действовать сообща. Без этого нет ни малейшего шанса на успех. Однако представляется крайне невероятным, чтобы СССР согласился принять в этом участие». Стюарт указывал, что если бы даже СССР

и пошел на такой шаг, то «представляется сомнительным, чтобы его участие было в духе добрых намерений (т. е. благоприятным для гоминьдановского правительства и западных держав.— *А. Л.*) и оказало эффективное воздействие на Коммунистическую партию Китая»[112].

В документе, подготовленном по этому вопросу Управлением планирования политики госдепартамента США, указывалось, что, когда после разгрома гитлеровской Германии Соединенным Штатам пришлось в аналогичных случаях выступать вместе с Советским Союзом в вопросах урегулирования отношений между компартиями и другими политическими группами в отдельных странах, коммунисты всегда использовали это «как еще одно средство для установления своей диктатуры». Выражалось сомнение, чтобы иной результат мог быть и на этот раз[113].

17 января министр иностранных дел СССР А. Я. Вышинский пригласил китайского посла и официально вручил ему ответ Советского правительства на меморандум МИД Китая. В нем указывалось, что «Советское правительство, неизменно придерживаясь принципа невмешательства во внутренние дела других стран, не считает целесообразным принять на себя посредничество, о котором говорится в меморандуме»[114]. В ответе Советского правительства отмечалось, что «восстановление единства Китая как демократического и миролюбивого государства является делом самого китайского народа и могло бы быть достигнуто скорее всего путем непосредственных переговоров сторон без иностранного вмешательства во внутренние дела Китая»[115].

Советское правительство исходило из того, что вмешательство иностранных государств могло бы крайне обострить обстановку не только в Китае, но и на Дальнем Востоке в целом и затруднить борьбу китайского народа, который при интернациональной поддержке СССР и прогрессивных сил мира успешно шел к окончательной победе.

После консультаций между собой и «зондажа» в отношении СССР западные державы официально заявили о своей позиции, не дожидаясь официального ответа от правительства СССР. Взвесив все «за» и «против», они решили, что лучшим будет отказ от идеи посредничества. Согласно опубликованным недавно документам госдепартамента, им пришлось считаться с тем, что в Китае произошел резкий поворот в пользу КПК, что СССР в любом случае сделает все возможное, чтобы помешать достижению целей, которые преследуются гоминьданом, и более того, участие СССР может пойти даже во вред ему. Потому-то Вашингтон, Лондон и Париж предпочли поторопиться с ответом, считая, что в случае положительного решения СССР им будет отступить труднее.

13 января по поручению госдепартамента Дж. Стюарт передал гоминьдановскому правительству ответ Вашингтона. В нем

после пространных объяснений указывалось, что правительство США считает, что «при нынешней обстановке» его «попытки выступить в роли посредника» не принесут «желаемых результатов»[116]. Аналогичный ответ был дан Англией и Францией.

Потерпев неудачу, американская дипломатия сосредоточила все внимание на том, чтобы помочь чанкайшистам достичь поставленных целей на переговорах между гоминьданом и КПК. Под эгидой Дж. Стюарта были приведены в действие связи американцев с военными, общественно-политическими, торговыми, промышленными и финансовыми кругами страны. На ноги была поставлена вся американская агентура. Не без ее подсказки в адрес КПК от различных кругов шел поток телеграмм, писем, петиций, призывавших к прекращению огня, к достижению договоренности с нанкинским правительством. В Пекин после его освобождения с теми же целями направлялись из Нанкина, Шанхая и других контролируемых гоминьданом городов группы так называемых «народных представителей» для встречи с руководителями КПК. Перед отъездом со многими из этих представителей встречались американские дипломаты и лично Дж. Стюарт.

Как уже упоминалось, руководство КПК согласилось провести переговоры с делегацией нанкинского правительства. Среди основных условий кроме требований о наказании лиц, виновных в развязывании гражданской войны, были выдвинуты предложения о том, чтобы гоминьдановские власти позволили войскам НОА беспрепятственно форсировать Янцзы в ряде пунктов и закрепиться на южных плацдармах неподалеку от Нанкина и Уху[117]. Предполагалось также реорганизовать войска гоминьдана, поставив их под верховное командование НОА; созвать политическую консультативную конференцию, которая должна была решить вопрос о создании коалиционного правительства[118].

Гоминьдан затягивал переговоры, добиваясь все новых отсрочек для окончательного ответа на выдвинутые КПК условия. За всем этим стояли американцы, которым, как и Чан Кайши, переговоры с КПК нужны были ради переговоров. Разоблачая эти маневры, советская печать сообщала, в частности, что глава группы американских военных советников генерал Барр при встрече с Ли Цзунжэнем 23 января 1949 г. передал на этот счет довольно четкие установки Вашингтона. Он заявил, что гоминьдановцы должны сделать все, чтобы удержать в своих руках морские порты юга Китая, а в данное время путем мирных переговоров и других политических мероприятий необходимо остановить наступление Народно-освободительной армии[119]. В свете этих установок Чан Кайши провел специальное совещание с гоминьдановскими лидерами. На нем было решено придерживаться хитроумной тактики: «мирные переговоры» не прерывать, делать вид, что гоминьдан

стремится к достижению соглашения с КПК, и таким путем выиграть хотя бы несколько месяцев для подготовки 1 млн. войск в районах южнее Янцзы [120].

Широкой общественности Китая вскоре стали вполне ясными эти маневры. КПК решила положить конец гоминьдановской тактике затяжек. Она установила окончательный срок для завершения переговоров, предложив гоминьдановской стороне подписать соглашение не позже 20 апреля. Нанкин направил своих уполномоченных в Фэнхуа для доклада Чан Кайши. Они возвратились с указанием отвергнуть предложение КПК. В Пекин было сообщено об отказе принять условия КПК, но одновременно выдвигалась просьба не возобновлять военных действий и продолжать переговоры.

21 апреля Мао Цзэдун и Чжу Дэ отдали приказ войскам НОА перейти в наступление и форсировать Янцзы, «уничтожить всех гоминьдановских реакционеров, кто осмелится оказывать сопротивление». Они заявили, что Нанкин отказался подписать мирное соглашение, «так как продолжает следовать приказам американских империалистов» [121].

Несмотря на огромные потери, гоминьдановцы все еще располагали значительной силой. Рубеж Янцзы прикрывали 20 армий под командованием генерала Тан Эньбо и 11 армий под командованием генерала Бай Чунси [122].

Непосредственно для обороны Нанкина было сосредоточено около 300 тыс. войск. Однако при первых же столкновениях с частями НОА они оставили свои позиции на северном берегу Янцзы и в панике отступили: одни — в направлении к Ханькоу, другие — через Нанкин к Шанхаю. Утром 24 апреля первые части 3-й Полевой армии под командованием Лю Бочена форсировали Янцзы, практически не встретив сопротивления, и вошли в Нанкин. Почти за сутки до вступления в город войск НОА здесь не осталось ни одного гоминьдановского солдата.

Автору книги, находившемуся в тот период в Нанкине, довелось быть свидетелем драматических событий падения последних гоминьдановских бастионов, полного развала прогнившего чанкайшистского режима и краха векового колониального господства.

Перед бегством из Нанкина гоминьдановцы подвергли его разграблению. Солдаты и офицеры врывались в магазины, опустошали их, грузили товары в автомашины, на арбы, тележки рикш, а затем стали хватать попадавшихся на улицах горожан, грузили на них, как на вьючных животных, награбленное и уводили с собой. Генералы и крупные правительственные чиновники спасались бегством, захватывая находившиеся на аэродромах самолеты.

То, что не успела сделать бежавшая гоминьдановская армия, продолжили горожане, громившие продовольственные склады, государственные учреждения, резиденции министров.

Чтобы обеспечить элементарный порядок и безопасность в

городе до прихода войск НОА, активисты из числа лавочников, ремесленников, студентов, бывших полицейских, сбросивших с себя гоминьдановские мундиры, создали комитет, который возглавили отставной генерал и ректор университета [123].

Исходя из мировой практики революционной борьбы, были основания ожидать, что и в Китае при освобождении столь крупного города с миллионным населением, каким был Нанкин, к тому же в благоприятных для этого условиях, свою роль сыграют организованные рабочие. Но этого здесь не произошло, как не произошло и в других оставленных гоминьдановцами городах. В этом нашла свое практическое проявление концепция Мао Цзэдуна «деревня окружает город»: она лишила рабочий класс и другие патриотические силы в городах революционной инициативы и организованности и поставила их в положение людей, вынужденных рассчитывать только на НОА.

В ситуации, сложившейся в Китае, вновь проявился традиционный характер внешней политики Великобритании. Корабли британского военно-морского флота, базировавшиеся в районе Шанхая, постоянно курсировали по Янцзы под предлогом «обслуживания» посольства, консульств и иных английских учреждений. В действительности же это была демонстрация британского военного присутствия, которая отвечала общим целям империалистических держав — запугать КПК, попытаться сдержать наступление НОА на юг Китая. 20 апреля два английских корабля «случайно» оказались в районе, где войска КПК готовились к форсированию р. Янцзы. Произошел серьезный инцидент, в результате которого один из кораблей — «Аметист» — был сильно поврежден и выбросился на остров. Вышедшие ему на помощь суда английского флота во главе с флагманским крейсером «Лондон» под командованием вице-адмирала также были встречены огнем войск НОА и были вынуждены отступить. Англичане потеряли 45 человек убитыми и 100 человек ранеными, было повреждено четыре корабля [124].

В Лондоне раздались голоса, призывающие «наказать китайских коммунистов». У. Черчилль настаивал на том, чтобы в помощь находившимся поблизости от Китая военным кораблям были посланы два авианосца [125]. Но в конечном счете верх взял здравый рассудок. В Лондоне поняли, что времена политики канонерок в Китае безвозвратно ушли в прошлое.

После освобождения Нанкина в деятельности американской дипломатии в Китае наступил новый этап. Казалось естественным, что после бегства правительства из Нанкина посол страны, рьяно поддерживавшей его на протяжении всей истории его существования, должен был последовать за этим правительством в Кантон или выехать в США. Находиться на территории, перешедшей под контроль другого правительства, послу страны, которая не собиралась признавать новый политический режим и не признавала его в последующем в течение почти

30 лет,— в истории дипломатии явление весьма редкое. Однако США поступили вопреки общепринятым международным нормам. В Вашингтоне исходили из того, что гоминьдановский режим ни при каких обстоятельствах не порвет с Соединенными Штатами. К тому же чанкайшистское правительство, его административные, партийные, военные и хозяйственные органы были наводнены армией американских советников и специалистов, которые могли и без личного присутствия посла США в Кантоне обеспечить нужный Вашингтону контроль.

Соединенным Штатам гораздо важнее было сохранить свое присутствие в районах, переходивших под контроль КПК, чтобы попытаться удержать позиции, завоеванные здесь американскими монополиями, а также помочь администрации США в определении дальнейших путей и средств противодействия народной власти. Эту мысль всячески подчеркивал в своих донесениях в Вашингтон Стюарт. Он решил, что ему не следует покидать Нанкин, и рекомендовал Белому дому сохранить в «прежнем статусе» все американские учреждения до тех пор, пока новые власти не потребуют их закрытия.

Стюарт получил разрешение Белого дома впредь до особого распоряжения оставаться в Нанкине, чтобы с учетом складывающейся обстановки придать нужное для США направление деятельности американских служб в Китае.

Перед находившимися в Китае американцами, число которых превышало 4 тыс., не считая военного контингента, Вашингтоном была поставлена задача попытаться сохранить прежние позиции, следить за обстановкой в «коммунистических районах», собирать информацию, помогать администрации США в разработке мер противодействия новой власти. Эту мысль настойчиво подчеркивал Дж. Стюарт в своих указаниях руководителям американских учреждений в Китае, об этом писал и в Вашингтон. Он рекомендовал американским дипломатам и разведчикам идти на установление контактов с представителями народной власти с целью «воздействовать» на них. В директиве от 13 мая 1949 г. Д. Ачесон одобрил такую линию и дал указание принять меры к изысканию «практических каналов» для связей с новым правительством, но вовсе не для того, чтобы установить отношения между США и народным Китаем, как ныне пытаются это представить официальные круги и некоторые историки США. Напротив, Ачесон предупреждал, чтобы устанавливаемые контакты не были расценены как намерение Вашингтона признать «коммунистический режим» [126].

В первые же дни после освобождения Нанкина Стюарт наладил личные связи с начальником отдела внешних сношений Нанкинского военно-административного комитета Хуан Хуа, а через него — с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, находившимися в Пекине. В донесениях американского посла утверждается, что инициатива исходила от китайской стороны [127]. 13 мая по указанию Мао Цзэдуна Хуан Хуа нанес визит Стюарту в его офи-

циальной резиденции. Во время многочасовой беседы американский посол говорил в выгодном для Вашингтона свете о политике США, о «миролюбии», об «ужасах войны», о том, что США якобы всегда заботились о благосостоянии китайского народа, о достижении единства и демократии. Отвечая на критические высказывания Хуан Хуа, Стюарт пытался оправдать интервенцию США в Китае и поддержку чанкайшистского режима ссылками на «опасность» марксизма-ленинизма. Он заявил, что дело заключается в том, что Соединенные Штаты и другие «некоммунистические страны боятся марксистско-ленинского учения, которому следует КПК».

Хуан Хуа поинтересовался дальнейшими планами Стюарта. Посол ответил, что ему предстоит поездка в Вашингтон для консультаций, но он добился разрешения госдепартамента задержаться как можно дольше с единственной целью: продемонстрировать стремление США к «дружбе» между двумя странами и помочь восстановлению «добрых отношений». По словам Стюарта, Хуан Хуа выразил большую заинтересованность в признании «коммунистического Китая» Соединенными Штатами. В своем ответе Стюарт подчеркнул, что новое китайское правительство, прежде чем получить такое признание, должно доказать, что оно пользуется поддержкой широких народных масс и что оно желает выполнять международные обязательства. Он заявил, что США и другие страны не предпримут никаких шагов в этом направлении, а «будут ждать лишь дальнейшего развития событий». «Я намекнул,— сообщил Стюарт,— что большинство других стран будут следовать за нами» [128].

6 июня Хуан Хуа пригласил Стюарта «на чашку чая» [129]. Как и во время предыдущей встречи, Хуан Хуа поднял вопрос о признании Соединенными Штатами нового режима. Стюарт ответил, что США занимают в этом вопросе «пассивную позицию», что происходящие в Китае события они рассматривают как его «чисто внутреннее дело, в которое другие страны не должны вмешиваться» (разумеется, он ни словом не обмолвился о том, что США направили в Китай крупные вооруженные силы). Стюарт вновь напомнил об условиях признания будущего правительства, которые выдвигались во время предыдущей встречи. В этом случае Соединенным Штатам необходимо будет определить, действительно ли оно представляет весь китайский народ, убедиться, способно и желает ли оно выполнять принятые ранее Китаем международные обязательства. Пока рано говорить о признании Соединенными Штатами нового режима, заявил Стюарт, поскольку война в Китае еще продолжается, а значительная часть территории находится под контролем гоминьдановского правительства. Американский посол подчеркнул, что он не оспаривает права китайского народа избрать ту или иную форму правления, но для США «не безразлично, какую политику будет проводить новое правитель-

ство... А вдруг он будет проводить политику, не отвечающую взаимным интересам, или будет стремиться к свержению правительств других стран?»[130].

Итак, американская дипломатия стремилась, используя свои связи с Мао Цзэдуном и его представителем, оказать воздействие на политику КПК в выгодном для Вашингтона направлении. Фарисейские слова о дружбе вместе с заявлениями об условиях признания нового режима имели своей главной целью заставить КПК следовать в фарватере американской политики, как это делал Чан Кайши. Сохранение по крайней мере значительной части прав и привилегий, полученных по ранее заключенным договорам, отказ КПК от марксистско-ленинского курса во внешней политике, а главное, отход Китая от СССР и других социалистических стран — вот чего Вашингтон желал от руководства КПК. Именно в этом направлении Стюарт вел дипломатический зондаж позиции Мао Цзэдуна. 24 июня посол сообщил в Вашингтон, что используемый им в качестве связника с Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем некий Чень Миньшу «окольным путем» дал ему знать из Пекина, что он встречался с лидерами КПК и что результаты этих встреч «весьма успешные»[131].

Как сообщил Стюарт в Вашингтон 30 июня, 28 июня его вновь посетил Хуан Хуа и информировал о том, что Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай ждут его приезда в Пекин. Стюарт считал, что такой визит предоставил бы ему возможность изложить политику США, выразить их обеспокоенность по поводу «коммунизма и мировой революции», а также высказать «пожелания в отношении будущего Китая... Наконец, это позволит мне привезти с собой в Вашингтон наиболее авторитетную информацию относительно намерений КПК». Поездка в Пекин предоставит «уникальную возможность для американского официального представителя вести переговоры с высшими руководящими деятелями КПК в неофициальной форме, которая может оказать выгодное влияние на будущее американо-китайских отношений». Высказываясь в пользу такой встречи, Стюарт ставил одной из главных целей повлиять на позиции Мао Цзэдуна и других руководителей КПК, поддержать тех, кто разделяет националистические настроения, подтолкнуть их на путь антисоветизма. В телеграмме госдепартаменту он так и писал: поездка в Пекин «должна будет усилить... антисоветские элементы в КПК»[132].

Однако при всей заманчивости задуманной акции Вашингтону пришлось от нее отказаться. 1 июля Ачесон сообщил Стюарту: «В соответствии с соображениями, высказанными при рассмотрении вашей телеграммы на высшем уровне, вам предлагается ни при каких обстоятельствах не предпринимать визита в Пекин»[133]. Важную роль в этом сыграла оппозиция конгресса США. За четыре дня до передачи Стюарту приглашения Мао Цзэдуна большая группа влиятельных сенаторов и членов па-

латы представителей направила Трумэну письмо с требованием не признавать «китайских коммунистов». Белый дом придерживался того же мнения. Трумэн заявил, что не собирался и не собирается этого делать. В письме председателю сенатской комиссии по иностранным делам Т. Коннели, также направленном 1 июля, Ачесон заверил американских законодателей, что в этих вопросах госдепартамент не будет принимать решений без консультаций с конгрессом [134].

Судя по всему, такая реакция со стороны США явилась для Мао Цзэдуна неожиданной. 14 июля Стюарт сообщил в Белый дом, что его отказ от визита в Пекин болезненно воспринят Мао Цзэдуном и его сторонниками. «Я чувствую,— писал он,— что они в какой-то мере потеряли лицо». Мао Цзэдун и другие лидеры КПК, по словам Стюарта, возлагали большие надежды на его приезд, они «искренне хотели, чтобы я приехал в Пекин, имея в виду провести со мной переговоры». В телеграмме от 13 июля он сообщил, что Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай очень недовольны его отказом и от них теперь можно ожидать неприятных для американцев ответных мер [135]. Таким образом, Стюарту не оставалось ничего другого, как покинуть Нанкин и выехать в Вашингтон.

Однако происки американской дипломатии этим не исчерпывались. Как свидетельствуют документы госдепартамента, параллельно с Нанкином в «северной столице» Китая — Пекине сразу после освобождения его от гоминьдановцев контакты с Мао Цзэдуном и некоторыми другими деятелями КПК пытались установить генеральное консульство США в Пекине, возглавляемое О. Клаббом, а также группа военных во главе с не менее искушенным в подобных делах полковником Д. Барретом, помощником главы американской военной миссии в Китае. Продолжали также свою подрывную работу пропагандистская служба ЮСИС, миссионерские и иные американские организации. Не лишним будет вспомнить, что Баррет находился ранее в Яньани в составе «миссии Дикси» [136].

1 июня 1949 г. в радиошифровке Клабб сообщил госсекретарю США, что 31 мая Чжоу Эньлай передал через «надежного посредника» Баррету «послание, адресованное высшим американским властям» [137]. Баррет должен был вручить его Клаббу, а последнему предлагалось передать его в Вашингтон в «совершенно конфиденциальном порядке». Чжоу Эньлай предупредил через «надежного посредника», что если сведения об этом просочатся, то он дезавуирует послание. Чжоу Эньлай обратил особое внимание на то, чтобы его имя не проникло «во внешние каналы». Он запретил упоминать его имя Баррету, через которого связник должен был передать послание [138]. Согласно донесению Клабба, Чжоу Эньлай сообщал, что в период, когда китайская революция носила аграрный характер, в КПК имели место некоторые расхождения. Но когда революция началась в городах, эти противоречия приобрели серьезный

характер, главным образом по вопросам политики партии в области торговли, промышленности, а также в сфере международных отношений. Хотя фактического раскола пока не произошло, тем не менее, по словам Чжоу Эньлая, имеет место определенное разделение на два крыла: «либеральное», к которому принадлежит он сам, и «радикальное», возглавляемое Лю Шаоци. Чжоу Эньлай считает, что Китай находится в тяжелом положении, при котором неотложной задачей является «реконструкция» независимо от политических концепций. Он отметил при этом необходимость претворения в жизнь идей Мао Цзэдуна относительно частного капитала [139].

Послание одного из лидеров КПК (американцы назвали его демаршем Чжоу Эньлая) поначалу вызвало замешательство среди дипломатов США. Они строили разные предположения, пытаясь понять, что скрывается за инициативой Чжоу Эньлая. И действительно, было чему удивляться: народная революция близилась к победоносному завершению, гоминьдановские армии откатывались на юг, почти не оказывая сопротивления; вместе с поражением чанкайшистов рушилось господство американских монополий в стране. И вот в преддверии окончательной победы Чжоу Эньлай, действуя по поручению Мао Цзэдуна (американцы хорошо понимали, что это именно так), подает «высшим властям» США руку «дружбы» и предлагает вступить в заговор против китайского народа и Советского Союза, который всегда был и продолжал оставаться надежным союзником и опорой китайских патриотов в их борьбе за национальное освобождение и демократию.

6 июня 1949 г. советник-посланник Л. Кларк, возглавлявший аппарат посольства США в Кантоне [140], рекомендовал в донесении госсекретарю отнестись к демаршу Чжоу Эньлая с «максимальной осмотрительностью», ибо, с его точки зрения, этот шаг смахивает больше на тактику, чем на стратегию. «Попытки коммунистов убедить нас в наличии разногласий в их рядах, а также в том, что их ничто не связывает с Советским Союзом,— писал Кларк,— являются более чем естественными... Как фатально это может обернуться для нас, если мы позволим себе стать на путь содействия коммунистам в разрешении их крайне неотложных нужд, а потом вдруг поймем, когда будет уже слишком поздно, что им нужна была наша помощь исключительно на какой-то промежуточный период, после которого они могут обойтись и без нас» [141].

В донесении в Вашингтон Клабб также изложил свои соображения, отметив, что, по его мнению, демарш Чжоу Эньлая скорее всего связан с обострением борьбы в КПК между приверженцами Мао Цзэдуна и сторонниками «советской линии», т. е. марксистами-ленинцами, интернационалистами. Чжоу Эньлай опасается, что последние могут одержать верх, и поэтому ищет поддержки на Западе. Со своей стороны Стюарт предупреждал: «Мы должны быть в высшей степени осторожными,

чтобы не переоценить наши шансы и в то же время максимально воспользоваться ими». С его точки зрения, послание Чжоу Эньлая свидетельствует о борьбе за власть между двумя лицами, занимающими второе после Мао Цзэдуна место в партийном руководстве (иными словами, между Чжоу Эньлаем и Лю Шаоци). Послание Чжоу Эньлая означало, по словам Стюарта, «призыв о помощи. Иначе он никогда не рискнул бы на такой шаг». Стюарт писал, что рассматривает Лю Шаоци как человека «просоветской ориентации», который в условиях антиамериканских настроений в Китае «поднимается в гору» [142].

Ответ, который Стюарт рекомендовал госдепартаменту направить Чжоу Эньлаю, был проникнут лицемерием и диктатом. Он предложил в тексте ответа сослаться сначала на проводимую США «традиционную политику» в отношении Китая. И хотя она была осуждена всей прогрессивной мировой общественностью как колонизаторская, Стюарт не постеснялся назвать ее политикой «добрых отношений», которая будто бы проводилась в интересах борьбы Китая «за независимость, национальный суверенитет» и т. п. После такого «лирического» вступления американский посол перешел на более привычный для правящих кругов США язык. Он рекомендовал Вашингтону продиктовать КПК ряд условий, в частности, о прекращении «недружественного отношения» к сотрудникам консульств США, в том числе генерального консульства в Мукдене, занимавшегося, как было установлено народными властями, деятельностью, несовместимой со статусом дипломатического представительства; о прекращении «антиамериканской пропаганды» и «подогревания антизападных настроений» среди общественности страны через прессу, радио и т. п. Он советовал похвалить Чжоу Эньлая за его «прозападные настроения», но указать, что от них будет мало проку, «пока они не превратятся в конкретные дела». Стюарт подчеркнул, что неразумно на данной стадии давать Мао Цзэдуну какие-либо обещания или брать на себя те или иные обязательства, и предложил дать ответ в такой форме, чтобы это носило личный, неофициальный характер, и передать его через Клабба, а не через «первоначального посредника» [143]. Последним был австралийский корреспондент М. Кеон, находившийся на службе у американского агентства Юнайтед Пресс, а фактически — у спецорганов США. Впоследствии он был разоблачен народной властью как агент американской разведки [144].

14 июня госдепартамент ответил Стюарту и Клаббу, что в Вашингтоне высоко оценивают их «анализ» демарша Чжоу Эньлая и выражают согласие с предложением о порядке передачи ему ответа. В телеграмме были изложены соображения о характере последнего, что совпадало с проектом Стюарта. Указания госдепартамента были одобрены Трумэном [145].

Клабб приступил к организации конфиденциальной встречи с Чжоу Эньлаем. Для этого Кеон должен был увидеться со

связным китайской стороны, а последний — с личным секретарем Чжоу Эньлая. Причем никто из лиц, из которых состояла столь сложная цепочка, не должен был быть осведомлен о сути вопроса: о послании, его содержании, от кого оно исходит и кому предназначается, и главное, чтобы имя Чжоу Эньлая хранилось в глубокой тайне.

Однако, несмотря на соблюдение всех предосторожностей, предпринятых американской стороной, операция сорвалась. Как докладывали в Вашингтон Клабб и Баррет, агенты Чжоу Эньлая вышли на связь с Кеоном, но организовать встречу Клабба с Чжоу Эньлаем отказались. Китайский «связник» передал Кеону, что никакого ответа от американской стороны не требуется, и предупредил, чтобы он больше не искал связи с ним для установления контактов «со своими знакомыми коммунистами» [146]. Такой поворот дел привел американских дипломатов в замешательство. Они высказывали, в частности, предположение, что, по-видимому, Чжоу Эньлай испугался возможной утечки информации и разоблачения. В этой связи представляет интерес донесение Клабба государственному секретарю США от 18 августа [147]. В нем сообщается, что 15 августа Кеон был доставлен китайцами в дом «где-то в северной части Пекина». Там он встретился с секретарем Чжоу Эньлая — Чжаном. Все это было проведено с соблюдением строжайшей конспирации. Чжан сообщил, что китайские власти и лично Бо Ибо подготовили на Кеона дело по обвинению в шпионской деятельности и собираются его арестовать, имея в виду через него одновременно ударить по Баррету, которого непосредственно тронуть не решаются. В донесении Клабба указывалось, что китайцы собираются организовать публичный суд над Кеоном. На суде будут преданы гласности такие факты, которые прозвучат достаточно убедительно для всех, в том числе и для иностранных корреспондентов.

Чжан сообщил Кеону, что для вынесения окончательного решения ожидаются указания «высших инстанций», вероятно, Мао Цзэдуна, который ознакомлен со всеми материалами. Не исключено, что «в высших инстанциях» примут решение о выдворении Кеона из страны. Если же он будет отдан под суд, то, по-видимому, его приговорят к длительному сроку тюремного заключения. В случае ареста ему придется рассказать о своей причастности к демаршу Чжоу Эньлая.

Согласно донесению Клабба, Чжан сообщил также Кеону, что в КПК разгорелась острая борьба и Чжоу Эньлай имеет слабые шансы на победу. Чжан посоветовал Кеону срочно попытаться получить право на выезд из Китая до того, как «высшие инстанции» примут окончательное решение по его делу. Если он не успеет этого сделать, то ему следует бежать, а друзья Кеона из окружения Чжоу Эньлая помогут в организации побега. Комментируя это сообщение Кеона, Клабб подчеркнул в донесении в Вашингтон, что оно заслуживает «особого

доверия»: «Я считаю, что, если действительно о деле Кеона доложено Мао Цзэдуну, он даст возможность австралийскому корреспонденту покинуть страну» [148].

11 июля Клабб сообщал государственному секретарю, что неудача с организацией передачи Чжоу Эньлаю ответа правительства США объясняется, по его мнению, также тем, что последний предпочитает встретиться и обсудить интересующие обе стороны вопросы с послом США, а не со второстепенными лицами. К тому же это будет безопаснее для него лично, так как он опасается утечки информации, которую нельзя исключить, если в его контакты с американцами будут вовлечены третьи лица [149]. Другие документы подтверждают, что именно для этих целей хотел использовать Чжоу Эньлай визит Стюарта в Пекин, который не состоялся. Дальнейшая судьба Кеона в документах госдепартамента обойдена молчанием.

Вопреки утверждениям, с которыми ныне выступают американские историки, неудачи дипломатии Вашингтона были не случайными. Длительная борьба за независимость Китая, и в особенности гражданская война, до конца высветила подлинное лицо американского империализма как самого вероломного врага китайского народа. Правда, много лет спустя США и мировой реакции удалось использовать националистические устремления Мао Цзэдуна и добиться поворота внешнеполитического курса Китая в сторону сближения с империалистическими державами на основе антисоветизма. Но это стало возможным только потому, что в ходе «культурной революции» был нанесен сильнейший удар по Коммунистической партии Китая, а также по профсоюзам, Коммунистическому союзу молодежи, другим массовым организациям, стоявшим на антиимпериалистических позициях, выступавшим за мир и строительство социализма в Китае в тесном союзе с СССР и другими социалистическими странами. Немалую роль в подготовке и осуществлении этих трагических для китайского народа событий сыграла активно проводившаяся в течение предшествующего периода подрывная деятельность США, которые взяли на вооружение опробованные ими во многих странах методы, включая так называемую «ползучую контрреволюцию», политические и идеологические диверсии.

Однако в описываемый нами период обстановка для американской дипломатии была весьма неблагоприятной. Миллионные массы трудящихся, с оружием в руках сражавшиеся за свободу и независимость, испытывали жгучую ненависть к империализму США и его союзникам, проявляли непримиримость и высокую классовую бдительность.

При встрече с советскими дипломатами в Нанкине, состоявшейся вскоре после его освобождения, командующий Полевой армией (фронтом) маршал Лю Бочэн сказал, что одна из трудных для него задач в Нанкине — удержать своих солдат от расправ над находящимися здесь американцами. Последним при-

казано не появляться на улицах, так как имели место случаи открытия по ним огня. Таков был накал антиамериканских настроений в войсках НОА, и не только в Нанкине. И не случайно американская дипломатия и ее китайские партнеры вынуждены были всячески маскировать свои контакты и хранить их в глубокой тайне от своих народов. Лишь спустя 30 лет госдепартамент США решился предать гласности некоторые из документов, свидетельствующие об этой тайной дипломатии.

Китайские коммунисты-интернационалисты, в том числе в руководстве партией, в тот период вели решительную борьбу за претворение в жизнь марксистско-ленинского курса во внутренней и внешней политике КПК и государства. В авангарде этой борьбы шли коммунисты Северо-Востока. Парторганизация этого ведущего региона страны на специально созванном пленуме резко осудила имевшие место антисоветские, буржуазно-националистические тенденции, подогревавшиеся вражеской агентурой среди политически отсталых слоев населения, находившие проявление в настроениях и взглядах отдельных руководящих работников. Но существо дела заключалось не только в положении дел на Северо-Востоке. Как показали последующие события, дунбэйские коммунисты, составлявшие наиболее зрелое марксистско-ленинское ядро в КПК, постоянно проявляли инициативу в постановке наиболее острых и актуальных проблем с целью оказать позитивное воздействие на положение дел в партии и в стране в целом [150]. Их выступления нашли отклик среди широких партийных масс и всех прогрессивных сил Китая. Это нанесло удар по тем, кто питал иллюзии в отношении США. Мао Цзэдун, Лю Шаоци и другие руководители КПК выступили со статьями в печати, в которых заявляли о преданности КПК принципам марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма [151]. В статье, опубликованной в печати КПК 18 августа 1949 г., Мао Цзэдун писал: «Слушайте же, те китайцы, которые полагают, что победа возможна без международной помощи... США не выставили большого количества войск для наступления на Китай не потому, что правительство США не хотело этого, а потому, что у него были свои опасения... Правительство США опасалось, что народы Советского Союза, Европы и всего мира выступят против него...» [152].

Таким образом, решающее воздействие на политику КПК оказали популярность идеалов социализма в китайском народе, авторитет Советского Союза, наличие в партийных массах и руководстве интернационалистских сил. В результате возобладал курс на дружбу с СССР и другими социалистическими странами. Эта линия нашла четкое отражение в документах мартовского (1949 г.) пленума ЦК КПК, прошедшего под преобладающим влиянием коммунистов-интернационалистов и давшего партии твердую установку: «идти по пути русских».

В итоге США не удалось реализовать свои планы сохранения господства в Китае ни мерами всесторонней поддерж-

ки Чан Кайши, ни военной угрозой, ни изощренными приемами дипломатии. Эти планы были сорваны китайским народом, который, как это широко признавалось в Китае, всегда опирался на твердую поддержку Советского Союза [153]. Не поддаваясь всевозможным провокациям и давлению американцев и чанкайшистов, не позволяя ни одной из борющихся сторон втянуть себя во внутренний конфликт, Советское правительство вело решительную борьбу за пресечение вмешательства США во внутренние дела Китая, за вывод из страны всех американских вооруженных сил, за срыв планов прямой военной интервенции. Выполняя свой интернациональный долг, СССР сделал все возможное, чтобы содействовать победе китайской революции, завершившейся образованием Китайской Народной Республики.

ГЛАВА 6

Отношения между СССР, США и Китаем после образования КНР

Реакция правящих кругов США на создание Китайской Народной Республики

1 октября 1949 г. в Пекине было провозглашено создание Китайской Народной Республики. Это явилось событием мировой истории, означавшим новый мощный прорыв в системе капитализма и выход многомиллионного народа на путь развития, проложенный Великой Октябрьской социалистической революцией и только что отгремевшими сражениями второй мировой войны. Победа китайской революции наглядно подтвердила справедливость слов В. И. Ленина, что «революционное движение народов Востока может... получить разрешение не иначе, как в непосредственной связи с революционной борьбой нашей Советской Республики против международного империализма» [1].

Рождение нового Китая, которому рукоплескали народы социалистических стран, все прогрессивное человечество, вызвало злобу американского империализма и мировой реакции. Она выплеснулась на страницы буржуазных газет, гудела истерическими голосами в эфире.

С особой враждебностью победу китайской революции восприняли правящие круги США. Еще до официального создания народного правительства они четко определили свой курс в отношении Китая и приступили к его осуществлению. Это был курс на решительную борьбу против народной власти, на подрыв и ликвидацию завоеваний революции, на возврат «упущенного Китая» под контроль американского империализма. США пустили в ход все средства политического и экономического давления, включая установление блокады, введение эмбарго, они попытались добиться изоляции молодой республики на международной арене, развернули широкую подрывную деятельность агентуры в стране, осуществляли политические и экономические диверсии и саботаж.

В опубликованном в январе 1973 г. сенатской комиссией по

иностранным делам конгресса США специальном документе, посвященном отношениям Соединенных Штатов с Китаем в 1949—1950 гг., говорится: «Перед войной в Корее администрация Трумэна сознательно воздерживалась от признания (Китайской Народной Республики.— *А. Л.*) и пыталась изолировать новый коммунистический режим». Делалось это якобы «по тактическим соображениям», чтобы «принудить китайцев к выполнению определенных международных обязательств» [2].

В чем же заключались эти «международные обязательства», выполнения которых добивались США в качестве условия признания КНР? В этом же документе сенатской комиссии указывается: «В 1949 и начале 1950 г. это понятие („международные обязательства".— *А. Л.*) включало в себя даже обязательства соблюдать условия договоров, заключенных цинской династией и гоминьдановским правительством... Если бы коммунисты выполняли эти обязательства, их действия были бы расценены американской администрацией и прессой как признак того, что они собираются вести себя более ответственно, воздерживаться от проявления антиамериканских настроений и поменьше показывать свою приверженность коммунизму» [3]. Другими словами, правящие круги США предлагали китайскому народу заплатить за признание КНР согласием восстановить между обеими странами те неравноправные отношения, которые существовали во времена господства цинских императоров и правления гоминьдана. Китайский историк Лю Данянь писал, что по договору от 4 ноября 1946 г. и по серии соглашений, навязанных Китаю в послевоенные годы, американский империализм «завладел правом распоряжаться землями и воздушным пространством Китая, правом на его территориальные воды, правами судоходства на внутренних водных путях, управления железными дорогами, контроля над армией, полицией, органами юстиции, над сельским хозяйством, промышленностью, торговлей, финансами, таможнями, над культурой и образованием, над всей внутренней и внешней политикой Китая» [4].

Гоминьдановский посол в США В. Ку при всей своей приверженности Соединенным Штатам вынужден был признать, что договор 1946 г. «открывал для США свободный доступ и право хозяйничанья на всей китайской территории и вмешательства в его хозяйственную и другие сферы внутренней жизни» [5].

Многие китайские политические деятели и исследователи подчеркивали, что навязанные Вашингтоном договор и соглашения носили еще более грабительский характер, чем известное «21 условие», продиктованное Китаю милитаристской Японией. Как отмечалось в документах Комитета защиты мира Китая, продиктованные «особые права» Японии имели хоть какие-то границы. Они распространялись на Маньчжурию, провинцию Шаньдун и некоторые другие районы. Американо-китайский договор «порабощал целиком весь Китай» [6].

Подобные договоры и соглашения и подразумевал Вашингтон под «международными обязательствами», которые должны были признать власти нового Китая. При этом Соединенные Штаты оказывали нажим на другие государства, добиваясь создания единого фронта против Китая. Государственный секретарь США Д. Ачесон, навязывая им свою позицию, заявил: «Ни одна из стран не получит никаких выгод от того, что она первой признает коммунистов. Наши позиции будут сильнее, если мы будем придерживаться общей линии до тех пор, пока коммунисты не станут более податливыми в вопросе о признании своих международных обязательств, или по крайней мере до тех пор, когда мы будем точно знать, во что вовлекаемся. Когда наступит это время, тогда, по нашему мнению, дело каждого — самому решать, выиграют или пострадают его собственные интересы в результате такой акции» [7].

Сколачивая единый фронт против КНР, в Вашингтоне исходили из того, что международная изоляция страны, только что вышедшей из кровопролитной гражданской войны, увеличит ее и без того серьезные экономические трудности, заставит ее руководство обратиться за помощью к западным монополиям и подчиниться их диктату. Таким образом, речь шла уже не о тактике, а о политической стратегии Вашингтона, стремившегося сохранить за собой права и привилегии, которые позволили бы американским монополиям по-прежнему хозяйничать в Китае.

Главное препятствие на пути осуществления такой стратегии правящие круги США видели в Советском Союзе. Поэтому они всеми средствами стремились оторвать КНР от лагеря социализма. Председатель сенатской комиссии по иностранным делам Дж. Фулбрайт писал в 1973 г., что в 1949—1950 гг. администрация Трумэна разработала «двоякую политику» в отношении Азии, чтобы справиться с так называемой «международной коммунистической опасностью». «Для коммунистического Китая,— указывал он,— была выработана политика, рассчитанная на то, чтобы вызвать раскол между китайцами и Советами. В других странах Азии американская администрация делала все для того, чтобы не допустить распространения коммунизма путем создания „санитарного кордона“ вокруг Китая» [8].

В одном из документов Совета национальной безопасности США, датированном 30 декабря 1949 г., приводится следующая директива Белого дома: «Соединенные Штаты должны продолжать отказывать в предоставлении военной и политической поддержки любым некоммунистическим элементам, если они не желают оказывать сопротивления коммунизму и способствовать интересам Соединенных Штатов». Предлагалось далее «использовать любые расхождения между китайскими коммунистами и СССР, воздействуя соответствующими политическими, психологическими (враждебная пропаганда и другие провокационные методы.— *А. Л.*), а также экономическими средствами» [9].

Одной из первых крупных враждебных акций США против КНР явилось осуществление давно вынашиваемых ими планов отторжения Тайваня. Первые шаги США предприняли сразу же после капитуляции Японии, когда, высадившись на Тайване, они сосредоточили там крупные военно-воздушные и военно-морские силы. Опираясь на них, как отмечал Лю Данянь, США «утвердили на Тайване свое экономическое и политическое влияние, создали свои военные базы, т. е. фактически заменили японцев»[10]. Вслед за военными хлынула многочисленная армия бизнесменов и разного рода специалистов под предлогом оказания «помощи в деле восстановления Тайваня»[11].

В октябре 1946 г. США заключили с Чан Кайши соглашение, по которому получали право открывать на Тайване различные предприятия, восстанавливать и строить гидроэлектростанции, превратить порты Цзилун и Гаосюн в так называемые «свободные международные порты». В феврале 1948 г. между Вашингтоном и Чан Кайши было заключено новое соглашение, которое предоставило американским монополиям широкие права на добычу нефти, серы, золота, угля, вольфрама, сурьмы и других полезных ископаемых[12]. Таким образом, США устанавливали контроль над всей экономической жизнью Тайваня.

Вскоре после капитуляции Японии Соединенные Штаты через свою агентуру начали инспирировать движение за отделение Тайваня от Китая. В докладе Белому дому от 17 августа 1947 г. генерал А. Ведемейер, описывая богатства Тайваня, предлагал захватить остров, учредить над ним «опеку», ибо «формозцы (тайваньцы.— *А. Л.*) благоприятно отнесутся к опеке Соединенных Штатов и ООН»[13]. Американские представители на Тайване уверяли, что «если формозцы пожелают освободиться от Китая, то Соединенные Штаты будут готовы им помочь»[14].

По мере того как войска Народно-освободительной армии, освободив Маньчжурию и Северный Китай, продвигались на юг, в госдепартаменте и Пентагоне появлялись один за другим планы, каким образом отторгнуть от Китая Тайвань и превратить его в американскую колонию. Один из них был одобрен Советом национальной безопасности США и подписан Трумэном 4 февраля 1949 г.[15]. Этот план предусматривал развернуть на Тайване кампанию за отделение острова от Китая, используя настроения местного населения, которое с недоверием относилось к китайцам с «Большой земли». Эту операцию, по сути своей захват Тайваня, имелось в виду провести таким образом, что внешне США держались бы «на расстоянии» и «не обнаруживали открыто своих интересов».

Согласно этому плану, Тайвань должен был заявить, что не намерен объединяться с Китаем и находиться под его контролем, а США в случае необходимости вмешаются под предлогом оказания помощи в осуществлении «права на самоопределение» острова. Во избежание того, чтобы пламя гражданской войны

не перекинулось с континента, предполагалось не пропускать никого из китайцев на Тайвань, в том числе и гоминьдановцев. Эту операцию Вашингтон имел в виду оправдать опасностью «советской угрозы» [16].

Однако Чан Кайши сорвал расчеты американцев обойтись без него. Заранее предвидя, что могут сделать его союзники, он направил на Тайвань своих людей и принял все меры к тому, чтобы удержать остров в руках и подготовить условия для переезда туда гоминьдановского правительства. Посланные на Тайвань эмиссары Белого дома и агенты американских спецслужб докладывали в Вашингтон, что развернуть кампанию за отделение острова не удастся, что сторонники Чан Кайши заняли здесь господствующее положение. Глава так называемой «экономической миссии» сообщал, что Тайвань превращен в бастион тех сторонников генералиссимуса, чье корыстолюбие, коррупция и близорукость привели к свержению гоминьдановского режима на материковом Китае [17].

Но Белый дом решил не отступать. Американскими стратегами были разработаны новые планы. Один из них преследовал цель созвать для обсуждения вопроса о Тайване специальную сессию ООН, где предполагалось принять резолюцию о проведении под наблюдением этой организации плебисцита, в ходе которого население острова должно высказаться, желает ли оно перейти под контроль материкового Китая или под опеку ООН на период «до установления независимости». Стратеги госдепартамента, в частности Дж. Кеннен, настойчиво предлагали решить вопрос об отторжении Тайваня и установлении над ним контроля путем применения вооруженных сил. План Кеннена предусматривал вывод чанкайшистских войск с Тайваня и Пескадорских островов и установление «под американской протекцией» режима, независимого от материкового Китая. Кеннен рекомендовал вывезти находящихся на острове бежавших с континента китайцев «куда-нибудь в другие места», а Чан Кайши разрешить остаться в качестве «политического беженца» [18].

После долгих обсуждений всех планов Белый дом остановился в конце концов на таком варианте: Чан Кайши должен обратиться в ООН с просьбой об установлении опеки над Тайванем. В конце мая 1950 г. было решено направить на остров для переговоров Дж. Даллеса. Ему поручалось внушить Чан Кайши, что если он на это не пойдет, то Тайвань захватят коммунисты. США готовы были заверить лидера гоминьдана, что они придут ему на помощь в случае нападения на Тайвань вооруженных сил КПК, пока не будет установлена опека ООН [19].

Учитывая, что Чан Кайши может отвергнуть американский план, в Вашингтоне стали готовиться к тому, чтобы в случае несогласия Чан Кайши заменить его более послушной фигурой и переправить в одну из третьих стран. Переговоры об этом уже велись с филиппинским руководством. Однако Филиппины за-

явили, что если американцы привезут туда Чан Кайши, то в 24 часа он будет выдворен из страны. Тем не менее в конце мая американская резидентура доложила в Вашингтон, что к перевороту все готово[20].

Однако необходимость в нем в связи с начавшейся войной в Корее отпала. США решили воспользоваться этой ситуацией, чтобы одновременно захватить и Тайвань.

25 июня 1950 г. Г. Трумэн официально объявил приказ авиационным и морским силам США об оккупации Тайваня под предлогом «обеспечить прикрытие и поддержку войскам корейского (южнокорейского.— *А. Л.*) правительства». Президент заявил, что решение вопроса о будущем статусе острова должно быть отложено до восстановления безопасности на Тихом океане, до заключения мирного договора с Японией или до рассмотрения этого вопроса Организацией Объединенных Наций[21] — другими словами, до греческих календ.

Одновременно с «освоением» Тайваня США развернули шпионско-диверсионную деятельность против КНР. Разведывательные органы создали широкую сеть центров на Тайване, в Гонконге, на Филиппинах, в Таиланде, Японии, Южной Корее и в ряде других мест. На Тайване и Филиппинах, в Японии и Южной Корее были созданы специальные школы, где под руководством американцев готовились диверсанты для засылки в Китай[22]. Использовались также бывшие японские и ванцзинвэевские разведчики, «специалисты» из Маньчжоу-го, кадры шпионско-диверсионных школ, действовавших еще во время войны с Японией в самом Китае для борьбы с демократическим движением (в Чунцине, Сиане, Ланьчжоу, Цзяняне, Шанхае, Наньнине, Сюйчжоу).

Спецслужбы стремились вызвать экономический хаос в КНР, запугать население, помешать становлению и упрочению народной власти. По стране прокатилась волна диверсий, совершенных на промышленных предприятиях, железных дорогах и других важных объектах, и террористических актов. Однако при решительной поддержке народа действия вражеской агентуры удалось пресечь. Но Вашингтоном были пущены в ход другие средства.

Еще в ходе гражданской войны, по мере отступления гоминьдановских войск под ударами НОА, американцы вместе с Чан Кайши организовали блокаду освобождаемых районов. Под прикрытием военных кораблей США гоминьдановцы нападали на иностранные торговые суда, направлявшиеся в порты, контролируемые новой властью. Так, только в ноябре 1949 г. были атакованы и повреждены пять кораблей. После создания КНР США блокировали поставки Китаю не только стратегического сырья, но и продовольствия и товаров первой необходимости. Таким образом они хотели лишить крупные промышленные центры республики сырья и топлива, вызвать среди населения голод и усугубить проблему безработицы.

В заявлении от 2 февраля 1951 г. Чжоу Эньлай так характеризовал политику США в первые годы становления КНР: «Замыслы американского империализма заключаются в следующем: продолжать захват Кореи и Тайваня, вмешательство в дела Вьетнама и Юго-Восточной Азии... вновь вооружить Японию, а вместе с ней и Западную Германию; толкнуть народы Азии, Европы, всего мира в бездну новой войны, чтобы осуществить свое стремление к мировому господству»[23]. Такая оценка политики США одним из тогдашних руководителей КПК соответствовала действительности и полностью совпадала с оценками этой политики Советским Союзом и другими странами социализма.

Помощь СССР в становлении нового Китая, в укреплении его внутреннего и международного положения

Начальный период становления и упрочения независимости КНР представлял для нее особую сложность. В течение более 20 лет, начиная с контрреволюционного переворота 1927 г., страна находилась в состоянии почти непрекращающейся гражданской войны, подверглась японскому нашествию, а затем пережила еще более кровопролитную междоусобную войну. Экономическая жизнь была парализована. Промышленные предприятия не работали из-за отсутствия сырья, топлива, квалифицированных специалистов. Сельское хозяйство пришло в полный упадок, ирригационные системы были разрушены, деревни разорены. Железные дороги не функционировали, морские и речные суда были угнаны японцами, а затем гоминьдановцами или взорваны. В южных и юго-восточных районах еще продолжались военные действия по очистке от гоминьдановских войск. Тяжелое внутреннее положение усугублялось подрывными акциями со стороны империалистических сил.

По свидетельству «Нью-Йорк таймс», в Вашингтоне делали ставку на то, что «китайские коммунисты утонут в неразрешимых для них проблемах управления такой огромной страной». В газете заявлялось, в частности, что существование столь крупных городов, как, например, Шанхай, «целиком зависело от помощи внешнего мира, зарубежного опыта, налаженных торговых связей». Предрекая гибель китайской революции, «Нью-Йорк таймс» подчеркивала, что, поскольку Запад теперь прекратит торговые отношения с Китаем, китайские коммунисты потерпят поражение, «так как экономические трудности вызовут недовольство населения и оно поднимется против них»[24].

Чтобы разорвать созданное Соединенными Штатами кольцо экономической блокады и внешнеполитической изоляции, китайский народ нуждался в срочной и надежной помощи. Такую помощь он получил со стороны стран социализма.

Сразу же после официального провозглашения 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики СССР заявил о ее признании и установлении дипломатических отношений. 3 октября КНР признала Болгария, 4 октября — Польша, Чехословакия, Румыния, Венгрия, на следующий день — КНДР, 7 октября — Монгольская Народная Республика, 25 октября было объявлено об обмене дипломатическими представительствами между КНР и ГДР. 16 января 1950 г. об этом же объявила ДРВ. Эти внешнеполитические акции социалистических стран сорвали попытки Соединенных Штатов создать вокруг КНР «санитарный кордон».

Прорыв международной изоляции КНР благодаря поддержке социалистических стран Европы и Азии облегчил ей задачу установления связей с развивающимися государствами, которым в иных условиях было бы трудно решиться на такой шаг. 16 декабря 1949 г. о признании КНР и готовности установить с ней дипломатические отношения заявила Бирма, 30 декабря — Индия, 4 января 1950 г. — Пакистан, 6 января — Цейлон, 12 января — Афганистан, 27 марта — Индонезия, за ними последовал ряд других стран. Таким образом, кампания непризнания КНР, которую США развернули еще в апреле 1949 г., сразу же после падения Нанкина, потерпела провал.

Важной вехой в укреплении международного положения КНР явился заключенный 14 февраля 1950 г. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи с СССР. Одновременно были подписаны соглашения о Китайской Чанчуньской железной дороге, Порт-Артуре и Дальнем, о предоставлении долгосрочного кредита и ряд других.

В соответствии с положениями договора, СССР и Китайская Народная Республика брали на себя обязательство совместно предпринимать необходимые меры в отношении Японии и любого государства, которое прямо или косвенно поддержало бы ее в агрессивных акциях против обеих стран. В случае нападения Японии или ее союзников на одну из сторон другая немедленно окажет ей военную или иную помощь всеми имеющимися в ее распоряжении средствами.

Договором предусматривались обязательства сторон в духе искреннего сотрудничества участвовать во всех действиях на международной арене, направленных на укрепление мира и безопасности, консультироваться друг с другом по важным внешнеполитическим вопросам, затрагивающим интересы обеих государств.

Было оговорено, что договор останется в силе в течение 30 лет, и если одна из сторон за год до истечения срока не заявит о желании его денонсировать, он будет оставаться в силе еще 5 лет и в соответствии с этим правилом пролонгироваться[25]. В новых условиях, сложившихся на Дальнем Востоке после 1945 г., когда был подписан договор с гоминьдановским правительством, представилось возможным пересмот-

реть подход к вопросам, касающимся Китайской Чанчуньской железной дороги, Порт-Артура и Дальнего. Советский Союз выразил готовность безвозмездно передать КНР все права по совместному управлению КЧЖД с принадлежащим ей имуществом. Согласно подписанному соглашению, дорога должна была быть передана после заключения мирного договора с Японией, но не позднее, чем в конце 1952 г.

Соглашением о Порт-Артуре предусматривалось, что советские войска будут выведены с этой совместно используемой военно-морской базы, а все сооружения перейдут в распоряжение КНР. Осуществить это намечалось также в конце 1952 г.[26].

СССР выразил готовность оказать КНР экономическую и научно-техническую помощь в восстановлении и развитии народного хозяйства, в подготовке для разных сфер экономики кадров. В этих целях Советский Союз предоставил на льготных условиях кредит в размере 300 млн. долл.[27].

27 марта 1950 г. между СССР и КНР было достигнуто соглашение об организации на паритетных началах советско-китайской авиационной компании, смешанных обществ по добыче нефти и цветных металлов в провинции Синьцзян, на северо-западе Китая, а вслед за этим смешанного общества по строительству и ремонту морских судов в Дальнем. Создание таких обществ не только имело большое хозяйственное значение, но и играло также важную роль в деле подготовки инженерно-технических кадров для Китая.

По просьбе правительства КНР Советский Союз направил в Китай большое число специалистов (в том числе инженеров, ученых, военных) для оказания помощи в восстановлении народного хозяйства и укреплении обороноспособности страны.

В апреле 1950 г. были заключены соглашение о торговле и товарообороте и ряд соглашений о взаимных поставках товаров. Уже к концу этого года объем советско-китайской торговли превысил 2,3 млрд. руб.[28], и СССР занял первое место среди торговых партнеров Китая. Главную статью китайского импорта составили машины и оборудование. Подписанные соглашения содействовали тому, что Китай смог освободиться от экономической зависимости, в которой его держали империалистические монополии.

Развитие торгово-экономических связей с социалистическими странами помогало народному Китаю, как отмечали руководители внешней торговли республики, «укреплять экономическую самостоятельность... ликвидировать зависимость от капиталистических стран»[29].

В сложной международной обстановке 50-х годов возрастала роль советско-китайского договора как фактора мира на Дальнем Востоке и прочной базы, на которую опиралась Китайская Народная Республика в решении внешнеполитических и внутренних проблем. Это понимали в то время и высоко ценили руководители КПК, других партий и организаций, под-

держивающих программу правительства. В телеграмме на имя главы Советского правительства от 14 февраля 1951 г. Мао Цзэдун писал, что «подписание китайско-советского договора о дружбе, союзе и взаимной помощи не только сыграло огромную роль для строительства нового Китая, но и послужило мощной гарантией в борьбе против американской агрессии, за обеспечение мира в Азии и во всем мире»[30].

Выступая в печати в связи с первой годовщиной подписания договора, Чжоу Эньлай заявил, что 14 февраля 1950 г. «китайский народ рассматривает как один из самых памятных для себя дней». Выполнением подписанных соглашений о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем, а также по торгово-экономическим и другим вопросам Советский Союз «оказал бескорыстную помощь китайскому народу, в огромной степени содействовал восстановлению и развитию экономики нашей страны»[31].

Лидер Революционного комитета гоминьдана Ли Цзишень писал, что скрепленный договором «советско-китайский союз — это союз народов-братьев», он «поднял престиж Китая на международной арене и вдохновил колониальные и полуколониальные народы Азии, угнетенные народы всего мира на решительную и героическую борьбу за свое национальное освобождение, за прочный мир на земле и безопасность для всего человечества, против империалистических агрессоров»[32].

Демократическая лига Китая расценила договор как «самый большой успех за всю историю отношений Китая с иностранными государствами» и выразила «твердую решимость оберегать этот величайший и беспрецедентный в истории китайской дипломатии союз», который «уже принес свою великую пользу». В заявлении подчеркивалось исключительно важное международное значение договора, его влияние на развитие национально-освободительного движения, его роль в укреплении обороноспособности КНР и обеспечении успешного решения стоящих перед ней задач хозяйственного и культурного строительства. В заявлении лиги давалась высокая оценка заключенным соглашениям в области торговли, экономического и технического сотрудничества, в частности соглашению о разработке природных ресурсов провинции Синьцзян, что будет содействовать «быстрой индустриализации обширных северо-западных районов Китая, на протяжении тысячелетий представлявших собой глухую пустыню»[33].

Китайский народ «полностью отдает себе отчет в том», подчеркивалось в заявлении Комитета защиты мира и борьбы с американской агрессией, что успехи, достигнутые в боевых действиях в Корее китайскими добровольцами и войсками Корейской народной армии, «не отделимы от мощной поддержки со стороны Советского Союза, от существования прочной, нерушимой дружбы и союза между СССР и Китаем», что советско-китайский договор «не только закрепил результаты победы народной революции в Китае, но служит огромным вкладом в

дело укрепления мира, демократии и социализма во всем мире»[34].

Политические партии, общественные организации и видные деятели Китая особо подчеркивали мысль о том, что в свете авантюристической политики США на Дальнем Востоке большую опасность для Китая представляет возрождение японского милитаризма и реваншизма, которые могут быть использованы американским империализмом для восстановления утраченных позиций в Китае. Здесь хорошо понимали, что решающей силой, способной предотвратить такое развитие событий, является сотрудничество с Советским Союзом.

«Японский империализм при поддержке американского империализма,— писал Го Можо,— выказывает стремление к тому, чтобы повторить все сначала». Но попытка осуществления подобных действий «будет равносильна тому, что империализм сам выкопает себе могилу и найдет бесславный конец»[35].

Подводя итоги первого года существования КНР, «Жэньминь жибао» отмечала, что китайский народ дал ответ на три основных вопроса, вставших перед ним после победы революции: «Во-первых, сумеем ли мы справиться с (хозяйственным.— *А. Л.*) строительством без помощи капиталистических государств? Во-вторых, могут ли империалисты после поражения их сообщника Чан Кайши добровольно отказаться от агрессии против Китая и позволить нам „с головой“ погрузиться в дела строительства? В-третьих, сумеем ли мы справиться с агрессией империалистов и обеспечить безопасность своей родины?»

И газета делала вывод, что китайский народ сумел справиться с этими проблемами в результате самоотверженных усилий под руководством КПК, «благодаря бескорыстной помощи великого социалистического государства — Советского Союза»[36].

Принципы пролетарского интернационализма, зафиксированные в советско-китайском договоре, нашли яркое проявление в создании по всему Китаю по почину трудящихся городов и сел массовых организаций — обществ китайско-советской дружбы.

Общество китайско-советской дружбы существовало в Китае и при гоминьдановском режиме. Но оно не было массовой организацией и не имело отделений по стране, его деятельность ограничивалась лишь столицей. В Особом и других базовых районах обществ дружбы с СССР не существовало.

Начало массовому движению за их создание было положено в Маньчжурии. Первые организации были созданы в Дальнем и Харбине; в мае 1949 г. эти общества были учреждены в Гирине, Цзямусы, Хайларе, в августе — в Сыпингае, Жэхэ, в октябре — в Чанчуне, в ноябре — в Мукдене, в десятках городов провинций Ляодун, Хэйлунцзян, Цицикар, а также в Мудацзяне, Аньшане, Фушуне и многих других промышленных центрах. 16 июля состоялось учредительное собрание по созда-

нию Всекитайского общества китайско-советской дружбы. В нем приняли участие около 700 видных государственных, партийных и общественных деятелей, в том числе Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Сун Цинлин, Го Можо, Ли Цзишэнь, Чжан Лань, Хуан Яньпэй.

В своих выступлениях они призывали развивать и укреплять глубокую дружбу между народами Китая и Советского Союза. «Опыт последних 32 лет,— подчеркивал Чжу Дэ,— полностью подтвердил, что великое социалистическое государство — Советский Союз — является самым родным и близким, самым надежным другом китайского народа» [37].

В годы антияпонской войны «Советский Союз,— отметил Чжу Дэ,— был первым, кто действительно оказал китайскому народу моральную и материальную помощь». Он указал на решающую роль СССР в разгроме милитаристской Японии и заявил, что именно разгром Советскими Вооруженными Силами Квантунской армии в Маньчжурии «принудил японский империализм к капитуляции», что «победа китайской народно-демократической революции неотделима от дружественной помощи Советского Союза». Без Советского Союза и возглавляемого им мощного лагеря мира и демократии победа китайской народной революции «была бы невозможна. А если бы она и была завоевана, то ее невозможно было бы закрепить и упрочить» [38].

Говоря о задачах строительства социализма в Китае, Чжу Дэ подчеркнул: «И здесь мы имеем лучшего учителя, а именно — Советский Союз». Он призвал рабочих, крестьян, ученых, инженеров, специалистов различных отраслей, педагогов, деятелей культуры «усердно учиться у Советского Союза, перенимать у него разносторонний опыт строительства, научные знания, культуру и применять это в строительстве нашей великой родины... идти рука об руку с Советским Союзом в борьбе за прочный мир и демократию» [39].

«Дропшот» и другие планы развязывания войны против СССР

Победа китайской революции, образование КНР и успешное ее становление явились одним из звеньев в цепи событий, которые развернулись в мире в результате разгрома гитлеровской Германии и милитаристской Японии. Образование социалистических государств в Восточной Европе, Корейской Народно-Демократической Республики, подъем революционно-демократических и национально-освободительных движений в других странах вызвали глубокую тревогу в реакционных кругах западных держав. Империализм во главе с США, пытаясь повернуть вспять ход мирового развития, развернул лихорадочную деятельность по сколачиванию военных блоков и развязыванию «холодной войны». Правящие круги США активно форсирова-

ли приготовления к развязыванию новой мировой войны. Главное острие империализма было направлено в первую очередь против Советского Союза как опоры стран и народов в их борьбе за независимость, мир и социализм.

Как стало известно много лет спустя, разработкой планов нападения на Советский Союз американская военщина с благословения Белого дома занялась сразу же, едва отгремели последние залпы второй мировой войны.

В связи с изменениями в советско-китайских отношениях и попытками Мао Цзэдуна и его последователей перечеркнуть все то, что сделал Советский Союз для победы китайской революции и упрочения ее завоеваний, представляется целесообразным остановиться на планах Вашингтона более подробно и показать, в какой исключительно сложной международной обстановке развивались события в Китае, кто оттягивал на себя главные силы империализма и облегчил китайскому народу решение исторической задачи: прорвать позиции колониализма и завоевать свободу.

Согласно документам, приведенным авторами изданной в США в 1978 г. книге «Дропшот», один из планов «крестового похода» против мирового социализма был подготовлен под руководством главнокомандующего американскими войсками в Европе Д. Эйзенхауэра в конце 1945 г. Плану было дано кодовое название «Тоталити». Прибегнуть тогда к его осуществлению американцы не решились. Но их удержали не чувства миролюбия и ответственности за последствия задуманного. Как отмечает редактор книги А. К. Браун, главная причина, помешавшая осуществить план «Тоталити», состояла в том, что у США «было мало войск, еще меньше — самолетов, не было армий, чтобы придать плану зубы» [40].

Однако это не охладило воинственного пыла поджигателей новой войны. Объединенный штаб разведслужб Пентагона почти параллельно вел разработку варварского плана под названием «Стратегическая уязвимость России при ограниченных воздушных атаках». Менее чем через два месяца после капитуляции Японии этот штаб уже рапортовал руководству США о выполнении данного ему поручения. Пентагоновскими стратегами замышлялось чудовищное злодеяние: предлагалось нанести атомный удар по 20 крупнейшим городам Советского Союза [41].

Атомными ударами Пентагон планировал «уничтожить главные индустриальные и научно-технические центры Советского Союза с тем, чтобы лишить его возможности вести военные действия на суше» [42]. Другими словами, расчет делался на то, чтобы парализовать силы сопротивления Советского Союза и поставить его народ на колени. Правящим кругам США не давал покоя тот факт, что они уже стали обладателями ядерного оружия — им очень хотелось пустить его в ход. Генерал К. Ле Мэй заявил, что США «способны были... уничтожить

полностью все население на обширных районах земной поверхности, оставив лишь признаки былого существования материальной жизни и созидательного труда человека»[43].

Побуждаемые стремлением обеспечить империализму выигрыш в борьбе двух противостоящих социально-политических систем, стратеги Пентагона по указанию правительства представили на его рассмотрение два новых плана нападения на СССР: «Кариотир» и «План командования стратегическими военно-воздушными силами». Согласно этим планам, предусматривалось в течение 30 дней подвергать СССР массированным бомбардировкам с воздуха, сбросить на него свыше 300 атомных бомб. Первым ударом пентагоновские «ястребы» рассчитывали уничтожить 30—40% промышленных предприятий[44].

Но пока в высших эшелонах власти в Вашингтоне рассматривались и уточнялись людоедские планы под самыми разными кодовыми названиями — «Когхвил», «Даублстар», «Эй-Би-Си-101», «Дуализм», «Флитвуд»[45], США лишились монополии на владение ядерным оружием: СССР провел успешные испытания атомной бомбы и стал ядерной державой. Это опрокинуло все расчеты правящих кругов США. Тогда по заданию Г. Трумэна Пентагоном был рожден в 1949 г. новый план нападения на СССР под кодовым названием «Дропшот». В его разработке приняли участие не только многочисленные службы Пентагона, но также госдепартамент и Совет национальной безопасности. Госдепартамент вложил в него «внешнеполитические концепции», сформулировал основные политические задачи, намеченные достигнуть в войне против СССР. Все это было изложено в специальном документе, озаглавленном «Основные общие цели». В нем ставилась, в частности, задача создания против Советского Союза «единого фронта во главе с США, Великобританией и Францией... заключение договора в военной, политической, экономической и идеологической сферах...»[46].

Согласно плану «Дропшот», на Дальнем Востоке и в Азии США собирались «удерживать свои позиции без отвлечения сил от Европы»[47]. Они рассчитывали использовать силы гоминьдановского и других реакционных режимов, оказав им поддержку военно-воздушными и военно-морскими силами с японских и других военных баз «за пределами материкового Китая»[48].

Творцов плана «Дропшот» занимали не только вопросы самих военных операций. Они предусмотрели, даже до мельчайших деталей, что станет с Советским Союзом и другими социалистическими странами после разгрома СССР. Социалистические страны Восточной Европы и КНР предполагалось поставить под оккупационный контроль, для чего Пентагон собирался выделить 15 дивизий[49].

Нужно заметить, что это были не просто изложенные на бумаге планы. Велась интенсивная подготовка к их практиче-

скому осуществлению: наращивался военный потенциал, проводилась тренировка войск, отработка операций и т. п.

Как явствует из публикаций Бруклинского института, американские бомбардировщики с атомными бомбами на борту не раз близко подлетали к границам Советского Союза или Китая[50]. Подчеркивалось, что это был вызов Советскому Союзу как ядерной державе, связанной с Китаем договорными обязательствами. По свидетельству американских историков, в 1948 г. в связи с так называемым «берлинским кризисом» и другими событиями в Европе, а также в связи с обстановкой в Китае, когда «Мао стучался в ворота Пекина и других городов», американские правящие круги замышляли развязать в 1949—1950 гг. «превентивную войну» против СССР. В оправдание ее был придуман тезис «путем войны обеспечить мир»[51].

Комитет начальников штабов создал специальную группу во главе с генералом Дж. Халлом, которой было поручено проверить эффективность планов воздушного нападения на СССР путем различных экспериментов, военных маневров с использованием стратегической авиации как в дневное, так и в ночное время с атомными бомбами на борту[52].

На основании полученных результатов 11 апреля 1950 г. был представлен доклад министру военно-воздушных сил США С. Саймингтону. Содержание его было для Пентагона и Белого дома «неутешительным»: нападение на СССР обернется «потрясающими жертвами для военно-воздушных сил США»; война между США и СССР может принять такой затяжной характер, когда «два выдохшихся гиганта будут время от времени швырять друг в друга ракеты в бесконечной длительной войне, которая разрушит весь мир»[53].

В правящих кругах Вашингтона, по словам А. К. Брауна, не было уверенности, что США выиграют эту войну. Их пугала мысль, что «если Америка потерпит поражение, если план „Дропшот“ провалится, Советская Армия станет хозяином Европы»[54].

В Вашингтоне пришли к признанию того факта, что «Америка не так могуча, как это ей казалось». Однако из этого факта ни в Белом доме, ни в Пентагоне не сделали правильных выводов. Вместо того чтобы укротить имперский гегемонизм, США занялись наращиванием вооружений, чтобы «превратить страну в титана» и добиться превосходства над СССР[55].

Разумеется, от приведения в действие сумасбродных планов империалистов удерживала не только военная мощь Советского Союза или нехватка у США самолетов и солдат, как заявляли некоторые американские специалисты. На стороне СССР было огромное морально-политическое превосходство. Борьба за упрочение мира, в авангарде которой выступили страны социалистического содружества, нашедшая поддержку у всех народов, в том числе у широкой общественности стран Запа-

да, стала мощным фактором международных отношений, с которым вынуждены были считаться правящие круги США и их союзники в Европе.

Антисоветские акции США и гоминьдана в ООН

Гоминьдановцы, изгнанные из Китая и поддерживаемые США, развернули злобную антисоветскую пропаганду по всем каналам, в том числе через Организацию Объединенных Наций. Одной из их провокационных акций явилось обращение в ООН с «жалобой» на Советский Союз. Эта «жалоба» с одобрения Вашингтона была направлена чанкайшистским представителем накануне 4-й сессии Генеральной Ассамблеи с требованием включить ее в повестку дня сессии и обвиняла Советский Союз в том, что он помог КПК одержать победу над гоминьданом и что его действия в поддержку китайской революции означают нарушение советско-китайского договора, вмешательство во внутренние дела Китая.

Как уже отмечалось, с подобной «жалобой» гоминьдановские власти собирались обратиться в ООН еще в 1948 г. Чан Кайши писал впоследствии в своих мемуарах, что такая идея у него появилась в 1945—1946 гг., когда для гоминьдана возникли трудности с «реоккупацией» Маньчжурии, и он «сожалел», что не осуществил ее: «...Нам следовало бы... передать в Организацию Объединенных Наций вопрос о том, чтобы Советская Россия держала ответ перед судом мирового общественного мнения»[56]. Таким путем Чан Кайши рассчитывал вырвать Маньчжурию из рук народно-революционных сил. «Мы совершили ошибку,— писал он,— направив в Северо-Восточные провинции лучшие войска, которыми располагало правительство, только для того чтобы они там завязли. Когда эти провинции пали, правительство вынуждено было оставить и Северный Китай. К тому времени вся обстановка в целом ухудшилась настолько, что вышла из-под нашего контроля»[57].

Чан Кайши умолчал о подлинной причине, помешавшей обратиться в ООН. А она заключалась в том, что от этого шага его удерживали США. В Вашингтоне понимали, что поднять вопрос о «вмешательстве» СССР значит повернуть орудие против себя, ибо американцы хозяйничали в Китае бесцеремонно, как в своей вотчине. В Белом доме и госдепартаменте отдавали отчет в том, что обращение в ООН не принесет никакой пользы ни гоминьдановскому режиму, ни самим США — напротив, затруднит проведение их политики в Китае. Теперь же, когда вместе с Чан Кайши были изгнаны из Китая и американцы, США решили поддержать действия чанкайшистов. Так появилась в ООН «жалоба», озаглавленная «Угроза политической независимости и территориальной неприкосновенности Китая и миру на Дальнем Востоке, проистекающая из нарушений

Советским Союзом китайско-советского договора о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г., а также из нарушений Советским Союзом Устава Организации Объединенных Наций».

Излагая в своем выступлении содержание «жалобы», гоминьдановский представитель заявил, что решающую роль в «победе коммунистов» в Китае сыграла маньчжурская база, а главным фактором в ее создании явилось присутствие в Маньчжурии Советских Вооруженных Сил. Гоминьдановскому правительству не удалось овладеть Маньчжурией ввиду отказа Советского Союза помочь в переброске войск, в связи с запретом пропустить их через порт Дальний, из-за отказа разрешить формирование войск на месте, в самой Маньчжурии (как уже отмечалось, гоминьдановцы пытались сформировать их из бывших марионеточных войск, полицейских, жандармов и разного рода банд). Советскому Союзу ставилось в «вину» также оказание помощи народно-революционным силам, выразившееся в передаче им трофейного оружия и в экономической поддержке народной власти в Маньчжурии путем установления с ней торговых связей [58]. Это было расценено гоминьдановским представителем и выступившим в его поддержку представителем США Дж. Даллесом как нарушение советско-китайского договора.

Гоминьдановский и американский представители, разумеется, обошли стороной вопрос о том, что в действительности нарушителями международных соглашений по Китаю были США, которые действовали вопреки решениям московского Совещания министров иностранных дел (1945 г.), предусматривавшим невмешательство во внутренние дела Китая, вывод иностранных войск, демократизацию политической жизни путем широкого доступа к участию в управлении страной представителей всех политических партий и организаций. Советский Союз полностью следовал в своей политике в отношении Китая этим решениям, в то время как США, по существу, их грубо нарушали. Они продолжали держать в Китае введенные туда после окончания второй мировой войны вооруженные силы, открыто помогали гоминьдану вести гражданскую войну. Гоминьдан не имел никаких оснований обвинять Советский Союз в нарушении договора, по которому СССР обязался оказывать Китаю необходимую помощь в войне с Японией и свои обязательства выполнил до конца. Но в договоре ни слова не говорилось о каких-либо обязательствах относительно помощи гоминьдановскому правительству в овладении Маньчжурией, что в сложившихся в Китае условиях означало бы военную поддержку гоминьдана в борьбе с КПК и народно-демократическими силами. Совершенно необоснованными были и утверждения о нарушениях Советским Союзом обязательств, касающихся суверенитета Китая в Маньчжурии. В соответствии с Ялтинским соглашением и договором 1945 г. СССР вывел свои войска из Маньчжурии, оставив ее в полное распоряжение самих китайцев.

За устройство внутренней жизни в этом районе СССР ни перед кем обязательств на себя не брал, поскольку это — компетенция самого китайского народа.

Предъявляя обвинения Советскому Союзу, гоминьдановский и американский представители следовали иной логике: Советский Союз должен был бы, по их мнению, поступить так, как поступили бы на его месте Соединенные Штаты. У гоминьдана не возникало никаких сомнений в том, что если бы в Маньчжурии находились американские войска, то они помогли бы подавить народно-демократические силы и на штыках, под жерлами пушек военных кораблей утвердить власть гоминьдана, а вместе с ней и господство американских монополий, как это произошло в других странах и районах, куда вступали войска США. Естественно, СССР на оказание такой «помощи» никогда бы не пошел. Именно это и приводило в ярость реакционные круги гоминьдана.

В выступлениях чанкайшистского представителя в ООН на Советский Союз вылился поток абсурдных измышлений о снабжении Объединенной демократической армии советским оружием, об участии советских войск в боевых действиях на ее стороне и т.п. [59].

Разумеется, никакого советского оружия ОДА не предоставлялось, тем более что в этом не было необходимости, поскольку достаточно было того трофейного оружия, что осталось от капитулировавшей Квантунской армии и перешло в руки ОДА. Конечно, и в этом вопросе авторы «жалобы» руководствовались иными политическими критериями. Они исходили прежде всего из того, что если бы в Маньчжурии были американские войска, то не могло бы быть и речи не только о получении трофейного оружия народно-революционными войсками, но и о самом появлении этих войск. Доказательством тому служил тот факт, что в те пункты, где на китайскую землю высадились американские солдаты, американское командование сейчас же перебрасывало гоминьдановские войска.

Что же касается снабжения войск ОДА советским оружием, то и Соединенным Штатам и гоминьдановцам было хорошо известно, что это чистейшая пропагандистская ложь. Когда однажды генералу Маршаллу гоминьдановские чиновники сказали об участии в боях «русских танков», он ответил, что в действительности это были японские танки, управляемые китайскими танкистами.

Глава советской делегации выступил против включения «жалобы» в повестку дня сессии Генеральной Ассамблеи и обсуждения ее в других органах ООН. Он подчеркнул, что нет никаких оснований говорить о какой-либо угрозе политической независимости и территориальной целостности Китая, как и миру на Дальнем Востоке, равно как не может быть и речи о каких-то претензиях по поводу нарушения Советским Союзом Устава ООН. Этот вопрос поставлен с единственной целью:

отвлечь внимание мировой общественности от событий в Китае, происшедших в результате победы народных масс. Советский представитель указал, что рассмотрение «жалобы» совершенно необоснованно и незаконно, поскольку она предъявлена правительством, которое свергнуто народом. Он указал также на незаконность того, что Китай в Организации Объединенных Наций представляют гоминьдановцы, что советская делегация не будет принимать участия в рассмотрении этого вопроса и не признает правомерность тех решений, которые могут быть приняты [60].

В поддержку позиции Советского Союза выступили делегации других социалистических стран. Несмотря на действия делегации США, последним не удалось протащить резолюцию, направленную против СССР. Первый комитет ограничился решением передать вопрос межсессионному комитету Генеральной Ассамблеи, где будет продолжено его рассмотрение и представлен доклад с рекомендациями на следующей очередной сессии [61].

На 5-й сессии Генеральной Ассамблеи, в ноябре 1950 г., гоминьдановцы вновь потребовали рассмотрения своей «жалобы». Теперь они «обвиняли» Советский Союз также в помощи Китайской Народной Республике, что, по их мнению, заключалось в подписании нового советско-китайского договора от 14 февраля 1950 г., в укреплении вооруженных сил «китайских и корейских коммунистов». Гоминьдановский представитель подчеркнул особую роль Маньчжурии заявив, что «войскам Объединенных Наций» в Корее приходится сражаться «с армией, которая пользуется территорией Маньчжурии в качестве оперативной базы» [62].

Дж. Даллес в своем выступлении обрушился на новый советско-китайский договор, заключенный СССР, по его выражению, «с врагами национального правительства», на советскую политику поддержки национально-освободительной борьбы народов Азии [63].

Отбивая нападки американского и гоминьдановского представителей, советской делегации приходилось учитывать, что обвинения в адрес СССР преследуют не только пропагандистские, но и дипломатические цели, направленные одновременно против КНР. США и чанкайшисты рассчитывали, что в случае принятия решений в поддержку «жалобы» они воспользуются этим для того, чтобы именем ООН, используя «машину голосования», запретить странам — членам международного сообщества признать Китайскую Народную Республику, рассматривая ее как режим, установленный «внешними силами». Такая резолюция могла создать серьезные дополнительные трудности для КНР в развитии ее международных связей. Советская дипломатия проявила большое искусство. Выступления ее представителей в ООН (как и публикации в советской печати) по вопросам, касающимся политики СССР в Китае, носили взве-

шенный, глубоко аргументированный и наступательный характер. Советская делегация в ООН разоблачила подоплеку «жалобы», рассчитанной на то, чтобы обмануть мировое общественное мнение и представить дело так, будто крах режима Чан Кайши был вызван вмешательством СССР во внутренние дела Китая. Было доказано, что угрозу политической независимости и территориальной целостности этой страны в действительности представляют США.

Представитель СССР отверг как несостоятельные утверждения американского представителя, будто Советский Союз нарушил Ялтинское соглашение. Он указал, что вступление СССР в войну против Японии в соответствии с этим соглашением спасло жизнь не менее 200 тыс. американцев [64].

Советская делегация выступила против предложения некоторых стран, следовавших в фарватере политики США, передать поднятый чанкайшистами вопрос на рассмотрение Международного суда. Разоблачая клевету, что Советский Союз якобы стремится прибрать к своим рукам экономику Маньчжурии, представитель СССР указал на заключенные его страной с КНР новый договор и соглашения, по которым СССР по своей инициативе и доброй воле выразил готовность передать Китаю безвозмездно все имущественные права на КЧЖД и другие объекты в Маньчжурии. «Согласились бы когда-нибудь Соединенные Штаты на безвозмездную передачу находящегося под их контролем или в их владении имущества в других странах?» — спросил представитель СССР [65]. На этот вопрос Дж. Даллес предпочел не отвечать.

Американские и чанкайшистский представители пытались протащить решение о создании специальной комиссии по расследованию на месте фактов «вмешательства» Советского Союза в дела Китая. Однако делегации западных стран не решились принять такое предложение, мотивировав свою позицию тем, что, если такая комиссия будет создана, СССР и КНР не допустят ее членов на свои территории. Вопреки категорическим возражениям социалистических стран была принята предложенная Сирией резолюция, предусматривавшая передачу вопроса на дальнейшее изучение [66]. Вместе с социалистическими странами против резолюции голосовали также Австралия, Бирма, Великобритания, Дания, Исландия, Индия, Канада, Норвегия, Швеция и некоторые другие государства. Представитель Исландии заявил, что поднятый гоминьдановским представителем вопрос «отошел в область истории» [67].

Таким образом, дипломатические маневры США и гоминьдановцев в ООН полностью провалились. Их попытки заставить СССР отказаться от поддержки народного Китая были решительно отвергнуты. Советский Союз еще раз продемонстрировал, что, несмотря на шантаж и угрозы со стороны империализма, он был верным и надежным союзником китайского народа, твердой опорой КНР на международной арене.

ГЛАВА 7

Борьба Советского Союза против интервенции США в Корее и угрозы развязывания агрессивной войны против КНР

Начало американской интервенции в Корее

«Потеряв» Китай, американский империализм резко активизировал свою деятельность в Азии. Внешняя политика США в этом регионе была рассчитана на то, чтобы, используя все средства, не исключая и вооруженный путь, затормозить развитие национально-освободительной борьбы и сохранить позиции капитализма [1]. Важное место в политике Соединенных Штатов на Дальнем Востоке отводилось Корее.

В нарушение положений Каирской и Потсдамской деклараций, предусматривавших восстановление независимости Кореи после ее освобождения, США с первых же дней высадки своих войск на юге страны взяли курс на создание в зоне оккупации марионеточного режима с тем, чтобы впоследствии подчинить ему всю Корею.

Советское правительство решительно противодействовало этим намерениям США. На московском Совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (декабрь 1945 г.) Советский Союз в результате острой борьбы добился принятия соглашения о сформировании временного общекорейского демократического правительства и осуществления ряда мероприятий, направленных на создание независимой Кореи [2].

Однако США сорвали выполнение подписанного соглашения, встали на путь раскола страны, образовали в мае 1948 г. южнокорейское правительство во главе со своим ставленником Ли Сын Маном. Вашингтон преследовал цель — превратить Южную Корею в американскую стратегическую базу на Дальнем Востоке.

Прогрессивные силы Кореи отвергли политику Соединенных Штатов и провели на всей территории страны (на юге — тайно) всеобщие выборы, в результате чего было провозглашено создание Корейской Народно-Демократической Республики.

Южная Корея при поддержке США препятствовала мирному объединению страны на демократической основе, предложенной правительством КНДР, и, опираясь на военную поддержку США, вынашивала планы захватить территорию Северной Кореи вооруженным путем и уничтожить народно-демократический строй. Вашингтон, подталкивая лисынмановцев на эту авантюру, преследовал более широкие планы: вслед за оккупацией Корейской Народно-Демократической Республики начать агрессивные действия против народного Китая и таким путем ослабить национально-освободительное движение в Азии. Войной в Корее империализм рассчитывал обострить общую обстановку на планете, воспрепятствовать растущему международному признанию проводимого социалистическими странами курса на мирное сосуществование, подтолкнуть гонку вооружений, оправдать создание военных империалистических блоков, попытаться приглушить экономический кризис в США.

25 июня 1950 г. южнокорейская военщина развязала военные действия против КНДР. Войска лисынмановского режима пересекли 38-ю параллель и вторглись на территорию КНДР. Началась гражданская война. Корейская народная армия нанесла контрудар, отбросила вражеские войска за 38-ю параллель и погнала их дальше, на юг страны. В результате контрудара южнокорейская армия оказалась настолько деморализованной, что, по признанию американских генералов, была не способна к дальнейшему сопротивлению. Правительство США решило направить на выручку марионеточного режима свои вооруженные силы под вывеской «войск ООН». В действительности эти войска на 90% состояли из американских частей [3]. В начале июня в южной части Кореи высадились первые десанты и вступили в боевые действия. Американская авиация начала варварские бомбардировки городов и сел Северной Кореи. В подкрепление первым десантам из Японии были переброшены три пехотные дивизии и пять бронетанковых батальонов, однако это не помогло остановить наступление войск Корейской народной армии: 16 июля была прорвана линия обороны американцев, они были вынуждены отступить и оказались на грани окончательного разгрома. К началу сентября народная армия освободила 95% всей территории Кореи с 97% населения. Интервенция на этом этапе полностью провалилась [4].

Но Вашингтон решил взять реванш. На военных базах в Японии были сосредоточены крупные силы США. Отсюда к району порта Инчхон, неподалеку от Сеула, была направлена армада военных кораблей и 15 сентября произведена высадка десантов в тылу Корейской народной армии. С воздуха операцию прикрывали около 800 боевых самолетов. Сломив сопротивление сравнительно небольшого гарнизона Инчхона, американские войска развернули наступление и за несколько недель оккупировали все районы страны к югу от 38-й параллели.

Успехи вскружили голову администрации США. Было решено захватить всю территорию Кореи. Особенно неудержимо рвался к этой цели главнокомандующий «войсками ООН» генерал Макартур. 11 октября на о-ве Уэйк состоялась встреча Макартура с Трумэном для обсуждения дальнейших действий. Генерал изложил разработанный американским командованием план операции по захвату Северной Кореи. Отвечая на беспокоивший президента вопрос, как отреагирует КНР на приближение американских войск к ее границам, Макартур, полагаясь на данные разведки, заверил его, что Китай не станет вмешиваться. Но если китайцы и «надумают вмешаться, то переправиться через реку Ялу смогут не более 50—60 тыс. человек, которые при попытке продвинуться на юг будут уничтожены» [5].

Г. Трумэн одобрил план Макартура, лишь предупредив, чтобы не было допущено провокационных шагов в отношении СССР, чтобы американские войска не появлялись вблизи его границы, что туда нужно направить южнокорейские части [6].

Возвратившись в США, Г. Трумэн заявил: «Я хочу, чтобы о-ов Уэйк стал символом единства наших усилий в достижении мира» [7]. Под «миром» имелся в виду захват всей Кореи, а впоследствии и Китая. Это стремление усиливалось по мере расширения военных операций на север от 38-й параллели, к которым приступило американское командование. Как ни оправдывалась впоследствии администрация США, агрессивные устремления в отношении Китая подогревались Белым домом. Начало этому было положено самим президентом, который отдал 27 июня 1950 г. приказ 7-му американскому военно-морскому флоту войти в Тайваньский пролив и взять под контроль Тайвань и расположенные в проливе другие острова. То был акт прямой агрессии против КНР, означавший, по существу, отторжение части ее территории.

За интервенцией в Тайваньском проливе последовали военные провокации в других районах Китая. 27 августа американские самолеты нарушили воздушное пространство КНР и обстреляли населенные пункты, железнодорожные станции и иные объекты в приграничной полосе Маньчжурии вдоль р. Ялу. В результате обстрела среди гражданского населения имелись жертвы. Подобные акции были совершены в пограничных с Кореей районах Маньчжурии 29 августа, а в последующий период приобрели систематический характер [8]. Вражеские самолеты совершали нападения на рыболовные суда в прибрежных водах Китая [9], участились полеты над китайской территорией разведывательных самолетов.

Одновременно с авиацией США ввели в действие военно-морские силы. Американские корабли вторгались в территориальные воды Китая, открывали огонь по торговым судам, учиняли их досмотр и т. п.[10].

Американцы вознамерились использовать против Китая и

бактериологическое оружие. В Маньчжурию были заброшены контейнеры с зараженными насекомыми, чтобы деморализовать гражданское население. Во второй половине октября 1950 г. американские войска подошли к китайской границе. Макартур собирался двинуть их через Ялу еще до завершения военных действий в Корее.

Над Китайской Народной Республикой нависла серьезная угроза ее суверенитету. Правительство КНР выступало с протестами против агрессивных акций США, направляло одно за другим обращения в ООН, требуя обуздания агрессора[11]. Но к голосу Китая мало прислушивались, поскольку в ООН господствующее положение занимали США, которые диктовали свою волю послушным им странам — членам ООН.

4 ноября демократические партии и организации КНР выступили с совместной декларацией, в которой, в частности, указывалось: «...варварство империалистов не имеет границ... Их замыслы отнюдь не ограничиваются тем, чтобы разбить КНДР. Они хотят проглотить Корею, они хотят развязать агрессию против Китая, они хотят установить свое господство в Азии. Они хотят покорить весь мир... Американские империалисты избрали известную стратегию Японии: сначала захватить Корею, затем напасть на Китай...»[12].

В опубликованном 16 декабря 1950 г. заявлении китайского правительства подчеркивалось, что длинная цепь агрессивных акций Соединенных Штатов доказывает, что их правительство преисполнено решимости распространить агрессию на Китай и что военные действия американских империалистов против Китайской Народной Республики уже начались[13].

Справиться с агрессией и защитить свою независимость народный Китай и демократическая Корея могли только при поддержке со стороны СССР и других социалистических стран, и они не обманулись в своих надеждах.

Помощь СССР корейскому и китайскому народам в борьбе с агрессией

С момента нападения интервентов на КНДР Советский Союз направил туда необходимую боевую технику, включая самолеты, танки, орудия, тысячи военачальников и других специалистов в качестве советников и инструкторов, а также продовольствие, оборудование для госпиталей, медикаменты. По воздушному мосту и железными дорогами через Маньчжурию непрерывным потоком шли в Северную Корею поставки для обеспечения нужд фронта и тыла.

В связи с угрозой, нависшей над Китайской Народной Республикой, Советское правительство, выполняя свой интернациональный долг и будучи верным положениям советско-китайского договора о дружбе и взаимной помощи, приняло необходи-

мые меры для обеспечения безопасности Китая. В дополнение к вооруженным силам, расположенным в районе военно-морской базы Порт-Артур, по просьбе китайского правительства были переброшены в Маньчжурию несколько авиадивизий и войска противовоздушной обороны, которые послужили надежной защитой Китаю от ударов вражеской авиации и плотно прикрыли линии коммуникаций, связывающих Китай и Корею с Советским Союзом.

В воздушных боях и огнем зенитной артиллерии были сбиты десятки американских самолетов, в том числе и так называемые «летающие крепости». Одновременно шла интенсивная реорганизация и переподготовка Народно-освободительной армии, оснащение ее военной техникой. При этом Советский Союз предоставил КНР все виды вооружений, включая танки, самолеты, бронемашины, артиллерию и иную боевую технику, при помощи которой были разгромлены армии фашистской Германии и милитаристской Японии. На случай ухудшения обстановки СССР готовился отправить в Корею пять дивизий[14]. В Маньчжурии и других районах Китая форсированными темпами началось крупное строительство предприятий оборонной промышленности — самолето- и судостроения, заводов по производству артиллерии, автомобилей и т. п.

Одновременно в сотрудничестве с другими социалистическими и миролюбивыми государствами СССР развернул на широком международном фронте решительную борьбу за пресечение интервенции.

Миссия, которую взяла на себя советская дипломатия, имела особо важное значение еще и потому, что в то время ни КНР, ни КНДР не были членами Организации Объединенных Наций, их международные связи были ограниченными, подавляющее большинство государств их не признало. Расстановка сил в ООН была в целом неблагоприятной. Сказывалось засилье США, в руках которых находилась «машина голосования». Основную тяжесть борьбы на международной арене, в том числе и в ООН, Советскому Союзу приходилось брать на свои плечи и, выступая в авангарде сил мира и демократии, противостоять угрозам ядерной войны. Однако это ни на минуту не поколебало решимости Советского Союза выступить в защиту интересов своих союзников, дела мира и безопасности народов. Советская дипломатия опиралась на позиции СССР как великой державы — постоянного члена ООН, на твердую поддержку и сотрудничество социалистических стран, на симпатии мировой прогрессивной общественности, всех людей доброй воли.

Советский Союз имел то исключительно важное преимущество, что выступал на мировой арене как страна, сыгравшая решающую роль в разгроме гитлеровской Германии и милитаристской Японии, обладающая сильным военным потенциалом, всеми современными видами оружия и потому не позволяющая

разговаривать с собой с позиции силы. Это придавало внешнеполитическим акциям СССР особые вес и действенность. Советскую дипломатию не смущало то обстоятельство, что США нередко удавалось блокировать предложения СССР в ООН и проталкивать нужные им резолюции. Она рассматривала это как временные победы англо-американского блока, и с еще большей энергией и искусством продолжала борьбу, будучи уверенной в конечном успехе справедливого дела народов, которое отстаивает. Эти черты характеризовали ее деятельность и в вопросах, которые вставали в связи с войной в Корее.

29 июня 1950 г. правительство СССР направило генеральному секретарю ООН телеграмму, в которой резко осудило агрессию США и отвергло как незаконную резолюцию Совета Безопасности по корейскому вопросу, принятую 27 июня. В резолюции, навязанной Соединенными Штатами, одобрялись предпринятые ими военные акции в Корее и Тайваньском проливе и санкционировалось сколачивание интервенционистских «межнациональных» войск под флагом так называемого «объединенного командования ООН». Советское руководство указало, что эта резолюция не имеет законной силы, так как была принята в нарушение Устава ООН, без участия двух постоянных членов Совета Безопасности — СССР и КНР. Китайский представитель отсутствовал ввиду того, что КНР была лишена ее законного места в этой организации — его незаконно занимал представитель чанкайшистского режима на Тайване, а советский представитель демонстративно не посещал заседания Совета Безопасности в знак протеста против грубой дискриминации в отношении Китайской Народной Республики.

СССР отверг также предложение Вашингтона воздействовать на руководство КНДР и отвести ее войска к северу за 38-ю параллель. В ответе Советского правительства было указано, что события в Корее спровоцированы южнокорейскими властями и потому вся ответственность ложится на них и на тех, кто их поддерживает. Было указано, что конфликт между севером и югом — это сугубо внутреннее дело самого корейского народа и вмешательство иностранных государств недопустимо. СССР рассматривал гражданскую войну в Корее как справедливую борьбу патриотических сил страны против иностранного господства, за объединение ее на демократической основе.

4 июля 1950 г. Советское правительство выступило с заявлением, в котором осудило агрессивные действия США, показало незаконность решений Совета Безопасности ООН, оправдывающих эти действия, и высказалось за безоговорочное прекращение интервенции, потребовав немедленного вывода иностранных войск из Кореи.

6 июля МИД СССР направил посольству США ноту протеста по поводу установления Соединенными Штатами морской блокады КНДР. Советское правительство заявило, что оно

будет считать американскую администрацию «ответственной за все последствия этого акта»[15].

В поддержку СССР выступили все социалистические страны и ряд нейтральных государств. Наиболее активно проявила себя Индия: она отказалась послать войска в Корею, не поддержала резолюцию Совета Безопасности, прикрывавшую интервенцию США флагом ООН.

13 июля Дж. Неру обратился с посланиями к главам правительств СССР и США, в которых призывал их принять меры к прекращению военных действий и проведению переговоров о мирном урегулировании конфликта с участием КНР.

Это предложение встретило полную поддержку Советского правительства. «Приветствую Вашу мирную инициативу,— писал в ответном послании И. В. Сталин.— Вполне разделяю Вашу точку зрения насчет целесообразности мирного урегулирования корейского вопроса через Совет Безопасности с обязательным участием представителей пяти великих держав, в том числе Народного правительства Китая. Полагаю, что для быстрого урегулирования корейского вопроса целесообразно было бы заслушать в Совете Безопасности представителей корейского народа»[16].

США отвергли предложение Дж. Неру. Госсекретарь Ачесон обрушился на премьер-министра Индии с обвинениями в «поощрении агрессии» и заявил, что переговоры означают попытку «подчинить Организацию Объединенных Наций насилию и принуждению».

4 августа по поручению Советского правительства со специальным заявлением по корейскому вопросу в ООН выступил А. А. Громыко. Оно разоблачало махинации американской дипломатии, которая протащила через Совет Безопасности резолюцию, задним числом одобряющую предпринятые США военные акции, поскольку вооруженная интервенция началась до созыва этого органа. В заявлении вскрывались истинные цели США в Корее и приводились факты, показывающие, как готовилась американцами и лисынмановцами война в Корее.

А. А. Громыко указал на грубое нарушение Советом Безопасности предусмотренного Уставом ООН порядка урегулирования конфликтов, согласно которому в такого рода случаях требуется использование не военных, а мирных средств. Он подчеркнул, что возникший конфликт носит сугубо внутренний характер и потому его рассмотрение не входит в компетенцию ООН, что США совершили акцию против мира, являются агрессором и на них ложится вся ответственность за последствия этого шага. От имени правительства СССР А. А. Громыко потребовал немедленно прекратить кровопролитие в Корее, пресечь всякое вмешательство в возникший конфликт, предоставить корейскому народу полное право «устроить по своему усмотрению свои внутренние национальные дела»[17].

4 августа СССР внес в Совет Безопасности резолюцию «О

мирном урегулировании корейского вопроса», а также предложение об осуждении бомбардировок мирного населения авиацией США. Эти акции были поддержаны правительствами КНДР и КНР. В телеграмме, направленной на имя председателя Совета Безопасности (этот пост занимал в то время возобновивший участие в работе Совета представитель СССР Я. А. Малик), министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай писал: «Центральное правительство Китайской Народной Республики полностью поддерживает проект резолюции, внесенный по поручению Советского правительства в Совет Безопасности ООН 4 августа господином Маликом о мирном урегулировании корейского вопроса. Это предложение в полной мере соответствует уставу и духу ООН и отвечает чаяниям народов Азии и всего мира»[18].

2 октября делегация СССР совместно с делегациями УССР, БССР, Польши и Чехословакии внесла вопрос об американской агрессии в Корее на обсуждение 5-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Они предложили наряду с прекращением военных действий ряд мер, направленных на развитие Кореи по демократическому пути. Но США, пустив в ход «машину голосования», сумели блокировать принятие этого предложения. Однако это не остановило дипломатического наступления социалистических стран на позиции англо-американского блока.

В связи с созывом в конце 1950 г. 5-й сессии Генеральной Ассамблеи правительство Китайской Народной Республики направило в ее адрес жалобу по поводу агрессии США в отношении Китая и потребовало включения этого вопроса в повестку дня Ассамблеи, а также участия делегации КНР в его обсуждении.

Гоминьдановский представитель выступил с протестом по поводу приглашения в ООН делегации «коммунистического режима». Его поддержал представитель США, который сослался на то, что ООН не может принимать предложений о включении в повестку дня того или иного вопроса от государства, если оно не является членом ООН. Таким путем США рассчитывали торпедировать рассмотрение жалобы Китайской Народной Республики.

СССР немедленно принял ответные меры. Советская делегация заявила, что вносит в ООН жалобу от своего имени под названием «Протест Союза Советских Социалистических Республик по поводу агрессии Соединенных Штатов Америки против Китая»[19]. Таким образом, делегации США не удалось воспользоваться формальными обоснованиями, чтобы уйти от неприятных для американской администрации разоблачений.

Однако США вместе с чанкайшистским представителем попытались провалить принятие и этого документа, заблокировав один из основных его пунктов, содержавший требование пригласить для участия в обсуждении вопроса представителя КНР. При этом США пытались заручиться поддержкой других западных стран, оказав на них давление. Дж. Даллес мотивировал

свою позицию тем, что жалобу направил Советский Союз, а не КНР, а поэтому присутствие делегации Китая является необязательным. Он заявил, что США не признают «коммунистическое правительство» Китая и приглашение его делегации означало бы признание КНР, против чего Соединенные Штаты решительно протестуют.

Предложение о приглашении делегации КНР встретило поддержку всех социалистических стран. В результате острых дискуссий большинство стран — членов ООН склонилось к принятию этого предложения, выдвинув условие, что это не предрешает вопроса о признании КНР и представительстве ее в ООН. Проект резолюции СССР был принят 30 голосами против 8 при 22 воздержавшихся [20].

Глава советской делегации настоял на том, чтобы в Пекин была немедленно послана телеграмма с приглашением делегации КНР и предложил не начинать рассмотрения внесенного СССР проекта резолюции до ее прибытия. Однако под давлением США Первый комитет принял решение приступить к обсуждению жалобы правительства СССР без КНР.

Действия СССР в поддержку КНР были с удовлетворением восприняты в Китае. Об этом приходится упомянуть в связи с тем, что в последние годы некоторые китайские историки и дипломаты стали утверждать, будто вопрос об агрессии США был принят к обсуждению в ООН без усилий со стороны СССР и других социалистических стран, что поездка китайской делегации в Нью-Йорк оказалась возможной не в результате настойчивых действий с их стороны, а благодаря «позитивной» позиции правительства США [21]. Подобные утверждения противоречат фактам, содержащимся в официальных документах ООН и в публикациях китайской печати того времени, в которых отмечалось, что вопрос об агрессии США «был включен в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН делегацией Советского Союза» вопреки обструкционистским действиям американцев. «Жэньминь жибао» писала 1 декабря 1950 г.: «Несмотря на сопротивление делегаций американского блока, Политический комитет большинством голосов постановил пригласить делегацию КНР принять участие в обсуждении жалобы Советского Союза по поводу агрессии США в отношении Китая» [22].

Рассмотрение вопроса началось с выступления главы советской делегации. С помощью неопровержимых фактов он разоблачил перед участниками Генеральной Ассамблеи и перед всей мировой общественностью агрессивную политику Соединенных Штатов в отношении Китая с начала XX в., указал на их роль в гражданской войне в Китае, на всестороннюю помощь гоминьдановской клике, разоблачил замыслы США относительно Тайваня. Независимо от того, заявил глава советской делегации, признают США народное правительство Китая или нет, захват Тайваня является актом преступной агрессии. Тем са-

мым США нарушают положения Каирской декларации и Потсдамского соглашения, нормы международного права и Устав ООН и мешают восстановлению мира в Китае[23].

Глава американской делегации Дж. Даллес, пытаясь оправдать агрессию, утверждал, что США действовали как «друг Китая», что главным в их политике в отношении Китая якобы всегда было установление религиозных и культурных связей, а не экономические и торговые факторы, которые, по его словам, не представляли для Соединенных Штатов особого значения[24].

Даллес заявил, что на Тайване нет американских вооруженных сил, что весь военный персонал США на острове состоит из 44 человек, включая 19 военных атташе при дипломатических миссиях. Он оправдывал отданный Г. Трумэном 27 июня 1950 г. приказ об «обороне» Тайваня от КНР, утверждая, что статус острова как бывшей японской колонии еще не определен.

Что касается приведенных в представленном Советским Союзом документе фактов нарушения воздушного пространства КНР американскими самолетами и бомбардировок районов Маньчжурии, то Даллес пытался оправдать эти действия тем, что летчики «не подозревали», что совершают нарушения и что им «весьма трудно» было производить бомбежку корейской территории, не залетая на территорию Маньчжурии. Несмотря на неопровержимые факты, Даллес заявил, что в своих действиях в отношении Китая США всегда руководствовались «желанием содействовать... благосостоянию китайского народа»[25].

Отвечая на выступление Даллеса, глава советской делегации указал, что никакие ссылки на те или иные причины не могут оправдать нарушений территориальной целостности и неприкосновенности другого государства. Он подчеркнул, что фактически представитель США признал эти нарушения, и потребовал от Вашингтона прекратить нарушать принципы международного права, неприкосновенность границ Китая[26].

В последующей дискуссии в Первом комитете приняла участие делегация КНР, которой представители СССР и других социалистических стран оказали горячий прием. Их совместными усилиями дискуссия была выведена далеко за рамки тайваньского вопроса и, по существу, превратилась в открытый суд над американской агрессией в Корее и их враждебными действиями в Китае. И хотя предложения делегаций СССР и КНР о выводе американских войск с Тайваня и прекращении всех акций против КНР, а также о мирном урегулировании в Корее и выводе всех иностранных войск были отклонены, дискуссия по этим вопросам получила широкий международный резонанс и означала политическое поражение Вашингтона и его союзников.

Провал военных планов США в Корее и нападения на Китай. Помощь социалистических стран КНДР

На военную агрессию США в Корее социалистические страны ответили расширением военной и материальной помощи КНДР: поставками боевой техники, оружия, боеприпасов, продовольствия, снаряжения. СССР усилил также прикрытие границ Китая своей авиацией, зенитными частями, направил туда лучших летчиков, артиллеристов. Они участвовали в боях по отражению воздушных ударов по КНР, одновременно учили владению военной техникой летчиков, артиллеристов-зенитчиков, командиров и солдат других родов войск НОА. На МИГах советские и китайские авиаторы наносили удары по нарушителям китайских границ. Грозной мощью, стоящей на страже безопасности КНР, служила Порт-Артурская военно-морская база.

Помощь Корее в борьбе с американскими интервентами оказывали все социалистические страны. В частности, КНР направила в КНДР десятки тысяч тонн продовольствия, более 500 тыс. комплектов одежды и обуви; значительное количество продуктов питания, тканей, готовой одежды, обуви, медикаментов послали Болгария, Венгрия, ГДР, МНР, Польша, Румыния, Чехословакия; Монгольская Народная Республика передала также КНДР более 100 тыс. голов скота [27].

25 октября 1950 г. для отражения агрессии на территорию Кореи вступили части китайских народных добровольцев. Эта акция сопровождалась патриотической кампанией, развернувшейся по всему Китаю под лозунгом «Отразим американскую агрессию, поможем Корее!» Сотни тысяч патриотов требовали послать их на фронт. Высоко оценивая интернациональную помощь, оказываемую КНДР и КНР социалистическими странами, китайский народ выражал готовность внести свой вклад в борьбу с интервентами, помочь корейским друзьям, как последние помогали им в годы антияпонской и гражданской войн. Китайские патриоты понимали, что помощь корейскому народу означает также защиту независимости их страны. Широкие общественно-политические круги КНР считали, что при той огромной помощи, которую оказывают социалистические страны, китайские добровольцы вместе с Корейской народной армией справятся с интервентами и обойдутся без непосредственного участия в боевых действиях в Корее Советских Вооруженных Сил, ибо это означало бы прямое столкновение самых мощных держав — СССР и США и могло превратить корейскую войну из локальной в мировую. Китайские патриоты были убеждены, что такую опасность необходимо предотвратить.

Впоследствии, отвечая на выпады американского правительства в адрес КНР в связи с участием в боевых операциях

в Корее китайских добровольцев, руководство Китая указывало, что эта акция была справедливой и оправданной[28].

Правительство КНР не раз предупреждало США, что китайский народ не может равнодушно взирать на ситуацию, сложившуюся в результате вторжения в Корею так называемых «войск ООН», и угрозы расширения войны.

В начале октября 1950 г. правительство КНР через посла Индии в Пекине К. М. Паниккара обратилось в Вашингтон с сообщением, что китайский народ придет на помощь КНДР. Однако в самом китайском руководстве, несмотря на широкие патриотические и интернационалистские настроения в стране, не было единства по поводу оказания военной помощи КНДР.

Как отмечают американские историки, Мао Цзэдун склонился к решению послать китайских добровольцев в Корею не из чувства интернационального долга, а лишь под страхом того, что острие американской агрессии может повернуться в сторону КНР. Один из известных буржуазных историков США, Ричард Торнтон, писал, что, «после того как 7-й флот вошел в Тайваньский пролив, китайцы тщательно старались избежать столкновений с американскими вооруженными силами. Бездействие Китая возложило всю тяжесть войны (т. е. оказание военной помощи.— *А. Л.*) на плечи Советского Союза...»[29]. Китайские коммунисты серьезно забеспокоились лишь тогда, «когда ход корейской войны изменился и США стали призывать к объединению Кореи под эгидой ООН, начав наступление к реке Ялу... что означало возможность или даже вероятность расширения фронта войны и перенесения ее на китайскую территорию»[30].

Следует отметить, что оттяжка Мао Цзэдуном решения вопроса о военной помощи КНДР на четыре месяца повлекла за собой невосполнимые потери. Дело в том, что командование НОА не смогло заблаговременно подготовить добровольцев к участию в военных действиях в новых для них условиях. Основные силы НОА к этому моменту находились на юге Китая, в тропических условиях, и были экипированы в соответствии с этим климатом. Отсюда их перебросили в суровые условия Северной Кореи. Китайские товарищи в Мукдене, которые имели непосредственное отношение к переброске добровольцев в Корею, рассказывали в личных беседах с автором книги, что в первое время многие добровольцы погибли от холода. В связи с этим в Китае развернулось широкое движение по сбору теплой одежды для добровольцев, в котором наиболее активную роль сыграли трудящиеся Северо-Востока — ближайшего прифронтового района.

К моменту вступления в Корею добровольческих частей КНР Корейская народная армия уже оправилась от нанесенных ей внезапных ударов. Ее командование сумело вывести из окружения южную группировку войск, перебросить ее на север и, приведя в боевую готовность, ввести в бой с интервен-

тами. В конце октября в результате совместных действий корейских войск и китайских добровольцев «войска ООН» были отброшены к югу от р. Чанчанган. События на фронте стали развиваться неблагоприятно для интервентов. 6 ноября Макартур докладывал в Вашингтон: обстановка сложилась таким образом, что «угрожает полным уничтожением войск, находящихся под моим командованием»[31].

Чтобы поправить положение, Макартур намерен был прибегнуть к массированным бомбардировкам промышленных и военных объектов Маньчжурии и Северного Китая, которые служили надежным тылом для войск КНДР и добровольческих частей КНР. Американская администрация и военные штабы находились в растерянности. Рассматривались планы использования японцев. Чан Кайши предлагал направить в Корею гоминьдановские войска. Эту идею горячо поддерживал Макартур, который уже имел договоренность о переброске в Корею гоминьдановской армии численностью 500 тыс. человек[32].

Однако Вашингтон отказался от этой идеи, а также от намерения форсировать р. Ялу. Глава тайваньского режима писал впоследствии в своих воспоминаниях, что основную роль в этом сыграли внешнеполитические факторы, и прежде всего то, что «западные державы... побоялись вмешательства Советского Союза»[33].

В Вашингтоне рассматривались также планы использования ядерного оружия, о чем Трумэн заявил на пресс-конференции 30 ноября 1950 г., однако привести в исполнение эти угрозы правящие круги США не решались — их останавливала военная мощь Советского Союза. После консультаций со своими союзниками Трумэн вынужден был отдать приказ Макартуру воздержаться от бомбардировок китайской территории и не переходить границ КНР. «Если бы мы перенесли войну в Китай,— писал он впоследствии,— нас ожидало бы возмездие: ведь Пекин и Москва являлись союзниками как по духу, так и по договору. Стоило бы нам напасть на коммунистический Китай, как можно было бы ожидать русского вмешательства. Война с СССР? Это немыслимо! ЦРУ сообщило данные о советской военной мощи, которые произвели потрясающее впечатление на правительство и лидеров конгресса»[34]. «Мы не могли,— заявлял Г. Трумэн,— принять решительные меры в Корее и на Тихом океане. Это вызвало бы сильнейшую реакцию русских, отпугнуло бы от нас европейских союзников»[35]. Белому дому пришлось отклонить также предложение военных кругов об использовании в Корее японских войск. Докладывая свое мнение Белому дому, Маршалл заявил: «Мы едва ли можем использовать хоть одного японца, ибо русско-китайский пакт предполагает, что если одна из этих держав сражается с Японией, то другая обязана вступить в войну»[36].

13 января 1951 г. Г. Трумэн направил телеграмму Макартуру, в которой запрещалось принимать меры по расширению

войны. В телеграмме указывалось, что в случае, если обстановка в Корее будет и далее складываться неблагоприятно, ему следует эвакуировать американские войска. И когда 24 марта Макартур выступил с заявлением, из которого следовало, что он все же собирается поступить иначе, Трумэн вынужден был принять решение о снятии его с поста главнокомандующего «войсками ООН» в Корее. «Этим актом,— писал Трумэн в своих мемуарах,— Макартур не оставил мне никакого выбора — я не мог больше терпеть его неподчинения»[37].

На одной из пресс-конференций, отвечая на вопрос корреспондента, почему Макартуру было запрещено бомбить Маньчжурию, Маршалл прямо заявил: «Если бы не было опасности вмешательства СССР, бомбардировки начались бы без всякого промедления»[38].

Борьба за прекращение войны в Корее. Успехи дипломатии СССР и других миролюбивых государств по обеспечению безопасности на Дальнем Востоке

Социалистические страны предпринимали активные внешнеполитические акции с целью добиться скорейшего прекращения войны в Корее. Большой резонанс имело выступление по нью-йоркскому радио 23 июня 1951 г. представителя СССР в ООН Я. А. Малика, сделанное по поручению Советского правительства. Малик подверг резкой и аргументированной критике агрессивную политику США, особо указал на опасность их безрассудных действий в Корее, призвал правительства и народы всех стран выступить в поддержку СССР, КНР, КНДР и других стран, добивающихся ликвидации военного конфликта. Он заявил, что советский народ убежден в том, что корейский вопрос можно решить без дальнейшего кровопролития. Для этого лишь требуется готовность сторон стать на путь урегулирования. Советский представитель предложил в качестве первого шага начать между воюющими сторонами переговоры о прекращении огня, о заключении перемирия с взаимным отводом войск от 38-й параллели[39].

Момент для такого выступления был выбран очень удачно. Обстановка в мире была благоприятной, она была подготовлена всей внешнеполитической деятельностью СССР в тесном сотрудничестве с КНР, КНДР и другими социалистическими странами, успешными боевыми действиями Корейской народной армии и китайских добровольцев.

Инициатива Советского правительства получила широкий международный резонанс. В поддержку его предложения выступила мировая печать, представители официальных и общественно-политических кругов подавляющего большинства стран, многие видные политические и государственные деятели Запада. Председатель 6-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН

Энтезам заявил корреспондентам, что он питает «большие надежды» на то, что предложение Я. А. Малика приведет к окончанию корейской войны. Председатель сенатской комиссии по иностранным делам США Т. Коннэли отметил в интервью для печати, что следует «тщательно рассмотреть предложение Малика». Даже пресса, выражающая настроения консервативных кругов США, отмечала, что предложение Малика «перевесило чашу весов в сторону мира»[40].

В условиях, сложившихся для американских войск в Корее, учитывая реакцию в мире на выступление Я. А. Малика, Г. Трумэн был вынужден присоединиться к предложению СССР[41]. Правда, через американского посла в СССР Белый дом обратился к Советскому правительству сначала за разъяснениями. 27 июня посол США А. Кирк посетил заместителя министра иностранных дел СССР А. А. Громыко, чтобы по поручению своего правительства уточнить, отражает ли заявление Я. А. Малика позицию Советского руководства. А. А. Громыко ответил, что, естественно, это было сделано по поручению правительства СССР[42].

После этих разъяснений Вашингтон счел необходимым согласиться на предложение Советского Союза и вступить в переговоры. Дж. Маршалл, выступая перед сенатской комиссией в июле 1951 г., признал, что заявление Малика «вызвало очень серьезную реакцию, против которой мы вынуждены были бороться, используя все средства»[43].

Новая инициатива Советского Союза открыла путь к установлению мира в Корее. 29 июня заместитель министра обороны США Р. Ловет объявил на пресс-конференции, что по указанию Г. Трумэна главнокомандующему «войсками ООН» в Корее генералу Риджуэю направлены инструкции о начале переговоров. В тот же день Риджуэй заявил в выступлении по радио, что американское командование готово приступить к переговорам и предложило представителям воюющих сторон встретиться на борту датского госпитального судна в Вонсане[44].

1 июля главнокомандующий Корейской народной армией Ким Ир Сен и командующий войсками китайских народных добровольцев Пэн Дэхуай послали Риджуэю телеграмму, в которой выражалась готовность направить представителей для встречи с уполномоченными командования «войск ООН». Местом встречи они предложили район Кэйсона, расположенный на 38-й параллели.

3 июля Риджуэй ответил согласием начать обсуждение вопросов, связанных с организацией переговоров[45].

10 июля офицеры связи Корейской народной армии во главе с генералом Нам Иром и офицеры связи китайских добровольцев во главе с генералом Дэн Хуа встретились с уполномоченными командования «войск ООН». Первые изложили конкретные соображения по вопросам, требующим договоренности, подчеркнув, что корейская и китайская стороны действуют в

соответствии с инициативой, выдвинутой СССР. «Когда советский представитель в ООН господин Малик в соответствии с неизменной позицией правительства СССР, выступающего за мирное урегулирование корейского вопроса, предложил, чтобы воюющие стороны вступили в переговоры о прекращении огня и отводе войск обеих сторон к 38-й параллели, это предложение сразу же встретило горячую поддержку китайского народа и китайского правительства»,— сказал Дэн Хуа. С таким же заявлением на встрече с уполномоченными командования «войск ООН» выступил Нам Ир[46].

Начавшиеся в Паньмыньчжоне переговоры были трудными. Дав на них согласие, американцы прибегали к разного рода инсинуациям, чтобы затянуть переговоры и выиграть время для накопления военных сил. В результате провокационных действий США, подвергших 22 августа и 1 сентября бомбардировке резиденцию корейской и китайской делегаций, переговоры в октябре были прерваны. США решили попытаться достичь своих целей силой оружия и предприняли широкое наступление. Однако и оно закончилось провалом.

Советское правительство принимало все меры, чтобы побудить государства — члены ООН и мировую общественность оказать давление на правящие круги США с целью прекратить военную авантюру в Корее, поскольку переговоры были сорваны американской стороной. СССР внес на обсуждение 7-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН вопрос о мирном урегулировании в Корее. В проекте постановления, предложенном главой советской делегации министром иностранных дел СССР А. Я. Вышинским 10 ноября 1952 г., выдвигалось в первую очередь требование к воюющим сторонам немедленно прекратить военные действия на суше, на море и в воздухе, а после этого перейти к окончательному решению вопроса о репатриации военнопленных, который явился камнем преткновения на начавшихся переговорах.

24 ноября советская делегация внесла дополнительное предложение, которое предусматривало создание специальной комиссии ООН по мирному урегулированию корейского вопроса и передачу ей вопроса о военнопленных. Комиссию предлагалось сформировать в составе представителей США, Англии, Франции, СССР, КНР, Индии, Бирмы, Швейцарии, Чехословакии, КНДР и Южной Кореи[47].

В своем выступлении на 7-й сессии Генеральной Ассамблеи А. Я. Вышинский подверг разоблачению агрессивный внешнеполитический курс США и дал решительный отпор их попыткам свалить на КНР и КНДР вину за развязывание войны в Корее и срыв переговоров. Опровергая утверждения американских представителей, будто Белый дом стремится к миру и этими побуждениями руководствуется в своих действиях и в корейском вопросе, А. Я. Вышинский на неопровержимых фактах показал, что в действительности США стремились к захвату Кореи, что

должно было открыть им путь к господству в Китае, на Дальнем Востоке и в Азии в целом, а в дальнейшем — и к осуществлению бредовой мечты о мировом господстве. При этом А. Я. Вышинский сослался на откровенные признания руководителей администрации США, в частности министра военно-морского флота Кимболла на обеде в военно-морской лиге 27 октября, который фактически признал, что война в Корее возникла отнюдь не случайно — она была задумана и развязана Пентагоном с одобрения Белого дома, чтобы, по словам Кимболла, взять где-то реванш за поражение США в Китае. «Мы избрали,— заявил он,— Корею. И, по моему мнению, если бы мы не воевали в Корее, то теперь воевали бы в другом месте — возможно в Японии, на Филиппинах или где-либо еще» [48].

Твердая позиция СССР в поддержку справедливых требований КНР и КНДР встретила горячую признательность со стороны правительств и народов этих стран. Газета «Жэньминь жибао» писала 28 ноября: «Корейский вопрос обсуждался на сессии Генеральной Ассамблеи более месяца. Мировая общественность может воочию убедиться, что с самого начала и на протяжении всего этого периода СССР стремится к мирному объединению Кореи... благодаря твердой и решительной борьбе Советского Союза, выступающего за мир, а также благодаря настоятельным требованиям народов всего мира, включая американский народ... планы и расчеты США терпят поражение» [49].

Острая борьба против американской агрессии за прекращение корейской войны развернулась на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшейся в феврале — апреле 1953 г. Важное значение имели выступления главы советской делегации министра иностранных дел В. М. Молотова в поддержку предложений КНДР и КНР об обмене военнопленными и возобновлении переговоров в Паньмыньчжоне. Используя связи СССР с зарубежными государствами, советские представители провели большую работу среди делегаций этих стран, убеждая их поддержать выдвинутое СССР предложение. В своей речи 1 апреля 1953 г. В. М. Молотов, учитывая попытки американской пропаганды скрыть от мировой общественности инициативу СССР или извратить ее смысл (а также воспользоваться отсутствием китайских и корейских представителей в ООН), подробно разъяснил содержание письма Ким Ир Сена и Пэн Дэхуая от 28 марта, адресованного командующему «войсками ООН» Кларку. В письме выражалась готовность корейской и китайской сторон обменяться раненными военнопленными и указывалось, что по этому вопросу фактически уже была достигнута договоренность в ходе переговоров и что лишь их прекращение помешало сделать это; выражалось также согласие произвести обмен военнопленными в соответствии с положениями ст. 109 Женевской конвенции, относящейся к периоду военных действий. В письме подчеркивалось, что такой обмен

должен привести к урегулированию проблемы военнопленных в целом и тем самым — к достижению перемирия. С этой целью предлагалось немедленно возобновить переговоры в Паньмыньчжоне.

Напомнив о письме, адресованном Кларку, В. М. Молотов заявил в своем выступлении, что «Советское правительство выражает свою полную солидарность с этим благородным актом правительства КНР и правительства КНДР и не сомневается в том, что этот акт получит горячую поддержку со стороны народов всего мира» [50], что со своей стороны Советское правительство выражает готовность всецело содействовать осуществлению упомянутых корейско-китайских предложений.

В поддержку их выступили делегации всех стран социалистического содружества. Их твердая миролюбивая позиция встретила одобрение демократической общественности всего мира и в конечном счете пробила барьеры, воздвигнутые Соединенными Штатами на пути к урегулированию корейского конфликта. Послушная американцам «машина голосования» в ООН на этот раз резко забуксовала, и США пришлось уступить. 18 апреля по настоятельным требованиям делегаций социалистических стран сессия Генеральной Ассамблеи приняла постановление, в котором указывалось, что «заключение справедливого и прочного перемирия в Корее будет существенно способствовать ослаблению существующей напряженности международных отношений» [51].

Для США и их союзников на политической арене сложилась, таким образом, весьма неблагоприятная обстановка, серьезно усугубившаяся положением в Корее. Их войска под мощными ударами КНА и китайских добровольцев были отброшены к исходным позициям, с которых начали войну три года назад. Интервенты понесли огромные потери в живой силе и технике. По данным корейского и китайского командований, за три года войны — с 25 июня 1950 г. по 27 июля 1953 г. — потери «войск ООН» составили свыше 1090 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными, из них свыше 390 тыс. американцев. Было сбито и повреждено более 12 200 самолетов, потоплено и повреждено 257 военных судов. Прямые затраты США и их союзников на войну в Корее составили свыше 20 млрд. долл.[52].

Разумеется, США с их мощным военно-промышленным комплексом располагали значительными резервами для продолжения войны. Об этом свидетельствуют последующие военные акции, предпринятые Соединенными Штатами в других районах мира. Однако политическая обстановка складывалась таким образом, что США во все возрастающей мере оказывались в изоляции, что находило отражение и в ООН. Обострились разногласия и в рядах НАТО.

В соответствии с решениями Генеральной Ассамблеи правительство США возобновило переговоры в Паньмыньчжоне. 8 июня 1953 г. было подписано соглашение о репатриации воен-

нопленных. И наконец, 27 июля, спустя два года после начала переговоров, было заключено соглашение о перемирии. По нему демаркационная линия устанавливалась в соответствии с фактическим расположением войск — в основном по 38-й параллели, с небольшими отступлениями на некоторых ее участках в пользу одной или другой стороны. По обе стороны демаркационной линии устанавливалась двухкилометровая демилитаризованная зона. Соглашение запрещало на весь период перемирия ввозить в Корею оружие и вводить воинские подкрепления. Определялись функции военной комиссии по перемирию из представителей стран, вовлеченных в конфликт, а также состав и функции комиссии по наблюдению за перемирием из представителей нейтральных государств — Польши, Чехословакии, Швеции, Швейцарии. Устанавливался порядок репатриации военнопленных. Через три месяца после вступления соглашения в силу предусматривался созыв конференции по вопросам объединения Кореи и вывода иностранных войск [53].

Перемирие в Корее явилось исключительно важным событием в послевоенной истории международных отношений на Дальнем Востоке. Оно положило конец трагическим событиям, происходившим в течение трех лет на корейской земле. Был погашен очаг новой мировой войны, окрепла уверенность прогрессивных сил в том, что можно обуздать агрессора и сохранить мир на земле.

Прекращение войны стало крупным успехом внешней политики Советского Союза и других стран социалистического содружества. В послании, направленном 30 июля 1953 г. руководителям КПСС и Советского правительства, Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай писали: «Осуществление перемирия в Корее является великой победой лагеря мира и демократии, возглавляемого Советским Союзом. Неустанные усилия, приложенные Советским правительством и советским народом для разрешения мирным путем корейского вопроса, играли огромную роль в деле окончания войны в Корее» [54]. Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай заверяли, что китайский народ вместе с великим советским народом и со всеми миролюбивыми народами будет непрерывно бороться за дело укрепления и защиты мира на Дальнем Востоке и во всем мире [55].

12 сентября в докладе на сессии Центрального народного правительственного совета КНР Пэн Дэхуай, подводя итоги корейской войны, подчеркнул, что победа в борьбе против американской агрессии в Корее «неотделима от помощи и поддержки нашего великого союзника — Советского Союза» [56].

Благодарность китайских руководителей и народа в адрес СССР была вполне заслуженной. Всесторонняя помощь Советского Союза помогла сорвать американские планы захвата территории КНДР, предусматривавшие вслед за этим нападение на Китай с корейского и тайваньского плацдармов. Восстановление мира в Корее означало безопасность для КНР.

Это хорошо понимал ее народ, посылая своих солдат сражаться плечом к плечу с корейскими патриотами, и был уверен в полной победе, так как борьба шла за правое дело.

Женевское совещание по Корее и Индокитаю. Помощь СССР в укреплении международного положения КНР

Перемирие в Корее должно было стать началом длительного и прочного мира на Корейском полуострове. Для этого требовалось решить многие проблемы и наиболее важную из них — объединение Кореи на демократической основе. Кроме того, для обеспечения безопасности в Азии и создания условий для развития стран этого региона по пути национальной независимости, демократии и социального прогресса необходимо было ликвидировать очаг войны в Индокитае, положить конец агрессии французских колонизаторов против народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Советское правительство решило взять на себя инициативу в этом вопросе и приложить усилия на дипломатическом фронте.

В связи с созывом в январе 1954 г. в Берлине Совещания министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Франции для обсуждения германской проблемы, австрийского государственного договора и вопросов европейской безопасности Советское правительство поручило своей делегации добиться на нем принятия предложения о проведении в ближайшее время встречи министров иностранных дел пяти держав, имея в виду участие в ней КНР. На этой встрече предлагалось обсудить вопрос о заключении мира в Корее и о прекращении войны в Индокитае [57]. Правительство США решительно выступило против всяких встреч с участием представителей КНР. Эту позицию поддержала американская реакционная печать. 11 января 1954 г., накануне созыва Берлинского совещания, газета «Нью-Йорк таймс» заявила в редакционной статье, что США «не пойдут на уступки требованиям коммунистов... в вопросе проведения встречи министров иностранных дел пяти держав, поскольку это может быть истолковано как признание красного Китая. США должны и будут сопротивляться такому давлению» [58]. С аналогичным заявлением выступил Даллес [59]. США угрожали сорвать созыв Берлинского совещания, если СССР не откажется от попыток приобщения КНР к международным делам.

Однако вопреки обструкциям госдепартамента США Берлинское совещание состоялось, и избежать обсуждения советского предложения о международной встрече с участием народного Китая американской дипломатии не удалось.

В самом начале работы совещания, 25 января, глава советской делегации В. М. Молотов внес соответствующее предложе-

ние в качестве первого пункта повестки дня. Он высказался за то, чтобы совещание пяти держав — СССР, США, Великобритании, Франции и КНР было проведено весной того же года. В своем выступлении глава советской делегации указал на историческое значение победы китайской революции, выдающиеся успехи китайского народа в строительстве новой жизни, подчеркнул ту важную роль, которую играет КНР как миролюбивое государство, указал на его законное право участвовать в решении всех международных проблем.

По свидетельству американской прессы, это вывело Даллеса, возглавлявшего делегацию США, «из состояния равновесия»[60]. Он метал «громы и молнии», выступал с нападками на СССР и КНР, характеризовал народный Китай как «агрессора», пытался очернить китайскую революцию. Даллес заявил, что «коммунистический Китай... не заслужил того, чтобы занять место в мировом сообществе»[61]. Он сказал, что решительно отказывается от каких-либо встреч с представителями КНР, и обрушился с оскорбительными выпадами в адрес Чжоу Эньлая[62]. «Кто такой Чжоу Эньлай, чтобы позволить ему войти в наш круг?! — злобно восклицал он в пылу полемики.— Это лидер режима, который захватил власть путем кровавой войны, уничтожил миллионы китайцев!..»[63]. Реакционная печать США была полна угроз в адрес КНР. Журнал «Ньюсуик» писал, что в борьбе против Китая и КНДР Соединенные Штаты не остановятся ни перед чем. «В Корее,— подчеркивалось в журнале,— мы прежде всего применим атомное оружие, ударим также по китайцам... Если встанет вопрос о китайском индустриальном центре (имеется в виду промышленность Маньчжурии.— *А. Л.*), мы уничтожим его с помощью атомных и водородных бомб»[64].

США поддержали их английские и французские союзники. Министры иностранных дел А. Идэн и Ж. Бидо заявили: до тех пор, пока «коммунистический Китай не изменит своего поведения в отношениях с другими странами, нет смысла садиться с ним за один стол»[65].

Советская делегация дала решительный отпор нападкам Даллеса и его западных коллег, их обструкционистской позиции. «Надо ли доказывать,— ответил на грубые инсинуации американских дипломатов В. М. Молотов,— что Китай — это великое государство? Надо ли доказывать, что пятьсот миллионов людей, населяющих Китай, заслуживают того, чтобы к Китаю относились как к великой державе?» Он потребовал, чтобы КНР принимала участие в работе ООН, всех других международных форумов, и осудил попытки Запада воспрепятствовать осуществлению законных прав Китая. Отвечая на обвинения КНР в «агрессивных действиях» в Корее, В. М. Молотов указал, что китайские добровольцы вмешались в корейские дела, когда создалась угроза границам Китайской Народной Республики со стороны американских войск, совершивших интер-

венцию в 7—8 тыс. км от границ США[66]. Глава советской делегации подверг резкой критике политику угроз, шантажа, экономического эмбарго и других позорных акций Запада в отношении КНР, являющейся, подчеркнул он, «величайшим завоеванием китайского народа». В. М. Молотов указал, что допущенные Даллесом бестактные отзывы о КНР и ее руководителях «не становятся ни более справедливыми, ни более убедительными, когда их дают в отсутствии китайских представителей ... которые достойным образом ответили бы на эти слова»[67].

В ходе длительных дебатов на открытых заседаниях и состоявшихся конфиденциальных встречах советской делегации в конечном счете удалось расколоть антикитайский фронт и склонить делегации Англии и Франции в пользу проведения встречи с участием КНР, о чем было объявлено на заключительном заседании Берлинского совещания 18 февраля[68]. Советская дипломатия использовала существовавшие и еще более усилившиеся в период совещания противоречия между Вашингтоном, Парижем и Лондоном в связи со сложившейся для Запада неблагоприятной обстановкой в Азии. Как отмечала «Нью-Йорк таймс», выступления советской делегации в Берлине совпали «с новым и очень серьезным наступлением вьетнамских народно-революционных сил»[69]. Франция катилась к катастрофическому поражению в Индокитае и была не в состоянии продолжать колониальную войну. Страна нуждалась в выходе из создавшегося для нее крайне тяжелого положения, и это подталкивало ее сесть за стол переговоров. На правительство Англии оказывали давление страны Южной и Юго-Восточной Азии — члены Британского содружества наций. Напряженность обстановки в регионе мешала этим странам, только что получившим независимость, серьезно заняться решением проблем развития. Поэтому они требовали скорейшего прекращения войны в Индокитае. В подходе Лондона к вопросу о созыве совещания с участием КНР сказались англо-американские противоречия в Китае, обострившиеся в период второй мировой войны и особенно в послевоенные годы вследствие того, что США постарались вытеснить Англию из Китая. После 1949 г. Англия решила взять реванш: она нашла для себя более выгодным признать КНР, установить с ней дипломатические отношения и таким путем попытаться укрепить свои позиции здесь за счет США. В силу этих обстоятельств при обсуждении советского предложения английская делегация, как и делегация Франции, уступила советским требованиям о созыве совещания с участием КНР. Было достигнуто соглашение обсудить на нем вопросы урегулирования конфликтов в Корее и Индокитае и решено пригласить также представителей КНДР, ДРВ, Южной Кореи, Камбоджи, Лаоса и Южного Вьетнама, имеющих непосредственное отношение к вопросам, которые будут на нем рассматриваться. Результат усилий советской дипломатии был тем

более важным, что на происходивших в то время переговорах представителей КНР и КНДР с США в Кэсоне попытки договориться о созыве встречи по корейскому вопросу зашли в тупик.

26 апреля 1954 г. открылось Женевское совещание. Американская дипломатия предприняла все усилия, чтобы не допустить его созыва. В частности, делалась попытка при помощи лисынмановцев и чанкайшистов созвать «антикоммунистическую конференцию» в Вашингтоне с участием западных держав и стран Южной и Юго-Восточной Азии. Однако даже находившийся в тесных отношениях с США Таиланд и тот ответил отказом[70]. 11—13 апреля Даллес совершил поездку в Лондон и Париж, чтобы вынудить Англию и Францию отказаться от участия в Женевском совещании, продолжить войну в Индокитае[71] и форсировать создание СЕАТО. Расширялась помощь США французским колониальным войскам в Индокитае. В середине апреля американское командование совместно с чанкайшистами провело крупные военные маневры в Тайваньском проливе, затем — в Южно-Китайском море[72]. По подсказке американцев Ли Сын Ман заявил о готовности своей армии возобновить военные действия в Корее с участием войск любых стран, которые согласятся его поддержать[73]. Из Вашингтона начали раздаваться угрозы в адрес западноевропейских союзников.

Так, сенатор Ноулэнд потребовал приостановить предоставление финансовых средств странам, которые откажутся поддерживать политику США на Дальнем Востоке[74].

Приемы шантажа, давления, угроз американская дипломатия продолжила и на Женевской встрече. Первым в повестке дня совещания стоял корейский вопрос. Для его рассмотрения были приглашены представители КНДР и Южной Кореи, а также 12 других государств, принимавших участие в интервенции в Корее.

Возглавлявший делегацию США Даллес своим поведением старался показать, что его приезд в Женеву является вынужденным, что он выступает против проведения совещания и потому не имеет к нему ни малейшего интереса. Присутствие делегации КНР вызывало у него резкое раздражение. Он не считал нужным соблюдать по отношению к ней и лично к Чжоу Эньлаю — главе делегации — даже элементарных норм дипломатической вежливости. Он демонстративно не подавал Чжоу Эньлаю руки и делал вид, что вообще не замечает его. В разговорах вместо его имени употреблял выражение «этот чудовищный диктатор» и другие оскорбительные слова.

В своем выступлении 28 апреля, выдержанном в духе «холодной войны» и антикоммунизма, Даллес стремился навязать в качестве основы для решения корейского вопроса резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, принятую 7 октября 1950 г. под давлением США и, по существу, предусматривавшую ликвидацию КНДР и увековечивание оккупации Южной Кореи.

После своего выступления Даллес отбыл в Вашингтон и больше в Женеве не появлялся. Своим демонстративным отъездом он еще раз выразил негативное отношение США к совещанию и предупредил западные державы, что их делегациям следует вести себя с оглядкой на Вашингтон.

Среди представителей западных государств активность проявляла английская делегация, возглавляемая министром иностранных дел А. Иденом. Он и В. М. Молотов были сопредседателями совещания на протяжении всей его работы.

Советская делегация поддержала выдвинутый КНДР план восстановления национального единства Кореи путем проведения свободных выборов под контролем комиссии из представителей Северной и Южной Кореи. Избранное на них Общекорейское национальное собрание должно было образовать правительство страны. Предлагалось вывести из Кореи все иностранные войска. Советская делегация заявила о готовности СССР гарантировать вместе с другими государствами развитие Кореи по мирному пути. Чтобы преодолеть барьеры со стороны западных держав и облегчить решение вопросов о мирном урегулировании, делегации социалистических стран стремились действовать гибко, с расчетом на здравый смысл своих партнеров вносили все новые предложения, поправки, дополнения, выражали готовность рассмотреть любые конструктивные предложения западных держав, призывали их к совместным поискам взаимоприемлемых решений. СССР, КНР и КНДР в порядке уступок согласились на проведение свободных выборов в Корее под контролем международной комиссии, составленной из представителей нейтральных стран, а также на то, чтобы иностранные войска были выведены из Кореи не сразу, а постепенно, в согласованные сроки.

Однако все предложения социалистических стран были отвергнуты делегациями Запада. Тон их выступлениям задавала делегация США, которую после отъезда Даллеса возглавил его заместитель Б. Смит. Делегации западных стран старались уйти от обсуждения предложений социалистических стран, даже не утруждая себя выдвижением сколько-нибудь серьезных аргументов. План мирного урегулирования, представленный КНДР, они объявили «коммунистическим» и на этом основании требовали его отклонения. Например, выступая против предложения КНР, представитель Австрии признался, что «не успел его изучить» (а в действительности даже не прочел), но сказал, что, по его мнению, он «отражает тактику коммунистов», а потому «не сможет служить основой для плодотворной дискуссии»[75]. Примерно таким же образом выступали и другие западные партнеры США.

Из госдепартамента органам печати была дана команда замалчивать предложения социалистических стран, окружить их глухой стеной. Как это делать практически, было продемонстрировано представителем госдепартамента на пресс-конферен-

ции, проведенной американской делегацией. Когда аккредитованные на совещании журналисты спросили, как делегация США оценивает выступление представителя КНДР Нам Ира и есть ли в его предложениях конструктивное зерно, Б. Смит заявил, что он не желает его комментировать. Но поскольку журналисты настойчиво требовали ответа, он сказал, что во время выступления Нам Ира у него «заглохли наушники аппарата» и потому он ничего не слышал [76].

Уже из одного этого факта корреспонденты различных газет должны были понять: им предлагали молчать, и представители реакционной прессы охотно приняли правило этой игры. Они сделали вид, что у них тоже «заглохли наушники».

Труднее было замалчивать инициативы советской делегации. Международный авторитет СССР был настолько велик, что по отношению к его предложениям следовало вести себя корректно. А советская делегация постаралась максимально использовать международное влияние СССР в общих интересах социалистических стран. Своими выступлениями на совещании, через мировую прессу, преодолевая всевозможные барьеры, она решительно отстаивала позиции своих союзников. В. М. Молотов особо указал на тот факт, что представители КНДР и КНР — это посланцы Азии, где проживает более половины населения планеты, и к их голосам необходимо прислушиваться внимательно. В. М. Молотов осудил пренебрежительное, дискриминационное отношение империалистических держав к народам Востока, в результате чего целый ряд азиатских государств, таких, как Индия, Индонезия, Бирма, Пакистан и др., не принимает участие в совещании, «хотя обсуждаемые проблемы имеют непосредственное к ним отношение» [77].

Многие из делегаций западных стран на словах признавали, что в советских предложениях имеется основа для обсуждения проекта соглашения, но на деле всячески уклонялись от их принятия [78]. 15 июня, заранее договорившись, они выступили на пленарном заседании с предложением о прекращении работы совещания. Делегации социалистических стран приложили все усилия к тому, чтобы продолжить поиски путей к достижению приемлемых решений. Чжоу Эньлай внес резолюцию, поддержанную СССР и КНДР, в которой предусматривалось, что место и время новой международной встречи по данному вопросу подлежат дополнительному уточнению заинтересованных государств.

Это предложение социалистических стран в первый момент вызвало замешательство и даже раскол среди делегаций западных государств. Представитель Бельгии Поль-Анри Спаак, а за ним и некоторые другие выразили было свое согласие. Председательствовавший на этом заседании Иден, тоже не высказав возражений, уже собирался объявить о принятии решения и занесении его в протокол совещания. Но Идена бесцеремонно прервал Б. Смит, который заявил, что делегация

США «не готова присоединиться к этому предложению», и фактически заставил своих союзников подчиниться американскому диктату. В результате конкретное предложение, открывавшее путь к обсуждению проблемы объединения Кореи, было отвергнуто.

На втором этапе своей работы совещание перешло к обсуждению вопроса об Индокитае. Здесь складывалась более благоприятная обстановка и иная расстановка сил. Правда, США вновь приняли все меры к тому, чтобы изменить ситуацию и сорвать планы прекращения войны в этом районе, но сделать ничего не смогли. Положение французских интервентов было безнадежным. Ресурсы Франции истощились, колониальная война обострила экономические трудности и внутриполитическую обстановку в стране. По призыву Французской коммунистической партии народные массы решительно выступили с требованием прекратить «грязную войну», обременяющую и позорящую Францию. Эти требования были поддержаны буржуазно-националистическими элементами, что вызвало глубокий правительственный кризис и отставку кабинета Ланьеля. Пришедшему ему на смену правительству Мендес-Франса не оставалось ничего другого, как послать в Женеву делегацию и вести переговоры о мирном урегулировании.

На совещании французская делегация находилась под постоянным давлением со стороны общественных кругов своей страны. В Женеву одна за другой прибывали посланцы различных политических партий, профсоюзов и других массовых организаций, которые вручали петиции, письма французских граждан, проводили пресс-конференции, устраивали манифестации перед посольством и резиденцией главы французской делегации, премьер-министра и министра иностранных дел Пьера Мендес-Франса, решительно требуя немедленного прекращения войны в Индокитае. С этими настроениями французская делегация была вынуждена считаться.

Однако США настойчиво навязывали другой путь. Они обещали Франции взять на себя основное бремя расходов по ведению войны в Индокитае, выделить в 1954 г. дополнительные средства в сумме 385 млн. долл.[79]. Более того, Соединенные Штаты собирались направить в Индокитай свои вооруженные силы и угрожали применением атомного оружия[80]. Вашингтон призывал к «интернационализации» вьетнамской войны, к «единым действиям» по типу совместных выступлений колониальных держав во время подавления «боксерского восстания» в Китае. «В Азии весь район от Японии и Кореи до Юго-Восточной Азии охвачен волнениями»,— заявил Даллес. Он призывал подавить их «объединенными усилиями», которые в прошлом приносили, по его словам, «положительные результаты». «Если мы будем верны этому прошлому,— внушал он союзникам по НАТО,— то можно смотреть в будущее... с надеждой и уверенностью»[81].

Чтобы оказать нажим на Францию и Англию, Даллес совершил экстренный вояж в Париж для переговоров с министрами иностранных дел их правительств. Советы министров Франции и Великобритании созвали экстренные заседания. Но попытки Даллеса выкрутить руки союзникам к желательным результатам для Вашингтона не привели. Англия обещала принять участие в совместной акции лишь в случае провала переговоров в Женеве. На Лондон оказали давление страны Азии — члены Британского содружества наций. Состоявшееся в апреле 1954 г. совещание премьер-министров Индии, Бирмы, Цейлона и Пакистана с участием Индонезии потребовало немедленного прекращения огня и признания независимости Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Английскому правительству пришлось это учитывать.

Но Вашингтон продолжал гнуть свою линию. Лидер республиканцев в сенате Ноулэнд требовал от госдепартамента: если европейские страны откажутся поддерживать политику США, следует искать более «надежных союзников». В их числе были названы Греция, Турция, Таиланд, Филиппины, Южная Корея, Тайвань, Австралия и Новая Зеландия[82].

Однако и попытки США сколотить новый блок из преданных им союзников не увенчались успехом. Сорвать переговоры по индокитайской проблеме не удалось. 8 мая совещание приступило к обсуждению вопроса о восстановлении мира в Индокитае. Накануне пал последний бастион французских колонизаторов — крепость Дьенбьенфу, ее гарнизон капитулировал.

Героические победы вьетнамского народа на полях сражений необходимо было поддержать и закрепить победами политическими: добиться полного прекращения интервенции и предоставления народам Индокитая права самим решать свои внутренние дела.

Советское правительство не жалело никаких усилий во имя достижения этих целей. Делегация СССР совместно с вьетнамской и китайской делегациями приняла все меры к тому, чтобы сделать объектом обсуждения предложения Демократической Республики Вьетнам, предусматривающие признание независимости Вьетнама, Камбоджи и Лаоса, вывод иностранных войск с их территорий, проведение свободных выборов, мирное объединение каждой из этих стран на демократической основе. Предложения ДРВ предусматривали также обмен военнопленными между воюющими сторонами. В качестве первоочередного шага к мирному урегулированию предлагалось заключить соглашение о прекращении огня.

В результате упорной и напряженной политической борьбы социалистическим странам удалось в конечном счете добиться положительных решений. 20—21 июля Франция и ДРВ подписали женевские соглашения о восстановлении мира в Индокитае — во Вьетнаме, Камбодже и Лаосе. Была принята Заключительная декларация, по которой Франция обязалась выве-

сти свои войска с территорий этих стран. Для контроля за выполнением соглашения была создана международная комиссия в составе представителей Индии, Польши и Канады. Запрещался ввод в государства Индокитая иностранных войск и военного персонала, ввоз оружия и боеприпасов. Правительства Лаоса и Камбоджи взяли на себя обязательства не присоединяться ни к каким военным союзам. Такие же обязательства предусматривались для ДРВ и Южного Вьетнама: запрещалось также создание в этих зонах каких-либо иностранных военных баз.

Участники совещания обязались уважать суверенитет Вьетнама, Лаоса и Камбоджи и не допускать вмешательства в их внутренние дела. В Заключительной декларации предлагалось проведение в 1955 г. в Лаосе и Камбодже свободных выборов, а также осуществление политического урегулирования во Вьетнаме на основе независимости, единства и территориальной целостности. Урегулирование имелось в виду осуществить путем свободных выборов, которые намечалось провести в июле 1956 г. под контролем международной комиссии.

Между ДРВ и Южным Вьетнамом устанавливалась временная демаркационная линия, проходившая несколько южнее 17-й параллели.

Министры иностранных дел СССР и Англии — сопредседатели совещания — были уполномочены рассматривать вопросы выполнения соглашения [83].

Американская делегация фактически устранилась от обсуждения вопроса об Индокитае и выработки соглашений о прекращении военных действий. 21 июля правительство США сделало заявление, в котором указывало, что принимает к сведению женевские соглашения и «будет воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью их нарушения» [84].

Так закончилось Женевское совещание по Корее и Индокитаю. Это были три месяца напряженной борьбы между делегациями социалистических стран и делегациями западных держав. И хотя борьба происходила за высокими стенами залов Дворца Объединенных Наций внешне тихой и спокойной Женевы, гул дипломатических баталий мощными волнами разносился по всему миру, приковывая внимание миллионов людей во всех странах, заставляя занять четкие позиции в жизненно важных вопросах войны и мира, вызывая широкие отклики в печати.

И несмотря на то что Соединенным Штатам удалось помешать принятию конструктивных решений по Корее, мировая общественность справедливо оценила итоги обсуждения как морально-политическое поражение Вашингтона и тех, кто его поддерживал.

С нескрываемым раздражением были встречены решения по Индокитаю в правящих кругах США. «Нью-Йорк геральд трибюн» писала: «Реакция конгресса на соглашение о перемирии в Индокитае продолжает оставаться мрачной. Она отра-

жает широко распространенное мнение, что это соглашение означает серьезную неудачу американского руководства» [85]. Ей вторил «Уолл-стрит джорнэл»: «Запад потерпел ужасное поражение» [86].

Американские журналисты братья Олсоп писали в «Нью-Йорк геральд трибюн» 20 июля: «Что бы ни случилось с Индокитаем, внешняя политика и политика в области обороны США за последние 18 месяцев не сработала!.. Соотношение сил в мире все стремительнее складывается в пользу Кремля». Обозреватель Дрю Пирсон отмечал в «Дейли мирор»: «Американская политика в отношении Индокитая провалилась почти с такой же быстротой, с какой Даллес перелетел через Атлантический океан и обратно» [87].

Реакцию всех людей доброй воли выразил в специальном выступлении по поводу итогов Женевского совещания премьер-министр Индии Дж. Неру: «Это одно из выдающихся достижений послевоенной эры... Это также является многозначительным свидетельством широко распространенного стремления к миру во всем мире» [88].

В Демократической Республике Вьетнам, в КНР, во всех других социалистических странах дипломатическая победа в Женеве была встречена с особым удовлетворением и энтузиазмом. Народы и правительства этих стран, а с ними вся прогрессивная мировая общественность обращались со словами благодарности к Советскому Союзу за его большой вклад в дело мира. В своем обращении к вьетнамскому народу 22 июля 1954 г. президент ДРВ Хо Ши Мин, указав на состоявшиеся переговоры между правительством ДРВ и правительством Франции и на факт созыва Женевского совещания, подчеркнул, что все это стало возможным не только благодаря ратным подвигам вьетнамских патриотов, но и благодаря «усилиям делегации СССР на Берлинском совещании» [89].

В Китайской Народной Республике состоялись массовые митинги и манифестации. В выступлениях руководителей партии и правительства, представителей общественности, в комментариях печати подчеркивалось, что Женевское совещание позволило ликвидировать очаги войны у границ Китая, помогло КНР выйти на широкую международную арену, высоко поднять международный авторитет страны. Выступая на массовом митинге, состоявшемся в Пекине 23 июля, Пэн Чжэнь сказал, что «теперь определилось наше место в мире как великой державы» [90]. Был дан решительный отпор агрессивной политике США в отношении Китая, укрепилась его безопасность, сложилась благоприятная внешнеполитическая обстановка для дальнейшего успешного продвижения страны по пути строительства социализма. «Прочной основой всего этого,— подчеркнула Сун Цинлин, заместитель председателя КНР, в интервью, посвященном итогам Женевского совещания,— являются советско-китайский договор, служащий нерушимым фундаментом для обеспечения

мира и прогресса человечества, создавший новые условия для обеспечения дела мира на Дальнем Востоке и во всем мире ... а также советско-китайская дружба, явившаяся естественным результатом того, что Советский Союз всегда проявлял большие симпатии в отношении национально-освободительной борьбы китайского народа». Касаясь политики США, Сун Цинлин заявила: они добиваются, «чтобы наша молодая республика распалась»[91].

В передовой статье под названием «Великая победа, огромной трудности борьба» «Жэньминь жибао» отмечала, что успехи социалистических стран на Женевском совещании стали «результатом огромного роста сил и могущества лагеря мира и демократии, в авангарде которого идет Советский Союз». Орган ЦК КПК вновь подчеркнул выдающуюся роль Советского Союза и его дипломатических инициатив, а также действий КНДР, ДРВ и КНР. Газета указывала, что именно благодаря этому «было достигнуто прекращение огня в Корее, что, в свою очередь, открыло путь к урегулированию спорных вопросов путем переговоров»[92].

Слова признательности в адрес Советского Союза были вполне заслуженными. Действительно, благодаря усилиям СССР и других социалистических стран, всех миролюбивых государств была прекращена интервенция в Индокитае, положен конец войне в Корее, пресечена угроза агрессии США в отношении КНР, предотвращена опасность новой войны на Дальнем Востоке.

Советский Союз честно и последовательно выполнял свою интернациональную миссию и в том, что решительно выступал за укрепление международных позиций КНР, за ее признание и нормализацию отношений с ней всех государств мира. Попытки перечеркнуть или извратить эти страницы истории советско-китайских отношений в конечном счете бесперспективны.

ГЛАВА 8

Американская и китайская историография о победе китайской революции, роли СССР и политике США: правда и вымыслы

В гражданскую войну Коммунистическая партия Китая вступила, имея то же число войск и примерно так же вооруженной, как и в конце антияпонской войны, но ей противостояли куда более мощные силы противника. По оценкам Мао Цзэдуна, гоминьдан превосходил по численности войск в 2,5 раза, а по оснащению вооружением — еще больше [1]. Кроме того, на стороне гоминьдана были военная и экономическая мощь США. В Китае находилось свыше 100 тыс. американских войск — морские пехотинцы, армада боевых кораблей, мощные военно-воздушные силы, базировавшиеся на десятках аэродромов [2], не считая вооруженных сил, дислоцированных поблизости от территории Китая. Вся эта мощь в любую минуту могла обрушиться на ослабленную антияпонской войной Народно-освободительную армию.

И совершенно естественно, что мировая общественность, изумленная победой народно-революционных сил Китая, стремилась понять, почему же все-таки столь сильный противник был разбит, а США вынуждены уйти из Китая.

В Соединенных Штатах этот вопрос был поставлен в таком ключе: «Кто упустил Китай?» Официальный Вашингтон изложил свою версию в «Белой книге по Китаю». Гоминьдан дал собственный анализ причин понесенного поражения. КПК выступила со своей точкой зрения. Каждая из сторон стремилась осветить события и их конечный исход так, как это более всего отвечало ее интересам.

«Белая книга по Китаю» вышла в свет 5 августа 1949 г.[3]. Ее публикация была вызвана прежде всего обострившейся политической обстановкой в самих США. Поражение гоминьдановцев и их американских союзников серьезно подорвало позиции империализма в Азии и вызвало тревогу не только у западных держав, но и у реакционных режимов в регионе и за

его пределами. Наиболее воинственные круги в США повели атаку на политику администрации Трумэна, обвиняя ее в «мягком подходе» к китайским коммунистам и к Советскому Союзу, в потере такого «верного союзника», каким был Чан Кайши. Главный удар был направлен против госдепартамента, а многие его сотрудники, работавшие в Китае, как и ряд специалистов-востоковедов из числа ученых и журналистов, подверглись преследованиям со стороны специально созданной сенатом комиссии по расследованию во главе с сенатором от республиканской партии Дж. Маккарти. Республиканцы стремились использовать поднятую кампанию вокруг вопроса о «потере Китая», чтобы прийти к власти.

Белый дом и госдепартамент предпринимали отчаянные усилия, чтобы как-то объяснить катастрофический для американского империализма провал в Китае. В качестве одной из экстренных мер было решено опубликовать архивные документы и материалы по Китаю, которые охватывали период почти 100-летней истории американо-китайских отношений, начиная с заключения первого договора между двумя странами. Кроме того, что для публикации материалы были тщательно «отсортированы», их тексты были подвергнуты, по выражению издателей, соответствующим «изъятиям».

«Белая книга» была призвана «доказать», что на протяжении всей истории американо-китайских отношений США стремились оказывать Китаю всестороннюю помощь, направленную и на достижение благополучия его народа, и на сохранение его территориальной целостности. Специально подобранные документы «свидетельствовали», что Вашингтон никогда не навязывал Китаю неравноправных договоров, не имел серьезных политических и экономических интересов в этой стране, проводил свою политику, «используя только язык морали», что политика «открытых дверей» преследовала цель «сделать» Китай «великой державой». Политика США противопоставлялась политике всех других стран, особенно Советского Союза, который якобы, начиная со времен царской России, проводит «экспансионистскую» политику в отношении Китая и стран Дальнего Востока в целом.

Сделав беглый экскурс в столетнюю историю, составители «Белой книги» сосредоточили все внимание на событиях 1944—1949 гг.— им отведено около 40% общего объема материалов. Центральное место заняли документы, касающиеся «миссий» эмиссаров Белого дома генералов П. Хэрли и Дж. Маршалла и связанные с их деятельностью вопросы военной и внутриполитической обстановки в Китае, борьбы между гоминьданом и КПК, дипломатических маневров Вашингтона в конце войны и после капитуляции Японии. Некоторые материалы освещают также поездки в Китай со специальными поручениями вице-президента США Уоллеса, генерала Ведемейера и других высокопоставленных представителей США.

В «Белую книгу» включены — разумеется, с соответствующими купюрами — материалы, касающиеся Крымской и Потсдамской конференций, Московских (1945 и 1947 гг.) совещаний министров иностранных дел СССР, США и Англии, советско-китайских переговоров и заключения договора 1945 г., а также ряда других многосторонних и двусторонних встреч, в той или иной форме затрагивающих проблемы Китая.

Основной лейтмотив «Белой книги» выражен предельно ясно: США делали все, что было в их силах, лишь бы спасти гоминьдановский режим и помешать приходу к власти КПК. Как бы отвечая критикам деятельности администрации Трумэна, приводятся многочисленные факты всесторонней помощи правительству Чан Кайши и доказывается (и это одна из главных целей книги), что помощь была более чем достаточной и что основные причины поражения гоминьдановского режима кроются в нем самом, в моральном разложении его лидеров и его вооруженных сил, а виновен во всем лично сам Чан Кайши. Впервые в официальных американских публикациях он осуждался так резко, но прежде всего за то, что не прислушался к советам американских «друзей», не пошел на проведение рекомендованных ему реформ, на «демократизацию» путем некоторого расширения политической базы центрального правительства за счет привлечения представителей других партий, в том числе «умеренных коммунистических элементов».

Курс США, подчеркивалось в «Белой книге», был в своей основе «правильным», и приход к власти в Китае коммунистов никоим образом не являлся результатом экспансионистской политики Вашингтона. Искажалась суть проблемы: ведь именно империалистическая направленность курса Соединенных Штатов объективно содействовала политическому пробуждению широких народных масс и их сплочению вокруг коммунистической партии для борьбы против гоминьдана и обосновавшихся в Китае американцев.

В документах, касающихся «миссий» П. Хэрли и Дж. Маршалла, делаются попытки закамуфлировать их деятельность, направленную на установление американского господства в Китае, полную ликвидацию национально-демократического движения, демагогическими заявлениями об их «беспристрастной», «честной и порядочной» посреднической роли с целью будто бы справедливого политического урегулирования отношений между гоминьданом и КПК.

Немало бранных слов сказано в книге в адрес КПК и СССР. В частности, утверждалось, что КПК была «советским сателлитом», что она «предала интересы своей страны» в угоду «чужеземным». Вместе с тем отмечалось, что среди китайских коммунистов были националистические элементы, которых американцы рекомендовали Чан Кайши привлечь к сотрудничеству, и ставилось ему в вину, что он этого не сделал.

Советскому Союзу без всяких на то оснований приписыва-

лось нарушение договоров и соглашений по Китаю, искажалась его позиция на различных международных совещаниях и форумах. Так, утверждалось, что на Крымской конференции СССР почти силой навязал своим союзникам решения, будто бы невыгодные для Китая, хотя, как показывают приведенные нами факты, инициатива в принятии Ялтинского соглашения исходила от США и Англии и впоследствии оно было горячо одобрено всей мировой прогрессивной общественностью, в том числе и китайской. В «Белой книге» также бездоказательно заявлялось, что на советско-китайских переговорах в Москве в 1945 г. СССР выдвигал требования, выходящие за рамки Ялтинского соглашения, хотя известно, что Советский Союз по ряду важных вопросов пошел навстречу пожеланиям китайской стороны, отступив от буквального соблюдения решений, принятых в Ялте. Как одно из главных обвинений в «нарушении» советско-китайского договора приводится факт, что СССР не оказал помощи правительству Чан Кайши в «реоккупации» Маньчжурии, хотя обязательства СССР, как это четко записано в договоре, касались оказания помощи правительству Китая в борьбе с японскими захватчиками, но не в борьбе с КПК, что в понимании гоминьдановцев и американцев и означало «реоккупацию» Маньчжурии. Извращались вопросы, касающиеся пребывания советских войск в Маньчжурии и сроков их вывода.

Тенденциозно, искаженно излагалось содержание бесед американских представителей, в частности П. Хэрли, Г. Гопкинса и др., с руководителями Советского государства, которые якобы одобряли политику «открытых дверей» в отношении Китая, с похвалой отзывались о Чан Кайши и неуважительно — о китайских коммунистах. Такого рода утверждения выдуманы от начала до конца и рассчитаны на то, чтобы задеть национальные чувства китайских коммунистов и демократов, создать впечатление у мировой общественности, что советские руководители будто бы обещали поддерживать политику США в вопросах послевоенного урегулирования в Китае, но не сдержали своего слова. В действительности Советский Союз никогда не давал повода для подобного мнения, и это продемонстрировано им, в частности, в твердых и решительных выступлениях в поддержку КПК против вмешательства Соединенных Штатов во внутренние дела Китая, за немедленный вывод с его территории американских войск, за предоставление китайскому народу права самому решать, по какому пути пойдет его страна.

Вместе с тем следует отметить, что под наслоениями тенденциозности и фальсификаций в материалах «Белой книги» можно обнаружить и ряд объективных оценок, признание реальностей и фактов. Справедливо отмечалось, что в период антияпонской войны Чан Кайши, как и Мао Цзэдуна, больше всего заботила проблема власти и меньше всего — проблема изгнания оккупантов. Материалы книги свидетельствуют о том, что в правящих кругах США вынашивались планы прямой и

широкой американской интервенции в Китай, его расчленения, отторжения ряда важнейших районов, таких, как Маньчжурия, вся территория к югу от р. Янцзы, Тайвань и близлежащие от него острова. Но попытки практического осуществления этих планов, за исключением операций по отторжению Тайваня, были сорваны, и не последнюю роль в этом сыграло противодействие со стороны Советского Союза, а также тот факт, что Вашингтон осознавал опасность прямого столкновения между СССР и США на Дальнем Востоке.

Включенные в «Белую книгу» документы признают роль СССР в создании маньчжурской революционной базы и ее решающего значения в исходе гражданской войны в Китае. Ставя под сомнение правомерность Ялтинского соглашения и таким образом бросая тень на президента Ф. Рузвельта, его подписавшего, составители книги не смогли не включить в нее материалов, свидетельствующих, что это соглашение явилось результатом учета реального положения дел в мире, что оно отвечало интересам не только Советского Союза, но и всех участников антияпонской коалиции, в том числе — и в не меньшей степени — Соединенных Штатов и Великобритании, что без Советского Союза ни США, ни Англия, не говоря уж о Китае, не в состоянии были быстро справиться с Японией. Высадка на Японские острова могла обойтись американцам, по их собственной оценке, в миллион убитых и раненых. Кроме того, Рузвельт понимал необходимость сотрудничества с СССР не только в войне с державами «оси», но и в вопросах послевоенного устройства мира, и этим целям отвечало налаживание добрососедских отношений между СССР и Китаем.

В условиях, когда правящие круги США вели курс на сговор с гоминьданом и превращение Китая в послушное орудие их империалистической политики на Дальнем Востоке, Ялтинское соглашение отвечало не только задачам безопасности Советского Союза, но и интересам китайского народа, его национально-освободительной борьбы. Именно так это было оценено в документах ЦК КПК, в выступлениях прогрессивных общественно-политических деятелей Китая.

КПК и демократические круги Китая были возмущены антикитайской направленностью «Белой книги», искажением исторических реалий, характера отношений между обеими странами, ненавистью к китайской революции, оскорбительно квалифицируемой как установление «чужеземного господства». Возмущение вызывало вмешательство Вашингтона в китайско-советские отношения, попытки диктовать Китаю, как вести себя с СССР. Учитывая антиамериканские настроения масс, Мао Цзэдун выступил с рядом статей, в которых осуждал американский империализм и правящие круги США как злейших врагов китайского народа[4].

Следует отметить, что, хотя незадолго перед этим Мао Цзэдун и Чжоу Эньлай вели строго секретные переговоры с пос-

лом США Дж. Стюартом и другими американскими дипломатами с целью установления прямых контактов с Вашингтоном, в «Белой книге» об этом нет ни единого слова. Правительство США решило в тот период не публиковать материалы об этих контактах и предало их гласности лишь в конце 60-х, а наиболее секретные — в 70-х годах. Историография КНР и поныне продолжает хранить об этом молчание.

Гоминьдановские лидеры реагировали на выход «Белой книги» довольно сдержанно. Они не стали ссориться со своими американскими покровителями, но спустя некоторое время, прочно обосновавшись на Тайване, выступили со своей оценкой изложенных в ней событий. Эта оценка содержалась в литературе по международным отношениям, которую стали выпускать гоминьдановские авторы. Книги У Сянсяна «История агрессии русского царизма в отношении Китая» (Тайбэй, 1954), Дун Янпина «Захват Советской Россией Дунбэя», Чэнь Сяовэя «Почему мы потеряли континентальный Китай» (Тайбэй, 1964), Фу Цисюэ «История китайской дипломатии» (Тайбэй, 1972), ряд мемуаров отражали официальную чанкайшистскую точку зрения. Главный смысл этих сочинений сводился к тому, что в крахе гоминьдановского режима виновны в первую очередь СССР и отчасти США. На Советский Союз возлагалась «вина» за то, что только благодаря его поддержке КПК избежала поражения в гражданской войне и пришла к власти, а на Соединенные Штаты за то, что не пошли на прямую военную конфронтацию вплоть до вступления в войну с СССР ради спасения гоминьдановского режима.

В наиболее концентрированной форме эти суждения изложены в книге Чан Кайши «Советская Россия в Китае», вышедшей в середине 50-х годов и переиздававшейся в последующие годы.

По словам самого автора, одна из главных целей его книги — «разобраться» в причинах, которые привели гоминьдановский режим, а вместе с ним и американцев к поражению. Книга от начала до конца проникнута духом антисоветизма и антикоммунизма, ненавистью к «русским коммунистам». Он объявил их «врагом номер один», главными виновниками краха его правительства.

По признанию Чан Кайши, у него были особые и давние счеты с «русскими коммунистами». Он ненавидел их прежде всего за то, что они совершили Великую Октябрьскую социалистическую революцию, которая имела «решающее воздействие на прогрессивных людей во всех странах Азии, где вековое колониальное господство западных держав уже посеяло к тому времени семена недовольства и возмущения» [5]. Чан Кайши признавал, что сразу же после первой мировой войны «западные державы вновь взялись за восстановление своих особых прав и интересов в Китае и лишь одна Советская Россия дружески относилась к Китаю... Вполне естественно, это дало основание

китайскому народу верить, что русская революция означала конец старого империалистического режима, характеризовавшегося агрессией, деспотизмом, и ознаменовала собой начало новой эры равенства и дружбы между Китаем и Россией»[6].

Самый большой вред, считал Чан Кайши, русские коммунисты причинили гоминьдановскому режиму тем, что «создали Коммунистическую партию Китая», но вместе с тем отмечал, что они первыми поддержали Сунь Ятсена и возглавляемую им партию гоминьдан в деле объединения страны, посоветовали китайским коммунистам объединиться с гоминьданом и признать руководящую роль Сунь Ятсена. Это знаменовало собой начало периода «мирного сосуществования» между гоминьданом и коммунистической партией, а также между Китаем и Советской Россией.

Чан Кайши признавал, что Советский Союз стремился воздействовать на китайское правительство, чтобы не допустить разгрома КПК. «Всякий раз,— писал он,— когда коммунисты терпели неудачи на поле боя, международные коммунисты (ВКП[б] и другие компартии.— *А. Л.*) неизменно приходили им на выручку»[7]. Так было в 1927 г., так было в период последовавших за этим военных походов против созданных КПК «советских районов», «так это случилось в конце второй мировой войны»[8].

Свое недовольство Чан Кайши выражал и по поводу того, что Советский Союз выступал с критикой проводимой гоминьданом политики подчинения Китая интересам США, а также его реакционной внутренней политики. Советское правительство требовало от гоминьдановского руководства, отмечал Чан Кайши, чтобы оно проводило независимую внешнюю политику и шло на создание коалиционного правительства[9].

Русские проявляли к китайским коммунистам «такие же симпатии, какие питали к коммунистам всех других стран»,— писал Чан Кайши. Сталин «требовал от китайского правительства... чтобы оно шло на уступки, удовлетворяющие требования китайских коммунистов, и строило свои отношения с КПК на принципах „мирного состязания“»[10].

Чан Кайши признавал, что решающими для судеб гоминьдановского режима были 1945—1949 гг. Среди главных событий тех лет, которые в конечном счете и привели к образованию КНР, он называет подписание Ялтинского соглашения по вопросам Дальнего Востока, заключение советско-китайского договора 1945 г., вступление советских войск в Маньчжурию[11].

Касаясь послевоенного периода, Чан Кайши более всего жалел о том, что внешняя политика Советского Союза помешала ему развязать гражданскую войну сразу же после капитуляции Японии, когда гоминьдан имел превосходство сил. «После окончания китайско-японской войны,— писал он,— тезис о том, что коммунистическая проблема (т. е. конфликт между гоминьданом и КПК.— *А. Л.*) может быть решена толь-

ко политическими, а не военными средствами, ввел в заблуждение общественность Китая и всего мира, включая некоторых руководящих деятелей, заставив их поверить, что этот тезис указывает на единственный выход из создавшегося положения... Китайское правительство в конечном счете было вынуждено пойти на политические консультации и переговоры с коммунистами. Последовал длительный период ни мира, ни войны... такое положение дел в высшей степени деморализовало государственный аппарат и в особенности вооруженные силы. Закончилось все тем, что коммунистам удалось свергнуть правительство силой» [12]. Если бы Москва, считал Чан Кайши, не помешала ему своевременно «взять курс на подавление вооруженных выступлений коммунистов силой, гоминьдан добился бы успеха так же, как десять лет назад в южных районах провинции Цзянси» [13].

Гоминьдановцы и лично Чан Кайши неоднократно отмечали, что наряду с упоминавшейся ранее передачей народно-революционным войскам в Маньчжурии японского трофейного оружия важным фактором в пользу победы коммунистов служила морально-политическая поддержка, в том числе через средства массовой информации, которая постоянно оказывалась СССР и компартиями ряда других стран. «Меня характеризовали как фашиста, а мое правительство — как реакционное, бездарное и коррумпированное»,— писал Чан Кайши, что, с его точки зрения, серьезно подрывало позиции гоминьдановского руководства как внутри страны, так и за рубежом, в том числе в США. Все это содействовало тому, чтобы «китайские коммунисты смогли захватить власть». «Москва,— негодовал он,— мобилизовала коммунистов других стран на дискредитацию нашего правительства в глазах мировой общественности и расстроила наши отношения с правительством США... В результате Соединенные Штаты были вынуждены вывести войска из Китая...» [14].

Чан Кайши подстрекал США к войне с СССР и убеждал американцев, что, поскольку они находятся слишком далеко, пламя войны их не коснется, что задача США — служить лишь тылом и опорной базой «свободного мира» в его борьбе «против коммунизма», а воевать за них будут другие. Он пытался внушить американцам, что в случае возникновения новой мировой войны Соединенным Штатам не грозит опасность превращения их территории в «поле боя» [15].

«Самыми крупными достижениями» империализма в борьбе против коммунизма Чан Кайши считал создание Организации Североатлантического договора (НАТО), втягивание в него Западной Германии и заключение договоров между союзниками и Японией.

Чан Кайши призывал крепить НАТО и, сетуя на то, что между его членами существуют экономические и политические противоречия, в особенности между Западной Европой и США, призывал к их устранению все в тех же целях — борьбы с «рус-

ской опасностью»: «В одиночку ни одна из стран Западной Европы не в состоянии будет защитить себя от России. Объединенные, они образуют мощную силу». Он советовал правительствам стран Запада следовать в фарватере политики Вашингтона и бороться против «изоляции Западной Европы от США», поучал членов НАТО, что существующие в этом блоке «слабости предоставляют России возможность вызывать взаимное недоверие между его участниками, в особенности между США и остальными странами»[16].

Государства «свободного мира», считал он, должны решительно бороться против политики «русских коммунистов», направленной на поддержку национально-освободительной борьбы народов Азии. Он осуждал страны, которые отказываются от участия в империалистических блоках: «Они думают, что могут вечно сидеть на заборе»[17]. Он настойчиво советовал США и их союзникам не уступать позиций в странах Востока, не ослаблять там своего «присутствия», призывал их к войне против национально-освободительных и революционно-демократических движений в Азии (он именовал их «антикоммунистическими войнами») — такие войны, считал Чан Кайши, не страшны, так как они будут носить «локальный» характер. Он призывал западные страны в борьбе против СССР не останавливаться перед глобальной войной.

Эти реакционные идеи не заслуживали бы внимания, если бы они были похоронены и превратились в прах вместе с бесславно покинувшим этот мир гоминьдановским лидером, который их выдвинул и так рьяно проповедовал, особенно после своего бегства на Тайвань. К сожалению, этого не случилось. У этих идей нашлись поклонники, причем среди тех, кто совсем недавно решительно осуждал философию и политические взгляды чанкайшистов.

В китайской историографии 60—70-х годов появились попытки пересмотра в негативном плане истории советско-китайских отношений[18]. Допускалось искажение фактов по многим вопросам[19], в том числе по поводу продажи Советским Союзом КВЖД властям Маньчжоу-го, игнорировался общеизвестный факт, признанный в свое время всей мировой общественностью, что эта акция была предпринята с целью лишить японских милитаристов всякого повода спровоцировать войну против Советского Союза в условиях надвигавшегося нашествия со стороны гитлеровской Германии[20].

В то же время в освещении внешней политики США и китайско-американских отношений произошел резкий поворот от критики империалистической сущности дипломатии Вашингтона к поискам «позитивного» в ней. А в оправдание стали утверждать, что раньше к указанным вопросам в КНР подходили односторонне[21]. Стараясь оправдать политику сближения с американским империализмом, некоторые китайские историки и публицисты принялись буквально расхваливать политику Сое-

диненных Штатов, в том числе в отношении Китая. Отсюда появились оценки, дезавуирующие то, что писалось в 40—50-х годах и даже позже. В частности, начали опровергать причастность США к «мюнхенской политике» на Дальнем Востоке в 30-х годах, внушать мысль, будто США проводили до и в период второй мировой войны принципиально иную политику, чем Великобритания и другие западные державы — союзники Вашингтона, не попустительствовали японской агрессии против Китая, «не продавали Китай Японии»[22]. Переоценивалась помощь, оказанная американцами Китаю после начала войны на Тихом океане, в частности поставки по ленд-лизу, подчеркивалось значение США в том, что Чан Кайши не пошел на компромисс с японским милитаризмом.

Некоторые историки и публицисты в поисках «позитивного» в политике Белого дома пошли даже дальше американских коллег — приверженцев «новой китайской политики» Вашингтона. В частности, Ван Си писал в статье, опубликованной в журнале «Шицзе лиши», что на протяжении более чем ста лет США вели себя по отношению к Китаю гораздо лучше, чем все другие империалистические державы, что они были единственной страной, которая «никогда не покушалась на китайские территории»[23], что установленный в 1950 г. американский контроль над Тайванем и Тайваньским проливом являлся всего лишь «заслуживающим сожаления эпизодом, ушедшим в прошлое»[24]. Он замалчивал общеизвестный факт, что США и поныне служат главным препятствием на пути воссоединения острова с материковым Китаем.

Как только империалистические круги США сочли, что проводимая Пекином политика отвечает и их интересам, отношение к КНР резко изменилось. Переориентировалась и американская пропаганда. Создавая соответствующий фон для американо-китайского сближения, она сосредоточила свои усилия в трех направлениях: как можно шире и активнее использовать материалы антисоветского содержания для нападок на внешнюю политику СССР; представить в благоприятном свете экспансионистскую политику Вашингтона в отношении Китая, имея в виду, в частности, сохранение американского контроля над Тайванем; оказать морально-политическую поддержку внутренней и внешней политике китайского руководства.

Даже «культурная революция», о которой в США и на Западе в целом писалось как о постигшей Китай «ужасной трагедии», словно по мановению волшебной палочки, превратилась под пером американских публицистов в «великое благо», а китайское общество периода «культурной революции» — в «самое преуспевающее общество в мире»[25]. По признанию американских журналистов Д. Милтона, Н. Милтон и Ф. Скурмана, такого рода лицемерные репортажи потоком потекли с пишущих машинок разного рода визитеров, которые толпами устремились из США и ряда других стран в Китай.

В связи с американо-китайским сближением госдепартамент США поспешил опубликовать серию многотомных сборников документов и материалов по Китаю, десятки лет хранившихся в его архивах и охватывающих период окончания второй мировой войны до образования КНР.

В сборниках, выпуск которых начался в конце 60-х и продолжался в 70-х годах[26], госдепартамент уже не делал упора на показ всесторонней помощи гоминьдановскому режиму для его спасения. Впервые были довольно широко освещены контакты американцев с представителями КПК, имевшие место почти вплоть до провозглашения Китайской Народной Республики. Этим, по-видимому, госдепартамент хотел показать, что США искали пути к установлению отношений с ее руководством, но обеим сторонам мешали определенные обстоятельства. Судя по содержанию сборников, американо-китайские встречи в Яньани освещены далеко не полностью. Как заявил Дж. Маршалл на дискуссии «за круглым столом», состоявшейся в госдепартаменте в октябре 1949 г., у него было около 600 встреч с Чжоу Эньлаем[27], в сборниках же нашли отражение лишь несколько десятков. Содержание остальных, очевидно, продолжает сохраняться в тайне.

В этих материалах шире, чем в «Белой книге», показаны политические маневры, осуществляемые Маршаллом в качестве «беспристрастного арбитра» между гоминьданом и КПК, четко прослеживается мысль, что в лице руководителей КПК правящие круги США хотели видеть националистов-антисоветчиков. Без конца повторяются имена лидеров некоторых коммунистических партий, поссорившихся с СССР, и указывается, что именно их примеру должен следовать Мао Цзэдун, если он хочет «дружить» с США[28]. Американским дипломатам в Китае давались установки проводить среди коммунистов и демократов работу именно в этом направлении.

Посол США в Китае Стюарт в инструкциях генеральному консульству в Шанхае писал после освобождения этого города войсками НОА: «Предлагаю вам внимательно следить, насколько это возможно, за всеми коммунистическими печатными материалами, распространяемыми в Шанхае, чтобы определить в сравнении с печатными материалами, публикуемыми в других районах, как высоко оценивается роль Советского Союза. В Нанкине, судя по выступлениям прессы, коммунисты смотрят на Москву как на источник вдохновения и образцовый пример для подражания. Международная информация подается там только по материалам ТАСС... Продается большое количество советской литературы... Нам важно было бы знать, есть ли существенные отступления от подобной практики в Шанхае»[29].

Американским дипломатам предлагалось внимательнейшим образом следить за выступлениями лидеров КПК, тщательно их изучать и сравнивать с высказываниями прошлых лет, под-

мечать малейшие различия, и прежде всего с точки зрения отношений к СССР и Западу.

Через посольство и консульства Вашингтоном была мобилизована широкая агентурная сеть, посредством которой, как постоянно требовал Стюарт, осуществлялся сбор информации о настроениях в КПК и различных общественно-политических кругах по отношению к Советскому Союзу и к Западу, усиленно велась обработка общественного мнения в антисоветском духе. В донесениях в Вашингтон, со ссылкой на агентурные сведения (имена информаторов, разумеется, опущены), содержалось много грубых инсинуаций и измышлений о Советском Союзе. Например, в телеграммах Стюарта сообщалось, что со стороны СССР якобы «не проявляется энтузиазма» по поводу побед КПК, «не уделено внимания созданию Общества китайско-советской дружбы» [30]. Генеральный консул в Шанхае писал государственному секретарю США, будто бы «многие железнодорожные эшелоны с хлебом вывозятся из Северного Китая в Россию», что СССР не выполняет обязательств по торговле с Маньчжурией, не поставляет ряда товаров, а по многим поставкам завышает цены [31], что китайская общественность выражает недовольство по поводу других действий СССР в Маньчжурии, что заключением договора 1945 г. СССР «предал китайских коммунистов», и т. д. и т. п.[32].

На первый взгляд может показаться странным, для чего требовалось передавать в Вашингтон подобные сведения. Ведь в госдепартаменте не могли не знать, что это грубая дезинформация. Однако все разъясняется рекомендациями, которыми сопровождались такого рода шифродонесения: передать для использования радиостанцией «Голос Америки». Как известно, эта радиостанция набила руку на клеветнических фальшивках, и для нее было важно преподнести их в качестве информации «с места событий».

Генеральный консул в Тяньцзине передавал в госдепартамент: «Нам следует и дальше использовать любую возможность, чтобы вбивать клинья между китайским народом и коммунистическими властями и подчеркивать несовместимость интересов Китая и Советов» [33].

Анализируемые документы госдепартамента 60—70-х годов пестрят набившими оскомину штампами: «КПК — орудие советской экспансии», она действует по «инструкциям из Кремля» и т. п. Эти оскорбительные для СССР и КПК провокационные формулировки имели определенную цель: подогревать националистические и шовинистические настроения в Китае, в том числе и в самой компартии [34]. Уместно привести в этой связи выдержки из донесения генерального консула в Шанхае Дж. Кабота государственному секретарю США. Говоря о поставленной перед американскими дипломатами и работниками спецслужб в Китае задаче оторвать Китай от СССР, он писал, что для Соединенных Штатов является «жизненно важным, когда наступит этот разрыв — через два года или через две-

сти лет. Наша политика может оказать на это огромное влияние»[35].

Изменение «китайского курса» Вашингтона и связанное с этим опубликование материалов госдепартамента активизировало выступления американских ученых по китайской проблематике, в том числе по вопросам политики США и американо-китайских отношений на рубеже 40—50-х годов. Последовала серия симпозиумов, конференций, «круглых столов» с участием не только американских китаеведов, но и ученых-востоковедов из ряда других стран, появилось множество книг, статей и прочих публикаций. Большинство исследований отвечало задачам «новой американской политики» в Китае.

Если раньше делался упор на то, что победа китайской революции была практически «делом рук Москвы», то теперь многие ученые впали в другую крайность. Подыгрывая китайским историографам, они, в свою очередь, стали приписывать чуть ли не все заслуги стратегии «народной войны», тому, что Мао Цзэдун не прислушивался к советам Коминтерна и ВКП(б), действовал вопреки им и т. п.

В США и в других странах Запада многочисленные публикации ярых антикоммунистов и антисоветчиков, ссылавшихся на свои беседы с «китайскими официальными лицами», содержали ворохи необоснованных «претензий» к СССР и грубых вымыслов, выдаваемых за мнение китайцев. Один из таких «авторов», некто Дж. Смит, в антисоветской фальшивке, специально рекомендованной китайским издательством в Гонконге не только западным, но и китайским читателям (издано на китайском языке), утверждал, что И. В. Сталин якобы требовал от КПК в 1945 г. распустить китайскую Красную армию, хотя в действительности СССР помог вооружить Народно-освободительную армию трофейным оружием. Дж. Смит заявлял, что Советский Союз «разрешил» США и Англии лишить НОА права принять капитуляцию японских войск и тем «причинил ущерб КПК»[36]. Подобный вымысел преследовал, видимо, цель оправдать неподготовленность командования НОА к завершающему этапу войны с Японией. С одной стороны, в заявлениях представителей Яньани утверждалось, что к концу войны у КПК была почти миллионная регулярная армия и около 2 млн. партизан. С другой, как показали факты, в момент капитуляции японцев, имея такое численное превосходство, НОА не смогла заставить противника сложить оружие и занять крупные города до прихода гоминьдановских и американских войск, хотя времени для этого было достаточно. Приказ Чан Кайши японцам, поддержанный Макартуром, не сдавать оружия войскам КПК, конечно, создавал для НОА большие, но не непреодолимые трудности. Тем не менее нанести сколько-нибудь серьезные удары по японцам командование НОА не смогло.

Понимая, что на фоне интернациональной помощи, которую оказывал СССР китайскому народу в самые тяжелые дни испы-

таний, американо-китайские отношения выглядят неприглядно, историография США стремится оправдать империалистический курс Вашингтона и бросить тень на ленинскую политику СССР.

В этой связи многие ученые утверждают, что в основе политики США лежало стремление не допустить установления над Китаем «контроля Москвы» [37], о чем, например, писал профессор Мичиганского университета У. Коуэн. Профессор того же университета, бывший советник Белого дома по делам Китая М. Оксенберг заявляет, что политика США всегда «покоилась на гуманистической основе» [38]. У. Коуэн считает, что США во все времена относились к Китаю, как «страна изобилия» к бедной стране, «нуждающейся в защите ее Соединенными Штатами» [39]. С. Левайн утверждает, что как до, так и после победы китайской революции политика СССР была направлена на то, чтобы иметь в лице Китая «слабого соседа» [40]. Игнорируются общеизвестные факты помощи СССР, в особенности народному Китаю, направленные как раз на превращение его в независимое, экономически сильное государство, с высокоразвитой индустрией. Тот же Левайн делает голословный вывод, что главным внешним фактором, негативно воздействовавшим на внутриполитическую обстановку в Китае, было не вмешательство США, а «советско-американское соперничество, борьба за господство и влияние в Китае» [41]. В подтвержение своих выводов о «советском господстве» Левайн, естественно, не смог привести ни одного факта, как этого не удалось сделать и тогдашнему государственному секретарю США Дж. Даллесу. С трибуны Генеральной Ассамблеи ООН В. М. Молотов объявил, что СССР решил безвозмездно передать Китаю свои имущественные права на КЧЖД и другую принадлежащую СССР собственность, вывести войска из Порт-Артура, передать эту военно-морскую базу Китаю, и спросил, поступали ли таким же образом когда-либо и где-либо Соединенные Штаты. Дж. Даллес уклонился от ответа.

Стремясь перекинуть из прошлого в настоящее американо-китайских отношений мосты, которые так необходимы Вашингтону, буржуазные политологи выдвинули необоснованные тезисы, утверждая, например, что после второй мировой войны одна из главных стратегических целей СССР в Азии состояла в том, чтобы «удалить» США с Азиатского континента, что СССР препятствовал налаживанию американо-китайских отношений и признанию Соединенными Штатами Китайской Народной Республики, чего якобы желала администрация Трумэна.

Замалчиваются общеизвестные факты, зафиксированные на страницах мировой, в том числе американской, печати, свидетельствующие о том, что с первого же дня образования КНР СССР решительно выступал за признание ее всеми государствами мира, в том числе США, за установление с народным Китаем самых добрых отношений на основах равенства и уважения его суверенных прав; вел упорную борьбу в ООН, тре-

буя от США порвать с гоминьдановской кликой на Тайване и прекратить чинить препятствия доступу КНР в международные сообщества. Другими словами, Советскому Союзу всегда была чужда политика развития отношений с Китаем и любой другой страной за счет интересов третьих стран, как это стремятся делать ныне в Вашингтоне и Пекине.

Роль главного сторонника идеи нормализации отношений США с КНР в 1949—1950 гг. приписывается тогдашнему государственному секретарю Д. Ачесону, который якобы именно с этой целью настоял на издании «Белой книги», выступал за то, чтобы США не вмешивались во внутренние дела Китая и не препятствовали высадке на Тайване войск НОА, если бы КПК решила предпринять подобную операцию[42]. При этом ссылаются и на заявление Г. Трумэна о китайской политике Вашингтона, с которым он выступил 5 января 1950 г. и тоже будто бы по настоянию госдепартамента и лично Ачесона. Приводятся слова Трумэна, что «Соединенные Штаты... не имеют намерения использовать свои вооруженные силы для вмешательства в нынешнюю обстановку в Китае» и что американское правительство «не будет предоставлять военную помощь или давать советы вооруженным силам на Формозе»[43]; утверждается, что это обещание не было осуществлено только потому, что началась корейская война и Китай послал туда своих добровольцев[44].

Однако факты — вещь упрямая, и они показали, что заявления Трумэна и Ачесона были не чем иным, как дымовой завесой, под прикрытием которой в Вашингтоне шла подготовка к отторжению Тайваня. Готовились меры вплоть до свержения Чан Кайши и выдворения его в другую страну, если он будет противодействовать установлению над Тайванем контроля США. Как уже упоминалось, документы, свидетельствующие об этих замыслах, приводятся, в частности, в изданной в США в 1980 г. книге «Смутные годы. Китайско-американские отношения. 1947—1950 гг.»[45]. Свои агрессивные действия правящие круги США пытались оправдать мифом о «советской угрозе».

Некоторые американские ученые, противореча самим себе, нередко приводят многие факты, указывающие на истинную суть политики США в Китае. Тот же М. Оксенберг признает, что начиная с середины XIX в. «Запад диктовал Пекину, как ему вести себя с остальной частью человечества»[46]. Профессор Темпельского университета США У. Хейнрикс пишет, что Соединенные Штаты «строили свои отношения с Китаем, прибегая к военным действиям, полицейским акциям».

Что же касается разрекламированной политики «открытых дверей», то она, по свидетельству Хейнрикса, «опиралась на американские вооруженные силы, которые и претворяли ее в жизнь»[47]. Характеризуя послевоенную политику США, он отмечал, что «широкая военная помощь гоминьдану, поддержка, оказанная ему миссией Маршалла... замедляли ход китайской революции и делали ее победу еще более трудной»[48].

Указывая на несостоятельность утверждений своих американских коллег, слишком безапелляционно и бездоказательно оправдывающих политику США в отношении Китая с позиций антисоветизма, некоторые ученые, такие, как Р. Стил, более трезво подходят к оценкам политики США и признают, что «одним из определяющих ее факторов» был и остается экспансионизм. Он подчеркивает, что Соединенные Штаты никогда не мыслили себе американо-китайские отношения иначе, как подчинение Китая своему диктату. «Китай, не подчиненный американским интересам,— говорил он, выступая на научной конференции по вопросам отношений между двумя странами, состоявшейся в Маунт Киско (США) в июне 1978 г.,— всегда рассматривался Вашингтоном как страна, враждебная Соединенным Штатам». В этом, признает Р. Стил, и следует искать ключ к американо-китайским отношениям конца 40-х и последующих годов [49].

Известный ученый Дж. Фэйрбэнк писал, что после второй мировой войны и капитуляции Японии американцы пришли в Китай не как освободители, а как завоеватели и вели себя здесь так, как «не бывало даже во времена договорных портов» [50], т. е. в довоенный период.

Что касается политики СССР в отношении Китая, то, когда некоторые ученые США начинают анализировать источники сил, позволивших КПК одержать победу в гражданской войне, логика фактов невольно приводит их к главному фактору: это помощь СССР и, в частности, создание маньчжурской революционной базы. Так, один из известных консервативных исследователей, Р. Торнтон, писал, что начиная с середины 1946 г., т. е. с наиболее критического для КПК момента, когда против ее армии Чан Кайши бросил свои основные вооруженные силы, «Советский Союз решительно взялся за укрепление позиций китайских коммунистов в Маньчжурии» [51]. Конечно, последние, справедливо отмечает он, сами внесли большой вклад, но без поддержки СССР они не могли бы устоять. «Вместе с Советским Союзом,— отмечает Торнтон,— они создали политическую, военную и экономическую базу, что в конечном счете и привело к победе. Это была нелегкая задача, поскольку китайские коммунисты к тому времени понесли тяжелые поражения от гоминьдановских войск. Пришлось начинать почти с нуля. И не может быть никакого сомнения в том, что, если бы не помощь Советского Союза, китайским коммунистам не оправиться бы от тяжелых поражений под Сыпингаем в такие быстрые сроки. К началу весны 1947 г. они уже были готовы взять инициативу в свои руки» [52].

Торнтон подробно излагает конкретные меры, которые были предприняты СССР для оказания помощи китайским коммунистам в освобождении Маньчжурии: организация материально-технического обеспечения Объединенной демократической армии Маньчжурии, работа железнодорожного и речного транс-

порта, восстановление разрушенных мостов и переправ при содействии советских специалистов, подготовка военных и инженерно-технических кадров и т. п.[53].

На эти факты указывалось и в других публикациях, в частности в книге «Китайская Республика», изданной под редакцией китаеведов Ф. Скурмана и О. Скелла. В ней приводится материал, подготовленный в свое время известным дипломатом и разведчиком У. Буллитом, который писал, что к моменту капитуляции Японии КПК не имела в Маньчжурии вооруженных сил, а благодаря помощи СССР там уже к 1947 г. была сформирована и оснащена японским трофейным оружием армия, насчитывавшая около 350 тыс. человек[54].

Такого же рода свидетельства можно найти при тщательном рассмотрении и в отдельных документах, содержащихся в сборниках госдепартамента. В некоторых из них указывается, например, что необходимость считаться с «советским фактором» не раз удерживала гоминьдановцев и американцев от слишком опрометчивых акций в отношении КПК, что это обстоятельство сыграло не последнюю роль в том, что им приходилось длительное время мириться с существованием Особого района, а во время гражданской войны в Маньчжурии воздержаться от перенесения военных действий в ее северную часть. Более того, в записи беседы от 28 августа 1946 г. Дж. Маршалла с гоминьдановским генералом Ю Давэем, представителем китайского правительства в «Комитете 3-х», содержится такое предупреждение в адрес гоминьдановцев: «Я хочу, чтобы вы поняли главное... не может быть сомнения в том, что, если военные действия перекинутся в Маньчжурию, это будет означать, что вы приглашаете русских вмешаться в дела Китая. В этом случае пеняйте на себя»[55]. В другом документе признается, что после того, как в Маньчжурии развернулась гражданская война и гоминьдановской армии удалось на первом ее этапе нанести в сражениях под Сыпингаем поражение войскам Линь Бяо, Чан Кайши все же не решился развить успехи и двинуть армии через р. Сунгари для захвата граничащих с СССР районов Северной Маньчжурии, опасаясь, по его словам, неблагоприятной реакции со стороны СССР.

Перечень фактов о признании американской историографией роли помощи Советского Союза в победе китайской революции можно было бы продолжить, но и приведенных вполне достаточно, чтобы непредвзятый в суждениях читатель мог составить об этом правильное представление.

Что касается отношения к этим вопросам в Китае, то и на страницах китайской печати начали появляться материалы, хотя и весьма редкие, в которых положительно оценивается роль Советского Союза в судьбе Китая. 25 июля 1983 г. «Жэньминь жибао» в статье за подписью И Миня отмечала, что Советский Союз явился главной силой не только в разгроме гитлеровской Германии, но и милитаристской Японии, что не

американские атомные бомбардировки японских городов, а вступление войск СССР в Маньчжурию и поражение Квантунской армии вынудило Японию безоговорочно капитулировать.

В мемуарах бывшего заместителя министра иностранных дел КНР У Сюцюаня («Восемь лет в министерстве иностранных дел. 1950—1958») признавалось, что в борьбе против попыток империалистических держав во главе с США задушить КНР, использующих экономическую блокаду и иные методы, китайский народ опирался на прочную поддержку СССР и других социалистических стран, что помощь СССР нашла глубокое отражение в советско-китайском договоре и в целом ряде соглашений, которые не только имели, по словам У Сюцюаня, огромное значение для развития экономики Китая, но и высоко подняли его международный авторитет [56].

Китайская историография последних лет в связи с приближением 40-летия Победы над фашистской Германией и милитаристской Японией, как и западная историография, резко повысила свое внимание к вопросам истории второй мировой войны [57]. Судя по состоявшемуся в конце сентября 1984 г. в Пекине симпозиуму, перед китайскими учеными и работниками пропагандистского фронта поставлена задача выработать, как отмечалось в печати, «собственные» китайские концепции и «восстановить историческую истину». В свете этих задач китайскими авторами подготовлен целый ряд коллективных трудов и авторских монографий, учебников для студентов высших учебных заведений, книг по вопросам, касающимся различных аспектов истории второй мировой войны, вопросов международных отношений послевоенных лет. Среди них можно назвать, в частности, многотомную публикацию «Вторая мировая война. 1939—1945 гг.», «Историю международных отношений», мемуары бывших военачальников, дипломатов, воспоминания группы работников КПК, находившихся в конце 40-х годов в Маньчжурии [58].

У некоторых авторов выработка «собственных» концепций по ряду важных вопросов нередко сводится, по существу, к повторению оценок и разного рода «сюжетов», очень схожих или заимствованных у западной буржуазной историографии, давно разоблаченных и отвергнутых историками социалистических стран, в том числе в самом Китае, а также прогрессивными учеными других государств. В частности, в духе западной историографии и пропаганды освещаются такие важные акции советской дипломатии, как заключение советско-германского договора 1939 г., советско-японского договора о нейтралитете 1941 г.; извращаются решения Крымской конференции по вопросам Дальнего Востока. В частности, в работе «Вторая мировая война. 1939—1945 гг.» это соглашение резко осуждается за то, что оно было заключено руководителями СССР, США и Великобритании без участия Чан Кайши,— это квалифицируется как «сделка о разделе», «проявление политики диктата» [59]. Сле-

дует напомнить в этой связи, что после смерти Рузвельта наиболее реакционные круги США осуждали СССР и своего покойного президента за то, что заключением Ялтинского соглашения США лишились возможности прибрать к рукам Маньчжурию.

Следует напомнить и о том, что решения Крымской конференции, реализованные в советско-китайском договоре 1945 г., были высоко оценены всей китайской общественностью и Компартией Китая. В органах печати ЦК КПК договор был назван самым справедливым и равноправным из всех договоров, которые приходилось заключать Китаю за всю его историю, и такие оценки вполне оправданны. Освобожденная Советской Армией от японцев и спасенная благодаря договору от вторжения американцев Маньчжурия превратилась в оплот китайской революции. И все, что было отвоевано у японских оккупантов и сохранено от американских интервентов, передано Советским Союзом в руки китайского народа.

В целях действительного, а не мнимого «восстановления исторической истины» требуют уточнения и другие вопросы, затрагивающие внешнюю политику СССР в отношении Китая. В порядке иллюстрации допускаемых китайскими авторами неточностей и искажений коснемся лишь одного факта: обсуждения в ООН в 1950 г. вопроса об агрессии США против Китая и поездки в этой связи в США делегации КНР во главе с У Сюцюанем. В современных китайских публикациях дело представляется так, будто не было приложено огромных усилий социалистическими странами — членами ООН, чтобы сломить сопротивление США. Утверждается, что США не препятствовали приезду делегации из Пекина, а, наоборот, желали этого, так как искали прямого «диалога» с народным Китаем [60]. Однако достаточно ознакомиться с документами ООН или перелистать страницы газет того периода, в том числе пекинских, и перед читателями предстанет совершенно иная картина: вопрос об агрессии США в действительности был внесен в ООН и включен в повестку дня как документ Советского правительства — «Протест Союза Советских Социалистических Республик по поводу агрессии Соединенных Штатов Америки против Китая» [61], и главным докладчиком по этому вопросу был не представитель КНР, а глава советской делегации А. Я. Вышинский [62]; делегация КНР была приглашена для участия в обсуждении этого вопроса по настоянию СССР как постоянного члена Совета Безопасности [63]. Как подчеркивалось в печати КНР, правительство США чинило препятствия в этом вопросе [64].

Так в действительности обстояло дело с желанием США начать «диалог» с КНР. Они пытались вести его на языке экономической блокады и военных угроз. Но всем этим попыткам народный Китай сумел успешно противостоять, опираясь на тесное сотрудничество с Советским Союзом, со всем содружеством социалистических государств, на их твердую поддержку.

Заключение

В 1985 г. народы мира отметили 40-летие Победы над гитлеровской Германией и милитаристской Японией. Многие из них заплатили за эту победу ценою огромных жертв — жизнью миллионов своих сыновей и дочерей, погибших на полях сражений, под руинами разрушенных городов и сел, замученных в фашистских лагерях смерти, погибших от голода и эпидемий, принесенных на их землю опустошительной войной.

Люди планеты хранят благодарную память о героическом подвиге советского народа и его вооруженных сил, на плечи которых историей были возложены самые тяжелые испытания и наиболее ответственная миссия — выдержать натиск фашистской Германии, разгромить ее главные силы и не только спасти от порабощения свою собственную страну, но и предотвратить гибель всей цивилизации. И советский народ с честью и до конца выполнил эту историческую миссию, принеся на алтарь победы 20 млн. человеческих жизней. Подвиг тех, кто до последнего вздоха сражался против фашистов с оружием в руках, был бы невозможен без подвига тех, кто день и ночь ковал победу на трудовом фронте.

Победа над гитлеровскими захватчиками принесла свободу не только странам Европы. Она предрешила судьбу милитаристской Японии — главного союзника Гитлера на Дальнем Востоке. Не случайно народы оккупированных японцами стран постоянно устремляли взоры в сторону Советского Союза, связывая с ним, с успехами Красной Армии на советско-германском фронте свои надежды на скорейшее избавление от японского порабощения. И Советский Союз не оставил их в беде. Как только отгремели последние залпы орудий в Европе и было водружено в Берлине победное знамя над дымящимся рейхстагом, СССР, выполняя свой интернациональный долг перед китайским, корейским и другими народами Азии и договорные обязательства перед союзниками, поспешил перебросить значительную часть своих вооруженных сил на Дальний Восток.

Как показывают приведенные в данной книге документальные свидетельства, правительства союзных держав, и прежде всего США и Англии, считали немыслимым успешно справить-

ся с Японией без помощи Советского Союза. Им мешали существовавшие между ними глубокие противоречия, несогласованность действий, отсутствие единых стратегических и тактических планов и т. д. Все их попытки эффективно использовать вооруженные силы гоминьдана и КПК оказались безрезультатными ввиду непрекращавшейся острой внутриполитической борьбы в Китае, угрожавшей в любой момент вылиться в открытую гражданскую войну. Реакционное правительство Чан Кайши стремилось сохранить для этого свои силы и возлагало все надежды в деле освобождения страны от японцев на высадку в Китае англо-американских войск. На этом же строилась и стратегия Мао Цзэдуна.

В этих условиях США и Англия с первых дней войны на Тихом океане всячески добивались вступления в борьбу с Японией СССР и не прекращали настойчивых просьб об этом даже тогда, когда у США появилось атомное оружие. Высшие американские военачальники — Дж. Маршалл, Д. Эйзенхауэр, Г. И. Керс — в докладах руководителям администрации США во время Потсдамской конференции подчеркивали, что одними воздушными бомбардировками заставить Японию капитулировать не удастся[1]. США и Англия вынуждены были считаться с тем, что Япония сохраняла мощные вооруженные силы. Военные специалисты полагали, что Япония будет в состоянии продолжать войну даже в том случае, если она потеряет собственные острова. Тогда японское правительство сможет перебазироваться в Маньчжурию и Северный Китай, где японцы располагают крупным военно-промышленным потенциалом и где они будут чувствовать себя в безопасности от ядерного оружия; одно дело сбросить атомные бомбы на Хиросиму и Нагасаки, как это сделали американцы в конце войны, другое — забросать бомбами города союзного государства — Китая. Военные специалисты США и Англии исходили из того, что война с Японией может затянуться.

Советский Союз внес в эти оценки существенные поправки. 8 августа СССР объявил войну Японии, а 9 августа его вооруженные силы вступили в сражение с японскими войсками на всем дальневосточном фронте. Это был ответ СССР на просьбу союзных государств и народов оккупированных Японией стран.

14 августа 1945 г. японское правительство вынуждено было заявить о согласии принять условия безоговорочной капитуляции, предъявленные ей в Потсдаме от имени правительств США, Великобритании и Китая. Однако японские вооруженные силы, противостоявшие Советской Армии, продолжали упорную борьбу, не желая выпустить из своих рук захваченные территории. И только после полного и окончательного разгрома советскими войсками Квантунской армии Япония подписала акт о капитуляции.

Все свободное человечество, приветствуя наступление долгожданного мира, выражало горячую благодарность советскому

народу и его вооруженным силам за проявленные мужество, стойкость, за решающий вклад во имя торжества мира и идеалов свободы на нашей планете.

Поражение фашизма в Европе и японского милитаризма на Дальнем Востоке нанесло непоправимый удар всей системе империализма и колониализма, резко изменило соотношение сил на мировой арене, в том числе в Азии, и позволило угнетенным народам подняться на решительную борьбу за свою национальную независимость и демократию. И в этой борьбе за справедливое переустройство послевоенного мира Советский Союз продолжал неизменно выступать как их самый надежный друг и союзник.

Итогами освободительной миссии Советского Союза и его вооруженных сил в Азии явилось освобождение от японских оккупантов Северо-Восточного Китая и Кореи, превращение Маньчжурии в главную опорную базу китайской революции, создание первого демократического государства на корейской земле. Участие Советского Союза в войне против Японии, его последовательная политика противодействия силам империализма и колониализма оказали огромное политическое воздействие на обстановку во всем азиатском регионе, содействовали победе революции во Вьетнаме, завоеванию независимости Индией, Бирмой и другими государствами.

Выражая глубокую признательность Стране Советов за ее освободительную миссию, Первый секретарь ЦК Трудовой партии Вьетнама Ле Зуан подчеркивал: «Советский Союз разгромил фашизм, спас человечество от ужасов фашистского ига. В результате мировая революция достигла невиданного подъема, были созданы благоприятные условия для возникновения целого ряда народно-демократических государств в Европе и Азии и для вступления на путь социалистического строительства» [2]. «Освобождение Кореи Советской Армией из-под ига японского империализма,— отмечал руководитель корейского народа и Трудовой партии Кореи Ким Ир Сен,— явилось причиной создания Народно-Демократической Республики и продвижения вперед национально-освободительного движения» [3].

Немало об этом говорилось и писалось в свое время и в Китае. «Китайский народ не забудет никогда,— заявлял в феврале 1950 г. главнокомандующий НОА маршал Чжу Дэ,— что Советский Союз и Советская Армия — наш друг и союзник, оказавший нам наибольшую помощь в нашей борьбе против империалистов с их гончими псами за национальное освобождение» [4]. «В период второй мировой войны,— отмечал он в другом своем выступлении,— советский народ, проявив беспримерный героизм и дух самопожертвования, разгромил фашистских захватчиков и внес несравнимый вклад в дело спасения человеческой цивилизации» [5]. «В 1937 г., когда вооруженные силы японского империализма вторглись в Китай,— заявлял в октябре 1949 г. секретарь ЦК КПК Лю Шаоци,— Советский Союз

первым оказал нам помощь людьми и материалами. После одержанной победы в войне на европейском фронте Советский Союз, несмотря на причиненные ему огромные разрушения, сразу же вступил в борьбу с Японией, ликвидировал японскую Квантунскую армию и помог Китаю освободить Северо-Восток» [6].

Единодушное признание выдающейся роли СССР в победе во второй мировой войне выражалось также широкой общественностью, правительственными и политическими деятелями США, Англии и других западных стран — участников борьбы против держав «оси».

Однако вскоре империалистические круги США и других западных держав, отказавшись от сложившегося в годы войны сотрудничества с Советским Союзом и нарушив совместно выработанные принципы международных и двусторонних отношений, зафиксированные в решениях Тегеранской, Крымской, Потсдамской и других конференций и в подписанных договорах и соглашениях, взяли курс на развязывание «холодной войны» против СССР и дружественных ему государств. Неблаговидная роль в ней была отведена буржуазной историографии, которая, выполняя волю правящих империалистических кругов, сделала резкий крен в сторону пересмотра оценок событий и итогов второй мировой войны с целью принизить роль СССР в победе над державами «оси» и приписать все заслуги Соединенным Штатам, в частности в разгроме милитаристской Японии. Утверждается, что США и Англия могли выиграть войну без участия Советского Союза, ибо в этом не было необходимости; преувеличиваются масштабы сражений на Тихом океане и успехи англо-американских войск, искажается решающий характер боевых действий Советской Армии для исхода войны на советско-японском фронте, пропагандируется тезис, что война была выиграна благодаря атомным бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки — таким образом стараются обелить эту ничем не оправданную преступную, античеловеческую акцию.

По мере того как отдаляются во времени события второй мировой войны, они фальсифицируются все чаще, особенно в связи с объявленным администрацией США крестовым походом против коммунизма, а также в связи с тем, что во всех странах миролюбивые народы решили широко отметить 40-летие Победы. Фальсификаторы истории пытаются доказать непричастность Соединенных Штатов к агрессии Японии против Китая, обелить их «мюнхенскую политику», предать забвению в свое время признанные самими американскими деятелями факты, что, поставляя Японии американское оружие, военную технику, стратегические материалы и т. п., «США были прямым соучастником агрессии против Китая». Американская историография и пропаганда пытаются снять ответственность с США за гражданскую войну в Китае, агрессивные действия против Китая в период корейской войны и в последующие годы. Ут-

верждается, что как в прошлом, так и теперь в основе политики США в отношении Китая были и остаются идеалы дружбы, забота о благе китайского народа, о сохранении целостности и суверенитета страны. Вашингтон ныне навязывает себя в защитники Китая от «советской угрозы». Этой лживой демагогией пытаются прикрыть подлинные факты, свидетельствующие о том, что все усилия правящих кругов США и их дипломатии всегда были направлены на то, чтобы подчинить Китай экономическим интересам американских монополий и использовать его как младшего партнера на мировой арене в борьбе против стран социализма и национально-освободительного движения в Азии и за ее пределами. При всей высокопарности заявлений американской печати и высоких официальных лиц о том, что США хотели сделать Китай великой державой, в действительности за океаном смотрели на эту страну как на сырьевой придаток американской промышленности, а на китайцев — как на «миллионы покупателей американских товаров»[7].

Ничего не изменило и не могло изменить в характере и стратегических целях политики США в отношении Китая признание ими КНР и установление дипломатических отношений. Хотя в Вашингтоне называют это «новой политикой», она по-прежнему остается от начала до конца империалистической. Этот вывод вытекает прежде всего из того, что «нормализация» американо-китайских отношений произошла, по существу, на основе выполнения китайским руководством во главе с Мао Цзэдуном основных требований, которые американская дипломатия пыталась навязать ему в конце 40-х годов. Как свидетельствуют выступления тогдашних деятелей американской администрации, печати и опубликованные за последние годы документы госдепартамента, главные из этих требований к руководству КПК были отказ от дружбы и сотрудничества с СССР и связей с международным коммунистическим движением, отказ от приверженности марксистско-ленинской идеологии[8]. Выдвигалось также требование о признании навязанной гоминьдановскому правительству американской политики «открытых дверей». Вскоре Вашингтон добавил еще одно требование — отказ от попыток освобождения Тайваня и изгнания оттуда чанкайшистов.

В тот период эти попытки не имели успеха. Не помогли Вашингтону ни военные угрозы, ни экономическая блокада, ни дипломатические ухищрения.

Однако, воспользовавшись «культурной революцией», правящие круги США решили взять реванш за поражение своей империалистической политики, за так называемую «потерю Китая». Вашингтону удалось добиться от китайского руководства выгодного для американского империализма соглашения по тайваньскому вопросу. Признав в подписанном 27 февраля 1979 г. «шанхайском коммюнике» Тайвань частью Китая, как это было признано ими еще в «Каирской декларации» 1943 г., США по-

прежнему сохраняют контроль над этим островом, используют его как «непотопляемый авианосец» и не собираются выпускать из своих рук. В «шанхайском коммюнике» и в других соглашениях между США и КНР нет заявлений о признании американской политики «открытых дверей», но американские монополии, как об этом говорят и пишут, вполне устраивает объявленная Пекином китайская политика «открытых дверей», предоставляющая широкие возможности для деятельности иностранного капитала. А в этой деятельности ведущую роль заняли монополии США и Японии.

В качестве своей платы за сближение с Пекином в США называют прием КНР в ООН и удаление оттуда тайваньских представителей. Общеизвестно, однако, что восстановление законных прав КНР в ООН произошло в результате решительной борьбы, которую вели социалистические страны — члены ООН с первого дня образования народного Китая. К их позиции присоединились многие другие государства, ряды которых в ООН значительно пополнились за последние десятилетия. США лишились «машины голосования», которую они привыкли пускать в ход, чтобы блокировать допуск КНР в ООН. В результате они оказались в вопросе о представительстве Китая в международном сообществе на грани полной изоляции.

Таковы основные черты политики США в отношении Китая. Этому экспансионистскому курсу американского империализма Советский Союз с первого дня своего существования противопоставил ленинскую политику пролетарского интернационализма и оказывал китайскому народу бескорыстную помощь на всех этапах его борьбы за национальную независимость и социалистический путь развития. Эта политика находила горячее признание со стороны китайских демократов и коммунистов, всех патриотических сил страны. Верный друг и соратник Сунь Ятсена, выдающийся общественный деятель Китая Сун Цинлин писала в 1950 г., что политика СССР отличается от политики США, «как светлый день от ночного мрака» [9]. Бывший председатель КНР, один из наиболее видных деятелей КПК, Лю Шаоци, заявил на массовом митинге в Москве в 1960 г.: «Наши общие враги — империалисты во главе с США... Давайте же теснее сплотимся и будем идти вперед рука об руку к торжеству нашего общего дела» [10].

И Советский Союз делал все, чтобы наши страны шли именно этим курсом. В период созданных китайским руководством напряженных отношений между КНР и Советским Союзом правительство СССР не ослабляло усилий, чтобы повернуть их на путь нормализации. Этим целям отвечали неоднократные инициативы советской стороны, в частности ее предложения о принятии правительствами СССР и КНР обязательств не нападать друг на друга, о заключении договора о неприменении силы, об опубликовании совместного заявления относительно принципов взаимоотношений между двумя странами и т. д.

После отказа правительства КНР от продления советско-китайского договора 1950 г. Советский Союз не раз выступал с новыми предложениями, направленными на восстановление доверия и сотрудничества. СССР предложил китайской стороне выработать общую позицию и выступить с совместными акциями против возрождения японского милитаризма. Социалистические страны обращались к китайскому руководству с призывом к совместной борьбе против объявленного американским империализмом антикоммунистического крестового похода. Был выдвинут также целый ряд других конструктивных предложений со стороны СССР и стран социалистического содружества [11].

В Советском Союзе были положительно встречены наметившиеся во второй половине 1982 г. некоторые тенденции к позитивному развитию двусторонних отношений. К ним относятся политические консультации специальных представителей правительств СССР и КНР на уровне заместителей министров иностранных дел; состоявшийся обмен визитами других официальных лиц; расширение торговли, некоторая активизация научных, культурных, спортивных связей, обмен туристическими группами. Возобновились и получили развитие прямые торговые связи между отдельными приграничными районами СССР и Китая.

Заслуживает также внимания тот факт, что в КНР стали выходить произведения классиков марксизма-ленинизма, например собрание сочинений В. И. Ленина. Изданы мемуары некоторых видных советских военачальников, героев Великой Отечественной войны, в частности маршалов Г. К. Жукова и А. М. Василевского. В китайской печати время от времени появляются статьи, авторы которых высказывают добрые слова в адрес Советского Союза, упрекают иногда своих китайских коллег в необъективности суждений, советуют им подходить при освещении вопросов истории международных отношений, касающихся СССР, не с западных буржуазных, а с марксистско-ленинских классовых позиций. Так, в статье Чжу Гуйхэна, опубликованной в газете «Цзинцзи жибао» 8 августа 1985 г., справедливо отмечалось, что свидетельством интернациональной помощи СССР, его выдающегося вклада в разгром японского милитаризма служат воздвигнутые в китайских городах памятники советским воинам, которые «символизируют дружбу, скрепленную кровью народов Китая и Советского Союза».

Надо надеяться, что идеи добрососедства в конечном счете пробьют себе дорогу в Китае. И советская сторона делала и делает все, чтобы это наступило как можно раньше.

Возрождаются взаимовыгодные связи в экономике, культуре, науке и других сферах. Это не по душе тем, кто хотел бы извлечь выгоду из обострения отношений между СССР и Китаем. Но зато это идет на пользу и обеим нашим странам, и делу оздоровления общей обстановки в мире.

10 июля 1985 г. в Москве было подписано соглашение между правительствами СССР и КНР о товарообороте и платежах в 1986—1990 гг. и соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в строительстве и реконструкции промышленных объектов в КНР. В соответствии с этими соглашениями объем торговли за указанный период должен возрасти и составить около 12 млрд. рублей, а в 1990 году — 3 млрд., т. е. почти вдвое выше уровня 1985 г. Предусматривается сотрудничество в строительстве 7 новых объектов и реконструкции 17 объектов в таких отраслях, как энергетика, черная и цветная металлургия, машиностроение, угольная промышленность, химия, транспорт и др.[12].

СССР твердо следовал и следует принципиальному курсу, подтвержденному XXVI съездом КПСС. Партия и правительство исходят из того, что не было и нет никаких объективных причин для отчуждения между советским и китайским народами. Но СССР выступал и будет выступать против недружественных проявлений в политике Китая, направленных против интересов Советского государства и других братских стран.

В своем выступлении 26 июня 1985 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. М. С. Горбачев, говоря о политике нашей партии и Советского государства в отношении Китая, подчеркнул: «...Время показало обеим странам, что от разобщенности и тем более от недружелюбия, подозрительности не выигрывает ни одна из них, а добрососедское сотрудничество вполне возможно и желательно. Мы со своей стороны намерены активно способствовать тому, чтобы негативная полоса в советско-китайских отношениях, породившая немало искусственных наслоений, была полностью преодолена. Уверен, что в конечном счете так оно и будет»[13].

Примечания

Введение

[1] Foreign Relations of the United States. 1949. Vol. 8. The Far East: China, с. 766—767. Wash., 1978 (далее: FRUS, 1949, China).
[2] *Лю Шаоци.* Об интернационализме и национализме. Шанхай, 1949, с. 20.
[3] См.: Проблемы Дальнего Востока. 1983, № 4, с. 106.
[4] Запись беседы Дж. Маршалла с президентом США от 14 декабря 1949 г. см.: FRUS, China. 1945. Vol. 7. Wash., 1970, с. 770; *R. Thornton.* China. The Struggle for Power. 1917—1972. Bloomington — London, 1973, с. 185.
[5] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 4. Пекин, 1969, с. 129, 131.
[6] Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 10.
[7] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 4, с. 534—536.
[8] Там же, с. 522.
[9] Там же, с. 523.
[10] Там же, с. 129, 143, 164.
[11] См. высказывания бывшего советника Белого дома, ученого-востоковеда М. Оксенберга в кн.: Dragon and Eagle, United States — China Relations. Past and Future. N. Y., 1978.
[12] См.: *У Сюцюань.* Восемь лет в министерстве иностранных дел (1950—1958).— Шицзе чжи ши. 1983, № 17.

Глава 1

[1] *B. Tuchman.* Stilwell and the American Experience in China, 1911—1945. N. Y., 1972, с. 180.
[2] Мэйго цинь Хуа шиляо (История американской агрессии против Китая). Пекин, 1951, с. 176—177.
[3] Congressional Records. US Senate. Vol. 84. Wash., 1939, с. 10766.
[4] *Tsou Tang.* America's Failure in China, 1941—1950. Chicago — London, 1963, с. 27.
[5] Foreign Relations of the United States, The Diplomatic Papers, 1942. China. Wash., 1952, с. 24 (далее: FRUS, 1942, China).
[6] Там же, с. 57.
[7] Там же, с. 33.
[8] Там же, с. 8.
[9] Там же, с. 101.
[10] Там же, с. 101—102.
[11] Там же, с. 101.
[12] Там же, с. 102.
[13] Там же, с. 227.
[14] Там же.
[15] Там же, с. 186.
[16] *J. Fairbank.* The United States and China. N. Y., 1962, с. 264.
[17] История внешней политики СССР. 1917—1945. Т. 1. М., 1980, с. 329—330.
[18] Там же, с. 330; Ленинская политика СССР в отношении Китая. М., 1968, с. 95—105.

[19] См.: Ленинская политика СССР в отношении Китая, с. 95—105.
[20] Там же, с. 102—103.
[21] *Б. А. Бородин.* Помощь СССР китайскому народу в антияпонской войне. М., 1964, с. 169.
[22] В. И. Ленин и советская внешняя политика. М., 1969, с. 164.
[23] *Chiang Kai-shek.* Soviet Russia in China. N. Y., 1965, с. 50, 55—57.
[24] Мао Цзэдун потребовал от командования Новой 4-й армии развернуть операции по захвату территории, контролируемой гоминьданом. Ввиду возражений со стороны командования и политуправления армии он направил к району действий части 8-й армии под командованием Чэнь И, чтобы с их помощью втянуть войска 4-й армии в борьбу с гоминьдановскими частями, расположенными в Центральном Китае. В результате произошли кровопролитные столкновения, чуть было не приведшие к гражданской войне.
[25] *Chiang Kai-shek.* Soviet Russia in China, с. 77.
[26] Там же, с. 67.
[27] Там же.
[28] *H. Feis.* The China Tangle. Princeton, 1953, с. 86—87.
[29] Там же.
[30] Там же, с. 88.
[31] Там же.
[32] История дипломатии. Т. 4. М., 1975, с. 291.
[33] Там же, с. 292.
[34] Там же.
[35] Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 2. М., 1976, с. 45—47 (далее: Переписка...).
[36] Там же.
[37] Там же, с. 48.
[38] Там же.
[39] История дипломатии. Т. 4, с. 296.
[40] *М. С. Капица.* Советско-китайские отношения. М., 1958, с. 308.
[41] История второй мировой войны. 1939—1945 гг. Т. 11. М., 1980, с. 183.
[42] Переписка. Т. 2, с. 37.
[43] *Chiang Kai-shek.* Soviet Russia in China, с. 90.
[44] См.: *А. Коган.* Национально-освободительная война китайского народа. М., 1939.
[45] Там же, с. 128.
[46] *Chiang Kai-shek.* Soviet Russia in China, с. 90.
[47] *Ху Цяому.* Тридцать лет Коммунистической партии Китая. М., 1952, с. 71.
[48] FRUS, 1942, China, с. 15.
[49] Там же.
[50] *Такусиро Хаттори.* Япония в войне 1941—1945 гг. М., 1973.
[51] История дипломатии. Т. 4, с. 290—291.
[52] История второй мировой войны. 1939—1945 гг. Т. 11, с. 13.
[53] American Military History. Wash., 1969, с. 456.
[54] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 2. М., 1958, с. 463.
[55] Цит. по: *З. Д. Каткова.* Внешняя политика гоминьдановского правительства в период антияпонской войны. М., 1978, с. 164.
[56] FRUS, 1942, China, с. 728—729.
[57] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс. Т. 2, с. 463.
[58] Roosevelt and Churchill. The Secret Wartime Correspondence. L., 1975, с. 393.
[59] FRUS, The Diplomatic Papers. The Conferences at Cairo and Tehran. 1943. Wash., 1961, с. 47; См. также *Фу Цисюэ.* Чжунго вайцзяо ши (История китайской дипломатии). Т. 2. Тайбэй, 1972, с. 642.
[60] Переписка. Т. 1, с. 211.
[61] Там же.
[62] *Фу Цисюэ.* История китайской дипломатии. Т. 2, с. 642.
[63] FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, с. 56.

64 *Фу Цисюэ*. История китайской дипломатии. Т. 2, с. 642.

65 Записка второго секретаря посольства США в Китае Дэвиса командующему американскими войсками в Китае, Бирме и Индии Дж. Стилуэллу от 5.07.1942.— FRUS, 1942, China, с. 100.

66 Там же.

67 FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, с. 314—315.

68 Там же, с. 155.

69 The China and South East Asia Command: Some Political Considerations.— FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, с. 188—189.

70 Там же.

71 Там же, с. 159.

72 Там же, с. 323—325.

73 Там же, с. 322.

74 Там же, с. 323.

75 Там же, с. 324.

76 Там же, с. 325.

77 Там же.

78 The New York Times. 12.10.1942.

79 *S. R. Chow*. Winning the Peace in Pacific. N. Y., 1944, с. 50.

80 См. обмен мнениями между США и Китаем относительно будущего статуса Кореи и по вопросу о признании временного корейского правительства.— FRUS, 1942, China, с. 702.

81 Там же.

82 Там же, с. 186.

83 Там же.

84 FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, с. 325.

85 *W. Churchill*. The Second World War. Vol. 5. L., 1952, с. 327.

86 Там же.

87 Цит. по: *B. Tuchman*. Stilwell, с. 520.

88 Там же.

89 *W. Churchill*. The Second World War. Vol. 5, с. 364.

90 *Фу Цисюэ*. История китайской дипломатии. Т. 2, с. 644.

91 Там же.

92 FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, с. 179.

93 Там же, с. 181.

94 Там же.

95 *W. Churchill*. The Second World War. Vol. 6. L., 1954, с. 181.

96 Переписка. Т. 1, с. 149.

97 История дипломатии. Т. 4, с. 409.

98 Переписка. Т. 2, с. 40—43, 76—77, 91—92.

99 Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритания (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1978, с. 90.

100 Там же, с. 91.

101 Там же.

102 Там же.

103 Там же, с. 92.

104 Там же.

105 Там же.

106 Там же, с. 91.

107 FRUS, The Diplomatic Papers, 1945, Vol. 4; The British Commonwealth, The Far East. Wash., 1969, с. 568.

108 *H. Hinton*. China Relations with Burma and Vietnam. N. Y., 1958, с. 11.

109 FRUS, 1942, China, с. 749—750.

110 *З. Д. Каткова*. Внешняя политика гоминьдановского правительства в период антияпонской войны, с. 162.

111 FRUS, 1942, China, с. 733—735.

112 *Цзян Цзеши* (*Чан Кайши*). Чжунго чжи минъюнь (Судьбы Китая). Чунцин, 1945, с. 23.

113 Советский Союз на международных конференциях. Т. 2, с. 90.

[114] Там же, с. 185.
[115] Там же, с. 93, 94.
[116] Там же, с. 94.
[117] Там же, с. 141—142.
[118] Там же.
[119] Там же.
[120] Там же.
[121] Там же, с. 95.
[122] Там же, с. 96.
[123] Правда. 07.12.1943.
[124] *B. Tuchman.* Stilwell, с. 522.
[125] Тегеран, Ялта, Потсдам. Сборник документов. М., 1970, с. 98.
[126] Цзефан жибао. 02.12.1943.
[127] Цзефан жибао. 10.12.1943.
[128] Цзефан жибао. 03.12.1943.
[129] Цзефан жибао. 10.12.1943.
[130] Там же.

Глава 2

[1] Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 2. М., 1973, с. 247.
[2] История второй мировой войны. 1939—1945 гг. Т. 11, с. 18—23.
[3] Там же.
[4] *О. Б. Борисов.* Советский Союз и маньчжурская революционная база. М., 1975, с. 66.
[5] Синхуа жибао. 21.07.1944.
[6] *R. Thornton.* China, с. 148.
[7] Синьхуа жибао. 30.07.1944.
[8] *H. Feis.* The China Tangle, с. 146—149.
[9] *R. Thornton.* China, с. 150—151.
[10] Там же, с. 151.
[11] Там же, с. 154.
[12] Там же.
[13] *B. Tuchman.* Stilwell, с. 607.
[14] Там же, с. 608.
[15] Там же, с. 620.
[16] Там же.
[17] *B. Tuchman.* If Mao Had Come to Washington.— Foreign Affaire. Wash., 1972, № 1.
[18] Lost Chance in China. The World War II Despatches of John S. Service. N. Y., 1974, с. 291.
[19] Синьхуа жибао. 15.03.1944.
[20] О. Латтимор рассказал об этом на встрече с советскими учеными-востоковедами 8 сентября 1982 г. во время пребывания в СССР. Наиболее откровенные беседы, в том числе касающиеся политики США в отношении Китая, велись между гоминьдановскими высокопоставленными лицами в неофициальной обстановке, в том числе в подземных бункерах, где они собирались во время налетов на Чунцин японских самолетов. Не замечая присутствия О. Латтимора или считая его «своим человеком», деятели гоминьдана откровенно высказывали свои мнения о политике США в отношении Китая, говорили, что помощь американцев может стоить ему очень дорого.
[21] *Chiang Kai-shek.* Soviet Russia in China, с. 84.
[22] *C. Romanus, R. Sunderland.* Time Runs out in SBI. Wash., 1959, с. 249—254.
[23] *H. Feis.* The China Tangle, с. 224.
[24] Lost Chance in China, с. 347—348.
[25] *R. Thornton.* China, с. 158.
[26] Там же, с. 158.
[27] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений. Т. 42, с. 60.
[28] Там же.

[29] Lost Chance in China, с. 355.
[30] Гоцзи дуй Хуа юйлунь (Мировое общественное мнение о Китае). Куньмин, 1945, с. 1—24.
[31] *B. Tuchman.* Stilwell, с. 514.
[32] FRUS, The Diplomatic Papers, 1948. Vol. 7. Wash., 1973, с. 461.
[33] *J. W. Pratt.* A History of the United States Foreign Policy. N. Y., 1955, с. 733—734.
[34] Forrestal Diaries. N. Y., 1951. с. 31.
[35] FRUS, The Diplomatic Papers. The Conferences at Malta and Yalta. Wash., 1955, с. 501.
[36] Переписка. Т. 1, с. 306.
[37] Там же. Т. 2, с. 171—172.
[38] См.: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. Т. 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). М., 1979, с. 12.
[39] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс. Т. 2, с. 557.
[40] Советский Союз на международных конференциях. Т. 4, с. 139.
[41] Там же, с. 145.
[42] Там же, с. 140.
[43] Там же.
[44] Там же, с. 141.
[45] FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, с. 770.
[46] Советский Союз на международных конференциях. Т. 2, с. 119—120.
[47] FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, с. 396.
[48] Там же, с. 398.
[49] Там же, с. 399.
[50] Там же, с. 390.
[51] О домогательствах США подробно см.: Переписка. Т. 2, с. 271—272.
[52] Там же, с. 278—288.
[53] *H. Feis.* The China Tangle, с. 245—246.
[54] Там же, с. 246.
[55] FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, с. 769. Впоследствии это и было сделано советской стороной, причем на 20 лет раньше, чем было предусмотрено договором с Китаем.
[56] *H. Feis.* The China Tangle, с. 247.
[57] После вывода из Маньчжурии советских войск американцы попытались с помощью своего военно-морского флота перебросить туда части гоминьдановской армии и американской морской пехоты, чтобы подавить революционно-демократические силы и прибрать Маньчжурию к рукам. Но этот порт оказался для них закрытым, а другие маньчжурские порты для таких целей были непригодны. В результате грандиозная чанкайшистско-американская операция по «реоккупации» Маньчжурии фактически сорвалась.
[58] FRUS. The Conferences at Malta and Yalta, с. 894.
[59] Там же, с. 895.
[60] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, с. 642.
[61] *В. И. Ленин.* Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала. Т. 41, с. 166.

Глава 3

[1] Сюсен сироку (Исторические документы об окончании войны). Токио, 1952, с. 235.
[2] Там же, с. 248.
[3] *J. Craig.* The Fall of Japan. N. Y., 1967, с. 35—36.
[4] Исторические документы..., с. 301—302.
[5] История дипломатии. Т. 4, с. 715.
[6] Там же.
[7] Исторические документы..., с. 443.
[8] *J. H. Boyle.* China and Japan at War 1937—1945. The Politics of Collaboration. Stanford, 1972, с. 310—311.

[9] Там же, с. 311.
[10] Там же.
[11] Там же, с. 314.
[12] *J. H. Boyle.* China and Japan at War 1937—1945, с. 310—311.
[13] История дипломатии. Т. 4, с. 695.
[14] Там же, с. 696.
[15] *J. H. Boyle.* China and Japan at War 1937—1945, с. 310—326.
[16] На английском языке имена Чэнь Гофу и Чэнь Лифу писались с буквы «С» — Chen Kuo-fu, Chen Li-fu. Отсюда и получила свое название эта группировка.
[17] *B. Tuchman.* Stilwell, с. 655.
[18] См.: *У Сянсян.* Эди цинлюэ Чжунго ши (История агрессии русского царизма в отношении Китая). Тайбэй, 1954, с. 471.
[19] Там же, с. 472.
[20] *R. Thornton.* China, с. 148—151.
[21] *O. Clubb.* China and Russia: The Greate Game. N. Y.— L., 1971, с. 341.
[22] Там же, с. 342.
[23] *У Сянсян.* История агрессии русского царизма в отношении Китая, с. 472.
[24] Там же.
[25] The Chinese Minister for Foreign Affairs (Soon) to the Ambassador in China (Hurley) temporary in Washington, 6 March, 1945.— FRUS, China, 1945. Wash., 1970, с. 65.
[26] Там же, с. 66.
[27] Там же, с. 66—67.
[28] *N. Leahy.* I Was There. L., 1950, с. 155.
[29] *H. Truman.* Memoirs. Vol. 1. N. Y., 1955, с. 228.
[30] Грю не скрывал при этом, что сам является сторонником «жесткого курса» по отношению к СССР. Позже он признавал, что постоянно проводил подобную линию и встречал при этом полную поддержку президента. «Я не припоминаю сегодня,— писал он,— никаких существенных расхождений между президентом и мною ни по какой проблеме». *J. Grew.* A Turbulent Era. A Diplomatic Record of Forty Years 1904—1945. Vol. 1—2. Boston, 1952, с. 1450.
[31] Там же, с. 1456—1457.
[32] Там же.
[33] Там же.
[34] Там же, с. 1457.
[35] Forrestal Diaries, с. 53. В комментариях к публикации дневниковых записей Форрестола главный редактор издания У. Миллис, выражая мнение определенной части правящих кругов США, высказывал сожаление, что идеи Форрестола не получили в свое время решительной поддержки. Если бы к ним «серьезно прислушались... история впоследствии могла бы пойти иным путем».
[36] *A. Harriman.* Peace with Russia. N. Y., 1960, с. 4—5.
[37] Forrestal Diaries, с. 56.
[38] *J. Byrnes.* Speaking Frankly. N. Y.— L., 1947, с. 208.
[39] Там же.
[40] Potsdam Papers. Vol. 1, с. 906.
[41] Там же.
[42] FRUS, The Diplomatic Papers. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference). 1945. Vol 1. Wash., 1960, с. 906.
[43] Forrestal Diaries, с. 51.
[44] Там же, с. 50.
[45] См.: *С. Хаяси.* Японская армия в военных действиях на Тихом океане. М., 1964, с. 164—169.
[46] *Ю. Кузнец.* От Пёрл-Харбора до Потсдама. М., 1970, с. 312.
[47] *J. Grew.* A Turbulent Era.., с. 1458.
[48] Там же, с. 1458—1459.
[49] *H. Truman.* Memoirs. Vol. 1, с. 264.
[50] *Р. Шервуд.* Рузвельт и Гопкинс, с. 634.
[51] Там же, с. 634—635.
[52] Там же.

[53] *H. Truman.* Memoirs. Vol. 1, c. 265.
[54] Архив внешней политики СССР (АВП), ф. 0100а, оп. 40, п. 248, д. 4, л. 7.
[55] См.: *R. Thornton.* China, c. 173, c. 350.
[56] *J. Grew.* A Turbulent Era, c. 1468.
[57] Переписка. Т. 2, с. 264.
[58] Цзефан жибао. 30.06.1945.
[59] Правда. 01.07.1945.
[60] АВП СССР, ф. 06, оп. 7, п. 36, д. 509, л. 35.
[61] Там же, д. 500, л. 4—5.
[62] *H. Truman.* Memoirs. Vol. 1, c. 315—316.
[63] FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, c. 325.
[64] FRUS. The Conference of Berlin. Vol. 2, c. 1587.
[65] *O. Clubb.* China and Russia, c. 379.
[66] См.: *М. С. Капица.* КНР: три десятилетия — три политики. М., 1979, с. 31; *С. Г. Юрков.* Азия в планах Пекина. М., 1981, с. 51.
[67] Нынешний преемник Чан Кайши на Тайване.
[68] АВП СССР, ф. 06, оп. 7, п. 36, д. 507, л. 1—2.
[69] Там же, л. 2.
[70] См.: *Цзян Цзинго.* Уоды фуцин (Мой отец).— Цит. по: *Фу Цисюэ.* История китайской дипломатии. Т. 2, с. 680—681.
[71] Там же.
[72] См.: *У Сянсян.* История агрессии русского царизма в отношении Китая, с. 477.
[73] Тегеран—Ялта—Потсдам. Сборник документов. М., 1971, с. 299.
[74] *У Сянсян.* История агрессии русского царизма в отношении Китая, с. 477.
[75] АВП СССР, ф. 06, оп. 7, п. 35, д. 500, л. 6.
[76] *Фу Цисюэ.* История китайской дипломатии. Т. 2, с. 677.
[77] АВП СССР, ф. 06, оп. 7, п. 35, д. 500, л. 10—12.
[78] Там же.
[79] *А. М. Ледовский.* СССР, США и народная революция в Китае. М., 1979, с. 124—128.
[80] АВП СССР, ф. 06, оп. 7, п. 35, д. 500, л. 13—14, 21—22, 27.
[81] Там же, л. 28.
[82] Там же, л. 14, 29.
[83] Там же, л. 11—14, 29.
[84] *H. Truman.* Memoirs. Vol. 1, c. 315.
[85] FRUS. The Conference of Berlin. Vol. 1, c. 861.
[86] *W. Henry.* China and Soviet Russia. N. Y.— L., 1956, c. 181.
[87] FRUS. The Conference of Berlin. Vol. 1, c. 231.
[88] Там же, с. 871.
[89] Там же, с. 1224.
[90] Там же, с. 1223.
[91] *H. Feis.* The China Tangle, c. 328.
[92] FRUS. The Conference of Berlin. Vol. 2, c. 1224.
[93] Там же, с. 1242—1243.
[94] Там же.
[95] Там же.
[96] Там же, с. 1239.
[97] Там же, с. 864.
[98] Там же, с. 1225—1226.
[99] Там же.
[100] Там же, с. 1225.
[101] Там же, с. 1226.
[102] Там же, с. 1224.
[103] *J. Byrnes.* Speaking Frankly. N. Y.— L., 1947, c. 205.
[104] FRUS. The Conference of Berlin. Vol. 2, c. 1587.
[105] *J. Byrnes.* Speaking Frankly, c. 205.
[106] *R. Thornton.* China, c. 141, 354.
[107] *H. Feis.* Japan Subdued. N. Y., 1961, c. 61—71.

[108] FRUS. The Conference of Berlin. Vol. 1, c. 11.
[109] *H. Truman*. Memoirs. Vol. 1, c. 411.
[110] Там же, с. 320.
[111] *R. Thornton*. China, c. 175.
[112] FRUS. The Conference of Berlin. Vol. 2, c. 276.
[113] Там же, с. 1245—1246.
[114] Joint Chiefs of Staff to McArthur and Nimitz, Victory out 357, 26 July 1945. CCS Decimal File 386.2. Japan Sec. 3, Rg 218. National Archives.— Цит. по: *R. Thornton*. China, c. 176.
[115] FRUS. The Conference of Berlin. Vol. 2, c. 1244.
[116] *H. Feis*. The China Tangle, c. 330.
[117] Там же, с. 331.
[118] Там же.
[119] Правда. 9.08.1945.
[120] Там же.
[121] Там же.
[122] *Rey Cline*. Washington Command Post. Wash., 1951, c. 348.
[123] *H. Truman*. Memoirs. Vol. 1, c. 434.
[124] Там же.
[125] Joint Chiefs of Staff Message. No. WARX 48004 to McArthur and Nimitz, 11 August 1945. CCS Decimal File 386. Japan Sec. 3, Rg 218. National Archives.— Цит. по: *R. Thornton*. China, c. 177, 361.
[126] *J. Alsop*. The Strange Case of Louis Budenz.— Цит. по: *H. Feis*. The China Tangle, c. 338.
[127] Цит. по: *R. Thornton*. China, c. 177, 361.
[128] Forrestal Diaries, c. 78.
[129] FRUS. The Conference of Berlin. Vol. 2, c. 1225.
[130] Там же, с. 1225—1227.
[131] *H. Feis*. The China Tangle, c. 319.
[132] FRUS. The Conference of Berlin. Vol. 2, c. 1225.
[133] Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 3. М., 1947, с. 475.
[134] Там же, с. 476.
[135] См.: *Шэн Шанвэнь*. Чжун-Су Гуаньси Цзяньши (Краткая история китайско-советских отношений). Сянган (Гонконг), 1951, с. 78.
[136] Правда. 16.08.1945.
[137] Синьхуа жибао. 17.08.1945.
[138] Цзефан жибао. 29.08.1945.
[139] История дипломатии. Т. 5. М., 1974, с. 147.
[140] См.: Collected Wartime Messages of Generalissimo Chiang Kai-shek. 1937—1945. Vol. 11. N. Y., 1946, c. 867.
[141] Цит. по: Правда. 30.08.1945.
[142] Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 3. М., 1947, с. 458.
[143] Там же, с. 474.
[144] Там же.
[145] *Мао Цзэдун*. Избранные произведения. Т. 4, с. 367.
[146] *Chiang Kai-shek*. Soviet Russia in China, c. 161.

Глава 4

[1] *Ван Вэйбин*. Вэйда цзугоды Дунбэй (Северо-Восток великой родины). Шанхай, 1954, с. 111.
[2] *П. И. Глушаков*. Маньчжурия. М., 1948, с. 144—153.
[3] Там же, с. 128.
[4] История второй мировой войны. 1939—1945 гг. Т. 11, с. 179—180.
[5] Там же, с. 180.
[6] Маньчжурия дейли ньюс. 26.01.1944.
[7] *Ван Вэйбин*. Северо-Восток великой родины, с. 64.
[8] Там же, с. 86.
[9] Там же, с. 87.
[10] Мансю ници-ници. 23.01.1944.

[11] История второй мировой войны... Т. 11, с. 180.
[12] Там же, с. 181—182.
[13] Внешняя политика СССР. Документы и материалы. Ч. 1. М., 1950, с. 461.
[14] *F. Jones*. Manchuria Since 1931. L., 1949, с. 231.
[15] Красная Звезда. 28.08.1945.
[16] См.: Цзефан жибао. 12.10.1945.
[17] Новейшая история Китая. 1917—1970. М., 1972, с. 214—216.
[18] См.: *Мао Цзэдун*. Избранные произведения. Т. 4, с. 14—15.
[19] FRUS, 1946, China. Vol. 9, с. 450—453.
[20] См.: Жэньминь жибао. 18.05.1980.
[21] Там же.
[22] *Мао Цзэдун*. Избранные произведения. Т. 4, с. 93—97.
[23] FRUS, 1946, China. Vol. 9, с. 933—945.
[24] Там же.
[25] Там же, с. 934.
[26] FRUS, 1946, China. Vol. 10, с. 1100.
[27] Там же, с. 1103—1104.
[28] Там же, с. 1101.
[29] Там же.
[30] Там же, с. 1104—1105.
[31] Там же, с. 1105.
[32] Там же.
[33] История дипломатии. Т. 5, с. 154.
[34] FRUS, 1946, China. Vol. 10, с. 1106.
[35] Там же, с. 1111.
[36] Там же, с. 1114.
[37] Там же, с. 1108—1109.
[38] Там же, с. 1122—1123.
[39] Там же, с. 1123.
[40] История дипломатии. Т. 5, с. 155.
[41] Там же.
[42] *F. Jones*. Manchuria Since 1931, с. 228.
[43] *I. Epstein*. Unfinished Revolution in China. Boston, 1947, с. 155.
[44] История дипломатии. Т. 5, с. 155.
[45] *R. Thornton*. China, с. 183; *H. Feis*. The China Tangle, с. 386.
[46] FRUS, 1946, China. Vol. 10, с. 875.
[47] *F. Jones*. Manchuria Since 1931, с. 234.
[48] Внешняя политика СССР. Т. 6. М., 1947, с. 852.
[49] Там же, с. 640, 808.
[50] FRUS, 1946, China. Vol. 9, с. 426—429.
[51] Там же, с. 813.
[52] Там же, с. 814.
[53] Там же, с. 440.
[54] Синь Чжунхуа жибао. 26.09.1946.

Глава 5

[1] FRUS, 1946, China. Vol. 10, с. 628.
[2] Там же, с. 563.
[3] Там же, с. 586.
[4] Там же, с. 894.
[5] Там же, с. 895.
[6] *H. Feis*. The China Tangle, с. 424.
[7] Очерки международных отношений в Южной, Юго-Восточной Азии и на Дальнем Востоке после второй мировой войны. М., 1975, с. 103—104.
[8] Там же.
[9] Там же.
[10] Дипломатический словарь. Т. 2. М., 1971, с. 331.
[11] Там же.
[12] Цзефан жибао. 31.12.1945.
[13] *С. Павляк*. Политика США по отношению к Китаю. М., 1976, с. 169.

[14] FRUS, 1946, China. Vol. 10, c. 684—685.
[15] Очерки международных отношений, с. 104.
[16] Там же.
[17] Там же, с. 105.
[18] Там же.
[19] Там же.
[20] *С. Павляк.* Политика США по отношению к Китаю, с. 177.
[21] FRUS, 1946, China. Vol. 10, c. 889.
[22] Там же, с. 889—890.
[23] Там же, с. 906.
[24] Там же, с. 909.
[25] Там же, с. 628.
[26] *H. Truman.* Memoirs. Vol. 2, c. 76—77.
[27] FRUS, 1946, China. Vol. 10, c. 849.
[28] Там же.
[29] Там же, с. 811.
[30] Там же, с. 837.
[31] Там же, с. 855—856.
[32] Внешняя политика СССР. Т. 6, с. 527.
[33] Там же.
[34] Там же, с. 656.
[35] Там же, с. 657.
[36] Там же, с. 767, 769.
[37] FRUS, 1946, China. Vol. 10, c. 880.
[38] Там же, с. 882.
[39] Там же, с. 884.
[40] Там же, с. 880.
[41] FRUS, 1947, China. Vol. 7, c. 610.
[42] Там же.
[43] История дипломатии. Т. 5, с. 156.
[44] FRUS, 1947, China. Vol. 7, c. 614.
[45] История дипломатии. Т. 5, с. 156.
[46] Очерки международных отношений, с. 111.
[47] FRUS, 1947, China. Vol. 7, c. 40—41.
[48] История дипломатии. Т. 5, с. 156.
[49] FRUS, 1947, China. Vol. 7, c. 614—615.
[50] Там же, с. 615—616.
[51] *T. Sparrow.* History of Personal Demobilizations. Wash., 1951, c. 380.
[52] Там же, с. 352.
[53] См.: Бюллетень агентства «Сентрал ньюс». 3.04.1946.
[54] FRUS, 1946, China. Vol. 10, c. 577.
[55] Там же.
[56] FRUS, 1946, China. Vol. 9, c. 166.
[57] Цзюго жибао. 19.07.1946.
[58] *H. Truman.* Memoirs. Vol. 2, c. 81.
[59] United States Relations with China, with Special Reference to the period 1944—1949 (The China White Paper). Wash., 1949, c. 132 (далее: The China White Paper).
[60] *J. W. Pratt.* A History of the United States Foreign Policy, c. 736.
[61] FRUS, 1947, China. Vol. 7, c. 320—324.
[62] *C. Chennault.* The Way of a Fighter. N. Y., 1949, c. XIX.
[63] Unsertain Years, Chinese-American Relations 1947—1950. N. Y., 1980, c. 167 (далее: Unsertain Years).
[64] Там же, с. 151.
[65] Там же.
[66] Цит. по: North China Daily News. 05.12.1948.
[67] *H. Truman.* Memoirs. Vol. 2, c. 91.
[68] Там же, с. 63.
[69] The China White Paper, c. 284—285.
[70] *H. Truman.* Memoirs. Vol. 2, c. 101.
[71] Там же, с. 128.

[72] *J. W. Pratt.* A History of the United States Foreign Policy, c. 736.
[73] *H. Truman.* Memoirs. Vol. 2, c. 306.
[74] FRUS, 1948, China. Vol. 7, c. 507.
[75] FRUS, 1946, China. Vol. 10, c. 1130.
[76] Там же, с. 1131.
[77] Там же, с. 1134.
[78] Там же, с. 1133.
[79] Там же, с. 1134.
[80] Там же, с. 1150.
[81] Там же.
[82] *I. Epstein.* Unfinished Revolution in China, c. 398.
[83] FRUS, 1946, China. Vol. 10, c. 1152.
[84] Там же, с. 1147.
[85] Там же, с. 1153.
[86] Там же, с. 1158—1162.
[87] Там же, с. 1157—1158.
[88] Там же, с. 1200.
[89] *М. С. Капица.* Советско-китайские отношения, с. 337—338.
[90] Там же.
[91] FRUS, 1949. China. Vol. 8, c. 1047.
[92] Там же, с. 989—992, 993—995.
[93] Там же, с. 1005.
[94] Там же, с. 1003.
[95] Там же, с. 1007—1008.
[96] Там же.
[97] Там же, с. 1011.
[98] Жэньминь жибао. 02.12.1949; FRUS, 1949, China. Vol. 8, c. 1035.
[99] FRUS, 1946, China. Vol. 9, c. 1455, 1465, 1476, 1489, 1507; Vol. 10, c. 8, 21, 35—45, 49—50.
[100] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 4, с. 367.
[101] Там же, с. 368.
[102] Там же.
[103] Там же.
[104] Там же, с. 370.
[105] Там же, с. 367—376.
[106] См.: The New York Times. 10.02.1954, c. 3.
[107] Там же.
[108] FRUS, 1949, China. Vol. 8, c. 22—23.
[109] Там же, с. 45.
[110] Там же, с. 32, 37.
[111] Там же, с. 38.
[112] Там же, с. 25.
[113] Там же, с. 27.
[114] Правда. 18.02.1949.
[115] Там же.
[116] FRUS, 1949, China. Vol. 8, c. 47.
[117] The New York Times. 19.04.1949.
[118] The New York Times. 21.04.1949.
[119] Правда. 27.01.1949.
[120] Правда. 30.01.1949.
[121] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 4, с. 371—374.
[122] The New York Times. 22.04.1949.
[123] The New York Times. 24.04.1949.
[124] The New York Times. 22.04.1949.
[125] *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 4, с. 491—494.
[126] FRUS, 1949, China. Vol. 8, c. 743—745.
[127] Там же, с. 745—747.
[128] Там же, с. 746.
[129] Там же, с. 752—753.
[130] Там же, с. 752.
[131] Там же, с. 764.

[132] Там же, с. 766.
[133] Там же, с. 769.
[134] The United States and Communist China in 1949 and 1950: The Question of Rapproachement and Recognition. Wash., 1973, c. 11.
[135] FRUS, 1949, China. Vol. 8, c. 784.
[136] *B. Tuchman*. Stilwell, c. 591.
[137] FRUS, 1949, China. Vol. 8, c. 357.
[138] Там же, с. 358.
[139] Там же, с. 358—359.
[140] После того как в начале 1949 г. Чан Кайши отправился в Фэнхуа, а МИД и другие правительственные учреждения переехали в Нанкин и Кантон, многие иностранные посольства, в том числе американское, разделились: часть работников выехала в Кантон, а часть осталась в Нанкине и находилась там до и после вступления в город НОА.
[141] FRUS, 1949, China. Vol. 8, c. 370.
[142] Там же, с. 363, 372.
[143] Там же, с. 372—373.
[144] Там же, с. 496—498.
[145] Там же, с. 384, 388.
[146] Там же, с. 397.
[147] Там же, с. 496—498.
[148] Там же, с. 498.
[149] Там же, с. 779—780.
[150] Можно отметить, например, что в связи с правооппортунистическими шатаниями, усилившимися в КПК после победы революции, освобождения крупных городов и перехода к хозяйственному строительству, руководство Северо-Восточного бюро ЦК КПК первым поставило на широкое обсуждение вопрос о борьбе с влиянием буржуазной идеологии и правом уклоне в партии. 10 января 1952 г. Бюро ЦК созвало в этой связи внеочередной пленум, обсудивший положение на Северо-Востоке. В результате выступлений коммунистов этой региональной организации указанному вопросу был придан общепартийный характер, он был вынесен на страницы центральной партийной печати. 16 февраля 1952 г. в «Жэньминь жибао» была опубликована передовая статья «О некоторых правооппортунистических тенденциях в КПК».
[151] См.: Жэньминь жибао. 16.02.1952.
[152] *Мао Цзэдун*. Избранные произведения. Т. 4, с. 533.
[153] Подробно об этом см.: Видные китайские демократы и коммунисты о Советском Союзе. М., 1981.

Глава 6

[1] *В. И. Ленин*. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 года. Т. 39, с. 318.
[2] The United States and Communist China in 1949 and 1950, c. 3.
[3] Там же, с. 15.
[4] *Лю Данянь*. Мэйго цинь Хуа ши (История американской агрессии против Китая). Пекин, 1951, с. 220.
[5] Там же, с. 217.
[6] Там же, с. 172.
[7] The United States and Communist China in 1949 and 1950, c. 15.
[8] Там же, с. 5.
[9] Там же.
[10] *Лю Данянь*. История американской агрессии против Китая. М., 1953, с. 302.
[11] Там же, с. 303.
[12] Там же, с. 304.
[13] Там же, с. 305.
[14] Жэньминь жибао. 29.10.1950.
[15] NSC 37/2, Harry S. Truman Papers, PSF/box 205, Truman Library.— Цит. по: Unsertain Years, c. 26.
[16] Там же, с. 26.

[17] Там же, с. 27.
[18] Там же, с. 28.
[19] Там же, с. 32.
[20] Там же.
[21] Жэньминь жибао. 29.10.1950.
[22] Подробно по этому вопросу см.: Жэньминь жибао. 08.01.1951; *Лю Даянь.* История американской агрессии против Китая, с. 319—321.
[23] Жэньминь жибао. 08.03.1951.
[24] The New York Times. 26.05.1949.
[25] Образование Китайской Народной Республики. Документы и материалы. М., 1950, с. 114. В апреле 1979 г. правительство КНР заявило о своем решении не пролонгировать договор на очередной срок. Таким образом, договор в одностороннем порядке был разорван китайской стороной.
[26] Там же, с. 117.
[27] Там же, с. 119.
[28] *М. С. Капица.* КНР: два десятилетия, две политики, с. 20.
[29] Народный Китай. Пекин, 1951, № 4, с. 16. .
[30] Жэньминь жибао. 14.02.1951.
[31] Там же.
[32] Там же.
[33] Там же.
[34] Там же.
[35] Там же.
[36] Жэньминь жибао. 01.01.1951.
[37] Сулянь цзешао. 1949, № 7, с. 31.
[38] Там же.
[39] Там же.
[40] Dropshot. The American Plan for War Against Russia in 1957. N. Y., 1978, с. 3.
[41] Там же.
[42] Там же.
[43] Там же, с. 6.
[44] Там же, с. 6—7.
[45] Там же, с. 7.
[46] Там же, с. 13.
[47] Там же, с. 12—13, 44—45.
[48] Там же, с. 181.
[49] Там же, с. 246.
[50] Там же, с. 15.
[51] Там же, с. 19.
[52] Там же, с. 25.
[53] Там же, с. 28, 29.
[54] Там же, с. 29.
[55] Там же.
[56] *Chiang Kai-shek.* Soviet Russia in China, с. 164.
[57] Там же, с. 165.
[58] United Nations. Official Records of the Fourth Session of the General Assembly, First Committee, Summary Records of Meetings. Sept. 20 — Dec. 6, 1949, с. 384—392.
[59] Там же.
[60] Документы ООН. Протокол 338-го заседания Первого Комитета от 25 ноября 1949 г., с. 384.
[61] Там же, с. 418—420.
[62] Там же. Протокол 400-го заседания Первого Комитета от 21 ноября 1950 г., с. 319—324.
[63] Там же, с. 324—325.
[64] Там же. Протокол 401-го заседания от 21 ноября 1950 г., с. 327.
[65] Там же, с. 325—326.
[66] Там же. Протокол 404-го заседания от 23 ноября 1950 г., с. 351.
[67] Там же, с. 353.

[1] История внешней политики СССР. Т. 2. 1945—1980. М., 1981, с. 148.
[2] Там же, с. 149.
[3] Там же, с. 156.
[4] См.: Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. 1945—1957. М., 1978, с. 138—140.
[5] *D. Acheson.* The Korean War. N. Y., 1969, с. 56—57.
[6] См.: Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы, с. 145—146.
[7] Там же, с. 146.
[8] Подробно см.: Вэйдады кан мэй юань Чао юньдун (Великая кампания сопротивления американской агрессии и оказания помощи Корее). Сб. материалов и документов. Пекин, 1954, с. 4, 7, 13, 15—17, 19, 20, 33.
[9] Там же, с. 22.
[10] Там же, с. 35.
[11] Там же.
[12] Там же, с. 36.
[13] Народный Китай. 1951, № 4, с. 16.
[14] История внешней политики СССР. Т. 2, с. 161.
[15] Внешняя политика Советского Союза. 1950. М., 1953, с. 205.
[16] Правда. 18.07.1950.
[17] Правда. 04.07.1950.
[18] См.: Великая кампания сопротивления, с. 13.
[19] United Nations. Official Records of the Fifth Session of the General Assembly, First Committee, Summary Records of Meetings, 403rd Meeting, Nov. 22, 1950, с. 367.
[20] Там же, 405th Meeting. Nov. 24, 1950, с. 375.
[21] См.: *У Сюцюань.* Восемь лет в министерстве иностранных дел (1950—1958).— Шицзе чжи ши. 1983, № 17.
[22] Жэньминь жибао. 01.12.1950.
[23] United Nations. Official Records of the 406th Meeting of the First Committee. Nov. 24, 1950, с. 385.
[24] Там же, 407th Meeting. Nov. 27, 1950, с. 389—391.
[25] Там же, с. 391.
[26] Там же, с. 393.
[27] *Ф. И. Шабшина.* Очерки новейшей истории Кореи (1945—1953). М., 1958, с. 246.
[28] См.: *У Сюцюань.* О вооруженной агрессии США в Китае. М., 1950, с. 21.
[29] *R. Thornton.* China, с. 222.
[30] Там же, с. 223.
[31] *H. Truman.* Memoirs. Vol. 2, с. 427.
[32] The New York Times. 09.07.1964.
[33] *Chiang Kai-shek.* Soviet Russia in China, с. 201.
[34] *H. Truman.* Memoirs. Vol. 2, с. 382.
[35] Там же, с. 471—472.
[36] Там же.
[37] Цит. по: *Л. И. Зубок, Н. Н. Яковлев.* Новейшая история США (1917—1968). М., 1972, с. 240.
[38] Там же, с. 568.
[39] Правда. 24.06.1951.
[40] Правда. 29.06.1951.
[41] Правда. 26.06.1951.
[42] История внешней политики СССР. Т. 2, с. 204.
[43] Там же.
[44] Правда. 30.06.1951.
[45] Великая кампания сопротивления, с. 108—109.
[46] Там же, с. 108—109.
[47] Правда. 12.11.1952.
[48] Правда. 11.11.1952.

[49] См.: Великая кампания сопротивления, с. 991—992.
[50] Правда. 02.04.1953.
[51] ООН. Генеральная Ассамблея. Седьмая сессия. Резолюции, принятые с 24 февраля по 23 апреля 1953 г., с. 4.
[52] См.: Доклад Пэн Дэхуая на VII сессии Центрального Правительственного Совета КНР 12 сентября 1953 г.— Великая кампания сопротивления, с. 392.
[53] Там же, с. 349—364.
[54] Правда. 02.08.1953.
[55] Там же.
[56] Великая кампания сопротивления, с. 378.
[57] История внешней политики СССР. Т. 2, с. 206.
[58] The New York Times. 11.01.1954.
[59] The New York Times. 19.01.1954.
[60] The New York Times. 29.01.1954.
[61] The New York Times. 28.01.1954.
[62] The New York Times. 01.02.1954.
[63] The New York Times. 29.01.1954.
[64] Цит. по: Известия. 28.01.1954.
[65] The New York Times. 28.01.1954.
[66] Известия. 27, 28.01.1954.
[67] Известия. 29.01.1954.
[68] Известия. 19.02.1954.
[69] The New York Times. 01.02.1954.
[70] Известия. 11.04.1954.
[71] Известия. 14.04.1954.
[72] Там же.
[73] Там же.
[74] Там же.
[75] См.: *Ю. Жуков, И. Плышевский, Г. Рассадин.* Три месяца в Женеве. М., 1954, с. 3.
[76] Там же, с. 21.
[77] Там же, с. 30.
[78] Там же, с. 158.
[79] Documents on American Foreign Policy, 1953. N. Y., 1954, с. 350—351.
[80] История внешней политики СССР. Т. 2, с. 207.
[81] *Ю. Жуков, И. Плышевский, Г. Рассадин.* Три месяца в Женеве, с. 50.
[82] Там же, с. 53.
[83] Международное право в избранных документах. Т. 3. М., 1957, с. 371—384; История внешней политики СССР. Т. 2, с. 207—209.
[84] The Department of State Bulletin. August 2, 1954, с. 162.
[85] Цит. по: Правда. 24.07.1954.
[86] Там же.
[87] Цит. по: Правда. 22.07.1954.
[88] Там же.
[89] Там же.
[90] Жэньминь жибао. 24.07.1954.
[91] Жэньминь жибао. 26.07.1954.
[92] Жэньминь жибао. 25.07.1954.

Глава 8

[1] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 4, с. 192—193.
[2] Там же, с. 119.
[3] The China White Paper. Vol. 1—2.
[4] См.: *Мао Цзэдун.* Избранные произведения. Т. 4, с. 519—563.
[5] *Chiang Kai-shek.* Soviet Russia in China, с. 5.
[6] Там же, с. 13.
[7] Там же, с. 5, 6.
[8] Там же, с. 149—150. Это признание Чан Кайши лишний раз свидетельствует об ошибочности позиции некоторых деятелей КПК, которые недооце-

нивали значения советско-китайских связей в период до образования КНР и постоянно предпринимали попытки к обострению отношений СССР с гоминьданом и его руководством.

[9] Там же, с. 104.

[10] Там же.

[11] Там же, с. 98.

[12] Там же, с. 152.

[13] Там же, с. 105.

[14] Там же, с. 77.

[15] Там же, с. 208.

[16] Там же, с. 195, 196.

[17] Там же.

[18] *С. Г. Юрков*. 35-летие китайской народной революции.— Проблемы Дальнего Востока. 1984, № 3.

[19] См.: Шицзе лиши. 1981, № 6, с. 73.

[20] См.: История внешней политики СССР. Т. 1, 1917—1945, с. 280.

[21] Шаньси дасюэ бао. 1981, № 3, с. 79; см.: Проблемы Дальнего Востока. 1979, № 3, с. 31.

[22] Шицзе сяньдай ши лунь вэньцы (Современная мировая история). Пекин, 1982, с. 130, 136, 340.

[23] Шицзе лиши. 1979, № 3, с. 12—14.

[24] Там же.

[25] Peoples China. Social Experimentions, Politics, Entry onto the World Scene, 1966 through 1972. N. Y., 1974, c. 3.

[26] FRUS, 1947, China. Vol. 7; FRUS, 1949, China. Vol. 8; FRUS, 1946, China. Vol. 9, 10.

[27] American Policy toward China, Round Table Discussion, Oct. 6—8, 1949. Wash., 1950, c. 408.

[28] FRUS, 1949, China. Vol. 8, c. 249—250, 257, 357—360, 368—369, 407, 436—440.

[29] Там же, с. 386—387.

[30] Там же, с. 88, 458—459.

[31] Там же, с. 641.

[32] Там же, с. 356—357.

[33] Там же, с. 461.

[34] Там же, с. 193, 356—357.

[35] Там же, с. 356—357.

[36] *Дж. Смит*. Чжунго Синь Вайцзяо Чжэнцэ (Новая внешняя политика Китая). Гонконг, 1976, с. 14.

[37] Unsertain Years, c. 50.

[38] Dragon and Eagle, c. 9, 85.

[39] Там же.

[40] Dimensions of China's Foreign Relations. N. Y.— L., 1978, c. 14.

[41] Там же, с. 11.

[42] Unsertain Years, c. 25—28, 32.

[43] *H. Truman*. United States Policy Toward Formosa.— Department of State Bulletin. Wash., XXII, № 550, January 16, 1950, c. 79.

[44] Unsertain Years, c. 42.

[45] Там же, с. 22—90.

[46] Dragon and Eagle, c. 4.

[47] Там же, с. 160, 164.

[48] Там же, с. 158.

[49] Unsertain Years, c. 54.

[50] *J. K. Fairbank*. The United States and China. Cambridge, 1972, c. 305—306.

[51] *R. Thornton*. China, c. 205.

[52] Там же.

[53] Там же, с. 205—207.

[54] Republicum China, Nationalism. War and the Rise of Communsim: 1911—1949. N. Y., 1967, c. 343—344.

[55] FRUS, 1946, China. Vol. 10, c. 89.

[56] Шицзе чжи ши. 1983, № 16, 17.
[57] Проблемы Дальнего Востока. 1985, № 1, с. 18—20.
[58] Синхо. 1983, № 7.
[59] Вторая мировая война. 1939—1945 гг. Пекин, 1983, с. 464.
[60] *У Сюцюань.* Восемь лет в министерстве иностранных дел.
[61] Цзефан жибао. 27.11.1950.
[62] Великая кампания сопротивления, с. 69.
[63] Цзефан жибао. 20.11.1950; 27.11.1950.
[64] Цзефан жибао. 28.11.1950; 19.12.1950.

Заключение

[1] FRUS. The Conference of Berlin, с. 906.
[2] *Ле Зуан.* Избранные статьи и речи. М., 971, с. 238.
[3] См.: История второй мировой войны. Т. 2, с. 283—284.
[4] Жэньминь жибао. 24.02.1950.
[5] Жэньминь жибао. 8.11.1957.
[6] *Лю Шаоци.* О китайско-советской дружбе. Пекин, 1950.
[7] Dragon and Eagle, с. 55.
[8] FRUS, 1949, China. Vol. 8, с. 746.
[9] Жэньминь жибао. 23.01.1950.
[10] Видные китайские демократы и коммунисты о Советском Союзе, с. 30.
[11] Подробнее см.: *И. Алексеев.* Важный документ в истории советско-китайских отношений.— Известия. 03.02.1985.
[12] Известия. 11.07.1985.
[13] Правда. 27.06.1985.

Summary

A. Ledovsky's book, *US Policy Towards China and Soviet Diplomacy. 1942—1954*, is the first attempt yet in Soviet and foreign historiography to examine relationships within the China-US-USSR triangle against the background of events in that period in the Far East and the world at large, which had a tremendous significance for China's future. The author deals with the place and role of the policy of the Soviet Union and the United States at crucial stages of the struggle of the Chinese people for their national and social emancipation. A vast difference is shown between the foreign policy of the USSR and the US towards China: Washington's desire to subjugate China to the interests of American monopolies and use her as a junior and yet a fairly useful partner in projecting the goals of US imperialist policy in Asia and beyond is contrasted with the Soviet Union's line of all-round assistance to the Chinese people in their drive against colonial enslavement and for freedom and independence.

China figures prominently in the discussion of the Cairo, Tehran, Crimean, Berlin (Potsdam), Moscow (1945) and Geneva (1954) conferences and other important international meetings and talks during World War II and the first decade after it, as well as the activity of Soviet and American diplomacy at the UN.

The book analyzes works by Soviet and also American, Chinese and other foreign authors on the problems in question. New documents, and materials published in the USSR and abroad mostly in recent years, as well as diaries kept by the author, who witnessed and directly participated in many of the events he describes are widely used.

The monograph invalidates attempts by American historiographers and some other foreign scholars and publicists to revise the history of World War II and post-war years, to give a more favourable content to US policy vis-à-vis China and camouflage its imperialist nature. The author exposes unsavoury tricks used to smear the foreign policy of the USSR and belittle its role in routing militarist Japan, ensuring the victory of the Chinese revolution and formation of a popular China.

The monograph is a follow-up to some of other works by Ledovsky, especially, *The USSR, the US and the Popular Revolution in China*, put out by the Nauka Publishers in 1979 and Progress Publishers in English in 1982.

The author is a specialist in Oriental studies and a career Soviet diplomat, a retired ambassador extraordinary and plenipotentiary. During World War II and after it he was in the diplomatic corps in China and later in the US and Burma, worked at the Soviet foreign ministry and other departments and organizations dealing with matters of foreign policy and international relations. More recently he has been doing research at the Institute of the Far East of the USSR Academy of Sciences.

Содержание

Андрей Мефодиевич Ледовский

КИТАЙСКАЯ ПОЛИТИКА США
И СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ
1942—1954

*Утверждено к печати
Институтом Дальнего Востока
Академии наук СССР*

Редактор *И. К. Шатуновская*
Младший редактор *Н. В. Беришвили*
Художник *В. В. Локшин*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *А. В. Шандер*

ИБ № 15228

Сдано в набор 27.05.85. Подписано к печати 22.11.85. А-14908. Формат 60×90 1/16. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 18. Усл. кр.-отт. 18,25. Уч.-изд. л. 20,45. Тираж 3500 экз. Изд. № 5700. Зак. № 468.
Цена 2 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

2 р. 20 к.

А. М. Ледовский • Китайская политика США и советская дипломатия 1942-1954